

Археология Нового времени

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-456-2.210-218>

Н. Г. Самойлович

Институт археологии РАН, Москва

Раскопки у колокольни Крестовоздвиженской церкви в Ростове Великом

Колокольня несохранившейся Крестовоздвиженской церкви расположена на северной стороне Советской площади¹, за пределами земляной крепости 1632 г., вблизи ее восточного бастиона, на свободной от застройки территории (рис. 1). Приходская деревянная церковь Воздвиженья Честного Креста отмечена в Переписной книге Ростова за 1619 г. (Титов, 1880. С. 3; план, № 11). Каменный храм на ее месте был построен при строителе Ростовского кремля митрополите Ионе Сысоевиче в 1689–1692 гг. (Мельник, 2008. С. 37–39). За время своего существования церковь неоднократно перестраивалась, в середине XVIII в. к ней пристроили трапезную, в конце XVIII в. у западной стены трапезной возвели трехъярусную колокольню в классическом стиле, увенчанную высоким шпилем (Мельник, 2008. С. 47. Илл. 1). В 1856–1861 гг. трапезная и колокольня перестроены по новому проекту (Мельник, 2008. С. 41–46) – к четырехъярусной колокольне с массивным куполом пристроены южный и северный приделы и высокое крыльцо у западного портала (рис. 2). Судя по опубликованным архивным чертежам, колокольня имела подвальное помещение (Мельник, 2008. С. 49. Илл. 3). Заложённая, возвышающаяся над уровнем дневной поверхности на 0,8 м, арка входа в подклет находится на северном фасаде.

Здание Крестовоздвиженской церкви вместе с трапезной было разрушено в начале 1930-х годов, сохранившаяся колокольня со снесенным куполом и с установленными в советское время часами до 1970-х годов использовалась как городская пожарная каланча, помещения нижнего яруса были отданы под склады. Последние 20 лет здание пустовало (рис. 3).

В 2022 г. в связи с разработкой проекта реставрации колокольни проводились спасательные археологические работы, предполагавшие археологическое сопровождение инженерно-геологических изысканий по определению устройства, глубины заложения и физического состояния ее фундаментов и позволившие проследить сохранность, стратиграфию и хронологию культурного слоя на этом малоизученном участке городской территории (Леонтьев, 2023).

Три шурфа общей площадью 17 кв. м заложены с северо-восточной, западной и южной сторон здания (рис. 4). В шурфе 1, заложённом у северо-восточного угла, после снятия дерна вдоль северной стены расчищена отмостка из кирпичной кладки на известковом растворе, занимавшая всю площадь шурфа. В восточной части шурфа под дерном залегал горизонт плотно слежавшегося кирпичного боя, очевидно, оставшегося после разрушения зданий церкви и трапезной. Под ним с глубины 0,6 м расчищены крупные валуны фундамента трапезной, примыкавшие к цоколю здания колокольни. В площадь шурфа попало сохранившееся на три ряда кирпичной кладки основание северной стены трапезной. Дальнейшие работы на участке признаны нецелесообразными и остановлены на глубине 0,8 м от дневной поверхности.

Шурф 2 площадью 2×2 м находился у северо-западного угла колокольни по ее западной стене (рис. 4). При глубине шурфа 2,7 м практически вся толща вскрытых отложений представляет собой последовательно сменяющиеся горизонты разновременных строительных работ. Верхний слой мешаной серой супеси с включениями строи-

¹ Советская площадь (бывшая Городская), по сути улица, протянувшаяся от восточных ворот кремля в северо-восточном направлении, являлась начальным участком дороги на Ярославль. Своим появлением обязана генеральному плану городской регулярной планировки 1779 г.

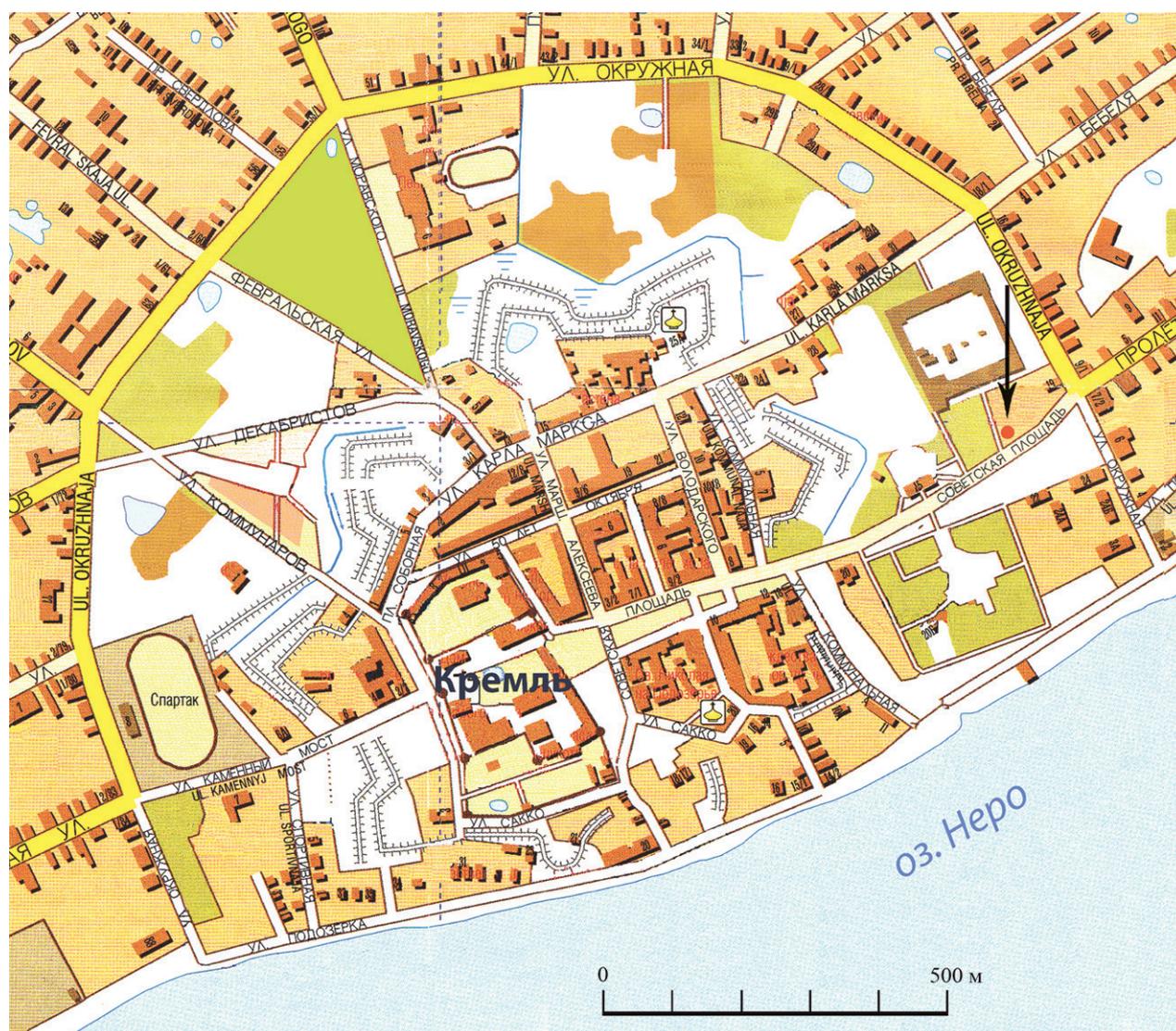

Рис. 1. План центральной части г. Ростова.
Стрелкой указано местоположение колокольни Крестовоздвиженской церкви

тельных остатков сформировался после разрушения церкви и западного крыльца в 1930-е годы и перекрывал насыщенный кирпичным боем горизонт разрушения объектов, залегавший до глубины 0,5 м. С этой глубины в южной стенке шурфа фиксируется кирпичная кладка северной стены крыльца, выступающая в площадь шурфа на 0,6 м. Ниже, до глубины около метра, залегал слой рыхлого суглинка с включениями глины, перекрывающий слой битого кирпича толщиной до 0,45 м, приуроченный к уровню верхних валунов фундамента крыльца, отмеченных на глубине 1,2–1,3 м. Это позволяет связывать этот строительный горизонт с масштабными строительными работами по возведению нового здания колокольни в 1856–1861 гг.

Восточная стенка шурфа обнажила 20 рядов кирпичной кладки заглубленной в грунт западной стены (подклета?) колокольни, сложенной из кирпичей формата $24 \times 11 \times 6$ см с включением в двух местах рядов с использованием большего кирпича. Основание кладки приходится на верх валунной части фундамента, обнаженного на глубине 1,6 м от дневной поверхности. В южной стенке шурфа расчищены кладка и основание фундамента северной стены западного крыльца (рис. 5).

На глубине 1,9–2,2 м от дневной поверхности в заполнении шурфа прослежен еще один слой строительных остатков толщиной до 0,3 м, включавший кирпичную и известковую крошку, и об-

**Рис. 2. Крестовоздвиженская церковь.
Вид с северо-запада. Фото начала XX в.**

ломки большемерного кирпича. Этот горизонт в общей стратиграфии отложений можно связать с первоначальным строительством каменной Крестовоздвиженской церкви в 1689–1692 гг.

Ниже залегал влажный темно-серый суглинок с включениями кирпичной и известковой крошки и редких угольков. На глубине 2,45 м этот слой сменился плотным слоем навоза с редкими включениями щепы и обломков досок плохой сохранности. Глубина шурфа была доведена до отметки 2,7 м, дальнейшие работы были остановлены из-за обильного поступления грунтовых вод и угрозы смещения валунов фундамента. Проведенное бурение показало, что материк на участке залегал на уровне 2,9 м.

Находок в шурфе 2 немного: под дерном, в верхнем горизонте разрушения найдены монеты 3 копейки 1940 г. и 2 копейки 1924 г. В слое, приуроченном к горизонту строительства церкви, найдены мелкие разрозненные фрагменты чернолощеной и сероглиняной посуды.

Шурф 3 размерами 2×2 м заложен у южной стены южного придела (рис. 4). На этом участке в толще вскрытых отложений не фиксируются горизонты разновременных строительных работ, отмеченные в шурфе 2. Верхняя часть слоя до глу-

бины 0,35 м у южной границы шурфа до 0,9 м у стены колокольни представляет собой рыхлую серую супесь с включениями обломков кирпичей, кирпичной крошки и извести. Под этим горизонтом, также с уклоном к северу, залегал слой темно-серого суглинка в отметках 0,35–1,65 м, мощностью до 0,7 м (рис. 6).

В северной стенке шурфа обнажилась подземная часть кирпичной кладки южной стены колокольни, сложенной на известковом растворе в 23 ряда. В основном был использован кирпич формата 24×11×6 см, но нижние четыре ряда и местами некоторые ряды выше сложены из большемерных кирпичей толщиной 7,5–8,0 см. Основание кладки стены приходится на верх валунной части фундамента, открывшегося на глубине 1,7 м от поверхности. Валуны поперечником до 0,5 м уложены рядами без раствора в песчаной засыпке с мелким гравием (рис. 7).

С глубины 1,1 м по южному краю и с глубины 1,65 м по северному, без четкой границы с вышележащим горизонтом этот слой сменился серо-коричневым суглинком с обильной примесью щепы и навоза – городским усадебным слоем, составившим всю толщу нижележащего культурного слоя. В его основании на глубине около 2,7 м зафиксированы

Рис. 3. Колокольня. Современный вид с юго-востока

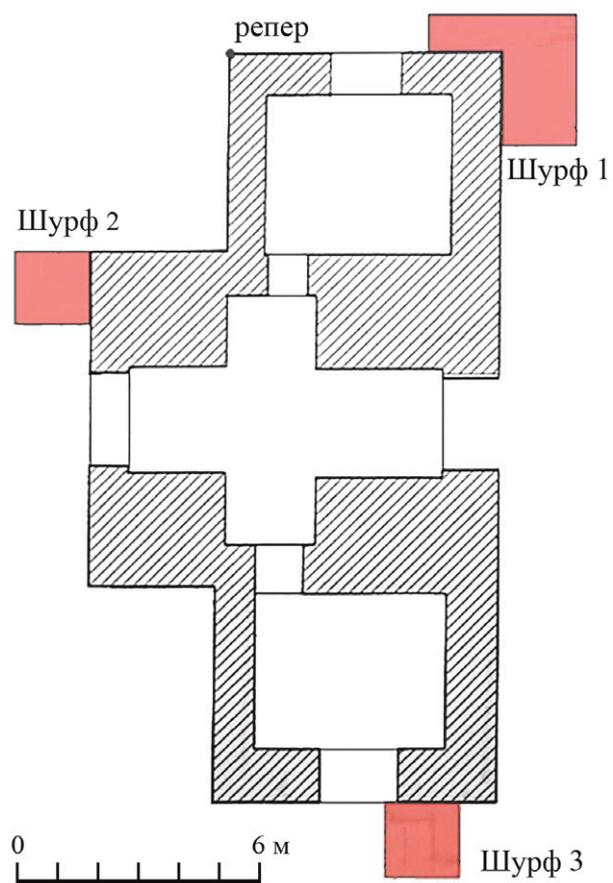

Рис. 4. План Крестовоздвиженской колокольни с указанием шурфов

Рис. 5. Шурф 2. Фундамент и кладка западной стены колокольни. Вид с запада

Рис. 6. Полный разрез культурного слоя на примере западной стенки шурфа 3

Рис. 7. Фундамент и кладка южной стены колокольни (северная стенка шурфа 3)

Рис. 8. Шурф 3. Деревянный настил на глубине 2,68–2,77 м. Вид с юга

Рис. 9. Находки из нижней части культурного слоя
 1 – стеклянная бусина; 2 – свинцовая пломба; 3 – костяной гребень;
 4 – шиферное пряслице; 5 – роговая пластинка

первые по времени следы строительной деятельности на исследованном участке: деревянный настил, небрежно собранный из обломков плах и жердей (рис. 8); под его постройку был подсыпан слой материкового суглинка толщиной до 0,15 м, перекрывавший сохранившуюся древнюю почву. Уровень материка – плотного зеленовато-серого суглинка – зафиксирован на глубине 3,1 м.

Находок, приуроченных к толще основного горизонта культурного слоя, немного. Среди них костяной гребень, шиферное пряслице, свинцовая пломба с изображением процветшего креста, стеклянная бусина эллипсоидной формы с накладными белыми нитями; в Ростове подобная происходит из горизонта XI в. Григорьевского раскопа (Самойлович, 2006. С. 378. Рис. № 43), а также заготовка пластины из рога (рис. 9). Немногочисленная коллекция керамики этого горизонта представлена обычными для Ростова формами (рис. 10, 1–12), позволяющими датировать этот горизонт в пределах второй половины XI – рубежа XI/XII – XIV в. (Кадиева, 1996).

В слое погребенной почвы найдены фрагменты лепных сосудов – горшков из грубого теста

с примесью крупной дресвы, орнаментированных насечками по краю венчика и зигзагом из гребенчатого штампа по плечу (рис. 10, 13–15). Подобная керамика известна по материалам ранних горизонтов Конюшенного раскопа и Типографского раскопа на ул. Окружной (Самойлович, 2007. Рис. 11; Нефёдов, Орлов, Самойлович, 2018. Рис. 5) и позволяет датировать начальные отложения на исследованном участке X–XI вв. Это уточняет и значительно расширяет вероятные границы древнего Ростова (ср.: Леонтьев, 2003. С. 39–40. Рис. 4).

Необходимо отметить, что в стратиграфической колонке вскрытого на участке культурного слоя отсутствуют отложения XV–XVI вв., что объясняется использованием грунта с прилегающей территории при сооружении вала земляной крепости 1632 г., о чем свидетельствуют письменные источники и результаты археологических исследований.

Статья подготовлена в рамках госзадания Института археологии РАН по теме «Сохранение археологического наследия: методические аспекты и материалы полевых исследований 2010–2020 гг.» (№ НИОКТР 122011200265-6).

Рис. 10. Керамика из шурфа 3

1–10 – фр-ты круговой керамики из нижней части культурного слоя; 11, 12 – клейма на донцах сосудов;
13–15 – фр-ты лепной керамики из слоя погребенной почвы

Литература

Кадиева Е. К., 1996. Круговая посуда Ростова конца X – XIII века: классификация, орнаментация, хронология // Сообщения Ростовского музея. Вып. VIII. Ярославль: ФГИ «Содействие». С. 173–202.

Леонтьев А. Е., 2003. От столицы княжества к уездному городу (Материалы к исторической топографии Ростова X–XIV вв.) // Русь в XIII в. Древности темного времени. М.: Наука. С. 34–47.

Леонтьев А. Е., 2023. Отчет о проведении археологических исследований в рамках разработки проекта реставрации колокольни церкви Крестовоздвижения в г. Ростове Великом в 2022 г. / Архив ИА РАН. Р-1.

Мельник А. Г., 2008. Уничтоженные храмы Ростова Великого. М.: Индрик. 288 с.

Нефёдов В. С., Орлов В. Н., Самойлович Н. Г., 2018. Типографский раскоп 2016 г. Новые данные к исторической топографии Ростова Великого // АВСЗ. М.: ИА РАН. С. 90–98.

Самойлович Н. Г., 2006. Стекланные бусы Ростова Великого // Археология Верхнего Поволжья (к 80-летию К. И. Комарова). М.: ИА РАН. С. 371–386.

Самойлович Н. Г., 2007. Конюшенный раскоп в Ростове Великом. М.: ТАУС. (МОАИ. Т. 9). 88 с.

Титов А. А., 1880. Дозорные и переписные книги древнего города Ростова. М.: Тип. М. Н. Лаврова. 67 с.

N. G. Samoylovich

Excavations at the bell tower of the Holy Cross Church in Rostov the Great

Summary

In the prospect trenches along the outer perimeter of the bell tower building, a cultural layer up to 3 m thick was investigated, in which a damp, woodchip-rich medieval cultural layer was traced, dated by ceramics and

a few finds from the second half of the 11th – 12th centuries to the 14th century. In the pre-virgin soil horizon, hand-made ware were found, allowing the initial deposits in the area to be dated to the 10th–11th centuries.

Ю. А. Лихтер

Археологические изыскания в строительстве, г. Москва

Стекло Нового времени из раскопок Казанского собора на Красной площади

При археологических работах на месте Казанского собора в 1989–1992 гг. (руководитель Л. А. Беляев) найдены разнообразные стеклянные изделия, из них 39 фрагментов датируются XVI–XIX вв.¹ Они изучены нами по методике Ю. Л. Щаповой (1989) с точки зрения морфологии и технологии. Подавляющее большинство находок – сосуды, но есть также украшения (вставки и бусы).

У всех сосудов основа выдута в форму. Разнообразные технологические приемы, использовавшиеся при создании дополнительных конструктивных элементов, описаны в соответствующих местах каталога.

Виды сосудов разнообразны. К сожалению, не всегда возможно определить их надежно. В таких случаях мы относим фрагменты к тому или иному виду условно, сомнительные атрибуции помечены знаком вопроса.

В качестве наиболее общей характеристики сосудов Ю. Л. Щапова предложила делить их по соотношению диаметров на открытые (максимальный диаметр равен диаметру края), полуоткрытые (внутренний диаметр венчика или горла меньше максимального диаметра сосуда, но больше его половины), закрытые (внутренний диаметр венчика или горла меньше половины максимального диаметра сосуда). Открытые и полуоткрытые сосуды также подразделяются по соотношению высоты и максимального диаметра. Если диаметр меньше высоты, это высокие сосуды (бокалы, кубки и т. п.), если диаметр больше высоты – низкие сосуды (чаши, блюда) (Лихтер, Щапова, 1991. С. 29).

Открытые сосуды весьма разнообразны.

Один фрагмент можно отнести к *чашам на ножках* (рис. 1, 1). От сосуда сохранилась ножка (рис. 1, 1). Как условную аналогию (по контуру нож-

ки) можно указать чаши на ножке, происходящие из Венеции и датируемые третьей четвертью XVI в. (рис. 1, А; Engels de Lange collection, 2015. Р. 70, fig. 40). Невысокий сосуд (рис. 1, 2) с двумя противопоставленными рельефными лепешками в нижней части тулова скорее можно назвать стаканом. По форме можно указать как аналогию сосуд из Германии или Италии, датируемый XVII в. (Schaich B., Schaich D., 2012. S. 16, № 529). Однако он без декора. Декор в виде рельефной лепешки часто встречается среди сосудов, найденных как в Западной Европе (*Vor dem grossen Brand...* 1992. Fig. 100), так и в Москве. В первую очередь он характерен для полых ножек бокалов, так называемых *рёмеров* (Лихтер, 2024. С. 214. Рис. I-1, 1, 2), но отмечен также и на тулове сосудов другой конструкции (Лихтер, 2024. С. 222. Рис. II-1, 2). В целом, хотя и с большой долей условности, стакан можно отнести к концу XVI – первой половине XVII в.

Три фрагмента отнесены нами к *бокалам* (рис. 2) – открытым сосудам с высоким и узким туловом. У одного, по всей вероятности, отсутствовали дополнительные конструктивные элементы (рис. 2, 1), другой на поддоне (рис. 2, 2), третий, вероятно, был на ножке с подножкой (рис. 2, 3).

Один бокал (рис. 2, 1) украшен резным декором. Как аналогию можно рассматривать сосуд из Чехии конца XVIII в. (Ciepiela, 1977. Rys. 12, s. 28). У другого на нижнюю часть наложена волнистая нить (рис. 2, 2). По форме он похож на бокал рубежа XVII–XVIII вв., найденный в некрополе Даниловского монастыря (Беляев, 1994. Табл. 102, 1), однако этот бокал без декора. Фрагменты бокалов с аналогичным декором иногда встречаются в культурном слое Москвы (Лихтер, 2024. Рис. I-4, 5, 6). Еще один фрагмент – от бокала с колоколовидным туловом, без

¹ Хранятся в Музее Москвы.

Рис. 1. Чаша и стакан

1 – чаша на ножке, ММ ОФ-29987/8; АРХ-59890, № оп. 353; 2 – стакан (?), ММ ОФ-29987/16; АРХ-59898, № оп. 354; А – Венеция, 1550–1575 гг. (Engels de Lange collection, 2015. № 40, р. 70); Б – аналогия по форме: Германия или Италия, XVII в. (Schaich B., Schaich D., 2012. S. 16, № 529); Б – аналогия по декору: Heidelberg, XVI–XVII вв. (Vor dem grossen Brand... 1992. Fig. 100)

декора (рис. 2, 3). В качестве аналогии можно указать сосуд XVIII из Голштинии (Schaich B., Schaich D., 2012. S. 27, № 584) и сосуд из Западной Европы, без указания места, датированный временем около 1720 г. (Miller's glass... 2004. P. 104, вверху слева два бокала с колоколовидным туловом).

Еще один вид открытых сосудов – *стона* (большой сосуд с коническим, расширяющимся кверху туловом). В нашем случае вокруг дна наложена ребристая нить, образующая поддон (рис. 3, 1). Сосуды подобной формы в XVII в. были широко распространены в Центральной Европе от Нидерландов до Речи Посполитой (см., например: Ruetpol, van Dongen, 1991. P. 138, № 732; p. 140, № 952; p. 192, № F5009). Близок к стопе, но конструктивно проще *стакан* (со слабо расширяющимся туловом, без дополнительных декоративных элементов) (рис. 3, 2). Как аналогию можно указать сосуд из Варшавы, датирующийся первой половиной XVIII в. (Ciepiela, 1977. Rys. 35. S. 52). Аналогичные сосуды небольшого размера принято называть *стопками* (рис. 3, 3, 4). Точной аналогии нам не удалось найти, но можно предполагать, что они относятся ко времени не ранее конца XIX в.

К открытым формам можно также отнести *лампадку* (рис. 3, 5). Небольшой невысокий сосуд с коническим, расширяющимся кверху туловом, толстостенный, сделанный из бесцветного стекла с нацветом на наружной поверхности. Судя по всему, тоже поздний.

К *полуоткрытым* сосудам в нашей выборке можно отнести кувшины и банки.

Кувшины – высокие полуоткрытые сосуды с горлом, ручкой, зачастую на поддоне. К сожалению, не всегда легко отличить верхнюю часть горла кувшина от верхней части открытых сосудов для питья – стаканов, стоп, кубков. Одним из признаков того, что мы имеем дело с фрагментами горла кувшина, а не открытых сосудов, может служить декор. В частности, навитые горизонтальные нити, зафиксированные на рассмотренных фрагментах, встречаются скорее на кувшинах, чем на стопах. Кроме того, верхний диаметр горла кувшина обычно меньше, чем верхние диаметры стоп. Напротив, диаметр низа (дна или поддона) у кувшинов больше.

В рассматриваемой выборке к ним можно отнести два фрагмента с навитой в несколько рядов горизонтальной нитью (рис. 4, 1, 2). По этому декору как аналогии можно указать два сосуда из коллекции ГИМ, атрибутированные как продукция украинских мастерских и датированные началом XVIII в. (Ашарина, 1998. Глава 3, № 3, 4). Также к кувшину можно отнести фрагмент низа – дно и волнистый поддон (рис. 4, 3). Как аналогии можно указать сосуды из Киева, датирующиеся XVII–XVIII вв. (Шовкопляс, 1974. Рис. 1, 1; Починок, Чекановский, 2015. Табл. IV, 3).

Еще одна разновидность полуоткрытых сосудов – *банки* (с цилиндрическим туловом и на-

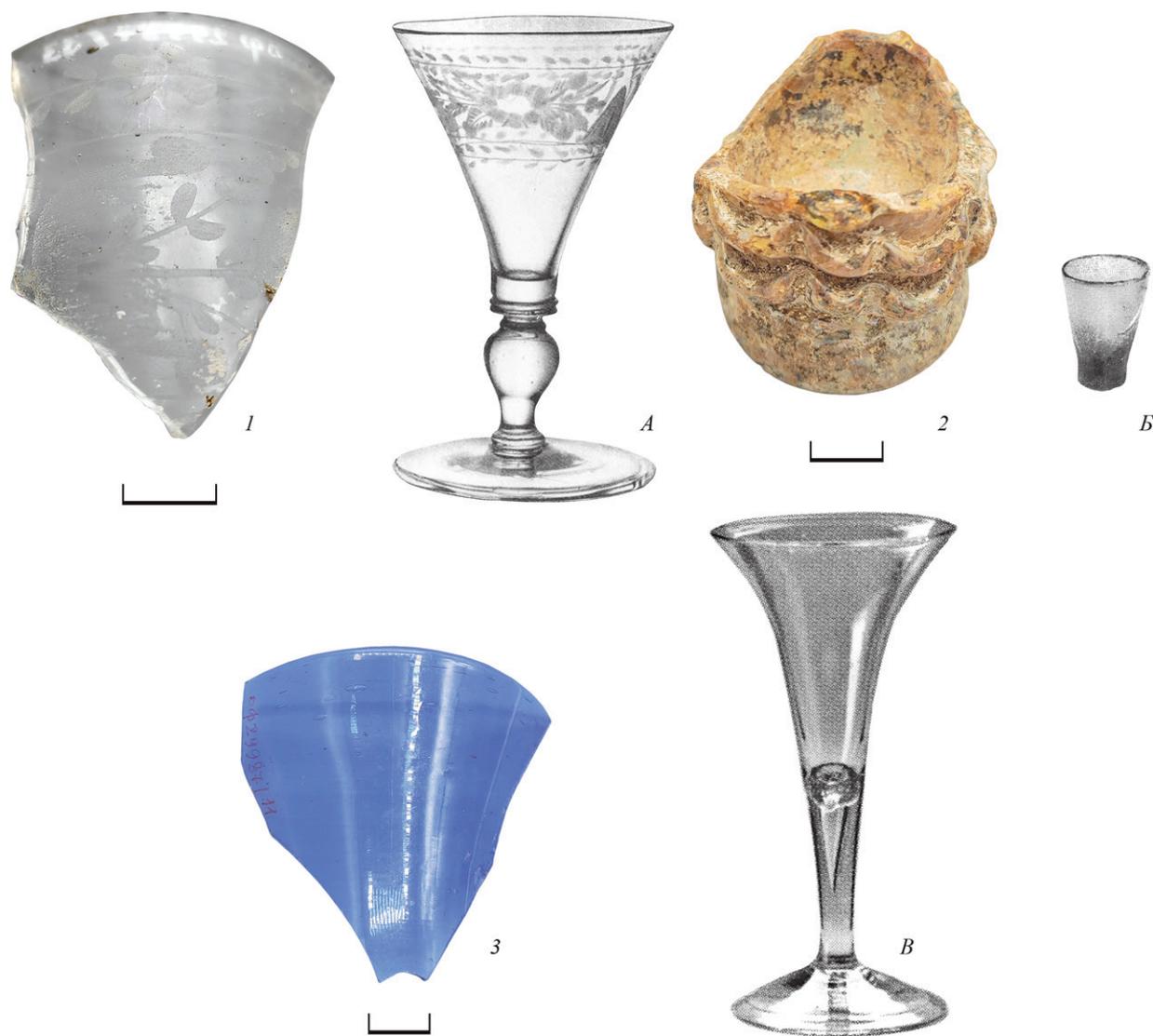

Рис. 2. Бокалы

1 – бокал (?), ММ ОФ-29987/33; АРХ-59915, № оп. 1263; 2 – бокал, ММ ОФ-29987/15; АРХ-59897, № оп. 714; 3 – бокал (?). № музейный ММ ОФ-29987/11; АРХ-59893, № оп. 643; А – Чехия, 1781–1800 гг. (Ciepiela, 1977. Rys. 12, s. 28); Б – Москва, Данилов м-рь, 1680–1750 гг. (Беляев, 1994. Табл. 102, 1); В – Зап. Европа, 1710 г. (Miller's glass... 2004. P. 99)

клонным венчиком). В нашей выборке к ним отнесены три фрагмента: (рис. 5, 1, 2). Точной аналогии нам не удалось найти, но по качеству стекла можно предполагать, что они относятся ко времени не позднее XVIII в.

Закрытые сосуды с горлом принято называть бутылками. Чаще всего это тара: *штофы* – бутылки с граненым туловом, *темные бутылки* для виноградного вина, маленькие *бутылочки* и *флаконы* для аптечной и парфюмерной продукции). Как правило, у подобных сосудов вогнутое дно.

По конструкции к ним близки сосуды, предназначенные для подачи на стол (как штофы, так и бутылки), но сделанные из стекла лучшего каче-

ства и нередко декорированные (их чаще относят к графинам). К таким штофам, вне всякого сомнения, относятся два обломка с накладными цветными нитями (рис. 6, 1, 2). Подробное описание см. далее в разделе, посвященном декору.

От простых бутылей и штофов сохранились обломки с клеймом. На одном сверху изображена корона, под ней две буквы *Θ*, еще ниже *М* (рис. 7, 1) Подобные клейма часто встречаются на российских бутылках начала XIX в. (Лихтер, 2017).

На другом обломке (рис. 7, 2) изображение сильно расплылось, сверху видна корона, ниже неопределенные буквы. Похоже, что несколько раз повторяется *О*. Это может быть клеймо как от штофа, так

Рис. 3. Стопа, стакан, стопки, лампадка

1 – стопа, ММ ОФ-29987/19; АРХ-59901, № оп. 74; 2 – стакан, ММ ОФ-29987/9; АРХ-59891, № оп. 89; 3 – стакан (стопка), ММ ОФ-29987/1; АРХ-59883, № оп. 1280; 4 – стакан (стопка?), ММ ОФ-29987/14; АРХ-59896, № оп. 487; 5 – лампадка, ММ ОФ-29987/10; АРХ-59892, № оп. б/№; А – Германия, 1550–1600 (*Ruempol, van Dongen*, 1991. P. 138, № 732); Б – Нидерланды, 1575–1625 гг. (*Ruempol, van Dongen*, 1991. P. 140, № 952); В – Нидерланды, 1600–1675 гг. (*Ruempol, van Dongen*, 1991. P. 192, № F 5009); Г – Варшава, 1701–1750 (*Ciepiela*, 1977. Rys. 35, s. 52)

Рис. 4. Кувшины

1 – кувшин, ММ ОФ-29987/22; АРХ-59904, № оп. б/№; 2 – кувшин, ММ ОФ-29987/31; АРХ-59913, № оп. 674; 3 – кувшин (?), ММ ОФ-29987/30; АРХ-59912, № оп. 173; 4 – кувшин (?), ММ ОФ-29987/29; АРХ-59911, № оп. 465; 5 – кувшин, ММ ОФ-29987/25; АРХ-59907, № оп. 619; А – украинская гута, ГИМ. 1701–1720 гг. (*Ашарина*, 1998. Глава 3, № 3); Б – украинская гута, ГИМ. 1701–1720 гг. (*Ашарина*, 1998. Глава 3, № 4); В – Киев, XVII–XVIII вв. (*Шовкопляс*, 1974. Рис. 1, 1); Г – Киев, XVII–XVIII вв. (*Починок, Чекановский*, 2015. Рис. IV, 3)

Рис. 5. Банки

1 – банка, ММ ОФ-29987/13; АРХ-59895, № оп. 6/№; 2 – банка, ММ ОФ-29987/32; АРХ-59914, № оп. 690; 3 – банка, ММ ОФ-29987/12; АРХ-59894 № оп. 717

Рис. 6. Штофы с цветными нитями

1 – ММ ОФ-29987/20 АРХ-59902, № оп. 625; 2 – ММ ОФ-29987/21 АРХ-59903, № оп. 1291; А – реконструкция (Лихтер, 2024. С. 237. Рис. V-4, А)

и от бутылки. Штофы с клеймами встречаются довольно часто как в Москве, так и в других городах, относятся, скорее всего, к рубежу XVII–XVIII вв. (Лихтер, 2024. С. 237. Рис. V-4, А).

Основу выдували в форму, горло вытягивали. Доньшки, как правило, вогнутые, на них сохраняются следы понтии (от фр. *pointe* – острие), железного прута, прикрепляемого ко дну сосуда и обеспечивающего его неподвижность при горячей доработке (Ланцетти, Нестеренко, 1987. С. 78). Судя по нашей выборке, этот прут обычно имел вид трубки. Тарные бутылки, как правило, делались из простого, естественно окрашенного стекла.

Темные бутылки для виноградных вин появились в Англии и Нидерландах около 1635–1640 гг., однако эти бутылки первоначально использовались

не для транспортировки вина, а для подачи на стол вина из бочек, хранящихся в погребе. Лишь в конце XVII в. лучшие вина начали разливать в бутылки (McNulty, 1972. Р. 146). К первой трети XVIII в. была выработана оптимальная форма для бутылей, позволяющая удобно упаковывать их в лежачем положении. Шаровидные и луковичные формы тупола сменились цилиндрическими и слабоконическими (McNulty, 1972. Р. 146, 147, fig. 1).

В нашей выборке имеются два фрагмента горлышек (рис. 7, 3, 4). На них чуть ниже края навита горизонтальная стеклянная нить (упор), предохраняющая от растекания сургуча при запечатывании бутылки. Как аналогии можно привести сосуды из Варшавы, датируемые XVIII в. (Ciepiela, 1977. Rys. 79, 83).

Рис. 7. Штофы, бутылки

1 – клеймо от бутылки, ММ ОФ-29987/34; АРХ-59916, № оп. 39; 2 – клеймо (возможно, от штофа), ММ ОФ-29987/38; АРХ-59920, № оп. 316; А – штоф с клеймом. Москва, Кадашевский туп., 3 / ул. Ордынка, 8–14, 2015 г. № 870; 3 – бутылка, ММ ОФ-29987/2; АРХ-59884 № оп. 348; 4 – бутылка, ММ ОФ-29987/3; АРХ-59885 № оп. 519; Б – Варшава, 1725–1775 гг. (Ciepiela, 1977. Rys. 79, s. 99, слева); 5 – бутылка (?), ММ ОФ-29987/23; АРХ-59905, № оп. 6/№; В – Зап. Европа, 1680–1720 гг. (McNulty, 1972. P. 147, fig. 1, верхний ряд, 2-й слева)

Также к бутылке можно отнести обломок нижней части (рис. 7, 5). Как аналогии можно указать западноевропейские бутылки (McNulty, 1972. P. 147, fig. 1, верхний и средний ряды).

К аптечно-парфюмерной таре относятся бутылочка (рис. 8, 1), как аналогию которой можно указать сосуд из Варшавы, датирующийся XVIII в. (Ciepiela, 1977. Rys. 89); и флакон (рис. 8, 2) сложной формы, в качестве аналогии которому можно указать сосуд из каталога аптечной посуды, отражающего продукцию начала XX в. (Ритинг, 1913. № 3056).

К обломкам сосудов можно отнести также фрагменты ручек (рис. 9, 1–4). Они составлены из нескольких стеклянных палочек, которые обмакнули в жидкое стекло и вытянули. Затем отрезок

получившейся полосы изогнули и прикрепили к основе сосуда. Как аналогии могут быть указаны кувшин из Киева, датируемый XVII в. (Шовкопляс, 1974. Рис. 2, 17), и кружки из Москвы, найденные в слоях XVIII в. (Лихтер, 2020. Рис. 17).

Отметим также обломки стенок, на которые наложены крупные лепешки с бугристой поверхностью (рис. 10, 1, 2). По технологии и типу они похожи на лепешки, наложенные на чашу (рис. 1, 2), однако значительно крупнее, выступы расположены свободнее, сами лепешки плоские, что может свидетельствовать о накладе на плоскую поверхность (возможно, граненое тулово).

Из 34 фрагментов сосудов восемь декорированы. На одном фрагменте – резной декор (рис. 2, 1).

Рис. 8. Флаконы

1 – бутылочка аптечная (?), ММ ОФ-29987/4; АРХ-59886, № оп. 59; 2 – флакон, ММ ОФ-29987/5; АРХ-59887, № оп. 362; А – Варшава, XVIII в (Ciepiela, 1977. Rys. 89, s. 110)

Рис. 9. Ручки

1 – ММ ОФ-29987/24; АРХ-59906, № оп. 636 (656); 2 – ММ ОФ-29987/26; АРХ-59908, № оп. 1105; 3 – ММ ОФ-29987/27; АРХ-59909, № оп. 6/№; 4 – ММ ОФ-29987/28; АРХ-59910, № оп. 6/№; А – Киев, 1601–1800 гг. (Шовкопляс, 1974. Рис. 1, 1); Б – Москва, XVIII в. (Лихтер, 2024. Рис. I-14)

Рис. 10. Налепы на сосуды

1 – ММ ОФ-29987/35; АРХ-59917, № оп. 508;
2 – ММ ОФ-29987/36; АРХ-59918, № оп. 9

Сложная композиция (описание см. в каталоге) нанесена алмазной иглой. На двух фрагментах – наклад цветных полос (рис. 6).

Фрагменты сосудов, декорированных палочками из цветного непрозрачного стекла, в Москве весьма многочисленны и неоднократно публиковались нами (Векслер, Лихтер, 2001; Лихтер, 2016; Likhтер, 2021, Лихтер, 2024. С. 32–33). Они также известны во многих городах (Вязьма, Киев, Мангазея, Томск (Белов и др., 1981. Табл. 51; Починок, Чекановский, 2015. Рис. XVI; Чёрная, 2015. 206. Рис. 195; Likhтер, 2021). Датировать их можно XVII – началом XVIII в. Мы предполагаем, что эти сосуды производились в Голландии

и поступали в Россию через Архангельск (Векслер, Лихтер, 2001, Лихтер, 2016, Likhтер, 2021).

В рассматриваемой выборке представлены только штофы – бутылки с граненым туловом. Технология изготовления подобных палочек соответствует подробно описанной Н. Н. Качаловым технологии получения венецианской филигранны или стекла *façon de Venise* (Качалов, 1959. С. 114–118). Оба фрагмента от сосудов, дополнительно закрученных. В одном случае палочки сплошные (рис. 6, 1), во втором (рис. 6, 2) чередуются сплошные палочки (красного цвета) и составные (белые). Стекло основы таких сосудов, как правило, естественно окрашенное (за счет примеси окиси железа) – серо-голубое, серое. Специально окрашенное стекло основы – редкость. Однако здесь оба фрагмента из специально окрашенного стекла (рис. 6, 1 – пурпурный средний светлый; рис. 6, 2 – сине-фиолетовый средний).

Наиболее многочислен накладной декор в цвете предмета. Самым простым вариантом можно назвать навивку горизонтальной спиральной нити на горло кувшина (рис. 4, 1, 2). Накладывали также горизонтальные волнистые нити (см., например, рис. 2, 1 – наклад двух таких нитей на нижнюю часть бокала).

Наклад специально отформованных лепешек прослежен на чаше (рис. 1, 2) и на обломках от неизвестных форм (рис. 10). Фрагменты с аналогичным декором – крупные диски с выступами – были

Рис. 11. Украшения

1 – бусина трехчастная, ММ ОФ-29987/45; АРХ-59927, № оп. 145; 2 – бусина, ММ ОФ-29987/103; АРХ-59897, № оп. 172;
3 – вставка, ММ ОФ-29987/102; АРХ-59897, № оп. 54; 4 – вставка ММ ОФ-29987/17; АРХ-59899, № оп. 615; 5 – вставка, ММ ОФ-29987/18; АРХ-59900, № оп. 1232

встречены в яме с битым стеклом, обнаруженной при раскопках на Старом Гостином дворе в 1998 г. (Векслер, Лихтер, 2012. С. 45, рис. 4, 1).

Специально отметим декор на ножке, по-видимому, от чаши (рис. 1, 1). Он представляет собой сложную композицию из вертикально наложенных нитей. На расширении в нижней части ножки они в некоторых местах соединены пинцетом таким образом, что образуют соты. Выше, там, где ножка сужается, нити идут параллельно.

Украшения представлены двумя бусинами и тремя вставками. Одна бусина округлая, трехчастная (рис. 11, 1), сделана в технике серийной навивки. Аналогии неизвестны, возможно, поздняя. Другая – в поперечном разрезе со слабо видными гранями, в продольном – эллипсоидная (рис. 11, 2). Бусы подобной формы были встречены в комплексах конца XVIII – начала XIX в. из Москвы, связанных с производством бус и серег (Лихтер, Векслер, Сударев, 2015; Лихтер, Крентинин, 2024. Рис. 2, Г).

Типология и хронология вставок не разработана. Две вставки – выпуклые эллипсоидные пластинки из полупрозрачного стекла (рис. 11, 4, 5), одна – призматической формы, из непрозрачного стекла (рис. 11, 3).

Каталог

Открытые сосуды

Рис. 1, 1. Чаша на ножке.

Фрагмент; коррозия по всей поверхности.

ММ ОФ-29987/8; АРХ-59890; № оп. 353.

Год 1991.

Форма и размеры:

Тулово округлое; эллипсоид, усеченный дважды (описано по аналогии); диаметр внизу – 3,46²; толщина внизу – 0,73.

Дно вогнутое; высота – 1,38; диаметр – 3,46; толщина – 0,73.

Ножка:

форма округлая, сложный профиль: в центре конус, усеченный сверху, выпуклый; сверху бортик, внизу шейка;

строение: полая, цельная, отдельный элемент;

размеры: высота – 6,53; диаметр – 3,24; диаметр сверху – 1,78; диаметр внизу (бортик) – 2,45; диаметр *min.* – 1,61; высота – 0,67; высота бортика – 1,01; толщина – 0,30.

Подножка:

форма округлая; конус, усеченный снизу (по аналогии);

строение: сплошная, цельная, отдельный элемент; размеры: диаметр сверху – 3,04; толщина сверху – 0,47.

Цвет основы: серый слабый полупрозрачный.

Декор: расположен на наружной поверхности ножки, выпуклый, из стекла в цвете основы. Покрывает всю поверхность. В нижней части, на расширении, выглядит как соты, выше нити вытянуты параллельно.

Техника изготовления основы:

ножка выдута и вытянута, затем прижата пинцетом. Подножка выдута в форму. Тулово, по-видимому, также выдута в форму. Тулово, ножка и подножка соединены между собой.

(На нижней поверхности ножки в центре прослеживается кольцевой скол от понтии. По контуру – кольцевой скол, по-видимому, от подножки.)

Техника нанесения декора: на ножку наложены вертикальные нити, которые внизу соединены между собой, образуя соты.

Аналогии: как аналогию можно указать чаши на ножке третьей четверти XVI в., происходящие из Венеции (Engels de Lange collection, 2015. Fig. 40).

Рис. 1, 2. Стакан (?).

Полная форма; коррозия и иризация по всей поверхности.

ММ ОФ-29987/16; АРХ-59898; № оп. 354.

Год – нет сведений.

Форма и размеры:

Высота – 4,83; диаметр – 7.

Край выпуклый расходящийся; диаметр – 6; толщина – 0,22.

Тулово округлое; конус расходящийся, усеченный снизу; высота – 4,83; диаметр сверху – 7; диаметр внизу – 5,93.

Дно вогнутое; диаметр – 5,93; толщина – 0,49.

Цвет основы: оливковый средний; стекло полупрозрачное (помутнение).

Декор: на наружной поверхности, в центре тулова, выпуклый, из стекла в цвете основы. Представляет собой две противопоставленные рельефные лепешки, напоминающие ягоды малины или ежевики. Размер лепешки – 1,57×1,51; толщина – 0,44.

Техника изготовления основы: выдувание в форму. *Техника нанесения декора:* наклад отформованной лепешки.

Аналогии: по форме неширокой чаши можно указать сосуд из Германии или Италии XVII в. (Schaich B., Schaich D., 2012. № 529). Однако он без декора. Декор в виде лепешки характерен для полых

² Размеры всюду даны в сантиметрах.

ножек бокалов, так называемых ремеров (Лухтер, 2024. С. 214. Рис. I-1, 1,2). В Москве иногда встречается и на тулове сосудов другой формы (Лухтер, 2024. С. 222. Рис. II-1, 2). В целом, хотя и по условным аналогиям, сосуд можно отнести к концу XVI – первой половине XVII в.

Рис. 2, 1. Бокал (?).

Фрагмент; сохранность стекла хорошая.
ММ ОФ-29987/33; АРХ-59915; № оп. 1263.
Год 1992.

Форма и размеры:

Край выпуклый расходящийся; диаметр – 6; толщина – 0,35.

Тулово округлое, конус расходящийся, усеченный снизу; диаметр сверху – 6; толщина сверху – 0,35; толщина внизу – 0,30.

Цвет основы: бесцветный; стекло прозрачное.

Декор: вогнутый, без дополнительных декоративных материалов, расположен на наружной поверхности тулова. Цвет декора белый ахроматический, непрозрачный.

Под краем по всей окружности тулова расположена горизонтальная полоса, к которой сверху и снизу примыкают наклонные противопоставленные овалы (вероятно, стилизованные листья). Образует рамку, выделяющую расположенное ниже изображение на поверхности тулова. Ниже размещен наклонный стилизованный стебель с листьями, возможно, повторявшийся несколько раз.

Техника изготовления основы: выдувание в форму.

Техника нанесения декора: резание алмазной иглой.

Аналогии: сосуд из Чехии конца XVIII в. (Cierpiela, 1977. Rys. 12, s. 28).

Рис. 2, 2. Бокал.

Фрагмент; коррозия по всей поверхности (толстый слой).

ММ ОФ-29987/15; АРХ-59897; № оп. 714.

Год 1992.

Форма и размеры:

Тулово округлое; конус расходящийся, усеченный снизу; диаметр внизу – 4,46; толщина внизу – 0,90.

Дно плоское; диаметр – 4,46; диаметр внутри – 2,64; высота (толщина) – 2,07.

Декор: на наружной поверхности, в нижней части тулова выпуклый, из стекла в цвете основы. Представляет собой две горизонтально расположенные волнистые линии.

Цвет и прозрачность стекла основы и стекла декора нельзя установить из-за покрывающего их толстого слоя коррозии.

Техника изготовления основы: выдувание в форму.

Техника нанесения декора: наклад нити.

Аналогии: по форме похож на бокал рубежа XVII–XVIII вв., найденный в некрополе Даниловского монастыря (Беляев, 1994. табл. 102,1), однако он без декора. Фрагменты бокалов с аналогичным декором иногда встречаются в культурном слое Москвы (Лухтер, 2020. Рис. 6, 3,4).

Рис. 2, 3. Бокал (?).

Фрагмент; сохранность стекла хорошая.

ММ ОФ-29987/11; АРХ-59893; № оп. 643.

Год 1992.

Форма и размеры:

Край выпуклый, расходящийся; диаметр – 7,5; толщина – 0,26.

Тулово округлое; конус расходящийся, усеченный снизу, вогнутый; диаметр сверху – 7,5; толщина сверху – 0,26.

Цвет основы: сине-фиолетовый средний; стекло прозрачное.

Техника изготовления основы: выдувание в форму.

Аналогии: в качестве аналогии можно указать сосуд XVIII в. из Голштинии (Schaich B., Schaich D., 2012. S. 27, № 584) и западноевропейский сосуд без указания места, датированный временем около 1720 г. (Miller's glass... 2004. P. 104, вверху слева два бокала с колоколовидным туловом).

Рис. 3, 1. Стопа.

Фрагмент; (поддон) коррозия во всем объеме.

ММ ОФ-29987/19; АРХ-59901; № оп. 74.

Год 1992.

Форма и размеры:

Тулово округлое; конус расходящийся, усеченный снизу; диаметр внизу – 6; толщина внизу – 0,61.

Дно вогнутое (?); диаметр – 6; толщина – 0,55.

Поддон:

форма: ребристый конический, кольцо;

строение: сплошной, цельный, отдельный элемент;

место: вокруг сосуда;

размеры: высота – 0,76; диаметр сверху – 6; диаметр внизу – 7; ширина – 0,89.

Цвет основы: нельзя установить; стекло непрозрачное.

Техника изготовления: основа выдута в форму; для изготовления поддона на тулово внизу навита толстая нить, на которую вертикальными ударами ножа нанесены ребра.

Аналогии: сосуды подобной формы в XVII в. были широко распространены в Центральной Европе от Нидерландов до Речи Посполитой. См., например: Ruetpol, van Dongen, 1991. P. 138, № 732; p. 140, № 952; p. 192, № F5009.

Рис. 3, 2. Стакан.

Полный профиль; иризация по всей поверхности.
ММ ОФ-29987/9; АРХ-59891; № оп. 89.

Год 1992.

Форма и размеры:

Высота – 10,24.

Край выпуклый расходящийся; диаметр – 8; толщина – 0,27.

Тулово округлое; конус расходящийся, усеченный снизу; высота – 10,24; диаметр сверху – 8; диаметр внизу – 6; толщина сверху – 0,27.

Дно плоское; диаметр – 6; толщина – 0,67.

Цвет основы: серо-голубой слабый; стекло прозрачное.

Техника изготовления основы: выдувание в форму.

Аналогии: сосуд из Варшавы, датирующийся первой половиной XVIII в. (Ciepiela, 1977. Rys. 35, s. 52).

Рис. 3, 3. Стакан (стопка).

Полная форма; коррозия по всей поверхности.

ММ ОФ-29987/1; АРХ-59883; № оп. 1280.

Год 1992.

Форма и размеры:

Высота – 7,43; диаметр – 5,19.

Край выпуклый расходящийся; диаметр – 5,19; толщина – 0,22.

Тулово: ребристое; конус расходящийся, усеченный снизу; высота – 7,43; диаметр сверху – 5,19; диаметр внизу – 4,58; толщина сверху – 0,22.

Дно вогнутое; диаметр – 4,58.

Цвет основы: серый слабый; стекло полупрозрачное.

Техника изготовления основы: выдувание в форму.

Аналогии: неизвестны.

Рис. 3, 4. Стакан (стопка?).

Фрагмент; коррозия и иризация по всей поверхности.

ММ ОФ-29987/14; АРХ-59896; № оп. 487.

Год 1991.

Форма и размеры:

Тулово округлое; конус расходящийся, усеченный снизу; диаметр внизу – 5,25; толщина внизу – 0,24.

Дно вогнутое; диаметр – 5,25; толщина – 0,22.

Цвет основы: серо-голубой слабый; стекло прозрачное.

Техника изготовления основы: выдувание в форму.

Аналогии: неизвестны.

Рис. 3, 5. Лампадка.

Фрагмент; потертости на наружной поверхности, иризация внутри.

ММ ОФ-29987/10; АРХ-59892, № оп. б/№.

Год 1989.

Форма и размеры:

Тулово округлое; конус расходящийся, усеченный снизу; диаметр внизу – 3,0; толщина внизу – 0,4.

Дно вогнутое; диаметр – 3,0; диаметр внутри – 2,14; толщина – 0,52.

Цвет основы: бесцветный; стекло прозрачное.

Цвет поверхности: красный сильный, стекло непрозрачное.

Техника изготовления основы: выдувание в форму; нанесение слоя цветного стекла на бесцветную основу (нацвет).

Аналогии: неизвестны.

Полуоткрытые

Рис. 4, 1. Кувшин.

Фрагмент; коррозия по всей поверхности.

ММ ОФ-29987/22; АРХ-59904; б/№ оп.

Год 1992.

Форма и размеры:

Горло округлое; конус расходящийся, усеченный снизу (?); толщина – 0,19.

Цвет основы: серо-голубой средний светлый; стекло непрозрачное, (коррозия).

Декор: на наружной поверхности, в нижней части тулова, выпуклый, из стекла в цвете основы. Представляет собой горизонтально расположенные линии. По-видимому, на целом сосуде это была одна спиральная нить.

Техника изготовления основы: выдувание в форму.

Техника нанесения декора: навивка.

Аналогии: два сосуда из коллекции ГИМ, атрибутированные как продукция украинских мастеровских и датированные началом XVIII в. (Ашарина, 1998. Глава 3, рис. 3, 4).

Рис. 4, 2. Кувшин.

Фрагмент; коррозия и иризация по всей поверхности.

ММ ОФ-29987/31; АРХ-59913; № оп. 674.

Год 1992.

Форма и размеры:

Край выпуклый расходящийся, ровный; диаметр – 7; толщина – 0,27.

Горло округлое; конус расходящийся, усеченный снизу (?); диаметр – 7; толщина сверху – 0,27; толщина внизу – 0,32.

Цвет основы: оливковый средний светлый; стекло прозрачное.

Декор: на наружной поверхности, в нижней части тулова выпуклый, из стекла в цвете основы. Представляет собой горизонтально расположенные ли-

нии. По-видимому, на целом сосуде это была одна спиральная нить.

Техника изготовления основы: выдувание в форму.

Техника нанесения декора: навивка.

Аналоги: два сосуда из коллекции ГИМ, атрибутированные как продукция украинских мастеровских и датированные началом XVIII в. (*Ашарина*, 1998. Глава 3, рис. 3, 4).

Рис. 4, 3. Кувшин (?).

Обломок; коррозия по всей поверхности.

ММ ОФ-29987/30; АРХ-59912; № оп. 173.

Год 1992.

Форма и размеры:

Край выпуклый расходящийся, ровный; диаметр – 9; толщина – 0,22.

Горло округлое; конус расходящийся, усеченный снизу.

диаметр сверху – 9; толщина сверху – 0,22.

Цвет основы: серо-голубой слабый; стекло прозрачное.

Техника изготовления основы: выдувание в форму.

Аналоги: неизвестны.

Рис. 4, 4. Кувшин (?).

Обломок (венчик); коррозия (помутнение).

ММ ОФ-29987/29; АРХ-59911; № оп. 465.

Год 1991.

Форма и размеры:

Край выпуклый параллельный ровный; диаметр – 10; толщина – 0,17.

Венчик вертикальный вниз; высота – 0,91; диаметр – 10; ширина (толщина) – 0,17.

Горло (тулово) округлое, эллипсоид (?); диаметр сверху – 10; толщина сверху – 0,10.

Цвет основы: серо-голубой слабый; стекло прозрачное.

Техника изготовления основы: выдувание в форму.

Аналоги: неизвестны.

Рис. 4, 5. Кувшин.

Фрагмент; коррозия и иризация по всей поверхности.

ММ ОФ-29987/25; АРХ-59907; № оп. 619.

Год – нет сведений.

Форма и размеры:

Тулово округлое; эллипсоид, усеченный снизу; диаметр внизу – 12; толщина – 0,40.

Дно вогнутое; диаметр – 12; толщина – 0,58.

Поддон:

форма: ребристый, конич. кольцо;

строение: сплошной, цельный, отдельный элемент;

место: вокруг сосуда;

размеры: высота поддона – 1,18; диаметр поддона сверху – 12; диаметр поддона внизу – 15; ширина поддона – 1,46.

Цвет основы: оливковый средний светлый; стекло прозрачное.

Техника изготовления: основа выдута в форму; для изготовления поддона на тулово внизу навита толстая нить, на которую вертикальными ударами ножа нанесены ребра.

Аналоги: сосуды из Киева XVII–XVIII вв. (*Шовкопляс*, 1974. Рис. 1, 1; *Починок, Чекановский*, 2015. Табл. IV, 3).

Рис. 5, 1. Банка.

Фрагмент; коррозия и иризация по всей поверхности.

ММ ОФ-29987/13; АРХ-59895; б/№ оп.

Год 1989.

Форма и размеры:

Край острый параллельный; ровный; диаметр – 13; толщина – 0,26.

Венчик наклонный наружу, ровный; высота – 3,18; диаметр сверху – 13; диаметр внизу – 11; диаметр внутри – 9; толщина сверху – 0,26; толщина внизу – 0,49.

Тулово округлое, эллипсоид усеченный (?).

Цвет основы: оливковый средний; стекло непрозрачное.

Техника изготовления: основа выдута в форму; венчик сформован прессованием специальными щипцами верхней части заготовки.

Аналоги: неизвестны.

Рис. 5, 2. Банка. Фрагмент; коррозия и иризация по всей поверхности.

ММ ОФ-29987/32; АРХ-59914; № оп. 690.

Год 1992.

Форма и размеры:

Край выпуклый, расходящийся, ровный; диаметр – 14; толщина – 0,38.

Венчик наклонный внутрь, дугообразный; высота – 2,31; диаметр сверху – 14; диаметр внизу – 11; диаметр внутри – 10; толщина сверху – 0,38; толщина внизу – 0,45.

Тулово округлое, эллипсоид усеченный (?); диаметр сверху – 11; толщина сверху – 0,45.

Цвет основы: желто-зеленый средний; стекло прозрачное.

Техника изготовления: основа выдута в форму; венчик сформован прессованием специальными щипцами верхней части заготовки.

Аналоги: неизвестны.

Рис. 5, 3. Банка.

Фрагмент; коррозия и иризация по всей поверхности. ММ ОФ-29987/12; АРХ-59894; № оп. 717.

Год 1992.

Форма и размеры:

Край выпуклый, расходящийся; диаметр – 16; толщина – 0,42.

Венчик наклонный внутрь, дугообразный; высота – 1,12; диаметр вверху – 16; диаметр внизу – 12; диаметр внутри – 9; толщина вверху – 0,42; толщина внизу – 0,42.

Тулово округлое, эллипсоид усеченный?; диаметр вверху – 12; толщина вверху – 0,42.

Цвет основы: серо-голубой средний; стекло прозрачное.

№ оп. 717: основа выдута в форму, венчик сформован прессованием специальными щипцами верхней части заготовки.

Аналоги: неизвестны.

Закрытые

Рис. 6, 1. Штоф.

Фрагмент; коррозия на наружной поверхности.

ММ ОФ-29987/20 АРХ-59902; № оп. 625.

Год 1992.

Форма и размеры:

Венчик наклонный внутрь, нельзя установить; толщина вверху – 0,45.

Тулово граненое; толщина – 0,24.

Цвет основы: пурпурный средний светлый; стекло прозрачное.

Декор: на наружной поверхности, на тулове, выпуклый, из цветных стеклянных палочек. Представляет собой наклонно расположенные полосы.

Цвет декора: красно-коричневый сильный; белый ахроматический; стекло непрозрачное.

Техника изготовления основы: выдувание в форму, раздувание, закручивание.

Техника нанесения декора: наклад палочек.

Аналоги: в Москве подобные сосуды весьма многочисленны и неоднократно публиковались нами (Векслер, Лихтер, 2001; Лихтер, 2016; Likhтер, 2021). Они также известны во многих городах (Мангазья – Белов и др., 1981. Табл. 51; Киев – Починок, Чекановский, 2015. Рис. XVI; Вязьма, Томск – Чёрная, 2015. С. 206. Рис. 195). Датировать их можно XVII – началом XVIII в. Мы предполагаем, что эти сосуды производились в Голландии и поступали в Россию через Архангельск.

Рис. 6, 2. Штоф.

Обломок; коррозия по всей поверхности.

ММ ОФ-29987/21 АРХ-59903; № оп. 1291.

Год 1992.

Форма и размеры:

Тулово граненое; толщина – 0,39.

Цвет основы: сине-фиолетовый средний; стекло прозрачное.

Декор: на наружной поверхности, на тулове, плоский, из цветных стеклянных палочек. Представляет собой наклонно расположенные полосы.

Цвет декора: красно-коричневый сильный; белый ахроматический; стекло непрозрачное.

Техника изготовления основы: выдувание в форму, раздувание, закручивание.

Техника нанесения декора: наклад палочек сплошных (красные) и составных (белые).

Аналоги: в Москве подобные сосуды весьма многочисленны и неоднократно публиковались нами (Векслер, Лихтер, 2001; Лихтер, 2016; Likhтер, 2021). Они также известны во многих городах (Мангазья – Белов и др., 1981. Табл. 51; Киев – Починок, Чекановский, 2015. Рис. XVI; Вязьма, Томск – Чёрная, 2015. С. 206. Рис. 195). Датировать их можно XVII – началом XVIII в. Мы предполагаем, что эти сосуды производились в Голландии и поступали в Россию через Архангельск.

Рис. 7, 1. Клеймо от бутылки.

Обломок; коррозия и иризация по всей поверхности. ММ ОФ-29987/34; АРХ-59916; № оп. 39.

Год 1989.

Форма и размеры:

Тулово округлое (?); толщина – 0,26.

Клеймо:

место расположения: тулово снаружи.

Форма: круглое с бортиком.

Размеры: высота (толщина) – 0,54; диаметр – 2,96.

Изображение: в верхнем ряду 2 буквы «фита» (Ф), между ними корона, в нижнем ряду прописная М.

Цвет основы: оливковый средний полупрозрачный (коррозия).

Техника изготовления основы: выдувание.

Техника изготовления клейма: налп капли, затем отпрессованной штампом.

Аналоги: похожий фрагмент есть на Манежной площади (раскопки 1993 г., р-п 1, № оп. 1029).

Рис. 7, 2. Клеймо (возможно, от штофа).

Обломок; коррозия и иризация по всей поверхности. ММ ОФ-29987/38; АРХ-59920; № оп. 316.

Год 1992.

Форма и размеры:

Тулово граненое (?), толщина – 0,29.

Цвет основы: желто-зеленый средний светлый; стекло полупрозрачное.

Клеймо:

место расположения: тулово снаружи.

Форма: неправильный эллипс.

Размеры: высота (толщина) – 0,55; длина – 2,70; ширина – 2,52.

Изображение сильно расплылось,верху изображение короны, ниже неопределенные буквы. Похоже, что несколько раз повторяется О.

Техника изготовления основы: выдувание в форму.
Техника изготовления клейма: налп капли, затем отпрессованной штампом.

Аналогии: штофы с клеймами встречаются довольно часто как в Москве, так и в других городах; относятся, скорее всего, к рубежу XVII–XVIII вв. (Векслер, Лихтер, 2014. С. 247–250).

Рис. 7, 3. Бутыль.

Фрагмент; коррозия по всей поверхности.

ММ ОФ-29987/2; АРХ-59884; № оп. 348.

Год 1992.

Форма и размеры:

Край плоский, неровный; диаметр – 2,45; толщина – 0,34.

Упор горизонтальный округлый; высота (толщина) – 0,60; диаметр – 2,87; ширина – 0,48.

Горло округлое; конус расходящийся, усеченный сверху, вогнутый; диаметр сверху – 2,45; толщина сверху – 0,34; толщина внизу – 0,33.

Цвет основы: оливковый средний; стекло непрозрачное.

Техника изготовления: основа выдута, горло вытянуто, на верхнюю часть горла навита нить (упор).

Аналогии: сосуды из Варшавы, датирующиеся XVIII в. (Ciepiela, 1977. Rys. 79, 83).

Рис. 7, 4. Бутыль.

Фрагмент; коррозия и иризация по всей поверхности.

ММ ОФ-29987/3; АРХ-59885; № оп. 519.

Год 1992.

Форма и размеры:

Край плоский, ровный, асимметричный наружу; диаметр – 3; толщина – 0,46.

Упор горизонтальный округлый; высота (толщина) – 0,93; диаметр – 3,5; ширина – 0,32.

Горло округлое; конус усеченный, сверху ровный; диаметр сверху – 3; толщина сверху – 0,46; толщина внизу – 0,41.

Цвет основы: оливковый средний; стекло полупрозрачное.

Техника изготовления: основа выдута, горло вытянуто, на верхнюю часть горла навита нить (упор).

Аналогии: сосуды из Варшавы, датирующиеся XVIII в. (Ciepiela, 1977. Rys. 79, слева).

Рис. 7, 5. Бутыль (?).

Фрагмент; коррозия по всей поверхности.

ММ ОФ-29987/23; АРХ-59905; б/№ оп.

Год – нет сведений.

Форма и размеры:

Тулово округлое, шар (эллипсоид), усеченный дважды (реконструкция); толщина внизу – 0,31.

Дно вогнутое (реконструкция); толщина – 0,28.

Цвет основы: оливковый средний светлый; стекло полупрозрачное (помутнение).

Техника изготовления основы: выдувание.

Аналогии: бутылки в верхнем и среднем рядах таблицы (McNulty, 1972. Fig. 1).

Рис. 8, 1. Бутылочка аптечная (?).

Фрагмент; коррозия и иризация по всей поверхности.

ММ ОФ-29987/4; АРХ-59886; № оп. 59.

Год 1992.

Форма и размеры:

Край острый, неровный, асимметричный, наружу; диаметр – 2,23; толщина – 0,22.

Венчик наклонный наружу, ровный; высота – 0,56; диаметр сверху – 2,23; диаметр внизу – 1,68; диаметр внутри – 1,19; толщина сверху – 0,22; ширина – 0,62.

Горло округлое; конус расходящийся, усеченный, сверху ровный; высота – 4,99; диаметр сверху – 1,68; диаметр внизу – 2,26; толщина внизу – 0,22.

Тулово округлое (конус или цилиндр); толщина сверху – 0,21.

Цвет основы: оливковый средний светлый; стекло полупрозрачное.

Техника изготовления: основа выдута, затем вытянуто горло и отогнут венчик.

Аналогии: сосуд из Варшавы, датируемый XVIII в. (Ciepiela, 1977. Rys. 89).

Рис. 8, 2. Флакон.

Полная форма; сохранность стекла хорошая.

ММ ОФ-29987/5; АРХ-59887; № оп. 362.

Год 1992.

Форма и размеры:

Высота – 7,06.

Край плоский, ровный (закрит венчиком); толщину нельзя установить.

Венчик горизонтальный, наружу, граненый; высота (толщина) – 0,36; диаметр – 1,65; диаметр внутри – 0,95; ширина – 0,46.

Горло округлое, цилиндр ровный; высота – 1,81; диаметр сверху – 1,41; диаметр внизу – 1,40.

Тулово: конус расходящийся, ровный; высота – 5,27; диаметр сверху – 2,34; диаметр внизу – 2,17.

Дно плоское, диаметр – 2,17.

На дне буквы: С.Г.

Цвет основы: серо-голубой средний; стекло прозрачное.

Техника изготовления: основа 1 выдута в разъемную форму, затем на край была наложена и отпрессована полоса, образовавшая венчик, который закрыл край заготовки.

Аналогии: сосуд из каталога аптечной посуды, отражающего продукцию начала XX в. (*Ритинг*, 1913; № 3056).

Неопределимые

Рис. 9, 1. Ручка.

Обломок (ручка); коррозия по всей поверхности.

ММ ОФ-29987/24; АРХ-59906; № оп. 636 (656).

Год – нет сведений.

Форма и размеры:

Ручка:

форма:

сечение продольное: вертикальная (?);

сечение поперечное: плоская;

строение: сплошная, составная из 2 палочек;

место:

верх: нельзя установить;

низ: нельзя установить;

размеры: ширина – 1,87; толщина – 0,71.

Цвет основы: серо-голубой сильный; стекло прозрачное.

Техника изготовления: ручка составлена из двух стеклянных палочек, которые обмакнули в жидкое стекло и вытянули. Затем отрезок получившейся полосы изогнули и прикрепили к основе сосуда.

Аналогии: кувшин из Киева, датирующийся XVII в. (*Шовкопляс*, 1974. Рис. 2, 17), и кружка из Москвы, найденная в слоях XVIII в. (*Лихтер*, 2020. Рис. 17).

Рис. 9, 2. Ручка.

Обломок (ручка), коррозия по всей поверхности.

ММ ОФ-29987/26; АРХ-59908; № оп. 1105.

Год 1992.

Форма и размеры:

Тулово (горло) округлое; конус расходящийся (предположение); толщина – 0,42.

Ручка:

форма:

сечение продольное: вертикальная (?);

сечение поперечное: плоская;

строение: сплошная, составная из 3 палочек;

место:

верх: нельзя установить;

низ: нельзя установить;

размеры: ширина сверху – 3,1; толщина сверху – 1,0.

Цвет основы: серо-голубой средний светлый; стекло прозрачное (предположение).

Техника изготовления: ручка составлена из трех стеклянных палочек, которые обмакнули в жидкое стекло и вытянули. Затем отрезок получившейся полосы изогнули и прикрепили к основе сосуда.

Аналогии: кувшин из Киева, датирующийся XVII в. (*Шовкопляс*, 1974. Рис. 2, 17), и кружка из Москвы, найденная в слоях XVIII в. (*Лихтер*, 2020. Рис. 17).

Рис. 9, 3. Ручка.

Обломок (ручка); коррозия по всей поверхности.

ММ ОФ-29987/27; АРХ-59909; б/№ оп.

Год – нет сведений.

Форма и размеры:

Ручка:

форма:

сечение продольное: вертикальная (?);

сечение поперечное: плоская;

строение: сплошная, составная из 2 палочек;

место:

верх: нельзя установить;

низ: нельзя установить;

размеры: ширина – 2,17; толщина – 0,60.

Цвет основы: нельзя установить.

Техника изготовления: ручка составлена из двух стеклянных палочек, которые обмакнули в жидкое стекло и вытянули. Затем отрезок получившейся полосы изогнули и прикрепили к основе сосуда.

Аналогии: кувшин из Киева, датирующийся XVII в. (*Шовкопляс*, 1974. Рис. 2, 17), и кружка из Москвы, найденная в слоях XVIII в. (*Лихтер*, 2020. Рис. 17).

Рис. 9, 4. Ручка.

Обломок (ручка – один жгут обломан); коррозия по всей поверхности.

ММ ОФ-29987/28; АРХ-59910; б/№ оп.

Год – нет сведений.

Форма и размеры:

Ручка:

форма:

сечение продольное: вертикальная (?);

сечение поперечное: плоская;

строение: сплошная, составная из 3 палочек;

место:

верх: нельзя установить;

низ: нельзя установить.

Размеры: ширина сверху более 3,2; толщина сверху – 1,24.

Цвет основы: нельзя установить; стекло полупрозрачное (все закрыто коррозией).

Техника изготовления: ручка составлена из трех стеклянных палочек, которые обмакнули в жидкое стекло и вытянули. Затем отрезок получившейся полосы изогнули и прикрепили к основе сосуда.
Аналогии: кувшин из Киева, датирующийся XVII в. (Шовкопляс, 1974. Рис. 2, 17), и кружка из Москвы, найденная в слоях XVIII в. (Лухтер, 2020. Рис. 17).

Рис. 10, 1. Налеп на сосуд.

Обломок; коррозия и иризация по всей поверхности.
ММ ОФ-29987/35; АРХ-59917; № оп. 508.
Год 1991.

Форма и размеры:

Тулово: нельзя установить, толщина – 0,75.

Декоративный элемент:

место расположения: тулово снаружи;

форма: круг;

размеры: высота (толщина) – 0,54; диаметр – 3,42×3,39.

Изображение: внутри концентрическими кругами расположены мелкие выступы.

Цвет основы: нельзя установить.

Техника изготовления основы: выдувание в форму.

Техника нанесения декора: наклад отформованной лепешки.

Аналогии: Векслер, Лухтер, 2012. Рис. 4.1, с. 45.

По типу декоративный элемент похож на лепешки чаши, описанной ранее (№ оп. 354), однако значительно крупнее.

Рис. 10, 2. Налеп на сосуд.

Обломок; коррозия и иризация по всей поверхности.
ММ ОФ-29987/36; АРХ-59918; № оп. 9.
Год 1992.

Форма и размеры:

Тулово (?): округлое (?); толщина – 0,22.

Декоративный элемент:

место расположения: тулово снаружи, форма – круг;

размеры: высота (толщина) – 0,23; диаметр – 2,05×2,01.

Изображение: внутри концентрическими кругами расположены мелкие выступы (в центре – один более высокий).

Цвет основы: серо-голубой средний светлый; стекло полупрозрачное.

Техника изготовления основы: выдувание в форму.

Техника нанесения декора: наклад отформованной лепешки.

Аналогии: Векслер, Лухтер, 2012. Рис. 4.1, с. 45.

По типу декоративный элемент похож на лепешки чаши, описанной ранее (№ оп. 354), однако значительно крупнее.

Украшения

Рис. 11, 1. Бусина трехчастная.

Полная форма; сохранность стекла хорошая.
ММ ОФ-29987/45; АРХ-59927; № оп. 145.

Год 1991.

Форма и размеры:

Высота общая – 1,03.

Тулово (каждая часть) – округлое, шаровидное, усеченное дважды:

1) высота – 0,31; диаметр – 0,64;

2) высота – 0,34; диаметр – 0,64;

3) высота – 0,38; диаметр – 0,65.

Край: 1) острый; 2) вогнутый;

диаметр внутренний (1) – 0,30; диаметр внутренний (2) – 0,28.

Канал цилиндрический продольный (для всей бусины).

Цвет основы: желто-зеленый сильный темный; стекло прозрачное.

Техника изготовления основы: серийная навивка.

Аналогии: неизвестны.

Рис. 11, 2. Бусина.

Полная форма; коррозия во всем объеме.

ММ ОФ-29987/103 АРХ-59897; № оп. 172.

Год 1989.

Форма и размеры:

Тулово граненое эллипсоидное; высота – 1,48; диаметр – 1,08.

Край острый; диаметр внутренний (1) – 0,13; диаметр внутренний (2) – 0,14.

Канал цилиндрический.

Цвет основы: серый слабый; стекло полупрозрачное.

Техника изготовления основы: навивка трубочки; прессование щипцами.

Аналогии: бусы подобной формы и изготовленные по аналогичной технологии были встречены в комплексах конца XVIII – начала XIX в. из Москвы, связанных с производством бус и серег (Лухтер, Векслер, Сударев, 2015. Рис. IV; Лухтер, Кретинин, 2024. Рис. 2, Г).

Рис. 11, 3. Вставка.

Полная форма (сохранилась половина); коррозия по всей поверхности.

ММ ОФ-29987/102; АРХ-59897; № оп. 54.

Год 1991.

Форма и размеры:

Высота – 0,89; ширина – 1,66.

Край острый, сходящийся, ровный; толщина – нельзя установить.

Тулово: объем призма шестигранная.

Основание плоское.

Цвет основы: бирюзовый сильный светлый; стекло непрозрачное.

Техника изготовления основы: литье и резание.

Аналогии: неизвестны.

Рис. 11, 4. Вставка.

Полная форма; помутнение стекла.

ММ ОФ-29987/17; АРХ-59899; № оп. 615.

Год 1992.

Форма и размеры:

Край острый, сходящийся, неровный; толщина – 0,06.

Основание плоское.

Тулово: пластина выпуклая, в продольном разрезе – эллипс; высота (толщина) – 0,42; ширина – 1,77×1,44.

Цвет основы: серый слабый; стекло полупрозрачное (помутнение).

Техника изготовления основы: литье и резание.

Аналогии: неизвестны.

Рис. 11, 5. Вставка.

Полная форма; помутнение стекла.

ММ ОФ-29987/18; АРХ-59900; № оп. 1232.

Год 1992.

Форма и размеры:

Край острый, сходящийся, неровный; толщина – 0,06.

Основание плоское.

Тулово: пластина выпуклая, в продольном разрезе – эллипс; высота (толщина) – 0,15; диаметр – 0,55.

Цвет основы: серый слабый; стекло полупрозрачное (помутнение).

Техника изготовления основы: литье и резание.

Аналогии: неизвестны.

Литература

Ашарина Н. А., 1998. Русское стекло XVII – начала XX в. М.: ГИМ. 255 с.

Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф., 1981. Мангазея, материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М.: Гидрометеиздат. Ч. 2. 147 с.

Беляев Л. А., 1994. Древние монастыри Москвы по данным археологии. М.: ИА РАН. 310 с. 144 табл.

Векслер А. Г., Лихтер Ю. А., 2012. Яма с битым стеклом из раскопок на Гостином дворе в 1998 году // Археология Москвы – линия жизни. Сб. в честь 80-летия А. Г. Векслера. М.: Национальная гильдия хранителей наследия. С. 44–50.

Векслер А. Г., Лихтер Ю. А., 2001. Об одном типе стеклянных находок из культурного слоя Москвы XVII в. // Тр. конф. «Древние ремесленники Приуралья». Ижевск. С. 365–375.

Векслер А. Г., Лихтер Ю. А., 2014. Об одном виде клейм на стеклянных штофах XVIII века // АП. М.: ИА РАН. Вып. 10. С. 247–250.

Качалов Н. Н., 1959. Стекло. М.: АН СССР. 463 с.

Ланцетти А. Г., Нестеренко М. Л., 1987. Изготовление художественного стекла. М.: Высшая школа. 304 с.

Лихтер Ю. А., 2016. Стекло *façon de Venice* из раскопок в Москве и других городах (Вязьма, Мангазея) // Вестник Томского гос. унив-та. История. № 5 (43). С. 51–55.

Лихтер Ю. А., 2017. Стеклянные сосуды из раскопок в Черниговском переулке (Москва). Работы 2015 года // АП. Вып. 13. М.: ИА РАН. С. 283–298.

Лихтер Ю. А., 2020. Сосуды из раскопок археологической службы Москвы (1989–2015): Открытые формы // АП. Вып. 16. М.: ИА РАН. С. 322–350.

Лихтер Ю. А., 2024. Московская стеклянная посуда XVI–XIX веков. М.: Буки Веди. 256 с.

Лихтер Ю. А., Векслер А. Г., Сударев Н. И., 2015. Следы производства стеклянных бус в Москве XVIII века // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века. СПб.: Нестор-история. С. 307–316.

Лихтер Ю. А., Кретицин К. Ю., 2024. Комплекс бус второй половины XVIII – начала XIX века. Новые находки в Москве // АП. М.: ИА РАН. Вып. 20. С. 329–342.

Лихтер Ю. А., Щапова Ю. Л., 1991. Замечания и пояснения к машинной версии программы «Сосуды» // Артефакт, программный продукт по археологии. М.: СП Диалог, центр в МГУ. С. 3–33. Электронный ресурс.

Починок Э. Ю., Чекановский А. А., 2015. Стеклянная посуда из раскопок на территориях киевских монастырей XVII–XVIII веков // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века. СПб.: Нестор-история. С. 294–299.

Ритинг И., 1913. Прейс-куронт аптечной и больницы посуды и принадлежностей для ухода за больными. Общества Стеклянного производства И. Ритинг. СПб.

Чёрная М. П., 2015. Воеводская усадьба в Томске. Томск: Изд. дом «Д°Принт», 276 с.

Шовкопляс А. М., 1974. Некоторые гутные стеклянные изделия из Киева // Культура средневековой Руси. Л.: Наука. С. 81–85.

Щанова Ю.Л., 1989. Древнее стекло. Морфология, технология, химический состав. М.: Изд. МГУ. 120 с.

Ciepiela S., 1977. Szkło osiemnastowieczne starej Warszawy. Warszawa: Zakład Narodowy im. Ossolinskich. 141 s.

Engels de Lange collection / Ed.: Lameris A., Lameris K., Lameris W. Amsterdam: Frides Lameris Art and Antiques, 2015. 123 s.

Likhter Ju., 2021. Glass façon de Venise from the excavations in Moscow and other cities (Vyazma, Mangazeya) // Annales du 21e Congrès de l'association internationale pour l'histoire du verre. İstanbul, 2018. İstanbul. P. 597–608.

McNulty R.H., 1972. European green glass bottles of the seventeenth and eighteenth centuries: a

neglected area of study // Annales du 5 congrès international d'Etude Historique du verre. Prague, 6–11 juillet 1970. Liege. P. 145–152.

Miller's glass buyer's guide. L.: Octopus Publishing group Ltd, 2004. 320 p.

Ruempol A.P.E., van Dongen A.G.A., 1991. Museum Boymans – van Beuningen Rotterdam: Pre-industrial Utensils 1150–1800. "Amsterdam: de Bataafsche Leew". 304 p.

Schaich B., Schaich D., 2012. Glass des Alltags. Muenchen: Birgit + Dieter Schaich. 103 s.

Vor dem grossen Brand: Arhaeologie zu Fuessen des Heidelberger Schlosses / Stuttgart: Landesdenkmalamt Baden – Wuerttemberg / ed. Lutz D. Stuttgart, 1992. 144 s.

Yu.A. Likhter

Glass of the Modern Times from the excavations of the Kazan Cathedral on Red Square

Summary

During archaeological research at the site of the Kazan Cathedral in 1989–1992 (led by L.A. Belyaev), various glass items were found, of which 39 fragments date back to the 16th – 19th centuries. We studied them using the method of Y.L. Shchapova from the point of view of mor-

phology and technology. The vast majority of finds are vessels, but there are also decorations (insets and beads). All vessels have a blown backing. Various technological techniques used to create additional structural elements are described in the appropriate places in the catalog.

В. В. Фомичёва, А. С. Лазарев
ОГБУ «Наследие», г. Кострома

Стеклопосуда XVIII – начала XIX века из раскопок на территории Костромы в 2013–2024 годах

Значительное увеличение площади спасательных археологических работ на территории исторической части г. Костромы в последние годы существенно расширило категории находок, попадающих во внимание исследователей. Стеклопосуда Нового и Новейшего времени, найденные на территории г. Костромы, являются одной из таких групп предметов. До настоящего времени отдельные интересные экземпляры стеклопосуды публиковались в обобщенных результатах археологических исследований на отдельных городских раскопках (Горохова, Лазарев, Бушуев, 2017. С. 238. Рис. 13, 2, 3; Горохова, Лазарев, Фомичёва, 2019. С. 36. Рис. 7, 1, 3–5; Кабатов, Кабатова, Медникова, 2022. С. 202. Рис. 10, 14, 16, 17). Публикации, посвященные целиком сериям стеклопосуды, носят единичный характер (Фомичёва, 2021).

В настоящей статье представлены фрагменты стеклопосуды, найденные в разных частях города в ходе исследований, проводимых археологической экспедицией ОГБУ «Наследие» в 2013–2024 гг., и атрибутированные как созданные и бытовавшие в XVIII – начале XIX в. (табл. 1; рис. 1). Посуда систематизирована согласно методике, разработанной Ю. Л. Шаповой (1989). По степени открытости среди находок можно выделить открытые (бокалы, стопы), полуоткрытые (кувшины) и закрытые сосуды (штофы, фляги, флаконы). Как правило, находки представляют собой разные сочетания конструктивных элементов: венчик, горло, тулово, поддон, ножка, ручка. Некоторые фрагменты отнесены к сосудам неопределенной формы.

Большинство находок выполнено из зеленого «бутылочного» стекла, изделия из которого, по утверждению исследователей, выпускали все русские стекольные заводы XVIII столетия (Дулькина, Ашарина, 1978. С. 289). Большинство находок вы-

полнено из неочищенного стекла разных оттенков зеленого – темно-зеленого, светло-зеленого, желто-зеленого, сине-зеленого оттенков, за исключением бокалов из почти бесцветного серого стекла. Стеклопосуда разной степени прозрачности и часто характеризуется включениями в виде пузырьков воздуха, свилей. Практически все предметы имеют на поверхности следы коррозии и разрушения, такие как расслоение, потемнение, иризация, кракелюр, нарушающие первоначальный вид предмета.

Рассмотренные фрагменты по-разному декорированы, а именно содержат на поверхности росписи полихромной эмалью или пластический декор в виде гутных лент и фигурных налепов стекла, совпадающих по цвету с основой, у фляг – закрученная ребристая поверхность.

Производство стеклопосуды и ее роспись не представляли собой единого производственного процесса. Исходным материалом для росписи эмальями служили стеклопосуды, выпускаемые различными заводами России (Ашарина, 1998. С. 42).

Бокалы (5 ед.) (рис. 2). В эту группу входят два фрагмента бокалов (реконструируемая целая форма – чаша на ножке с подножкой) с венецианской филигранью внутри стеклопосуды ножки. Цвет спирально закрученных полос цветного стекла различен: в одном случае это сочетание молочно-белого и красно-коричневого (рис. 2, 1), в другом – молочно-белого и синего цвета (рис. 2, 2) в толще прозрачного стекла слабого серого оттенка (ГК 15367369. С.-Петербург, 1790-е гг.; Лихтер, 2020. С. 327. Рис. 3, 9; 2024. С. 215. Рис. 1–3, 6).

Также к бокалам отнесены два фрагмента с выпуклым декором из стекла, совпадающего по цвету с основой: фрагмент с декором в виде повторяющихся листьев – потеков стекла, расположенных вокруг нижней части чаши (Починок, Чеканов-

Таблица 1. Распределение находок стеклянных сосудов по археологическим объектам, исследованным в г. Костроме в 2013–2024 гг.

№ на рис. 1	Год проведения работ	Руководитель работ	Адрес (форма работ)	Количество предметов						Всего ед.
				Бокалы	Кувшины	Шгофы	Фляги	Флаконы	Сосуды неопределенной формы	
1	2013–2015	Горохова А.В.	«Мелочные ряды I» (раскопки)	1	3	3	5	–	5	17
2	2015–2016	Горохова А.В.	«Мелочные ряды II» (раскопки)	–	–	1	–	–	1	2
3	2016	Лихачев О.В.	Гостиный двор, корп. Г (разведка)	–	–	–	–	–	1	1
4	2017–2018	Лазарев А.С.	«Мясные ряды» (раскопки)	–	1	–	–	1	1	3
5	2018	Лазарев А.С.	«Малые Мучные ряды» (раскопки)	–	1	–	–	1	1	3
6	2019	Горохова А.В.	Ул. Симановского, д. 27А (раскопки)	1	–	2	1	–	–	4
7	2019	Горохова А.В.	Ул. Нижняя Дебря, д. 19 (наблюдения)	–	1	–	2	–	–	3
8	2022	Лихачев О.В.	Ул. Пятницкая, д. 36 (раскопки)	2	1	1	–	1	–	5
9	2024	Горохова А.В.	Ул. Советская, д. 4 (наблюдения)	–	–	–	–	1	–	1
10	2024	Горохова А.В.	Ул. Рыбные ряды, д. 2 (наблюдения)	–	–	–	–	–	1	1
11	2024	Горохова А.В.	Ул. Щемилровка, д. 9 (разведка)	1	–	–	–	–	–	1
Общее количество				5	7	7	8	4	10	41

ский, 2015. Рис. XII; *Лихтер*, 2020. Рис. 2, 1–3; 2024. С. 215. Рис. 1–2, 1–3) (рис. 2, 3), осколок стенки бокала (стакана), декорированного навивкой тонкими нитями и наложенной гофрированной стеклянной лентой (бордюром) волнообразного очертания сверху и снизу, с овальными углублениями (*Лихтер*, 2020. Рис. 13, 1; 2024. С. 219. Рис. 1–10, 1) (рис. 2, 4).

В 2024 г. в ходе разведки найдена нижняя часть стопы (чарки) – фрагмент тулова с поддоном (со следами понтии) (*Лихтер*, 2020. С. 335. Рис. 9, 1–3; 2024. С. 240. Рис. VI-2, 1).

Кувшины (7 ед.) (рис. 3). Сохранились верхние части четырех кувшинов из зеленого стекла разных оттенков. Кувшины с граненым горлом пропорционально различаются, но их конструкции и декор схожи (рис. 3, 4, 5). Они состоят из прямого наклоненного наружу венчика с выпуклым округлым неровным краем с потеками стекла; горла в виде восьмигранной усеченной расходящейся пирамиды, плавно переходящей в нижней части в цилиндр; плечики округлые. Ручка

состоит из трех жгутов, в месте ее крепления к тулову наблюдается утолщение. На поверхности горла, ближе к ручке, расположен выпуклый декор в виде нескольких рядов горизонтальных жгутов, неравномерных по толщине (ГК6961033. Россия, XVIII в.; ГК6600362. Россия, 2-я пол. XVIII в.). На раскопе «Мелочные ряды I» обнаружены два осколка граненого венчика кувшина (рис. 3, 2, 3).

От рассмотренных выше кувшинов конструктивно отличаются фрагменты с коническим горлом (рис. 3, 1, 7). Первый фрагмент имеет коническое расширяющееся кверху горло, ручку, состоящую из трех жгутов, и декор в виде навитых двух полос стекла, расположенных в районе крепления ручки (рис. 3, 1). Другой фрагмент кувшина выделяется в этой категории своей массивностью (толщина стенок – 5–7 мм) и представляет собой коническое горло, сужающееся книзу; прямой венчик с закругленным краем; округлые плечики; выдвнутую ручку овального сечения, полулю внутри; декор – неравномерная навивка горизонтальной нитью по спирали

Рис. 1. План г. Костромы. 1913 г. Составитель П. Е. Навоев. Фрагмент 1–11 – археологические исследования на территории г. Костромы в 2013–2024 гг. (соответствуют номерам в таблице 1)

Рис. 2. Бокалы. Места находок

1, 4 – ул. Пятницкая, д. 36; 2 – ул. Симановского, д. 27а;
3 – раскоп «Мелочные ряды I»; 4 – ул. Щемилловка, д. 9

по всей высоте фрагмента (неполная аналогия: ГК6961817. Россия, нач. XVIII в.; Дулькина, Ашарина, 1978. С. 46. Кумган, нач. XVIII в.) (рис. 3, 7).

К этой же группе отнесен фрагмент нижней части кувшина (бутылки?) – нижняя часть тулова шарообразной формы со следами понтии и круг-

лым ребристым поддоном (стеклянный жгут навит и отпрессован ножом) (Починок, Чекановский, 2015. Рис. IV, 8) (рис. 3, 6). Такие поддоны могли быть у бокалов, пивных кружек или стаканов, но в данном случае отклонение стенки тулова относительно плоскости основания указывает на ту-

Рис. 3. Кувшины. Места находок

1 – раскоп «Мясные ряды»; 2, 3, 6 – раскоп «Мелочные ряды I»; 4 – ул. Нижняя Дебря, д. 19;
5 – «Малые Мучные ряды»; 7 – ул. Пятницкая, д. 36

Рис. 4. Штофы

1, 5 – ул. Симановского, д. 27А; 2 – раскоп «Мелочные ряды II»; 3 – ул. Пятницкая, д. 36;
4, 6, 7 – раскоп «Мелочные ряды I»

лово именно шарообразной формы, характерной в большей степени для кувшинов.

Прототипами для стеклянных кувшинов первых русских стекольных заводов служили традиционные формы глиняной и металлической посуды (Ашарина, 1998. С. 37). Самые ранние из кувшинов не только видом и пропорциями,

но даже размерами повторяют произведения русских гончаров XVII в. В дальнейшем форма изделий становится проще. Они утрачивают поддон, а устойчивость им придает слегка вдавленное дно. У многих просторное тулово и горло обвито спиралью тонкой стеклянной нити. В редких случаях при помощи носика кувшины превращались

Рис. 5. Фляги. Места находок

1, 2 – ул. Нижняя Дебря, д. 19; 3–5, 7, 8 – раскоп «Мелочные ряды I»; 6 – ул. Симановского, д. 27А

в кумганы. Во второй половине XVIII в. форма кувшинов упрощается еще больше: выдувная ручка заменяется ручкой из плоского жгута, все тулово сильно оплывает книзу, и только граненое горло является единственным украшением сосуда (Ашарина, 1998. С. 37).

Хотя стеклянные кувшины изготавливались на протяжении всего XVIII в., по конструктивным элементам к изделиям 1-й пол. XVIII в. можно отнести верхнюю часть кувшина, найденного на ул. Пятницкой, д. 36, и дно с раскопа «Мелочные ряды I» (рис. 3, 6, 7). Вероятным временем изготовления остальных находок является 2-я пол. XVIII в.

Штофы (7 ед.) (рис. 4) – одна из часто встречающихся находок в городском слое помимо бутылок. Как правило, это нижние части штофов, прямоугольного или квадратного сечения, нередко со следами понтии, а также верхние части с низким горлом и венчиком, имеющим неровную неправильную форму с асимметричным краем. Три фрагмента штофов содержат бутылочные клейма на плечиках, два из них датированы 1803 и 1815 годами (рис. 4, 1, 3, 5). Признаков декора в данной категории находок не выявлено, за исключением единственного осколка стенки штофа с росписью эмалью в виде завитков и стилизованных листьев

Рис. 6. Флаконы. Места находок

1 – раскоп «Малые Мучные ряды»; 2 – раскоп «Мясные ряды»; 3 – ул. Пятницкая, д. 36; 4 – ул. Советская, д. 4

(ГК3132324. Россия, 1778 г.) (рис. 4, 2). Еще один фрагмент – верхняя часть штофа с металлическим горлом и металлической крышкой (рис. 4, 6). Штофы со свинцовым горлом и закручивающейся крышкой были удобны в путешествиях и широко производились и использовались в Европе с 1-й пол. XVII в. (Лихтер, 2022. С. 184–185. Рис. 4, 5; 2024. С. 228. Рис. III-4, 5). Серия находок подобных сосудов из раскопок на территории Романова двора в Москве датируется 2-й пол. XVII в. (Смирнова, 2009. С. 148, 406. Рис. 160).

Фляги (8 ед.) (рис. 5). Пять фрагментов – это верхние и нижние части сосудов с характерным эллипсоидным туловом, неустойчивым дном со следами понтии, коническим расширяющимся сверху горлом и венчиком, изогнутым и наклоненным наружу (рис. 5, 1–6). Декор представлен на тулове в виде характерного ребристого рельефа – полосок, закрученных по спирали с плавным переходом в гладкую поверхность в районе дна и тулова (Лихтер, 2015. С. 515. Рис. 10, 1; 2024. С. 227. Рис. III-3; Починок, Чекановский, 2015. Рис. V, 11). Два

фрагмента – части фляги (?) без декора, с толстыми стенками (рис. 5, 5, 8). Один из них представляет собой нижнюю часть фляги овального сечения с вогнутым дном со следами понтии, с наклепленным поддоном из толстого неровного жгута; второй – верхнюю часть: плечики и горло. Данные фляги широко известны в Западной Европе и датируются XVI–XVIII вв., наибольшее их распространение и выпадение в культурный слой русских городов можно отнести к 2-й пол. XVII в. (Лихтер, 2015. С. 515).

Флаконы (4 ед.) (рис. 6). В группу объединены два небольших флакона без поддона, с высоким горлом, полусферическим туловом и вогнутым дном и подобные им по форме дно и горло (Лихтер, 2022. С. 188. Рис. 6, 1; 2024. С. 230. Рис. III-6, 1a). Стеклопосуда небольшого объема использовались как аптечная посуда или в парфюмерном деле. Хотя флаконы с высоким горлом, полусферическим туловом и вогнутым дном без поддона относятся к наиболее ранним формам подобных изделий, имеющим в Европе аналоги,

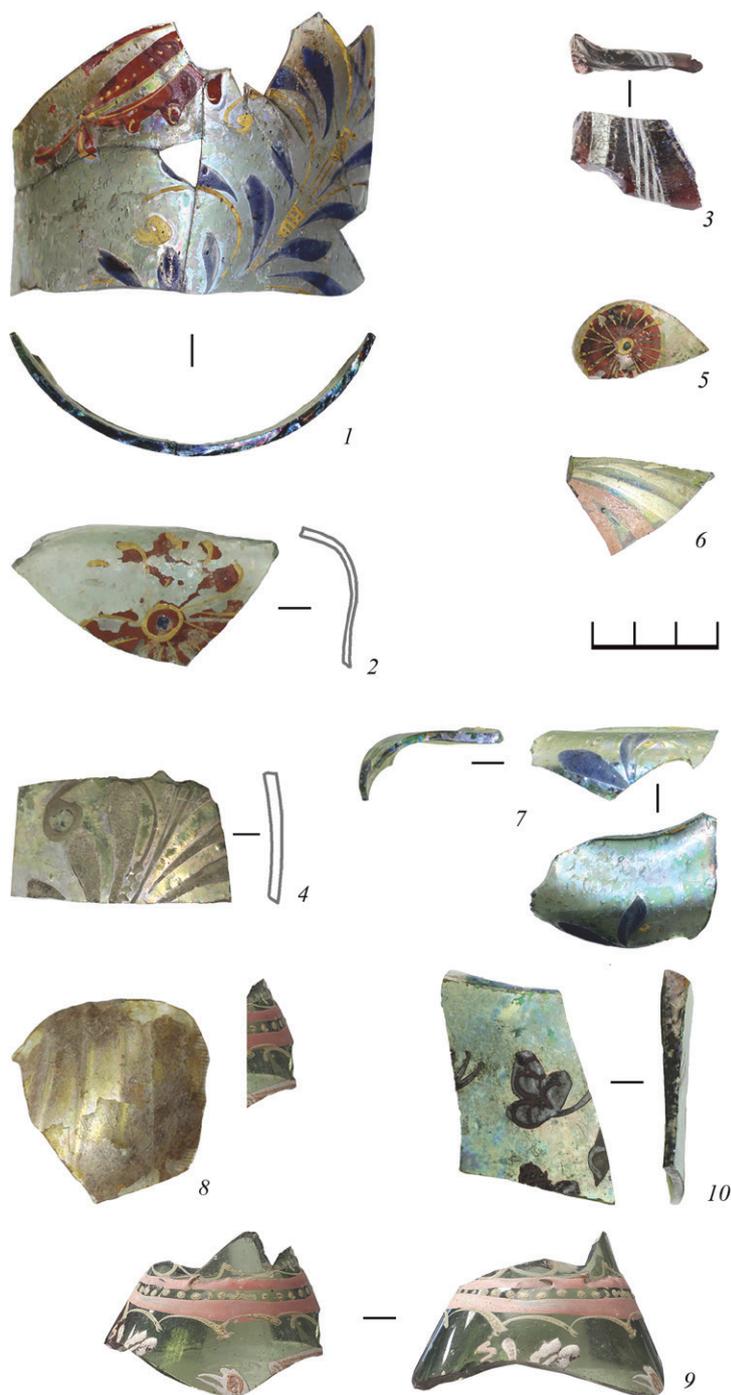

Рис. 7. Сосуды неопределенной формы (фрагменты). Места находок
 1–4, 7 – раскоп «Мелочные ряды I»; 5 – раскоп «Малые Мучные ряды»; 6 – Гостиный двор, корп. Г;
 8 – раскоп «Мелочные ряды II»; 9 – ул. Рыбные ряды, д. 2; 10 – раскоп «Мясные ряды»

датируемые XVI в. (Лихтер, 2022. С. 187–188), наиболее вероятная датировка находок из Костромы – не ранее XVII в.

Сосуды неопределенной формы (10 ед.) (рис. 7). Основанием для их выделения и включения в отдельную группу является наличие различного декора. Восемь осколков зеленого стекла

разных оттенков расписаны полихромными эмалями – желтой, оливково-зеленой, синей и охристо-красной. Роспись представляет собой стилизованные растительные мотивы. Это листья, завитки на ветке и цветы – так называемый цветочный или тюльпанный орнамент. Это самая распространенная группа орнаментов, обычно сопровождающая

анималистические и сюжетные композиции (*Ашарина*, 1998. С. 49). Фрагмент полукруглой в сечении стенки имеет близкий аналог – это кружка «с изображениями тюльпанов и ромашки» из коллекции ГИМ, роспись которой практически идентична найденному осколку (ГК 8491128. Россия, сер. XVIII в.; *Смирнова*, 2014. № 38) (рис. 7, 1). Единственное фрагментарно сохранившееся изображение птицы – голова и часть крыла (?) – нанесено на верхнюю часть бутылки (?), над головой птицы изображен простой геометрический орнамент из двух горизонтальных красных полос, пространство между которыми заполнено рядом точек и завитков эмали желтого цвета (*Смирнова*, 2014. № 12–14) (рис. 7, 9).

Осколок стенки сосуда неопределенной формы темно-фиолетового цвета из полупрозрачного стекла, декорированный нитями молочно-белого непрозрачного стекла в стекломассе, выходящими на поверхность, которая со временем покрылась краquelюром, можно отнести к западноевропейским штофам, имеющим близкие по цвету основу и декор (*Лухтер*, 2015. С. 514. Рис. 9, 2, 3; 2024. С. 237. Рис. V-4, 2) (рис. 7, 3).

В заключение можно отметить, что большинство рассмотренных находок относится к «народному стеклу» – изделиям отечественных ремесленников из неочищенного зеленого стекла, составлявшего обязательный ассортимент всех частных заводов России, число которых на протяжении XVIII в. непрерывно умножалось. Все они делались у горячей печи одним мастером от начала и до конца, и потому их несложный декор из лепных жгутов и лент так органично связан с формой. По желанию владельцев эта посуда

расписывалась эмалью (*Дулькина, Ашарина*, 1978. С. 14). По данным письменных источников, первые два стекольных завода на территории Костромской губернии (Платона Ингликова в Макарьевском уезде и коллежского советника Котенина в Чухломском уезде) появились только в 1814 г. (*Ашарина*, 1998. С. 185), что позволяет сделать вывод о том, что все стеклянные сосуды в XVIII в. привезли в Кострому из других городов. К европейскому производству можно отнести фрагмент стенки штофа фиолетового цвета с декором из белых полосок. Наиболее вероятным местом производства и распространения стеклянных фляг в XVI–XVII вв. является территория Украины.

Большинство находок стеклянной посуды (27 ед.) происходит с территории торговых рядов, в том числе все фрагменты с эмалевыми росписями. Городской торг располагался в XVII в. в Новом городе Костромского кремля и спускался от его стен к Волге, служа местом притяжения не только жителей города, но и приезжих торговцев. Здесь же, на берегу Волги, в конце XVIII – начале XIX в. находился общественный герберг. Отдельные находки стеклянных кувшинов, штофов и бокалов на территории города, вероятно, связаны с усадебными комплексами зажиточных горожан XVIII в.

Находки стеклянных сосудов происходят из городского слоя, имеющего значительные нарушения и поздние перекопы, что зачастую затрудняет узкое стратиграфическое датирование обнаруженных предметов, однако сам факт их обнаружения существенно расширяет представления о повседневной жизни и быте костромичей в XVII – начале XIX в.

Литература

- Ашарина Н. А.*, 1998. Русское стекло XVII – начала XX века. М.: Галарт. 255 с.
- Горохова А. В., Лазарев А. С., Бушуев И. А.*, 2017. Предварительные итоги археологических исследований 2013–2015 годов на территории Красных рядов в Костроме (по материалам раскопа «Мелочные ряды I») // АП. Вып. 13. М.: ИА РАН. С. 227–242.
- Горохова А. В., Лазарев А. С., Фомичёва В. В.*, 2019. Археологические исследования 2019 г. в г. Костроме на ул. Симановского: предварительная публикация // Костромской край и сопредельные территории в древности, Средневековье и в Новое время. К 110-летию со дня рождения П. Н. Третьякова / Под ред. А. С. Лазарева, И. С. Наградова, В. Л. Щербакова. Кострома: Костромской музей-заповедник. С. 29–43.
- Дулькина Т. И., Ашарина Н. А.*, 1978. Русская керамика и стекло XVIII–XIX вв. Собрание Государственного исторического музея. М.: Изобразительное искусство. 328 с.
- Кабатов С. А., Кабатова Е. А., Медникова М. Б.*, 2022. Изотопные и антропологические исследования погребений Старого города второго Костромского кремля // АП. Вып. 18. М.: ИА РАН. С. 192–218.
- Лухтер Ю. А.*, 2015. Новые находки стеклянных изделий в Москве (Замоскворечье) // АП. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 501–525.

Лихтер Ю. А., 2020. Сосуды из археологической службы Москвы (1989–2015). Открытые формы // АП. Вып. 16. М.: ИА РАН. С. 322–350.

Лихтер Ю. А., 2022. Закрытые стеклянные сосуды из раскопок археологической службы Москвы. 1989–2019 годы // АП. Вып. 18. М.: ИА РАН. С. 179–191.

Лихтер Ю. А., 2024. Московская стеклянная посуда XVI–XIX веков. М.: Буки Веди. 255 с.

Починок Э. Ю., Чекановский А. А., 2015. Стеклянная посуда из раскопок на территориях монастырей XVII–XVIII веков // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века / Отв. ред. П. Г. Гайдуков. СПб.: Нестор-история. С. 294–299.

Смирнова Е. П., 2009. Изделия из стекла XVII–XIX вв. // Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX вв. (МОАИ. Т. 12). М.: ИА РАН. С. 144–150, 403–406.

Смирнова Е. П., 2014. Русский стеклянный фольклор XVIII – начала XIX века. Издание к выставке «Русский стеклянный фольклор XVIII – начала XIX века». Выставочные залы царя Алексея Михайловича в Коломенском. М.: МГОМЗ. 44 с.

Фомичёва В. В., 2021. Предметы из стекла по материалам археологических исследований 2019–2020 гг. в г. Костроме на ул. Красноармейской, 35а и ул. Депутатской, 78 // Костромской край и сопредельные территории в древности, Средневековье и в Новое время. К 160-летию со дня рождения Н. М. Бекаревича / Под ред. А. С. Лазарева, И. С. Наградова, В. Л. Щербакова. Кострома: Костромской музей-заповедник. С. 137–145.

Щанова Ю. Л., 1989. Древнее стекло. Морфология, технология, химический состав. Уч. пособие. М.: МГУ. 120 с.

V. V. Fomicheva, A. S. Lazarev

Glassware of the 17th – early 19th centuries from excavations in Kostroma in 2013–2024

Summary

The article presents glass vessels of the 17th – early 19th centuries of various shapes and decor found

during archaeological research in 2013–2024 in Kostroma.

Ю. В. Степанова

Институт всеобщей истории РАН, г. Москва

Кутуковский клад 1673 года: интерпретация в свете письменных источников

Кутуковский клад был найден в 1673 г. между деревнями Кутуково и Усторонь Рязанского уезда на берегу р. Мариченки. Он известен только по материалам сыскного дела, проводившегося с августа 1673 г. по сентябрь 1674 (7181) г. Специальную сыскную комиссию приказа Тайных дел возглавляли Андрей Михайлович Борисов-Бороздин и подьячий Перфилий Федорович Оловеников. В XIX в. дело находилось в Московском архиве министерства юстиции. В настоящее время оно хранится в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА)¹. Сведения о находке клада имеются также в столбцах Белгородского стола².

Историография темы сравнительно невелика. Материалы дела впервые рассмотрены в статье Н. Н. Оглоблина. Известный архивист и археограф резюмировал информацию расспросных речей участников события, кратко реконструировал обстоятельства находки клада и его состав (Оглоблин, 1893). Позднее С. Н. Введенский упомянул чело-битную помещика Елисея Житова о находке клада на его земле (Введенский, 1906). Н. Я. Новомбергский привлек материалы дела для изучения отношения к находкам подобного рода в обществе и со стороны государства в XVII в., формирования «кладового права» в России в этот период (Новомбергский, 1919).

Г. Ф. Корзухина поместила информацию о кладе в своем каталоге под № 161, ссылаясь на статью Н. Н. Оглоблина. Ссылки на архивное дело в этом разделе каталога нет (Корзухина, 1951. С. 142–143). Сведения о кладе включены также

в сводную работу Н. В. Жилиной о древнерусских кладах (Жилина, 2014. С. 306).

Сыскное дело включает 144 листа: столбцы размером 17×28 см, понтюзо – 2,5 см. Дело содержит первые и вторые расспросные и пыточные речи допрашиваемых и переписку главы сыскной комиссии А. М. Борисова-Бороздина и архимандрита Иоанно-Богословского монастыря в Переяславле Рязанском Иоасафа. Расспросные речи крестьян заверены священнослужителями церковей сел Усторонь, Исады, Старой Рязани, площадным подьячим и стрельцами из Переяславля Рязанского. В составлении писем А. М. Борисова-Бороздина архимандриту Иоасафу, вероятно, участвовал подьячий Родион Чекин. Родион Чекин (Чейкин) – подьячий Переяславль-Рязанской приказной избы в 1655–1691 гг., в 1677/78 г. принимал участие в переписи Рязского уезда вместе со стольником Иваном Большим Ляпуновым (Демидова, 2011. С. 611)³. Окончание дела не сохранилось и пока остается найденным. Н. Н. Оглоблин предположил, что оно может находиться в документах Преображенского приказа (Оглоблин, 1893. С. 153).

В 2023 г. в фонде рукописей Тверского государственного объединенного музея (ТГОМ) выявлен фрагмент дела о Кутуковском кладе на шести листах⁴: столбцы размером 17×28 см, понтюзо – 2,5 см, филигрань – голова шута, 1660-е годы (Дианова, 1997. Кат. № 317). Лист 1 плохой сохранности, оборван (рис. 1). Текст отрывка белой, написан одним почерком. На оборотной

¹ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 13, ч. 1. Д. 446. На 144 листах.

² РГАДА. Ф. 210. Оп. 12, ч. 2. Д. 1001. Л. 42, 432.

³ В отделе рукописей РГБ хранится дело об ограблении и убийстве сына Родиона Чекина Иуды и его человека Осипа Федорова разбойниками 1685 г. (ОР РГБ. Ф. 178.1, к. 10975, ед. 13).

⁴ ТГОМ КВФ 939/28.

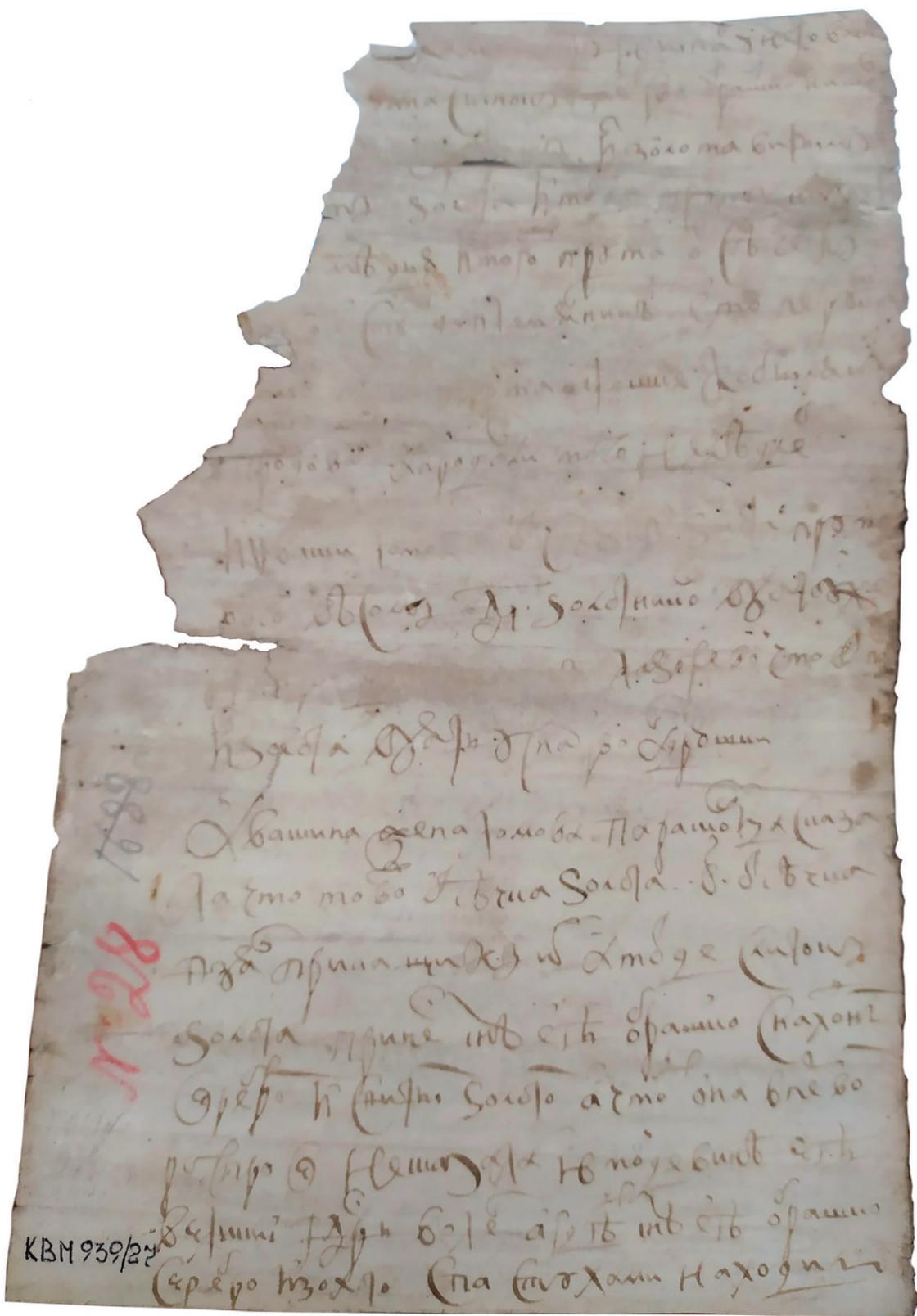

Рис. 1. Фрагмент сыскного дела о Кутуковском кладе 1673 г. (КВФ ТГОМ. 939/28. Л. 1)

стороне листов тверского документа написан список грамоты царей Ивана и Петра Алексеевичей и царевны Софьи Алексеевны об отказе Наталье Воейковой части поместья ее мужа Игнатия Васильева сына Воейкова в Зубцовском уезде на прожиток. Список, как и грамота, датируются 1688 (7196) г. и были изготовлены в Поместном приказе за скрепой дьяка Семена Васильева (дьяк с 1685 г.; *Демидова*, 2011. С. 105) и подьячего Никифора Румянцева (подьячий с 1681 г.; *Демидова*, 2011. С. 486)⁵. Запись о даче прожиточного поместья Наталье Воейковой от 3 мая 1688 г. имеется в описи неоклеенных столбцов Поместного приказа по г. Зубцову⁶.

Приказ Тайных дел упразднили в 1676 г. после смерти царя Алексея Михайловича. Документы архива этого приказа передавались в другие 29 приказов, в том числе Поместный, Разрядный, Преображенский. Разбор и передача дел приказа затянулись на годы. Участие в разборе принимал и член сыскальной комиссии П. Ф. Оловеников (*Гурлянд*, 1902. С. 13–15). Некоторые дела оказались разрозненными по отдельным документам. Остается невыясненным путь тверского отрывка и найденной заключительной части дела. Можно предположить, что тверской фрагмент оказался в Поместном приказе, где и был использован для изготовления списка с поместной грамоты, оказавшийся у Н. Воейковой. Во второй половине XIX в. список с грамоты Н. Воейковой попал в коллекцию Тверского музея из вотчинного архива Воейковых. В фондах ТГОМ и Государственного архива Тверской области в настоящее время хранятся и другие их документы.

Тверской документ относится к завершающему этапу дела, августу – сентябрю 1674 г., и содержит повторные расспросные речи (см. прил.). По содержанию тверской отрывок может быть помещен между листами 84 и 85 основного дела. В нем содержатся повторные расспросы членов семей находчиков клада Ломовых, Прокофьевых, а также касимовского пушкаря Тимошки Вялина, крестьян Патрекейки Петрова и Захарки Мелехова. Документ уточняет сведения о некоторых предметах клада. В частности, он подтверждает, что браслет с лазеревой вставкой и цепь были в единственных экземплярах.

Содержание дела подробно охарактеризовано в статье Н. Н. Оглоблина. Клад найден в мае 1673 г. на берегу р. Мариченки (приток р. Оки) на поместной земле помещика Елисея Садофьева Житова⁷ подростками пастухами (всего 9 человек) из д. Кутуково, принадлежавшей Федору Григорьевичу Ртищеву. Предметы клада в разном количестве оказались в семьях подростков. После этого части клада крестьяне продавали, показывали и передавали третьим лицам, рассекали на части и прятали. Розыск предметов клада инициировал Е. С. Житов, на земле которого была сделана находка. Комиссия, возглавляемая А. М. Борисовым-Бороздиным и П. Ф. Оловениковым, опросила в общей сложности более 120 человек. Условно всех опрошенных можно разделить на две группы. Первая – это люди, которые видели, продавали, передавали и прятали предметы клада. Среди них находчики клада и их родственники, а также помещик Ф. Г. Ртищев и его приказчик Гришка Максимов, серебряник из Переяславля Рязанского Алешка Кобыляков, касимовский пушкарь Тимофей Вялин, поп Симеоновской церкви с. Усторонь Тарас, поп Воскресенской церкви с. Исады Иван, приставы и стрельцы, изымавшие части клада у крестьян. Вторую группу образуют лица, которые только слышали о находке клада, в том числе помещики окрестных селений И. И. Беклемишев, Ф. Н. Волконский, Л. Ляпунов, их крестьяне и приказчики. К расследованию были привлечены архимандрит Иоанно-Богословского монастыря в Переяславле Рязанском Иоасаф, крестьяне д. Кутуково, сел Усторонь, Исады, Киструс и других окрестных селений, посадские люди, торговцы, стрельцы и пушкарки из Переяславля Рязанского и Касимова.

Из дела неясно, какова была судьба клада. Некоторые предметы комиссия изъяла. Так, Июдка Прокофьев, отец одного из находчиков клада, закопал три бруска серебра в огороде; Прасковья Ломова схоронила «усечек» золота в платке под лавкой и т. д. Эти предметы были изъяты по решению комиссии подьячим Микитой Маскимовым со стрельцами⁸. Часть клада досталась Ф. Г. Ртищеву, однако сохранились ли в дальнейшем предметы у помещика, остается неизвестным: безусловно, его должны были допрашивать, но сведения об этом не сохранились. Данных

⁵ Документ, написанный на оборотной стороне, значится в коллекции ТГОМ под другим номером: КВФ 939/27.

⁶ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 85. Д. 1206. № 40256–40289, 1626–1702 гг. Л. 200.

⁷ Елисей Садофьев Житов – московский дворянин; находился в дальнем родстве с главой сыскальной комиссии А. М. Борисовым-Бороздиным.

⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13, ч. 1. Д. 446. Л. 88, 110.

об отправке в Москву и дальнейшей судьбе предметовклада тоже не имеется. Неясно также, перешла ли частьклада инициатору расследования Е. С. Житову, в чем скорее приходится сомневаться. В работе Г. Ф. Корзухиной содержится предположение, что клад был отправлен с Москву и сплавлен, однако в сыском деле нет таких сведений.

Находка отрывка сыского дела, изучение существующих в научной литературе трактовокклада, а также современная историографическая ситуация заставляют вновь обратиться к материалам дела для пересмотра состава и датировкиклада.

Н. Н. Оглоблин, для которого интерпретация предметовклада была второстепенной задачей, охарактеризовал составклада как «отломки» колец, браслетов, перстней, серег, цепей («и т. п. предметов украшения») (Оглоблин, 1893. С. 148). Г. Ф. Корзухина, опираясь на статью Н. Н. Оглоблина, пришла к выводу, что в кладесодержались: 1) гривны монетные серебряные (не менее 39); 2) гривны монетные золотые в виде палочек (3–4?); 3) гривны шейные витые золотые; 4) браслеты золотые витые, в том числе со вставками (приводятся аналогии среди серебряных браслетов со вставками из Болгарскогоклада и другие); 5) браслет золотой из круглого в сечении дрота (интерпретация «свитка волоченого золота»). Датировкаклада, предложенная Г. Ф. Корзухиной, – XII – первая половина XIII в. (Корзухина, 1951. С. 143).

Уточнить основные характеристикиклада позволяет наблюдение за терминологией сыскогодела, которая в отношении предметовклада достаточно устойчива. В целом весь клад назывался словами «казна» или «поклажей». Расследователи задавали вопрос о нахождении «погребас поклажеем», однако таковой при осмотре места крестьянами и сыской комиссией обнаружен не был. Материал предметовклада характеризуется свидетелями как серебро и золото. Подростки называли некоторые предметы медью⁹. Основной частьюклада являлись денежные слитки, которые называются в деле «бруски серебра», «караси серебряные», «лемешки серебряные». Есть свидетельства, что на некоторых слитках имелись надписи: «караси серебряные с подписми»¹⁰. Среди предметовклада было «золото прутовое» и «золото витое»; «пруты серебра»; «чепь золотая»; «камешек лазоревый», который выпал из «золота ви-

того»; «свиток» золота. Крестьяне и покупщики делили предметы на части, которые в деле называются «отломок» или «отсечек», «усечек» (например, «отсечек чепи золотой»).

Материалы дела позволяют интерпретировать клад как денежно-вещевой. Его наиболее значительную часть составляли денежные слитки, не менее 39 экземпляров (такое количество указал и Н. Н. Оглоблин). Указания в сыском деле свидетельствуют, что слитки «серебряные караси» или «лемешки» имели вес почти полфунта (то есть немного меньше 205 г). Размеры слитков, которые описал участник дела серебряник Алешка Кобыляков, составляли длину около 2,5 вершка (около 10 см), ширину в наиболее широкой части – 1,7 вершка (около 7,5 см), толщину – около полвершка (около 2,5 см). Слитки имели ромбовидную форму (наименования «караси» и «лемешки» ее довольно точно отражают). Ромбовидная форма появляется у древнерусских денежных слитков на рубеже XI–XII вв. Средний вес и форма позволяют отнести денежные слитки Кутуковскогоклада, или по крайней мере их часть, к слиткам черниговского типа. Для этого типа характерен средний вес 197,73 г, который превышает обычный вес киевских слитков. Ромбовидную форму и метрологический стандарт в полфунта южнорусские слитки, по А. В. Комару, приобретают на рубеже XI–XII вв. (Комар, 2015. С. 538–541). Кроме того, черниговские гривны демонстрируют самый высокий процент наличия буквенных граффити (Комар, 2015. С. 533).

Другие предметыклада можно охарактеризовать как браслеты и (или) гривны золотые и серебряные. Среди них, несомненно, были дротовые («прутовые») золотые и серебряные и витые золотые браслеты. Их количество невозможно установить, так как крестьяне и покупщики неоднократно рассекали предметы на части, продавая и пряча отсечки. Среди предметов выделяется также один фрагмент длиной около 18 см, около 2 см в диаметре «свиток тянутова (волоченого. – Ю. С.) золота... а то золото тянуто в сережное тонкое кольцо»¹¹), который можно интерпретировать как витую из нескольких тонких проволок (менее вероятно, плетеную) гривну. Подобные гривны известны в южнорусскихкладах XI – начала XII в. (Корзухина, 1951. С. 91, № 32). В одном экземпляре присутствовал браслет золотой со вставкой («камь-

⁹ ТГОМ КВФ 939/28. Л. 1.

¹⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13, ч. 1. Д. 446. Л. 111.

¹¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13, ч. 1. Д. 446. Л. 3.

шек лазоревый»). Браслеты из серебряного сплава со вставками были распространены в Волжской Булгарии в XI–XII вв. (Руденко, 2015. С. 176–177). Известны также золотые браслеты этого типа из Биляра. Известны находки таких браслетов в вятских могильниках XI–XII вв. (Зайцева, Сарачева, 2011. С. 223. Рис. 109, б) и в Новгороде (Седова, 1981. С. 97. Рис. 34, 13). В составе клада находилась также одна золотая цепь, которую крестьяне разъяли на части. Цепи золотые датируются Н. В. Жилиной серединой XI – первой половиной XII в. (Жилина, 2014. С. 60). В целом женские уборы с похожим набором украшений из Древней Руси и Волжской Булгарии датируются XI – началом XII и первой половиной XII в. (Жилина, 2020. С. 130–132. Рис. 2, 3).

Сомнительно, что в составе клада могли присутствовать золотые денежные слитки в виде палочек. Во всяком случае, в материалах дела не выявлено соответствующих им характеристик.

С учетом уточненной хронологии украшений и характера денежных слитков Кутуковский клад можно датировать концом XI – первой половиной XII в. Близким по составу Кутуковскому кладу является Исадский клад, найденный в 2021 г. в окрестностях с. Исады и в непосредственной близости к д. Кутуково (Стрикалов, 2022). Присутствие двух крупных кладов позволяет поставить вопрос о значении рассматриваемого микро-региона и гипотетически реконструируемой здесь дороги в контексте связей Поочья, южнорусских земель и Поволжья.

Приложение

Тверской государственный объединенный музей. КВФ (Книга вспомогательного фонда) № 939/28. Фрагмент сыскного дела о Кутуковском кладе. 1673 г.¹²

(Л. 1) [...] И выпал у него Васки [...], да пасынок же де ево Обращко нашол [...] серебра, из золота витым [пру]т золота, и тот де прут называл медью, и того прута отсечек у него есть. Да племянник ево Петрушка [от]ломок тово прута Алешке Кобыляку [...] продовать, а продал ли, того не ведает.

И у Васки Ломова отсечек золота прутового весом 14 золотников взято уже. [Камышек] лазоревой что выпал из золота, взят у с(ы)на ево Андрюшки.

А Васкина жена Ломова Парасковья сказала, что тово ж отсечка золота 2 отсечка взял прикащик их, а тот де слиток золота принес с(ы)н ево Обращко с находным серебром и с витым золотом, а что она в первом роспросе не сказала, и в той де вине ее великий г(осу)д(а)рь волен. А где с(ы)н ево Обращко серебро и золото с пастухами находил

(Л. 2) поклажеем, был ли, того не ведает, и от мужа своево, и от детей, и ни от кого от кр(е)стьян не слыхала.

А Васкин с(ы)н Андрюшка Ломов сказал, брат де Обращко нашол и к отцу их принес 12 брусков

серебра да слитком золота прутового, да одно место золота витого, а болши того к ним не приносил, а камешек де был в витом золоте. А погреба де с старинным поклажеем отец ево, и братья, и он, и кутуковские кр(е)стьяне не нахаживали, и никакой казны не вынимали.

Васкин же племянник Петрушка Ломов сказал, с Обращкою де у речки Мариченки нашол он слиточек небольшой путового золота, и то де золото отдал он серебрянику Алешке, а болши де того он ничего не нахаживал. А Обращка де серебра и золота много ль нашол, и по торшкам серебро и золота кутуковские кр(е)стьяне хто продовали ли, того не ведает, а у дяди де своево у Васки Ломова отсечка золота не имал.

А Васка Ломов сказал, племянника своего Петрушку Ломова во взятье у него золота поклепал, и сам ли де он то золото с пастухами нашол, или у ково взял, того не ведает.

(Л. 3) А касимовской пушкарь Тимошка Вялин в роспросе сказал, в н(ы)нешнем де году в Петров пост едучи он сверху вниз по Оке реке в Касимов с хлебом под д(е)р(е)внею Кутуковую, купил у Федорова кр(е)стьянина Ртищева д(е)р(е)вни Кутуковы у Васки Ломова на уговоре в дву местех золота отломок чеши золотой по весу пол-5 золотника

¹² Документ публикуется в соответствии со следующими правилами: текст передается с сохранением орфографических особенностей оригинала; проводится деление на слова и предложения, проставляются нужные по смыслу знаки препинания и прописные буквы; вышедшие из употребления буквы заменяются буквами современного алфавита, слова под титлами раскрываются, выносные буквы вставляются в строку; буквенная цифирь передается арабскими цифрами; пропущенные и восстановленные по смыслу слова и буквы приводятся в квадратных скобках.

Приношу глубокую благодарность за консультации Ю. В. Любченко (ст. науч. сотр. ТГОМ) и А. А. Фролову (док. ист. наук, вед. науч. сотр. ИВИ РАН, РГАДА).

с лишком, и то де золото н(ы)не у него Тимошки цело, а сказал ему Васка, что то золото у него находное и просил за золотник по 40 ал(тын). И он де Тимошка за то золото д(е)н(е)г ему Васке не давал, а денги заплотить было ему будет то золото в дело поидет, и в Ярославле де смотря у него серебряники то золото для опыту переломили, а болши того золота у него Васки он Тимошка не покупывал, и про находку погребца с старинным поклажем Васка Ломов де Тимошке не сказывал, и ни от кого про то не слыхал.

И у Тимошки Вялина того золота взято в 4-х местечках весом пять золотников, а по осмотру знатно отломлено от чеши золотой.

Деревни Кутуковы ж крестьянин Июдка Прокофьев в первых роспросных речах сказал, сам де он серебра и золота нигде

(Л. 4) не подымал, и погребца с старинным поклажем не нахаживал, и никакой казны не вынимал. А с(ы)н де ево Гришка пасучи животину нашел у речки Мариченки 8 протов серебра, и ис того де числа отдал он прикащику Гришке Максиму 4 прута, да продал де в селе Киструсе на торшку серебряником елатемцом, имян их не знает, 4 ж прута ж, и болши де того с(ы)н ево Гришка серебра не нахаживал и к нему не принашивал. А после де находки с(ы)на своево ходил он, Юдка, к тому месту смотреть д(е)р(е)вни Кутуковы с крестьяны с Патрекейком Петровым, з Захарком Мелеховым, и погребца де в том месте не видали и никакова старинного поклажа не вынимали.

А жена ево Юдкина Анютка в роспросе сказала, с(ы)н де ее Гришка с товарыщи своими, пасучи животину у речки Мариченки, нашол и принес 8 протов серебра, а болши не приносил. И муж де ее то серебро где дел и к тому месту смотреть ходил ли, того она не ведает, и опричь де тех 8 протов у мужа своево, и у с(ы)на, и у иных ни у ково никакой казны не видали.

А Юдкин с(ы)н Гришка в роспросе сказал, поднял де он, Гришка, у речки Мариченки 8 брусков серебра и принес к отцу своему

(Л. 5) Юдке, и от(е)ц де ево те бруски отдал все прикащику Гришке, а болши того серебра и золота он не нахаживал, и к отцу своему не принашивал,

и погребца не видал, а после ево от(е)ц ево Юдка к речке Мариченке искать поклажею ни с кем не хаживал, и попу Торасу серебра он Гришка не казывал, а от(е)ц ево Юдка то серебро попу Торасу казал ли, того он не ведает.

А Патрекейко Петров и Захарко Мелехов в роспросе сказали, к речке де Мариченке, где пастухи находили серебро, они, Патрекейко и Захарко с Юдкою, смотреть ходили и ничего де серебра и золота не нашли. А пришед де видели они, Патрекейко, у Фектистка с(ы)на у Евтюшки один брусок серебра, а болши тово золота и серебра ни у ково он не видал, и погребца де в том месте с старинным поклажем они, Патрекейко и Захарко, не нахаживали, и погреб в том месте с поклажем был ли или нет, того они не ведают.

А по роспросным речем серебряника Алешки Кобыляка Юдка Прокофьев в роспросе в продажном бруске серебра винился, а сказал в первых роспросных речах, сказал он Юдка, что он 4 бру

(Л. 6) ска серебра продал в торшку в селе Киструсе серебряником елатемцов, и то де сказал он неправду, а ис тех де 4 брусков продал он брусок Алешке Кобылякову, а три бруска у него Юдки схоронены в огороде в земле. И для выимки тех брусков из земли послан подьячей, и те три бруска у Юдки в огороде взел вынять. У него Юдки серебра не сыскано, и в роспросе не винился.

И против допросных речей Васки Ломовы, Юдки Прокофьева серебряник Алешка Кобыляков в роспросе сказал, у Юдки де Прокофьева серебра болши одного бруска он не покупал, а у Васки Ломова купил он пол-2 золотника золота витого, а не протового, а у племянника ево Васкина у Петрушки взял отсечек золота протового золотник с четью, а что де он в первых роспросных речах сказал, что он у Васки Ломова купил золота протового, а не витого, и будто то золото отдал он назад, и то де сказал он по наученью Васкина с(ы)на Ломова Андрюшки да Юдкина сына Меркушки. Да он же де Алешка купил в Рязанском же уезде в слободке Хириной у крестьянина, а как ево зовут, того не помнит, а в лицо узнает, брусок серебра ж такой ж, что у Юдки, а что де в первых роспросных речах утаил, и в той де вине ево великий г(осу)д(а)рь волен.

Литература

Введенский С. Н., 1906. Кудеярова поклажа // Изв. общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. XXII. Вып. 1. С. 1–22.

Гурлянд И. Я., 1902. Приказ великаго государя тайных дел. Ярославль: Тип. Губернского правления. 390 с.

- Демидова Н. Ф., 2011. Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700). Биографический справочник. М.: Памятники исторической мысли. 720 с.
- Дианова Т. В., 1997. Филигранные XVII–XVIII вв. «Голова шута». М.: ГИМ. (Тр. ГИМ. Вып. 94). 165 с.
- Жилина Н. В., 2014. Древнерусскиеклады IX–XIII вв.: Классификация, стилистика и хронология украшений. М.: Либроком. 391 с.
- Жилина Н. В., 2020. Волжская Булгария и Древняя Русь. Сравнительная характеристика убора из украшений XI–XIII вв. в реконструкциях // Поволжская археология. № 4 (34). С. 125–144.
- Зайцева И. Е., Сарачева Т. Г. 2011. Ювелирное дело «Земли вятичей» во второй половине XI–XIII в. М.: Индрик. 402 с.
- Комар А. В., 2015. Платежные слитки черниговского типа // Города и веси Средневековой Руси: археология, история, культура: к 60-летию Николая Андреевича Макарова. М.; Вологда: Древности Севера. С. 531–543.
- Корзухина Г. Ф., 1951. Русскиеклады IX–XIII вв. М.; Л.: АН СССР. 156 с.
- Новомбергский Н. Я., 1919. Слово и Дело (не окончено) // Изв. Томского университета. Кн. LXVIII. Томск: Типо-лит. Сибирского тов-ва печатного дела.
- Оглоблин Н. Н., 1893. «Сыскные дела» окладах в XVII веке // Чтения в Историческом обществе Нестора летописца. Киев: Тип. Унив-та св. Владимира. Кн. 7. Отд. II. С. 117–154.
- Руденко К. А., 2015. Булгарское серебро. Т. 2: Древности Биляра. Казань: Заман. 527 с.
- Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука. 195 с.
- Стрикалов И. Ю., 2022. Исадский клад 2021 г. // РА. № 2. С. 154–160.

Yu. V. Stepanova

Kutukovsky hoard of 1673: the interpretation based on the written sources

Summary

The article is devoted to the materials of the case of the finding of the Old Russian hoard at the village of Kutukovo of Ryazanskiy uезд in 1673. The commission for the investigation of the circumstances of the finding of the hoard was headed by Andrey M. Borisov-Borozdin and Perfilii F. Olovenikov. The main part of the case documentation is kept in the Russian state archive of ancient acts. The fragment of the case was identified in the collection of manuscripts of the Tver museum. The case includes the statements of the finders of the hoard, their relatives and other wit-

nesses, contains the characteristics of the hoard items. The study of the materials of the case and modern historiography, allows to offer a new look at the hoard items and its chronology. The hoard included the silver ingots (including Chernigov Type), gold and silver bracelets and necklaces, the gold chain. By the chronology of jewelry and the type of silver ingots, the Kutukovsky hoard can be dated to the end of the 11th – the first half of the 12th century. Presumably, the hoard was close to the hoard from the Isady village, discovered in the same microregion in 2021.

В. Н. Пинской*, **Н. Е. Арсенова****, **А. В. Борисов***

* *Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН*

** *ООО «Археология Подмосковья», г. Москва*

Геохимические и микробиологические свойства котлованов-ледников средневекового селища Богданиха 7

В 2023 г. в Московской области, Ленинском городском округе, вблизи деревни Богданиха проводились археологические раскопки памятника XII–XVII вв. Памятник расположен южнее д. Богданиха, на левом берегу ручья, правого притока р. Людовны, правого притока р. Москвы.

Общая площадь раскопа составила 4066 кв. м. В ходе работ выявлено 124 археологических объекта, заглубленных в материк (рис. 1). На изученной территории памятника выделяется несколько зон. В северной его части изучены объекты, предположительно связанные с производством кварцитовых жерновов. Центральная часть связана с жилой застройкой (в некоторых котлованах хорошо читались следы столбовых деревянных конструкций). В юго-восточной части селища зафиксировано четыре котлована с необычной прослойкой зеленовато-серой супеси на дне. Также в этих котлованах отсутствовал слой натопта, что вызвало сложность в интерпретации назначения этих объектов.

Таким образом, одной из целей исследования стало выяснение причин образования прослойки зеленовато-серой супеси на дне котлованов, а также в сравнении свойств заполнения таких объектов относительно котлованов, предположительно связанных с жилой застройкой. Для выяснения этого вопроса проводился почвенный анализ культурных слоев в четырех котлованах – № 34, 4, 31 и 20. Основное отличие котлованов 34 и 4 от котлованов 31 и 20 заключалось в отсутствии рядом с ними малой ямы, а также в округлой в плане форме последних. Судя по обилию археологического материала, котлованы 34 и 4 предположительно связаны с жилой застройкой, тогда как котлованы 31 и 20 отличались меньшим числом артефактов и располагались восточнее основного массива объектов.

Для объектов, связанных с жилой застройкой, выделено несколько характерных особенностей почвенного профиля заполнения котлованов. Первое – это наличие железисто-охристого слоя супеси на дне с вышележащим слоем натопта, где обнаружено наибольшее количество археологического материала. Выше по профилю в таких объектах залегают различные слои, связанные либо с оплыванием почвообразующей породы, либо с засыпанием ямы грунтом при выкапывании ямы рядом. Иногда на этих слоях прослеживался слой с почвообразованием, что указывает на кратковременное прекращение поступления грунта в котлованы застроек.

В случае с круглыми котлованами (объекты 20 и 31), расположенными восточнее основного скопления заглубленных объектов, на дне обнаружен схожий по составу слой супеси, но при этом в окрасе присутствовали не характерные для материка сизо-зеленые цвета. Выше этого слоя отсутствовал слой натопта, вместо него залегал слой материкового суглинка, сформировавшийся в результате медленного разрушения и осыпания стен под перекрытием. Выше материкового затекшего материала обнаружен слой органического тлена легкого гранулометрического состава, предположительно образовавшийся в результате разрушения перекрытия. В этом слое зафиксировано большое количество углей. На слое перекрытия залегал не характерный для других объектов слой белесовато-бурого легкого суглинка, схожего с материалом дернового слоя погребенной почвы. Выше заполнение состояло из затекшего материала культурного слоя с прилегающей территории. Характерной особенностью котлованов 31 и 20 является отсутствие археологического материала в слое, связанном с олеением, в отличие от верхней части заполнения.

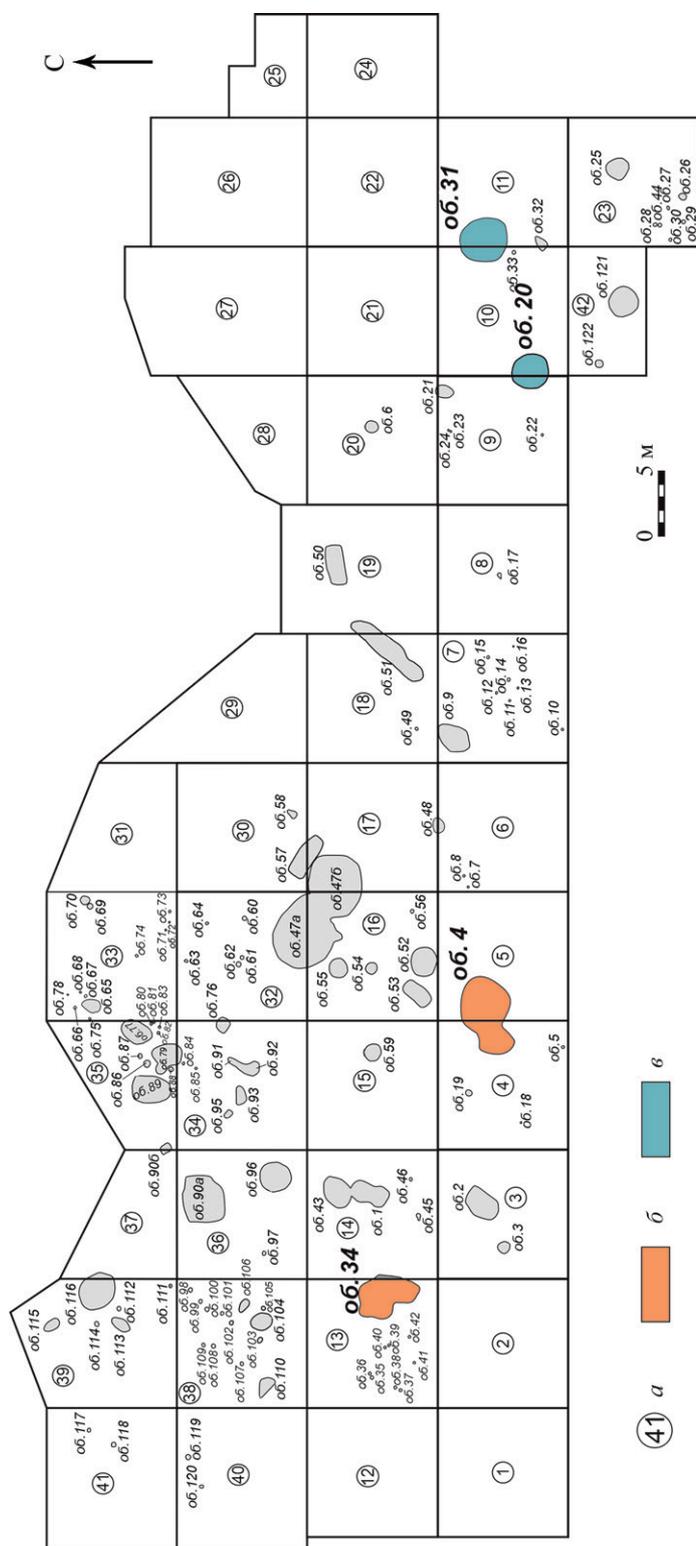

Рис. 1. План раскопа селища Богданиха 7 с местами отбора почвенных образцов

а – номера секторов; б – места отбора образцов в котлованах с железисто-охристым слоем на дне;
 в – места отбора образцов в котлованах с сине-зеленым слоем на дне

Для установления причин различий в заполнении котлованов жилых построек с обилием археологического материала и котлованов без археологического материала в нижних слоях проводилось комплексное палеопочвенное изучение этих грунтов путем определения содержания минерального, органического и валового фосфора в почвах по методу Сандерса и Вильямса (*Saunders, Williams, 1955*). Повышенные значения отмеченных форм фосфора в культурных слоях указывают на поступление в почву золы, пищевых отходов, экскрементов либо иных субстратов органического происхождения (*Борисов и др., 2023*. С. 15).

Мы предположили, что причиной зеленовато-серой с сизым оттенком окраски грунта на дне котлованов 20 и 31 могли стать процессы оглеения. Известно, что при процессах, связанных с оглеением, образуются закисные условия и формируется переход большинства химических элементов из окисленных в восстановленные, что отражается на таких параметрах, как магнитная восприимчивость и величина *pH*. Магнитную восприимчивость измеряли с помощью прибора измерения удельной магнитной восприимчивости *Kapabridge Kly-2* (*Бабанин и др., 1995*), значения *pH* почв определяли по традиционным методикам (*Аринушкина, 1970*). Также применяли метод определения гранулометрического состава почв пипеточным методом по Качинскому (*Практикум... 1973*).

Содержание основных макро- и микроэлементов в заполнениях котлованов также позволило установить природу происхождения отдельных слоев заполнения, связанных с естественным почвенным материалом, культурным или материковым слоем, а также сравнить дно котлованов с железисто-охристой супесью и зеленовато-серой супесью для выявления понижения валентности химических элементов и их миграции. Определения макро- и микроэлементов проводили на рентген-флуоресцентном анализаторе (M049-II/04) с помощью настольного *WD-XRF* кристалл-дифракционного сканирующего спектрометра *BRUKER JAGUAR S6*.

Отдельной задачей являлась оценка численности сапротрофных микроорганизмов и выявление слоев, связанных с хранением продовольствия или иным поступлением белково-жировой продукции. Данный метод основывается на подсчете колоний на твердой питательной глюкозопептонной дрожжевой среде (*Лысак и др., 2000*).

Результаты

В котлованах, связанных с жилой застройкой, на дне, в слое с железисто-охристой супесью со-

держание окисных форм железа составляло 2,19%. Также здесь отмечено повышенное содержание фракций крупного и среднего песка, в то время как содержание других химических микроэлементов было низким.

В слое с натоптом, залегающим на железисто-охристой супеси, отмечено повышенное содержание фосфора (0,5%), марганца (0,46%) и серы (0,023%). Высокое значение содержания этих микроэлементов, вероятно, связано с хозяйственной деятельностью в прошлом. На это также указывает высокая встречаемость археологического материала.

В объекте 4 нами выявлены три этапа искусственной засыпки котлована (рис. 2). Слои засыпки характеризовались включениями фрагментов материка и почвы разного размера без признаков проработывания почвообразованием. На первом этапе засыпки котлована такие показатели, как магнитная восприимчивость, содержание магния, фосфора, марганца и серы, увеличены относительно других слоев засыпки, что указывает на присутствие в переотложенном виде материала верхних почвенных горизонтов или культурного слоя. Материал, залегающий выше по профилю, в большей мере состоял из грунта более глубоких слоев. Такая ситуация могла произойти при засыпке одной ямы грунтом, полученным при выкапывании другой ямы рядом.

В случае с объектом 34 похожих этапов забрасывания ямы не наблюдалось, напротив, здесь отмечены низкие значения ряда почвенных параметров в слое над натоптом, означающие оплывание материковой стенки ямы (*Борисов, 2010*. С. 123) (рис. 3). Выше по профилю в заполнении отмечается возрастание содержания фосфора, серы, магния и т.д., что указывает на почвенную составляющую либо на заполнение материалом культурного слоя.

Как отмечалось ранее, характерной особенностью котлованов 20 и 31 являлось наличие хорошо сохранившегося мощного слоя перекрытия. Поверх прослойки древесного тлена в слое перекрытия отчетливо виден неоднородный слой почвенного материала и глины. Предположительно этот слой выполнял в постройке функцию теплоизоляции. Второй особенностью заполнения этих котлованов является слой зеленовато-серой супеси на дне котлованов (рис. 4; 5). Его химические свойства заметно отличались от заполнения котлованов построек, связанных с жилищем. Здесь отмечено низкое содержание практически всех металлов с переменной валентностью. Наиболее значимо это проявляется по содержанию марганца (0,01%). Относительно устойчивым элементом

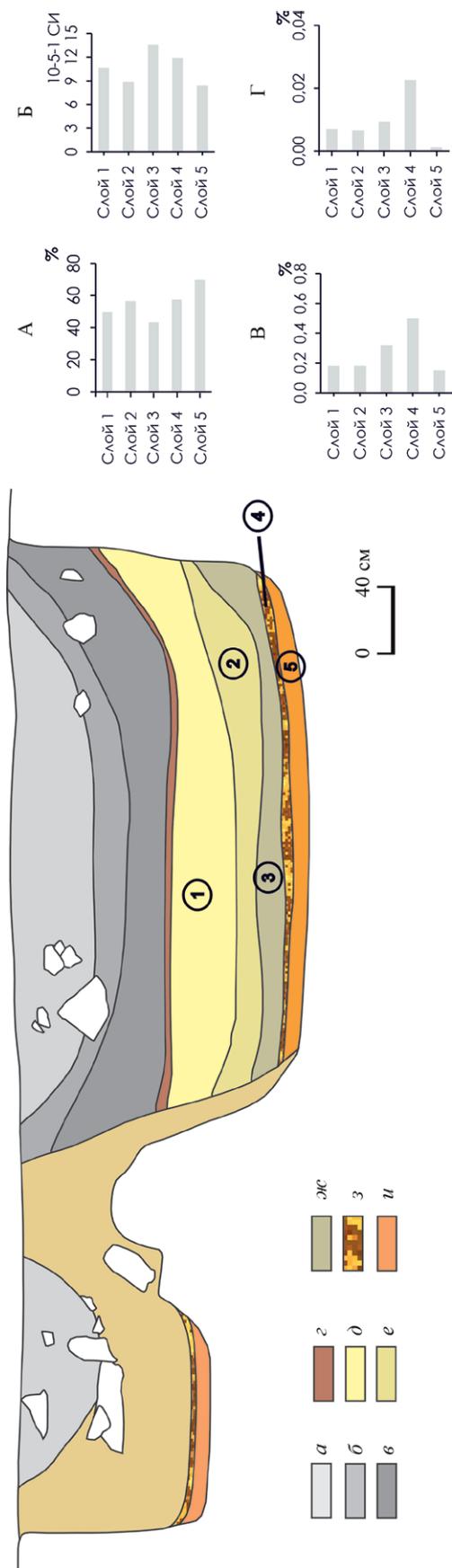

Рис. 2. Схема заполнения котлована 4

a – слой с культурным заполнением; *б* – слой с культурным заполнением; *в* – слой с культурным заполнением; *г* – слой 3 этапа засыпания; *д* – слой 2 этапа засыпания; *ж* – слой 1 этапа засыпания; *з* – слой 1 этапа засыпания; *и* – слой с охристой супесью. А – содержание крупного и среднего песка; Б – магнитная восприимчивость; В – содержание фосфора; Г – содержание серы

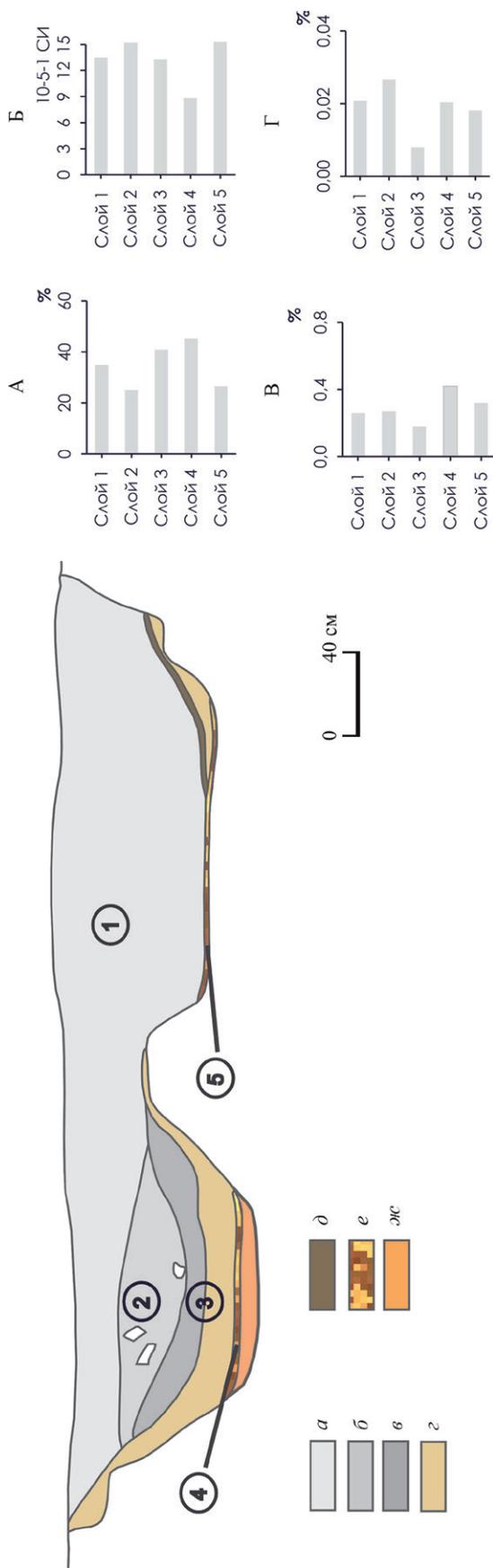

Рис. 3. Схема заполнения котлована 34

a – слой с культурным заполнением; *б* – слой культурного заполнения с камнями; *в* – слой с культурным заполнением; *г* – слой оплывания материка; *д* – прослой угля; *е* – напойт; *ж* – слой с охристой супесью. А – содержание крупного и среднего песка; Б – магнитная восприимчивость; В – содержание фосфора; Г – содержание серы

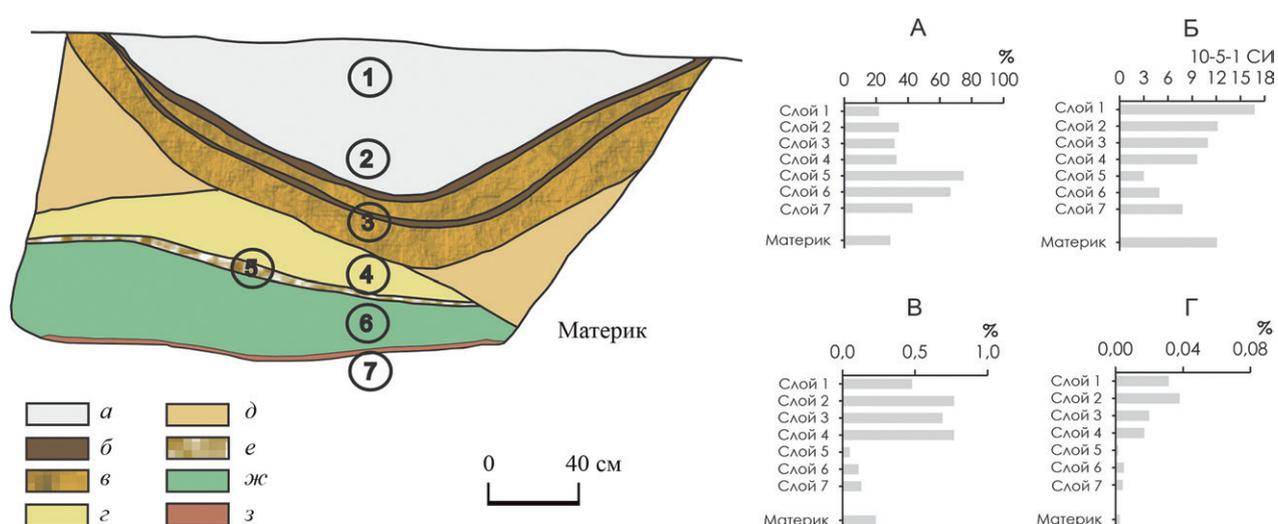

Рис. 4. Схема заполнения котлована 20

a – культурный затекший слой; *б* – слой тлена с углями; *в* – слой неоднородного белесо-бурого суглинка; *г* – слой оплывания материка; *д* – слой оплывания материка; *е* – слой неоднородной смеси почвенного материала и древесного тлена; *ж* – слой с зеленовато-сизой супесью; *з* – слой глины на дне. А – содержание крупного и среднего песка; Б – магнитная восприимчивость; В – содержание фосфора; Г – содержание серы

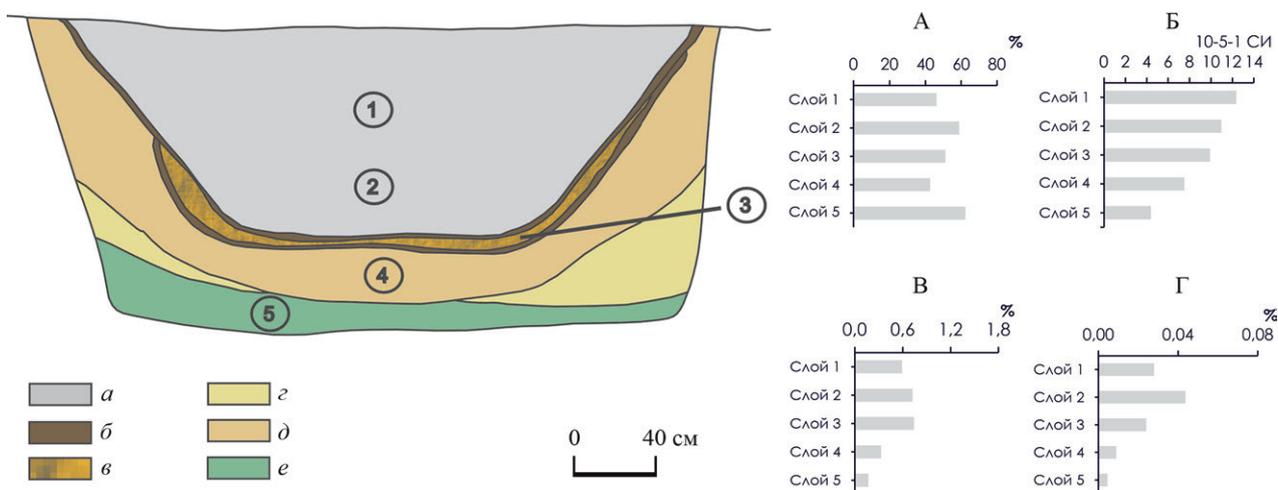

Рис. 5. Схема заполнения котлована 3

a – культурный затекший слой; *б* – слой тлена с углями; *в* – слой неоднородного белесо-бурого суглинка; *г* – слой оплывания материка; *д* – слой оплывания материка; *е* – слой с зеленовато-сизой супесью. А – содержание крупного и среднего песка; Б – магнитная восприимчивость; В – содержание фосфора; Г – содержание серы

в подобных условиях является магний, в слое с супесью находившийся на одном уровне с затекшим культурным слоем и с материком. Одинаковым здесь был гранулометрический состав, где обнаружено преобладание долей среднего и крупного песка, как и в объектах жилой застройки. Наиболее значимые различия заключались в магнитной восприимчивости, которая в слое зеленовато-серой супеси была значительно ниже.

В котловане 20 на слое зеленовато-серой супеси залежала прослойка органического тлена бурого цвета, в которой отмечены минимальные значения содержания всех химических элементов и магнитной восприимчивости ($3-5 \cdot 10^{-5}$ СИ) (рис. 4). Вероятно, этот слой представляет собой остатки некоего перекрытия или настила, лежавшего на рассматриваемом слое супеси.

В случае с объектом 31 над зеленовато-серой супесью не обнаружено следов тлена. Здесь выде-

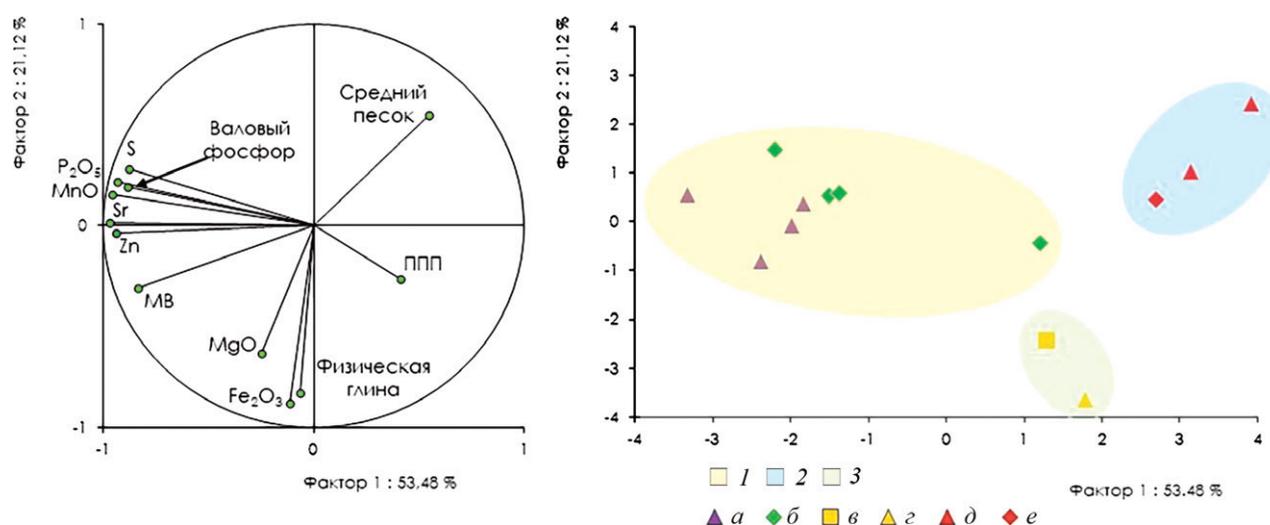

Рис. 6. Векторная диаграмма химических свойств почв и гранулометрического состава и диаграмма рассеивания котлованов 20 и 31
 а – заполнение котлована (об. 20); б – заполнение котлована (об. 31); в – материк; г – глина на дне;
 д – супесчаный зеленовато-серый слой (об. 20); е – супесчаный зеленовато-серый слой (об. 31).
 1 – слои заполнения; 2 – материк и глина; 3 – слои функционирования погребца ледника

ляется слой, состоящий из обрушенных материковых стенок, он характеризовался более тяжелым гранулометрическим составом (29% физической глины), в отличие от выше- и нижележащих слоев (рис. 5).

В середине профиля обнаружена тонкая прослойка углей, перекрытая неоднородным белесоватым легким суглинком, близким по своим морфологическим свойствам грунту дернового слоя почвы. Вероятно, слой суглинка также выполнял функцию термоизоляции подземной части постройки. В этом слое зафиксировано высокое содержание валового фосфора, в составе которого отмечено наличие органических форм фосфора. Выше по профилю выделяется мощная толща затекшего культурного слоя. По морфологии заполнение похоже на заполнение котлована 34, где также наблюдаются относительно высокие химические показатели и высокая магнитная восприимчивость.

Различия в свойствах грунта заполнения котлованов с зеленовато-серой супесью на дне показаны на графиках (рис. 6). Статистическая обработка свойств почв, отобранных из котлованов 20 и 31, проводилась при помощи метода главных компонент. На векторной диаграмме (рис. 6, А) расположено 12 почвенных показателей, максимальная дисперсия которых главным образом связана с культурными слоями поселения, почвообразующей породой и слоями зеленовато-серой супеси на дне.

Образцы из этих слоев показаны на точечной диаграмме (рис. 6, Б). Из диаграммы следует, что высокое содержание микроэлементов, а также повышенная магнитная восприимчивость почв и высокое содержание валового фосфора характерны для слоев, представленных почвенным материалом и культурным слоем.

Вклад физической глины и оксида железа, в меньшей мере магния делит точечную диаграмму на верхнюю и нижнюю части. Высокое содержание перечисленных компонентов отмечалось в образцах материкового грунта и глины в заполнениях котлованов.

Хорошо заметное разделение точек на правую и левую полуось связано с показателями слоя зеленовато-сизой супеси, в которых содержание фракций песка было максимальным по профилю, а содержание большинства микроэлементов – низким.

Мы попытались использовать методы микробиологии для реконструкции характера использования котлованов. Проведена оценка численности колониеобразующих единиц сапротрофных микроорганизмов в слое зеленовато-серой супеси на дне. Известно, что высокая численность сапротрофных микроорганизмов, растущих в богатой среде, может быть индикатором поступления в почву больших объемов легкодоступной органики, что связано, как правило, с антропогенной деятельностью (*Каширская и др.*, 2021 С. 11; *Chernysheva et al.*, 2021. С. 9).

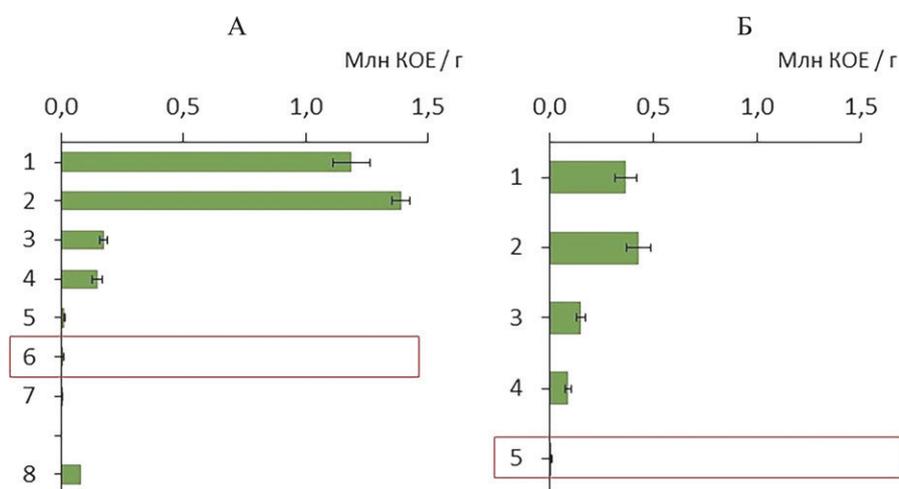

Рис. 7. Численность сапротрофных микроорганизмов в слое зеленовато-сизой супеси (показано красным) на дне котлованов 20 (А) и 31 (Б)

Результаты посевов показали практически полное отсутствие микроорганизмов в этом слое. Предположительно это следствие анаэробных условий и застоя влаги. При этом даже в образце материка отмечено некоторое увеличение численности сапротрофных микроорганизмов (рис. 7).

Таким образом, стало очевидно, что зеленовато-серая супесь на дне котлованов 20 и 31 связана с процессами оглеения. Характерные «холодные» тона в окраске почвенной массы являются признаками оглеения в условиях постоянного или длительного обводнения. В таких условиях значение *pH* смещается в кислую область, отмечается преобладание гетеротрофных анаэробных микроорганизмов, происходит переход железа в составе почвенных минералов в двухвалентную (закисную) форму, уменьшается магнитная восприимчивость почв, изменяется валентность марганца и других химических элементов, ускоряются их миграция и возможный вынос, а также происходит разрушение почвенных микроагрегатов. Всем этим требованиям отвечают слои зеленовато-серой супеси на дне котлованов 20 и 31.

Подобные процессы могли происходить при медленном и длительном таянии льда, если котлован использовался в качестве погреб-ледника. По этнографическим данным, источником холода в таких камерах являются блоки льда, принесенные из местных водоемов. Из этих блоков выкладывали камеру либо складывали их над пищевыми

продуктами. Сверху делали мощное перекрытие со слоем теплоизолирующего материала (солома, опилки, почва и т. д.).

В подобных условиях лед таял медленно, иногда мог сохраняться и до следующей зимы. В результате в грунте под слоем льда на протяжении всего теплого времени года создавались анаэробные условия на фоне низких температур. При многократном повторении этого процесса в почве развивалось оглеение. Железо в составе почвенных минералов переходило в закисную форму, возникали холодные тона в окраске почвенной массы, снижалась магнитная восприимчивость, мобилизовывался и вымывался марганец и т. д.

Вывод

Диагностическими признаками использования котлована постройки в качестве ледника может выступать помимо отсутствия артефактов в нижней части заполнения наличие на дне слоя грунта с признаком оглеения. К ним относятся зеленовато-серый с сизым оттенком цвет грунта (при том, что материк представлен обычным желто-бурым суглинком), низкая магнитная восприимчивость, низкое содержание всех биофильных элементов и элементов с переменной валентностью, а также низкая биологическая активность.

Исследование выполнено в рамках госзадания Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН № 122040500036-9.

Таблица 1. Химические и физико-химические свойства слоев котлованов застроек и погребов-ледников.

Описание	Глубина, см	Органический фосфор, г/кг	Магнитная восприимчивость	pH	Физ. глина, %
Об. 34. Культурный затекший слой	–	0,61	13,48	7,26	26
Об. 34. Культурный затекший слой	30–50	0,47	15,21	7,40	29
Об. 34. Затекший материковый слой	–	0,48	13,29	6,39	27
Об. 3.4 Натопт	–	0,73	8,84	6,71	28
Об. 34. Натопт (малая яма рядом)	50–60	1,01	15,43	7,31	33
Об. 20. Культурный затекший слой	0–50	0,26	16,77	7,04	32
Об. 20. Культурный затекший слой	50–70	3,33	12,16	6,88	29
Об. 20. Слой термоизоляции над перекрытием	70–85	2,13	10,96	6,90	32
Об. 20. Слой материкового заполнения под перекрытием	85–100	0,76	9,62	6,75	28
Об. 20. Остатки мата	118–120	0,11	–	7,14	26
Об. 20. Слой с зеленовато-сизой супесью	100–127	0,10	3,01	7,03	18
Об. 20. Глина на дне	127–129	0,15	–	7,04	42
Об. 20. Слой материка рядом	100–127	–	12,09	7,08	32
Об. 4. 3-й этап засыпки	85–120	1,19	10,64	7,43	26
Об. 4. 2-й этап засыпки	120–137	1,32	8,90	7,41	21
Об. 4. 1-й этап засыпки	137–157	2,09	–	7,41	27
Об. 4. Натопт	157–159	2,99	11,90	7,32	20
Об. 4. Слой с охристой супесью	160	2,24	8,41	7,41	11
Об. 31. Культурный затекший слой	0–90	4,45	12,36	6,86	25
Об. 31. Слой почвообразования	90–92	5,89	10,97	6,41	22
Об. 31. Слой термоизоляции над перекрытием	92–100	5,78	9,92	6,77	25
Об. 31. Затекший материковый слой	100–120	2,82	–	6,98	29
Об. 31. Слой с зеленовато-сизой супесью	125–135	1,33	–	6,89	28

Таблица 2. Химические свойства слоев котлованов застроек и погребов-ледников.

Описание	Глубина, см	Fe ₂ O ₃	S	MnO	P ₂ O ₅
		%			
Об. 34 Культурный затекший слой	–	2,91	0,02	0,20	0,26
Об. 34 Культурный затекший слой	30–50	3,08	0,03	0,15	0,27
Об. 34 Затекший материковый слой	–	4,20	0,01	0,21	0,18
Об. 34 Натопт	–	3,45	0,02	0,13	0,42
Об. 34 Натопт (малая яма рядом)	50–60	3,21	0,02	0,19	0,32
Об. 20 Культурный затекший слой	0–50	2,99	0,03	0,24	0,48
Об. 20 Культурный затекший слой	50–70	3,04	0,04	0,23	0,77
Об. 20 Слой термоизоляции над перекрытием	70–85	3,02	0,02	0,18	0,69
Об. 20 Слой материкового заполнения под перекрытием	85–100	3,10	0,02	0,15	0,77
Об. 20 Остатки мата	118–120	3,09	0,01	0,00	0,11
Об. 20. Слой с зеленовато-сизой супесью	100–127	1,64	0,00	0,00	0,05
Об. 20. Глина на дне	127–129	4,65	0,00	0,01	0,13
Об. 20. Слой материка рядом	100–127	4,42	0,00	0,04	0,23
Об. 4. 3-й этап засыпки	85–120	3,29	0,01	0,05	0,18
Об. 4. 2-й этап засыпки	120–137	3,42	0,01	0,05	0,18
Об. 4. 1-й этап засыпки	137–157	4,20	0,01	0,07	0,32
Об. 4. Натопт	157–159	3,18	0,02	0,14	0,50
Об. 4. Слой с охристой супесью	160	2,19	0,00	0,02	0,15
Об. 31. Культурный затекший слой	0–90	3,06	0,03	0,17	0,59
Об. 31. Слой почвообразования	90–92	3,22	0,04	0,19	0,72
Об. 31. Слой термоизоляции над перекрытием	92–100	3,35	0,02	0,14	0,74
Об. 31. Затекший материковый слой	100–120	3,18	0,01	0,03	0,33
Об. 31. Слой с зеленовато-сизой супесью	125–135	2,93	0,00	0,01	0,17

Литература

Аринушкина Е. В., 1970. Руководство по химическому анализу почв. М.: МГУ. 490 с.

Бабанин В. Ф., Трухин В. И., Карпачевский Л. О., Иванов А. В., Морозов В. В., 1995. Магнетизм почв. Ярославль – М.: ЯГТУ. 219 с.

Борисов А. В., 2010. Природные процессы в формировании заполнений котлованов средневековых построек // РА. № 3. С. 119–129.

Борисов А. В., Горошников А. А., Каширская Н. Н., Мимоход Р. А., Пинской В. Н., Потапова А. В., Смекалова Т. Н., 2023. Почвенно-микробиологические подходы к реконструкции назначения построек на древних поселениях // Нижневолжский археологический вестник Т. 22. № 1. С. 10–35.

Каширская Н. Н., Чернышева Е. В., Хомутова Т. Э., Дуцанова К. С., Потапова А. В., Борисов А. В., 2021.

Археологическая микробиология: теоретические основы, методы и результаты // РА. № 2. С. 7–18.

Лысак Л. В., Сидоренко Н. Н., Марфенина О. Е., Звягинцев Д. Г., 2000. Микробные комплексы городских почв // Почвоведение. № 1. С. 80–85.

Практикум по почвоведению / Под ред. И. С. Кауричева. М.: Колос, 1973. 279 с.

Chernysheva E., Korobov D., Khomutova T., Fornasier F., Borisov A., 2021. Soil microbiological properties in livestock corrals: An additional new line of evidence to identify livestock dung // Journal of Archaeological Science: Reports. Т. 37. С. 103012.

Saunders W. M., Williams E. G., 1955. Observations on the determination of total organic phosphorus in soils // Journal of soil science. V. 6. P. 254–267.

V. N. Pinskoy, N. E. Arsenova, A. V. Borisov

Geochemical and microbiological properties of the glacial pits of the medieval settlement of Bogdanikha-7

Summary

On the territory of the Bogdanikha 7 settlement (the 12th – 17th centuries), pits in the residential area of the monument were examined, as well as pits without a layer of trampling and without archaeological material in the lower part of the filling with a layer of greenish-gray soil at the bottom. Based on a complex of physicochemical and biological research methods, it was found that pits with signs of gluing at the bottom were used as gla-

ciers. Diagnostic signs of the use of a building pit as a glacier can be, in addition to the absence of artifacts in the lower part of the filling, the presence at the bottom of a layer of soil of a greenish-gray color (while the soil-forming layer is represented by ordinary yellow-brown loam), low magnetic susceptibility, low content of all biophilic elements and elements with variable valence, as well as low biological activity.

Н. Е. Арсенова*, **А. М. Родионов****, **Д. В. Ульянова*****

* ООО «Археология Подмосквья», г. Москва

** ГБУК «Природный архитектурно-археологический музей-заповедник «Дивногорье», Воронежская обл.

*** Минералогический музей РАН, г. Москва

Технологические аспекты производства кварцитовых жерновов на средневековом селище Богданиха 7 в Московской области

Находки каменных жерновов в их единичных экземплярах на средневековых селищах Подмосквья не являются редкостью. Например, они обнаружены на селище Большое Саврасово 2 (Фатьков, Яганов, 2015. С. 415), располагавшемся недалеко от селища Богданиха 7. Но следы их целенаправленного специализированного производства на одном памятнике обнаружены и зафиксированы впервые. Технология производства жерновов в литературе освещена крайне скудно, к сожалению, отсутствует какая-либо типологическая структуризация материала подобного рода. В данной работе в результате анализа макро- и микропризнаков удалось проследить целую цепочку производственных приемов и манипуляций, целью которых было создание конечного продукта – жернова.

Селище Богданиха 7 располагалось в 100 м к югу от д. 77/1 по ул. Ленина в д. Богданиха Ленинского городского округа Московской области, на левом берегу ручья – правого притока р. Людовны, правого притока р. Москвы. Его исследование проходило в августе 2023 г. под руководством Н. Е. Арсеновой. Площадь исследованной раскопками территории составила 4066 кв. м.

На территории памятника найдено и зафиксировано 124 археологических объекта, углубленных в материк, из которых происходит около 7000 обломков керамики. Среди них выделяются горшки, кувшины, миски. Встречено большое количество белой грубой и белой гладкой керамики, характерной для московского региона в XVI в. Также встречена и более ранняя керамика: развалы красноглиняных и обломки краснолощенных сосудов XV в., а также лепной керамики.

В 10 км на юго-восток от вышеупомянутого памятника находится селище Большое Саврасово 2, изучавшееся в 2013 г. Институтом археологии РАН совместно с ЦАИ «Куликово поле». В результате получены опорные хронологические комплексы, на которые мы ориентировались при датировке селища Богданиха 7 (Гоняный, Шебанин, Шеков, 2010; Богомолов и др., 2015; Аникин, Фатьков, 2019).

На рассматриваемом памятнике, как уже отмечалось выше, зафиксировано производство кварцитовых жерновов. В пределах 10 км от изучаемой площади находятся не менее трех современных выходов плотного песчаника, пригодного для изготовления жерновов: карьер в Еганово (около 10 км на восток, современная выработка), затопленные карьеры, разрабатывавшиеся в XX в., в Держинском (около 10 км на северо-северо-восток) и Лыткарино (около 7 км на северо-северо-восток). В интересующее время песчаник могли находить в долине р. Москвы, а также при выемке песка для строительных нужд. Можно предположить, что материал для производств жерновов брали как раз из одного из этих карьеров.

Песчаники в Московской области известны в песках двух возрастов – K_1^b (нижний мел, берриасский ярус) и K_1^a (нижний мел, аптский ярус) в составе люберецкой и икшинской свит. Толща люберецких песков протягивается полосой (5–10 км) в субмеридиональном направлении с юга на север от д. Жуково и д. Какузево, в верховье р. Северки, через поселок Еганово и д. Каменно-Тяжина (правобережье р. Пахры) на Лыткарино, Гремячево, Котельники и до Люберец. Также встречается на севере области в районе пос. Восточный, где слагает междуречье Яузы и Пехор-

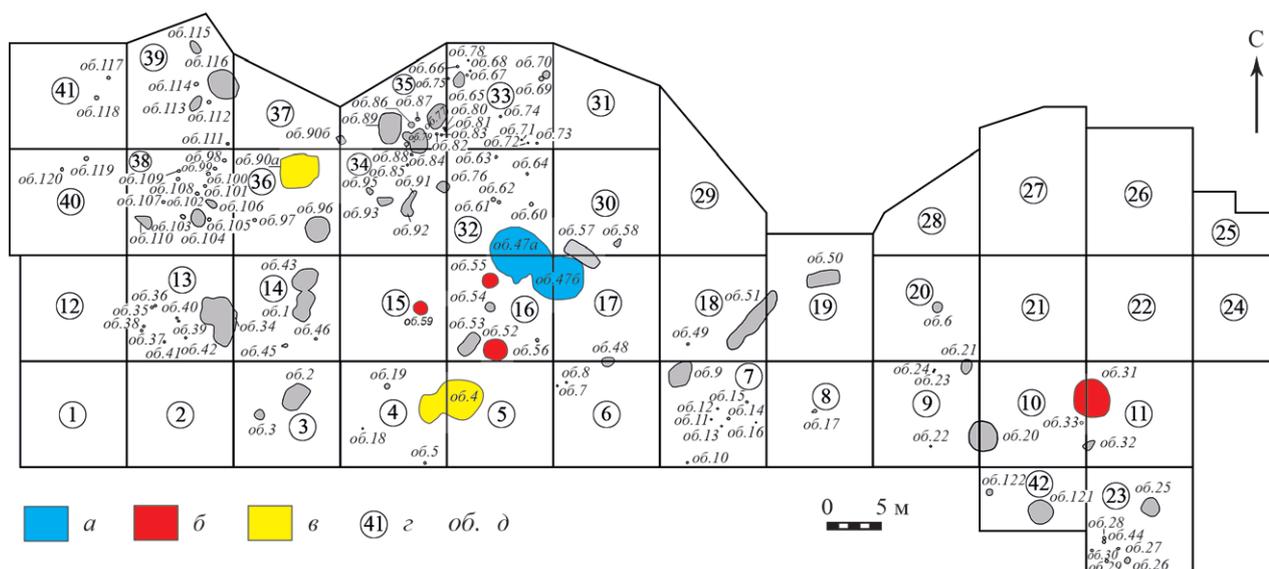

Рис. 1. Общий план раскопа 1 с обозначением мест находок жерновов
 а – находки кварцитовых и известняковых жерновов; б – находки кварцитовых жерновов;
 в – находки известняковых жерновов; г – номер сектора; д – объект

ки. Также эти пески развиты по правобережью р. Москвы, на юго-востоке, в окрестностях деревень Ащерино, Картино, Мамонтово, Дроздово, Мильково и с. Беседы. Мощность толщи песков достигает 39 м. В песках присутствуют прослои и линзы плотных кварцевых песчаников с кварцевым цементом. Распространение песчаников внутри толщи неравномерное, чаще всего они тяготеют к верхней части (Большой Люберецкий и Дзержинский карьеры) (Олферьев, 2013а). Икшинская свита развита неравномерно, протягиваясь прерывистой широкой полосой от Углича через Москву и Петушки далее к Липецку. Мощность свиты на изучаемой территории – 5–18 м. В песках часто присутствуют линзы плотных песчаников (Татарово, Еганово) (Олферьев, 2013б).

Кварцитовые жернова на селище Богданиха 7 обнаружены в восьми объектах, датируемых XV – началом XVII в. Общее количество всех обнаруженных жерновов – 30 штук (9 известняковых, 21 кварцитовый). Диаметр кварцитовых жерновов колеблется от 31 до 44 см, толщина – от 8,0 до 19,5 см. Диаметр известняковых жерновов – от 36 до 48 см, толщина – от 7,5 до 14,0 см. Также следует отметить, что зафиксированы ямы с дебетажом (объекты 52, 79, 89) (следы отходов производства – кварцитовые отщепы разной величины и формы) (рис. 1).

Теперь хотелось бы перейти к технологической цепочке изготовления кварцитовых жерновов. В качестве заготовки для жерновов выбирался удобный по толщине кусок кварцита, судя по тому,

что восемь из имеющихся имеют следы неполной декартикации, то есть местами сохранилась первичная поверхность – сильно выветренная, напоминающая корку; приоритет имели плитчатые формы, подходящие по толщине. Первая стадия обработки представляла грубую оббивку металлическим инструментом (кувалдой или молотом) и приведение плитки кварцита к округлой форме, по возможности массивными сколами подправлялись все поверхности будущего изделия (рис. 2, а).

Следующий этап – формирование рабочей поверхности жернова. В случае удобной относительно ровной исходной поверхности проводилось оформление с помощью пикетажа. При этом металлическое орудие (пикетажер) имело округлую острую форму, о чем свидетельствуют правильные конические трещины, оставшиеся на поверхности. Предположительно удары могли наноситься как просто кувалдой, так и с использованием пикетажера в качестве посредника, в этом случае импульс передавался от кувалды (рис. 2, б).

Если первичная поверхность жернова имела сильные выпуклости, которые убрать обычным пикетажем достаточно проблемно, использовался вариант совмещения прямого пикетажа с боковой подправкой. Для этого формировалась узкая полоска поверхности жернова вдоль края, имевшая почти прямой угол по отношению к будущей рабочей поверхности, это давало возможность производить горизонтальные сколы боковыми ударами, скорее всего, при помощи того же инструмента (рис. 2, в).

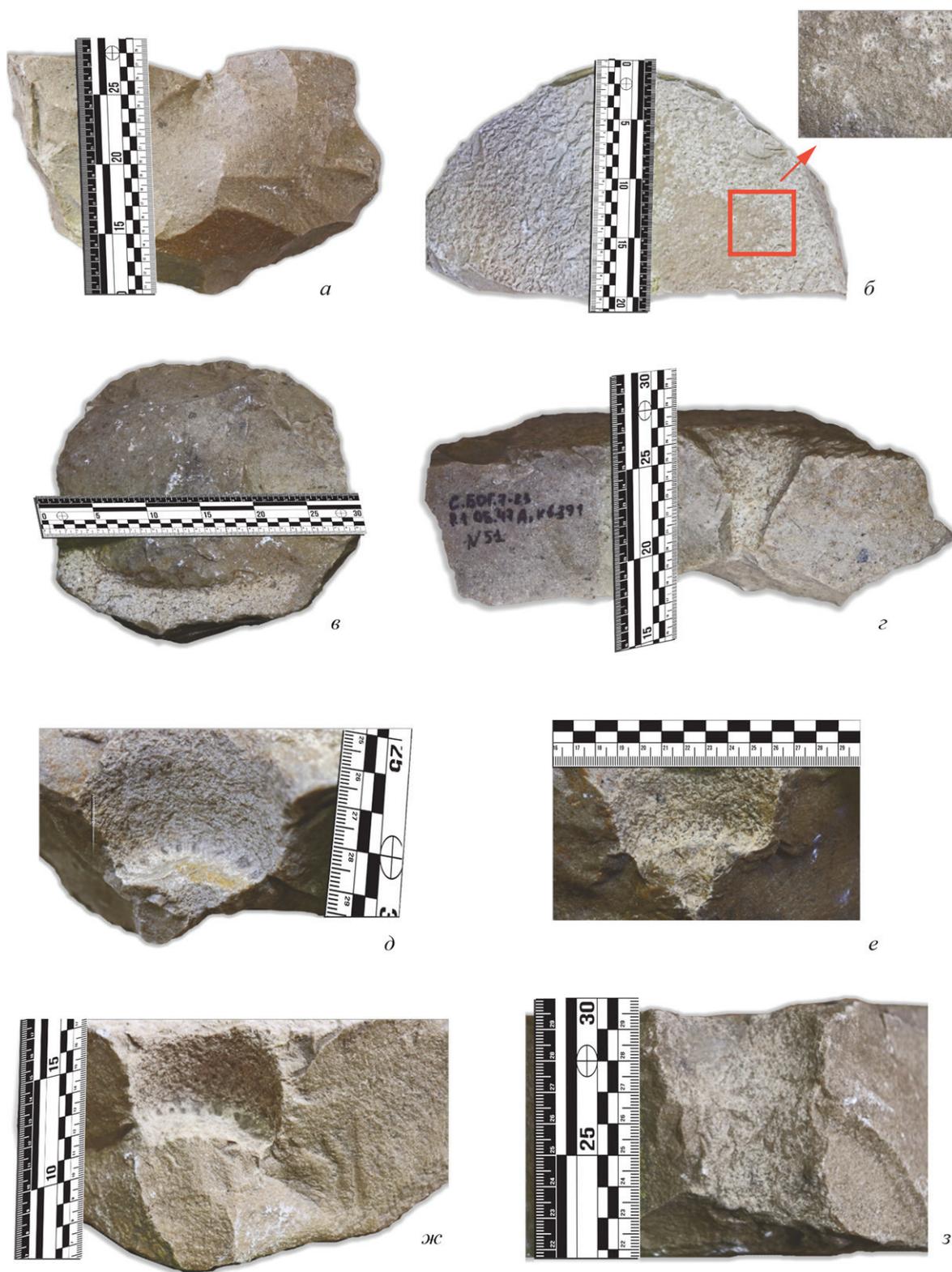

Рис. 2. Следы приемов изготовления на фрагментах жерновов с селища Богданиха 7
 а – кварцитовая заготовка, оббитая массивными сколами; б – кольцевые трещины на поверхности жернова от пикетажера;
 в – манипуляции с краем рабочей поверхности для создания условий боковой подправки поверхности; г – отверстие,
 сделанное коническим сверлом; д, е – отверстия, просверленные полым сверлом с центральной направляющей;
 ж – сверление цилиндрическим сверлом без направляющей; з – отверстие, сделанное встречным сверлением

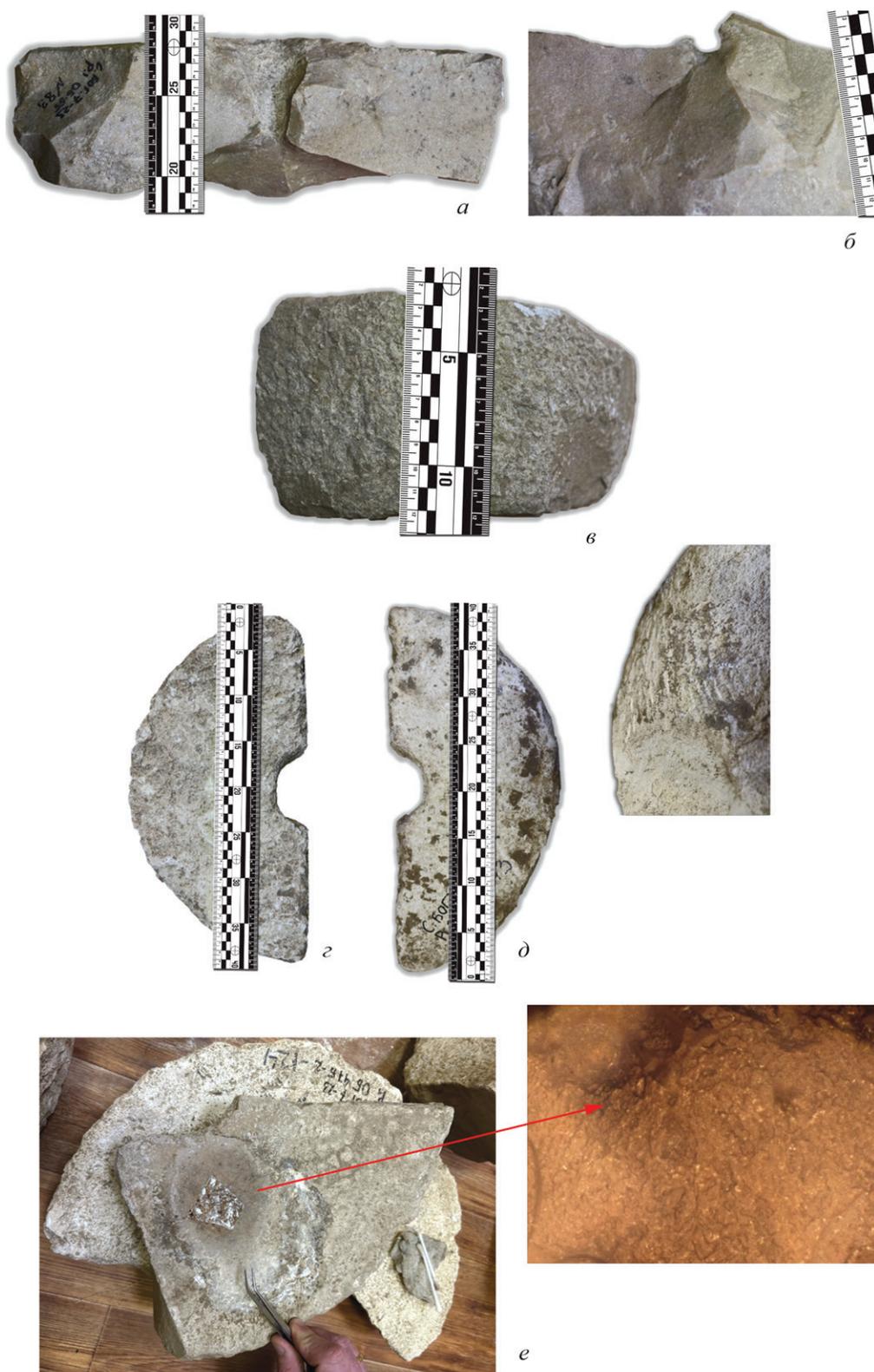

Рис. 3. Фрагменты жерновов с селища Богданиха 7

a, б – заготовки, расколотые в результате выбивания центрального конуса; *в* – следы пикетажа на боковой поверхности; *г, д* – половинки жернова из известняка, следы обработки орудием с плоским лезвием; *е* – изготовление серии оттисков из ацетатной пленки с кварцитового жернова

Следующий этап после формирования относительно плоской поверхности рабочей стороны – это сверление отверстия в центре жернова. Исходя из морфологии отверстий, можно выделить несколько рабочих вариантов сверления. Первый вариант – использование конического сверла, по-видимому, в этом случае применялся классический вариант сверления (рис. 2, з). Вторым вариантом – сверление полым сверлом с центральной направляющей (по морфологии сверло схоже с современными коронками для сверления отверстий в бетоне). Отметим, что такое сверление не было классическим, а сопряжено с ударами по коронке, то есть вращение сверла совмещалось с ударами по сверлу. Это хорошо прослеживается в виде равномерно расположенных выемок по периметру основания незаконченного отверстия (рис. 2, д, е). Третий вариант – сверление с помощью цилиндрического сверла без центральной направляющей, такой вариант можно подтвердить в одном случае (рис. 2, ж). Только в двух случаях можно говорить о наличии встречного сверления (рис. 2, з).

Процесс формирования отверстия в жернове не ограничивался одной манипуляцией. Если удавалось просверлить заготовку больше чем наполовину, оставшаяся часть выбивалась с помощью удара, вследствие чего с обратной стороны выпадал так называемый конус Герца (коническая трещина, возникающая при ударе в изотропных породах) (Семенов, 1968. С. 39). В зависимости от размера зоны контакта угол конуса может меняться от 65 до 125° (Sollberg, 1981). Выбивание центральной части отверстия значительно ускорило процесс формирования сквозного отверстия. Однако, исходя из наблюдений, можно утверждать, что это наиболее слабый момент в технологическом процессе. Большинство заготовок раскалывалось именно на этом этапе (рис. 3, а, б), поскольку при выбивании конуса Герца трещина шла не по полному конусу, а разворачивалась только в одну сторону. Несмотря на использование различных вариантов сверл, этап выбивания конуса применялся в абсолютном большинстве случаев.

После формирования сквозного отверстия наступал этап конечного формообразования всех поверхностей при помощи пикетажа. На следующем производилась шлифовка абразивом, что способствовало выравниванию поверхностей и приобретению конечного вида жернова (рис. 3, в).

Помимо кварцитовых жерновов в исследуемой коллекции имеются жернова из более мягкого материала – известняка. Их формирование связано с применением того же приема пикетажа, но орудие, которым проводилась обработка, имело плоское лезвие: из ныне существующих инструментов оно ассоциируется с зубилом (рис. 3, д). Как происходило сверление, сказать сложно, так как из-за мягкости материала поверхность сильно выветрена и каких-либо следов на ней не осталось.

Среди известняковых жерновов имеются две половинчатые формы. Возможно, они являются конечными формами, о чем свидетельствует обработка всех поверхностей этих артефактов. Их функция неясна, так как отсутствуют какие-либо следы использования. Примечательно, что отверстия в таких половинчатых формах имеют форму, близкую шестиграннику, возможно, они использовались в качестве направляющих для сверла (рис. 3, з, д).

На трасологическое исследование с целью обнаружения следов утилитарного износа отобрано шесть образцов, однако ни один из них не подтвердил наличие иных следов непосредственного использования. Кроме следов шлифовки камень о камень никаких других признаков не обнаружено (рис. 3, е).

Таким образом, в пользу наличия каменного производства жерновов на селище Богданиха 7 свидетельствуют: 1) присутствие жерновов, фрагментированных на всех этапах производства; 2) повторяемость выявленных технологических приемов обработки; 3) наличие технологических приемов, позволявших не зависеть от исходной формы; 4) отсутствие следов использования (заполировок) или утилизации на проанализированных артефактах.

Литература

Анкин И. С., Фатьков А. М., 2019. Группа керамики из южного Подмосковья: следы локальной позднесредневековой гончарной традиции (по материалам раскопа 2 на селище Большое Саврасово 2, 2013 год) // АП. Вып. 15. М.: ИА РАН. С. 366–382.

Богомолов В. В., Володин Е. О., Заидов О. Н., Цыбин М. В., Шебанин Г. А., Шеков А. В., 2015. Предварительные итоги археологических исследований селища Большое Саврасово 2 // АП. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 338–411.

Гоняный М. И., Шебанин Г. А., Шеков А. В., 2010. Средневековое поселение у деревни Большое Саврасово в Ленинском районе Московской области // АП. Вып. 6. М.: ИА РАН. С. 164–179.

Олферьев А. Г., 2013а. Стратиграфические подразделения нижнемеловых отложений Подмосковья. Статья 1. Берриас-готерив // Бюллетень МОИП. Отделение геологии. Т. 88. Вып. 2. М.: МГУ. С. 79–88.

Олферьев А. Г., 2013б. Стратиграфические подразделения нижнемеловых отложений Подмосковья. Статья 2. Баррем-альб // Бюллетень МОИП.

Отделение геологии. Т. 88. Вып. 3. М.: МГУ. С. 37–47.

Семенов С. А., 1968. Развитие техники в каменном веке. Л.: Наука, 1968. 362 с.

Фатьков А. М., Яганов А. В., 2015. Находки заготовок белокаменных изделий из раскопок селища Большое Саврасово 2 в 2013 году // АП. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 412–421.

Sollberg J. B., 1981. A discussion of force bulb formations and lipped flakes // Flintknapper's Exchange. Vol. 4. № 1 (March). P. 13–15.

N. E. Arsenova, A. M. Rodionov, D. V. Ulyanova

**Technological aspects of production of quartzite quernstones
at the medieval settlement Bogdanikha 7 in the Moscow region**

Summary

This article is dedicated to the finds of stone quernstones at the medieval settlement of Bogdanikha 7 in the Leninsky district of the Moscow region.

Analysis of all available material proves the presence of quernstones production at this archaeological resource.

Т. О. Галкин

*Государственный музей-заповедник «Зарайский кремль»,
г. Зарайск (Московская обл.)*

Нательные кресты из культурного слоя Зарайска (по материалам коллекции музея и исследований последних лет)

В фондах Государственного музея-заповедника «Зарайский кремль», в коллекции «Археология», хранится небольшое количество нательных крестов, основная часть которых происходит непосредственно с территории города или рядом расположенных сельских поселений, в настоящее время вошедших в черту города (рис. 1). Исключение составляют предметы личного благочестия, происходящие с территории усадьбы Даровое, т. к. они частично уже опубликованы (*Сыроватко, Чувиляева, 2006; Сыроватко, 2021*) и в данной работе не привлекаются.

Целью настоящей работы является ввод в научный оборот имеющейся коллекции предметов личного благочестия жителей Зарайска XVI–XIX вв. и уточнение хронологии ряда объектов, содержащих нательные кресты.

При рассмотрении типологии крестов, происходящих из Зарайска, нами использовались две классификационные системы, как наиболее отвечающие поставленным нами задачам: типология В. И. Молодина, опирающаяся на подход, сформулированный Э. П. Винокуровой, и базирующаяся на материалах Илимского острога (XVII–XIX вв.) (*Молодин, 2007*); и типология Ю. В. Колпаковой, успешно апробированная на материалах Северо-Западной России, прежде всего Пскова (*Колпакова, 2017*). В исключительных случаях, для более ранних крестов, использовалась типология, разработанная Д. А. Беленькой (1993). Таким образом, на наш взгляд, зарайские материалы максимально вписаны в существующие типологические наблюдения.

Первые нательные кресты, происходящие с территории города, поступили в фонды музея в период наблюдения за прокладкой газопровода в 1984–1985 гг. к зданию Троицкой церкви (1776–1788) (рис. 2), в тот момент там распола-

гались фонды и выставочные помещения Зарайского музея, и к зданию зарайского автовокзала, расположенному в комплексе Торговых рядов конца XVIII в. Траншея газопровода пересекала улицу Советскую и, огибая Троицкую церковь с юго-востока, нарушила погребения бывшего Троицкого Круглого монастыря, о котором имеются следующие сведения: «На остроге-ж на посаде Круглой монастырь, в нем церковь во имя Живоначальные Троицы, да предел Николы Чуд., древяна клетки...» (Зарайск, 1883. С. 7). В 1713 г. Троицкая церковь перестраивается, а в 1774 г. во время масштабного пожара 3 мая сгорает. Существующую ныне каменную церковь с Никольским приделом построили в 1776 г. по благословенной грамоте епископа Феодосия Коломенского. В 1808 г. устроен Успенский придел. После большого пожара 1860 г. придельную церковь и колокольню восстановили и привели «в благоприличный вид» (Историко-статистическое описание... 1884. С. 173). Прокладка газопровода производилась без обязательного в настоящее время археологического сопровождения, и поэтому все, что мы знаем о существовании некрополя, известно нам из сборов местного краеведа А. В. Камакина и главного хранителя музея-заповедника «Зарайский кремль» Л. И. Максимовой. «Так были найдены остатки деревянной мостовой и острожного рва по ул. Первомайской (в XVIII в. это была «большая Московская дорога»), кладбище XVI–XVII вв. (более точную дату пока сказать трудно) на площади между автовокзалом и Троицкой церковью» (*Максимова, 2002*). В письменных источниках пока не найдено точное время начала функционирования кладбища. Однако удалось установить, что еще в первой половине XIX в. на кладбище около Троицкой церкви совершались захоронения. Так, в частно-

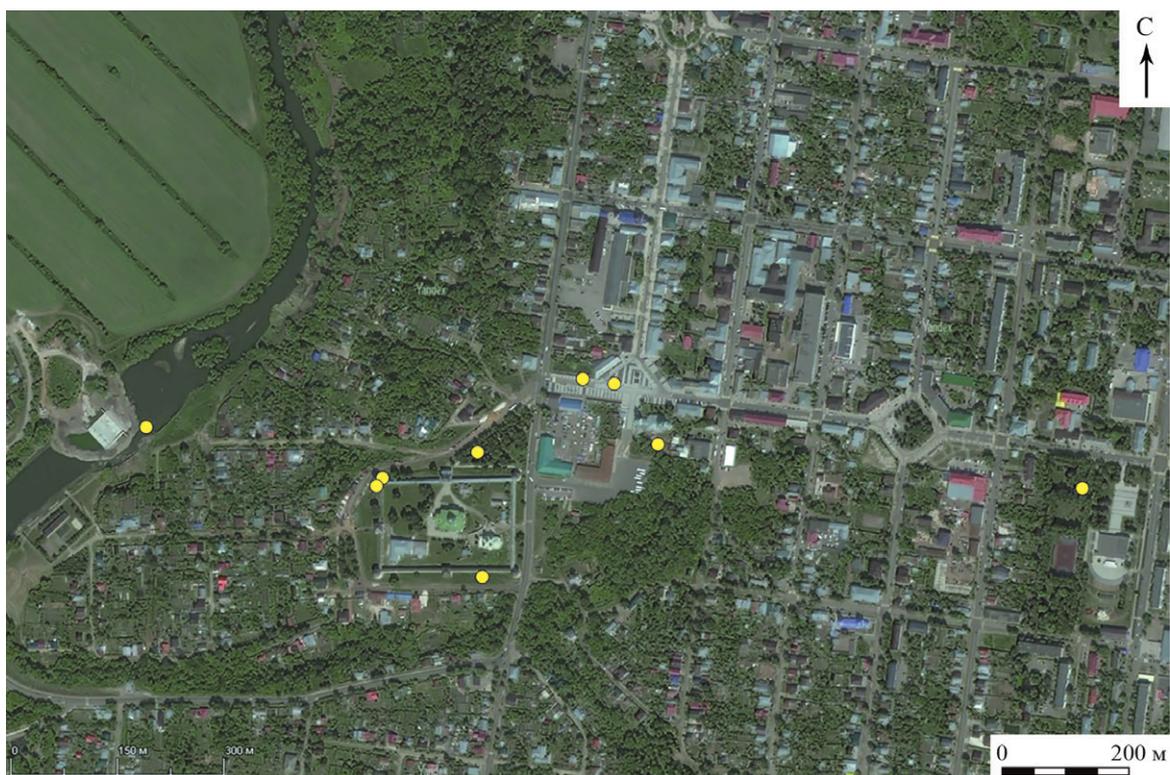

Рис. 1. Находки крестов-тельников на территории Зарайска в 1984–2023 гг.
(отмечены желтым кружком)

Рис 2. Почтовая карточка (открытка) № 11 из набора «Г. Зарайск».
Троицкая площадь в Зарайске (начало XX в.) (Музей Зарайского кремля. № КП 15333)

сти, 26 января 1816 г. подле Троицкой церкви похоронили зарайского купца Василия Емельяновича Локтева, скоропостижно скончавшегося 25 января в доме купеческой жены, вдовы Евдокии Ивановны Зайцевой: «Коему от роду было 52 года, тѣло его во исполнение резолюции Его Высокопреосвященства, управляющаго Московскою Митрополіею, Августина Архиепископа Дмитровскаго и Кавалера при сообщеніи московской духовной Консистеріи 1816-го генваря 26го подъ № 323 въ рязанскую Консистерію данномъ, препровождено въ городъ Зарайскъ для погребенія при Троицкой церквѣ. Погребеніе исправляли Священникъ Онисимъ Григорьевъ съ діакономъ и дьячкомъ»¹.

Коллекцию из сборов, поступившую в Зарайский краеведческий музей в конце 1980-х годов, только в последние несколько лет обработали и атрибутировали. Всего с некрополя возле Троицкой церкви происходит девять нательных крестов.

Два креста (Музей Зарайского кремля. № КП 18300/31 и 18300/33) относятся к типу металлических нательных крестов с изображением Голгофы. По мнению исследователей (Колтакова, Костючук, 2017), данная категория крестов доминирует среди христианских древностей эпохи позднего Средневековья – раннего Нового времени. Это прекрасно соотносится с временем освоения территории зарайского острога (конец XVI – середина XVIII в.) и функционирования кладбищ в его пределах.

Кресты относятся к типу 6.2 по классификации Ю. В. Колпаковой и Л. Я. Костючука. Это четырехлопастные трапециевидноконечные кресты с изображениями на высоком рельефе. Крест № КП 18300/31 (рис. 3, 1) – четырехконечный, с удлиненной нижней лопастью, с прямоугольными концами и прямыми углами в средокрестии. На лицевой стороне в центре – изображение восьмиконечного Голгофского креста, на верхнем конце – надпись в две строки «ЦЬ / СЛ» под титлами, на концах боковых лопастей – монограммы «ІС» «ХС» (Иисус Христос) под титлами, на нижнем конце – трудночитаемая надпись в две строки «НИ/КА». На оборотной стороне – трудночитаемый текст молитвы. Все изображения и надписи рельефные. По данным исследователей, с оборотной стороны нахо-

дится 17-строчный текст 67-го псалма. На нашем экземпляре – совершенно нечитаемый. Размеры креста – 4,5×2,5×0,2 мм, вес – 3,51 г.

Второй крест, относимый к этому же типу (№ КП 18300/33) (рис. 3, 2), также четырехконечный, с удлиненной нижней лопастью, с прямоугольными концами и прямыми углами в средокрестии. На лицевой стороне в центре – изображение восьмиконечного Голгофского креста, на верхнем конце – надпись в две строки «ЦЬ/СЛ» под титлами, на концах боковых лопастей – монограммы «ІС» «ХС» под титлами, на нижнем конце – трудночитаемая надпись в две строки «НИ/КА». На оборотной стороне – трудночитаемый текст молитвы. Все изображения и надписи рельефные. Размеры креста – 3,5×2×0,2 мм, вес – 3,41 г.

Третий крест этого же типа (№ КП 16850/55)² (рис. 3, 3) четырехконечный, с удлиненной нижней лопастью, с прямоугольными концами и прямыми углами в средокрестии. На лицевой стороне в центре – изображение восьмиконечного Голгофского креста, на верхнем конце – нечитаемая надпись в две строки, на концах боковых лопастей – монограммы «ІС» «ХС» под титлами, на нижнем конце – трудночитаемая надпись в две строки «НИ/КА». На оборотной стороне – нечитаемый текст молитвы (?). Все изображения и надписи рельефные, однако сильно затертые и сглаженные. Размеры креста – 4,5×2,8×0,2 мм, вес – 4,36 г.

Четвертый крест типа 6.2 (№ КП 16850/1) (рис. 3, 4)³ четырехконечный, с удлиненной нижней лопастью, с прямоугольными концами и прямыми углами в средокрестии. На лицевой стороне в центре – изображение восьмиконечного Голгофского креста, на верхнем конце – надпись в две строки «ЦЬ / СЛ» под титлами, на концах боковых лопастей – монограммы «ІС» «ХС» под титлами, на нижнем конце – трудночитаемая надпись в две строки «НИ/КА». Прямо над ней – небольшая утрата металла. На оборотной стороне – трудночитаемый текст молитвы. Все изображения и надписи рельефные. По данным исследователей, с оборотной стороны находится 17-строчный текст 67-го псалма. Размеры креста – 3,6×2,0×0,3 мм, вес – 3,36 г.

¹ ЦГА Москвы. Ф. 2126. Оп. 1. Д. № 182. Л. 35 об., 36.

² Разные инвентарные номера не должны вводить в заблуждение исследователей. Фактически это все одна коллекция из разнообразных сборов А. В. Камакина 1970–1980-х годов в Зарайске и его окрестностях. В музей она поступила по частям, а далее сформированные коллекции временного хранения с разницей в полгода поступили на постоянное хранение также уже под разными номерами.

³ Все предметы коллекции с № КП 16850 прошли в 2022 г. реставрацию в ФГБУК «Всероссийский художественный научно-реставрационный центр имени академика И. Э. Грабаря». Реставраторы Т. С. Бычков, А. С. Зотов, И. Б. Сивова. В процессе реставрации выполнен уточняющий анализ, показавший, что все кресты сделаны из бронзы в технике литья.

Рис. 3. Кресты-тельники

1–9 – некрополь около Троицкой церкви (1984–1985 гг.); 10 – случайная находка на территории города;
 11, 12 – разрез 21 (2019 г.); 13, 14 – разрез 3 (2019 г.); 15 – раскоп 2 у северной стены кремля (2021 г.);
 16 – шурф 3 (2021 г.); 17–19 – сборы 2023 г.

Кресты подобного типа датируются XVII–XVIII вв.

К типу 6.5 относятся два крупных креста с несколько более широкими, чем у типа 6.2, лопастями, с изображениями в высоком рельефе креста с Орудиями Страстей на Голгофе.

Крест (№ КП 16850/2) (рис. 3, 5) – четырехлопастный прямоугольноконечный. В верхней части креста – надпись, заключенная в прямоугольную рамку «ЦРЬ / СВЫ» («Царь Славы» в две строки). По двум сторонам боковых оконечностей располагаются монограммы «IC» и «XC» под титлами. По сторонам Голгофского креста изображены Орудия Страстей. Изображение Голгофы неразборчиво, под ним располагается надпись «НИКА». На оборотной стороне нечитаемый текст молитвы (?). Ушко утрачено. Размеры креста – 4,0×2,6×0,3 мм, вес – 4,84 г.

Крест (№ КП 16850/192) (рис. 3, 6) – четырехлопастный трапециевидноконечный с расширенными лопастями. На лицевой стороне помещены, как обычно, в традиционных местах монограммы «ЦРЬ СВЫ» (в две строки в верхней лопасти), «IC» «XC» (в концах боковых лопастей), «НИКА» (из двух частей в нижней части поперечной лопасти), «К», «Т» (над соответствующими изображениями Орудий Страстей: копья и трости), «М Л Р Б» (в нижней части нижней лопасти – аббревиатура от «Место Лобное Рай Бысть» с вариантом расшифровки «Распят Бысть»). На обороте, обычно в центральном объеме креста, присутствуют фрагменты молитвы «Да воскреснет Богъ, и разыдутся врази Его, и да бежать лица Его ненавиюще Его, яко исчезаетъ дымъ». Однако на нашем экземпляре она совершенно нечитаема. Размеры креста – 4,2×2,6×0,1 мм, вес – 2,8 г. Кресты подобного типа датируются XVII–XIX вв.

Крест (№ КП 18300/32) (рис. 3, 7), происходящий с некрополя около Троицкой церкви, относится к типу 14.2 по упоминавшейся выше классификации. Это четырехлопастный трехлопастноконечный мелкий крест с изображением креста на Голгофе. На лицевой стороне в центре – восьмиконечный Голгофский крест, на концах лопастей – трудночитаемые надписи. Обратная сторона разделена на фигурные клейма, заполненные трудночитаемым текстом. Все изображения и надписи мелкорельефные. Размеры креста – 2,9×2,0×0,1 мм, вес – 1,07 г.

Кресты подобного типа датируются в пределах XVI–XVII вв.

Крест (№ КП 16850/193) (рис. 3, 8) можно отнести к типу 12.2, однако у него есть некоторые

особенности. Это четырехлопастный крест с утолщениями на завершении лопастей в форме купола (листа) и фигурным терновым венцом с шариками, расположенным вокруг средокрестия. В центре изображен восьмиконечный крест, однако в нашем случае без цаты, в основании которого очень хорошо просматривается череп Адама, а по краям – Орудия Страстей: копьё и трость. Над крестом расположена сокращенная надпись «Царь Славы». Справа и слева в лопастях христогограмма «IC» «XC». Под горизонтальной балкой видны мелкие буквы «НИКА». На оборотной стороне в четырех оконечностях заключены четыре медальона с литерами, окруженные точечным орнаментом. В средокрестии располагается медальон, по контуру имеющий точечный орнамент, внутри которого располагаются литеры «ХР» – сокращенная надпись «Крест Хранитель всея вселенная». Кресты этого типа также принадлежат к типу 1, подтипу 4, виду 2 по Э.П. Винокуровой. Размеры креста – 3,9×2,9×0,1 мм, вес – 2,83 г.

Кресты подобного типа датируются XVII–XVIII вв.

Крест (№ КП 16850/190) (рис. 3, 9) с сюжетом «Великомученик Никита, побивающий беса». В верхней части предмета имеется плохо сохранившаяся надпись. Видны литеры «НКИ». В углубленном крестообразном ковчеге – рельефное ростовое изображение св. Никиты, стоящего в трехчетвертичном повороте влево. Облачение святого плохо просматривается. В высоко поднятой правой руке он держит вервие, замахиваясь на стоящего слева беса, которого держит левой рукой за волосы (данная сцена плохо просматривается в связи с сохранностью объекта). Вместо оглавия на кресте имеется сквозное отверстие в верхней оконечности.

Аналогичный крест известен из раскопок усадьбы вотчинника с селища Игнатьево 2 в окрестностях Звенигорода из придонной части ямы 44 – заглубленной части (подполье) постройки, существовавшей во второй половине XVI в. (Смирнов, Алексеев, Двуреченский, 2018. С. 263. Рис. 11, № 102). Целая серия крестов с данным сюжетом происходит также с поселения Симакино III, которое весьма удобно для датирования благодаря узкой дате существования (вторая – третья четверти XVI в.) (Стрикалов, 2018. С. 371, 373. Рис. 7).

Размеры креста – 2,1×1,5×0,1 мм, вес – 0,92 г.

Кресты подобного типа датируются XIV–XVI вв., и если наши предположения верны, то данный экземпляр может происходить из наиболее ранних погребений некрополя около Тро-

ицкой церкви. Не противоречит данной датировке и иконография образа: Никита стоит, удерживая беса за волосы, бес изображен достаточно условно (Хухарев, 2015. С. 464). Впрочем, сохранность креста не дает нам возможности сказать о нем больше.

Еще один крест (№ КП 16850/191) (рис. 3, 10), по всей видимости, происходит откуда-то из окрестностей Зарайска. Нательный криноконечный крест можно датировать по имеющимся аналогиям XIII–XIV вв. Размеры креста – 2,5×2,0×0,1 мм, вес – 1,12 г. Крест нательный, равносторонний, четырехконечный, с трехлепестковыми криновидными концами и дугами в средокрестии. Д. А. Беленькая отмечает, что «для территории Подмосковья эта форма креста в XII–XIII вв. являлась самой распространенной» (Беленькая, 1993. С. 17).

Исследовательница относит подобные кресты к типу III, подтипу 1 и отмечает, что одним из центров производства подобных крестов могла быть Старая Рязань (Беленькая, 1993. С. 17). В центре располагается ромб с включенным в него четырехконечным крестом небольшого размера. На концах находятся расширяющиеся лопасти с криновидными завершениями. В верхней части предмета имеется петля. Похожие кресты, происходящие из датированных комплексов, найдены на таких далеко расположенных друг от друга памятниках, как, например, на селище Скрипино 1 (Раменский р-н Московской обл.) (Баранов и др., 2019. С. 103, Рис. 6, 8, 33) и на селище Екатеринбург 3 (Пичаевский р-н Тамбовской обл.) (Андреев, 2018. С. 223. Рис. 11, 6, 7). С.З. Чернов датирует подобные кресты более широким интервалом – от рубежа XIII–XIV вв. до 1430-х годов (Чернов, 2022. С. 138. Рис. 92, 33). Впрочем, нельзя отрицать возможность происхождения креста с территории современного города. Материалы XII–XIV вв. неоднократно фиксировались исследователями к югу и к западу от кремля (Коваль, Русаков, 2004). Очень похожий крест, к сожалению, происходящий из переотложенного слоя, обнаружила И.Е. Зайцева в 1996 г. в раскопе 5 к югу от кремля (Зайцева, 2002. С. 13, 21. Рис. 3, 4).

В 2019 г. в ходе проведения археологической разведки и наблюдений в центре Зарайска коллекция крестов пополнилась еще двумя экземплярами. Целый крест происходит из сборов подъемного материала на площади Революции в центральной части Зарайска, напротив Троицкой церкви.

Целый крест с изображением Распятия, наверное, наиболее ранний из представленной серии (№ КП-18777/12) (рис. 3, 11).

Похожий крест происходит из раскопок на селище Рождествено 1, где широко датируется XIV–XVI вв. (временем существования селища) (Шполянская, 2008. С. 268. Рис. 1, 3). Зарайский экземпляр, по всей видимости, можно отнести ко второй половине XVI в., времени основания и заселения зарайского острога.

Размеры креста – 3,6×2×0,3 мм, вес – 3,04 г.

Оглавие креста-складня (№ КП 18777/49) (рис. 3, 12), верхняя лопасть с ушками для подвешивания. Обнаружено в разрезе 21 водопроводной траншеи (рис. 4). В разрез частично попал деревянный сруб. В заполнении сруба количественно преобладали фрагменты коломенских белоглиняных горшков типов 3/4 Г и Д по типологии В.Ю. Ковалья (18 венчиков с расчесами, донце, крышка, 35 стенок), а также 10 фрагментов чернолощенных сосудов с полосчатым лощением (по одному венчик и ручка, остальное – стенки) (рис. 5). Среди других находок разреза – два фрагмента обуви: неопределимый фрагмент и деталь низа подошвы (рант).

Судя по всему, в верхней части лицевой стороны изображен Спас Нерукотворный. Однако сохранность фрагмента не позволяет сказать что-то большее. Датировать подобный фрагмент можно только по совокупности всего материала, происходящего с разреза, достаточно широкими рамками – концом XVI – XVII в. Размеры фрагмента креста – 1,7×1,2×0,2 мм, вес – 1,87 г.

В этом же году в рамках благоустройства в Парке Победы г. Зарайска в траншее при прокладке кабелей освещения был задет культурный слой. Работы остановили, к траншее сделали прирезку размерами 1×2 м. Что интересно, в заложенных чуть ранее четырех шурфах как по пути прокладки траншеи, так и в некотором отдалении культурного слоя в парке не обнаружено.

Выявленный объект представлял собой яму размерами 2,0×1,5 м овальной формы, глубина от дневной поверхности – 0,85 м, дно ямы плоское, стенки пологие. Яму 1 перекрывал слой темно-серого суглинка с включениями битого красного кирпича и крошки белого камня, мощностью до 20 см. Этот слой формировался в течение XX столетия и отражает различные перепланированные работы, связанные с разбивкой парка во второй половине столетия. Он покоился на слое темно-серого гомогенного суглинка (голоценовая почва) мощностью до 0,5 м, в основании которого залегал палевоый лессовидный суглинок, прокопанный в данной траншее на глубину до 0,2 м. В естественное залегание слоев введена яма 1. Заполнение

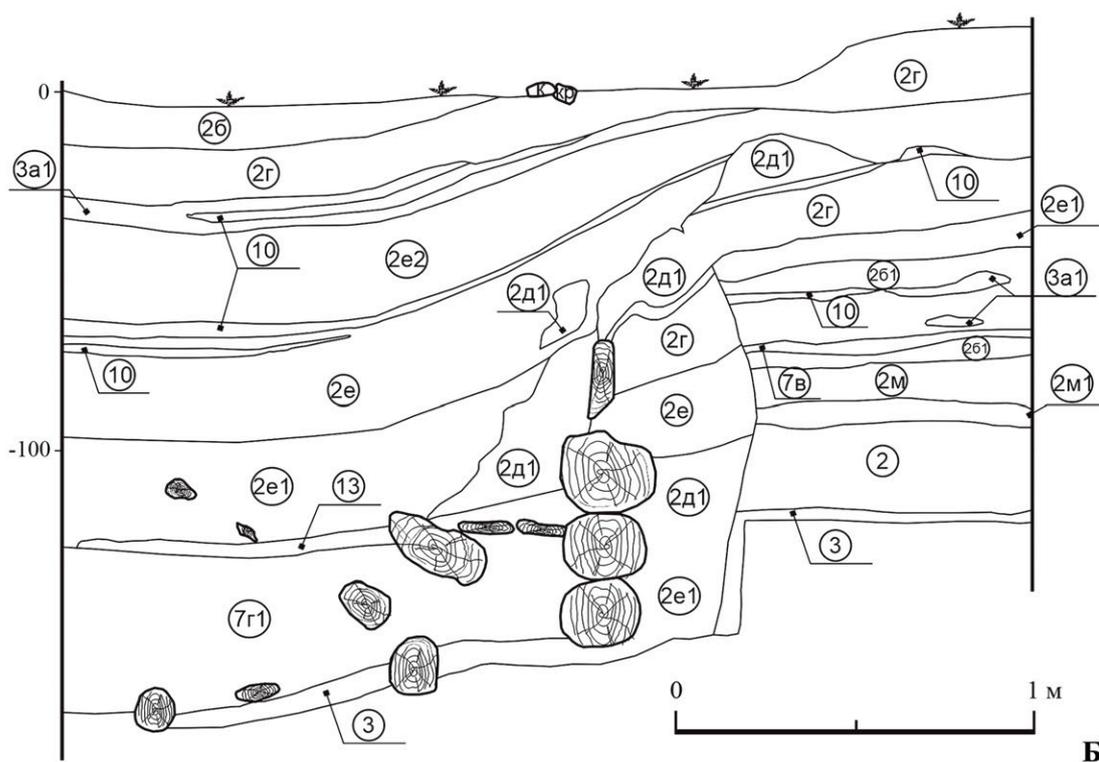

Рис. 4. Разрез 21 (2019 г.), яма 15

2б – темно-серый суглинок с вкраплениями угля и рыжего суглинка; 2б1 – темно-серый суглинок с вкраплениями угля; 2г – темно-серый суглинок с внедрениями палевого суглинка; 2е1 – темный суглинок с углем и древесным тленом; 2д1 – палевый суглинок с внедрением темно-серого суглинка и угля; 2м – светло-серый суглинок (голоценовая почва со следами выщелачивания); 2 – темно-серый суглинок (голоценовая почва); 3 – палевый лессовидный суглинок; 7г1 – темный суглинок с включениями серого суглинка; 10 – углистость

Рис. 5. Разрез 21 (2019 г.). Яма 15. Керамика из сруба

ямы – темно-серый суглинок с углем, костями домашних животных, фрагментами красного кирпича. В юго-восточной части ямы зафиксирована линза белого песка, перемешанного с темно-серым суглинком, с угольками. Такие же линзы читаются в придонной части заполнения ямы (рис. 6).

Состав находок из ямы достаточно интересен, чтобы привести его весь. Керамическая коллекция представлена в основном фрагментами чернolощеных с полосчатым лощением кувшинов. Реконструируются два кувшина: от одного собралось горло с носиком с переходом к тулову, второй реконструируется почти полностью, за исключением ряда утрат тулова (рис. 7, 7). Аналогии подобным кувшинам известны из раскопок в Ярославле и Троице-Сергиевой лавре. Исследователи относят их к виду 1.3 и датируют первой половиной XVIII в. (Кадиева, Энговатова, 2020. С. 99). Фрагменты керамики без дополнительной обработки поверхности редки и практически все собралось в один горшок. К сожалению, у него отсутствует венчик, но, судя по общей форме, мы можем отнести его к XVIII в. Керамическая коллекция насчитывает чуть менее 100 фрагментов, большая часть из которых склеилась⁴. Среди индивидуальных находок отметим монету достоинством 2 копейки 1800 г., фрагмент белоглиняной игрушки-свистульки, два креста-тельника (рис. 3, 13, 14), железный ключ, гвоздь (рис. 7, 1–6).

Крест из белого металла относится к типу 6, подтипу 1, варианту 1 по Молодину (2007. С. 63) (рис. 3, 13; 7, 4). На лицевой стороне изображен восьмиконечный Голгофский крест. Надписи на оконечностях креста заключены в специальные трапециевидные зоны. Вверху, под оглавием, над-

пись «ЦР» (Царь), на горизонтальных оконечностях – «IC» (Иисус), «ХС» (Христос), на нижней вертикальной лопасти – голова Адама. На оборотной стороне – плохо читаемый растительный орнамент. Близкая аналогия происходит из погребения 43 Илимского острога (Молодин, 2007. С. 63). Правда, там вместо головы Адама на нижней вертикальной лопасти надпись «РБ» (Рай Бысть).

Размеры креста – 2,9×2×0,05 мм, вес – 0,7 г. Кресты подобного типа обычно датируют XVII–XVIII вв. Однако в случае зарайского экземпляра уместно будет сузить эти рамки до первой половины – середины XVIII столетия.

Крест из цветного металла относится к типу 4, подтипу 2, варианту 1 по Молодину (2007. С. 147) (рис. 3, 14; 7, 3). На лицевой стороне расположен восьмиконечный Голгофский крест с цагой на ступенчатой Голгофе. В углах креста расположены ажурные дуги, из которых исходят лучи сияния (на нашем экземпляре два из четырех обломаны). На оборотной стороне – нечитаемая надпись. Надписи на лицевой стороне также не читаются. Ю. В. Колпакова относит подобные кресты к типу 11.1 А, Б и датирует XVII–XVIII вв. (Колпакова, 2017. С. 141. Рис. 1, 7; с. 142). Размеры креста – 4,2×3,0×0,1 мм, вес – 0,9 г.

В 2021 г. в рамках полевых спасательных археологических работ с целью сохранения объекта культурного наследия федерального значения «Ансамбль кремля, XVI в. (Зарайский кремль)», стены и башни кремля и объекта культурного (археологического) наследия федерального значения «Зарайская стоянка, XXVI–XVI тыс. до н.э.» было заложено два раскопа с западной и северной сторон кремля. О наперсном кресте, происходящем

⁴ Мы понимаем, что, скорее всего, недостающие фрагменты сосудов выброшены из траншеи ковшем трактора, однако их поиск в отвалах не увенчался успехом.

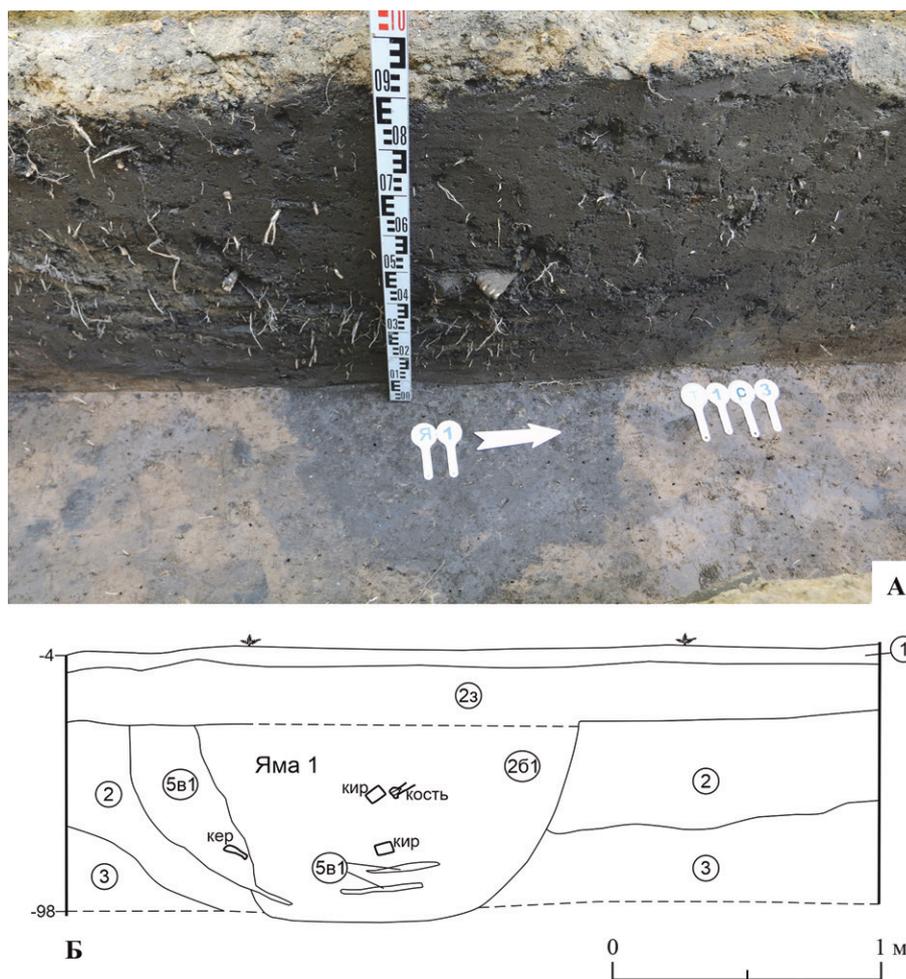

Рис. 6. Разрез 3 (2019 г.). Яма 1

1 – дерн; 2з – темно-серый суглинок с красным кирпичом и белым камнем; 2б1 – темно-серый суглинок с вкраплениями угля; 5в1 – белый песок с внедрениями темно-серого суглинка; 2 – темно-серый суглинок (голоценовая почва); 3 – палевый лессовидный суглинок

с западного раскопа, мы уже писали (Галкин, 2024). Северный раскоп, заложенный у подножия караульной башни, также дал один предмет личного благочестия – нательный крест⁵. Археологический контекст находки креста следующий: крест происходит из квадрата Б'-67, глубина от дневной поверхности – 15 см (условный пласт 1), слой – темно-серый суглинок, перемешанный с крошкой белого камня и красного кирпича. Он формировался на протяжении XIX–XX вв. Строительные материалы, которыми насыщен пласт, можно связать как с реставрационными работами,

проводимыми Н. А. Ланиным (1860-е)⁶, так и с работами по реставрации Кремля, предпринятыми в 1911–1913 гг.⁷ либо в 1960–1970-е.

Небольшие размеры раскопа, вплотную примыкавшего к северному пряслу кремля с одной стороны и к караульной башне – с другой, позволили буквально сразу после снятия дерна перейти к разбору культурного слоя с переборкой по пластам малыми инструментами (прежде всего мастерками). В первом же пласте обнаружен нательный крест.

Крест относится к типу 14.2 по классификации Ю. В. Колпаковой. Это четырехлопастный мелкий

⁵ Автор выражает благодарность руководителю раскопа, начальнику Зарайской археологической экспедиции С. Ю. Льву за возможность публикации материалов.

⁶ Дело по отношению Министра Внутренних Дел об исправлении Кремля в г. Зарайске. 1862 год / РГИА. Ф. 1287. Оп. 31. Д. 1725. Л. 1–4.

⁷ О ремонте кремля в г. Зарайске. 1911–1913 гг. / РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 294.

Рис. 7. Разрез 3 (2019 г.). Яма 1. Индивидуальные находки и керамика

1 – монета 2 копейки 1800 г.; 2 – обломок белоглиняной игрушки-свистульки; 3, 4 – кресты-тельники; 5 – ключ; 6 – гвоздь; 7 – чернолощеный кувшин. 1 – медь; 2, 7 – керамика; 3, 4 – цветной металл; 5, 6 – железо. Прорисовка кувшина Е. В. Васильева

крест с изображением креста на Голгофе. На лицевой стороне в центре – восьмиконечный Голгофский крест, на концах лопастей – трудночитаемые надписи, в которых, однако, можно опознать христорограммы «IC XC» (Иисус Христос). Под горизонтальной балкой видны мелкие буквы «НИКА». На оборотной стороне трудночитаемый текст в рамках. Все изображения и надписи мелко рельефные (рис. 3, 15). Размеры креста – $3,1 \times 2 \times 0,1$ мм, вес – 0,9 г.

Подобные кресты широко датируют XVI–XVIII вв., однако стратиграфический контекст нашего раскопа позволяет датировать его до середины XIX в. С другой стороны, северный раскоп

2021 г. находился на склоне холма со значительным естественным понижением, так что вероятность более раннего выпадения предмета в слой и его естественное смещение к краю раскопа (67-я линия квадратов – это самый его край) в ходе геоморфологических процессов не исключены.

В том же 2021 г. в ходе проведения археологической разведки при разработке проекта благоустройства по объекту «Благоустройство набережной реки Осетр от плотины до святого источника «Белый колодец» (2-я очередь), включая ул. Первомайскую, ул. Музейную, ул. Пожарского, два пешеходных спуска по ул. Кузнецкий спуск и ул. Парковая в г. Зарайске Московской области» в шурфе

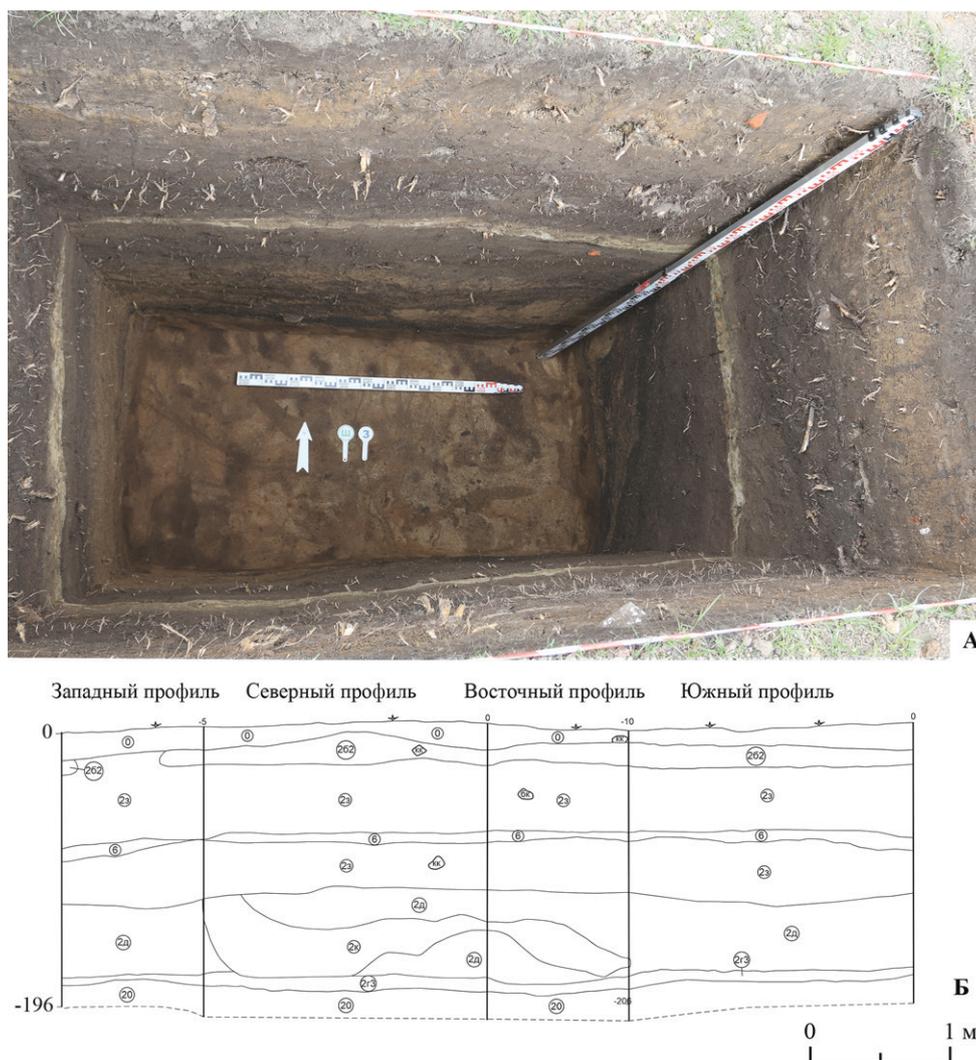

Рис. 8. Шурф 3 (2021 г.)

0 – дерн; 202 – палевый суглинок с темно-серым суглинком, углем, рыжим суглинком; 23 – темно-серый суглинок с красным кирпичом и белым камнем; 2d – палевый суглинок с внедрением темно-серого суглинка; 2z – темный суглинок с включением палевого и белыми камнями; 2k – темно-серый суглинок с палевым суглинком и кирпичной крошкой; 6 – светлый (с вкраплениями зеленоватого) песок; 20 – бежевого оттенка супесь с включениями красноватой супеси

номер 3 был обнаружен фрагмент нательного креста⁸.

Шурф 3 был разбит в 41 м к северо-востоку от Никольской башни Зарайского кремля. Шурф имел уклон до 0,1 м к востоку. За нулевой репер был принят северо-восточный угол шурфа.

Стратиграфия шурфа следующая (рис. 8). Под мощным слоем дерна (от 18 до 20 см), в котором обнаружены две индивидуальные находки – 2 копейки 1936 г. и 2 копейки 1840 г. (рис. 9, 1–2), залегает слой палевого суглинка с темно-серым суглинком, с кусочками угля и фрагментами красного кирпича

мощностью до 20 см. Ниже него залегает слой темно-серого суглинка с фрагментами битого кирпича, красного камня, керамики, испещренный корнями деревьев. Из этого слоя происходят хозяйственный нож, фрагмент креста-тельника, фрагмент обувной подковки (рис. 9, 2–5). Кресты-тельники подобных типов бытуют на протяжении XVII–XVIII вв. Вкупе с фрагментами белоглиняных горшков и чернолощенных (со сплошным и полосчатым лощением) кувшинов это позволяет нам датировать основное время формирования данного слоя в пределах XVII–XIX вв. Его подстилает слой светлого

⁸ Автор выражает благодарность держателю открытого листа научному сотруднику отдела сохранения археологического наследия ИА РАН И. И. Сироштану за возможность публикации материалов.

Рис. 9. Шурф 3 (2021 г.). Индивидуальные находки

1 – монета 1 копейка серебром 1840 г.; 2 – монета 2 копейки 1936 г.; 3 – нож; 4 – фр-т креста-тельника; 5 – фр-т обувной подковки; 6 – клык хищного животного; 7–10 – отщепы. 1 – медь; 2, 4 – цветной металл; 3, 5 – железо; 6 – кость; 7–10 – кремнь

(иногда с вкраплениями зеленоватого) песка мощностью от 3 см в северо-западном углу до 13 см в центре профиля. Ниже снова идет слой темно-серого суглинка с битым кирпичом мощностью до 40 см, в котором найдено несколько отщепов (рис. 9, 6–10). Ниже расположен слой темно-серого суглинка с вкраплениями палевого, резко понижающийся в северо-западной части профиля и повышающийся в северо-восточной, мощностью от 35 до 10 см. Его подстилает слой палевого суглинка с включением темно-серого суглинка, также идущего волнообразно, мощностью от 10 см в северо-западном и до 38 см в северо-восточном углу шурфа. Из этого слоя происходит некоторое количество кремневых отщепов, которые можно

соотнести с расположенной рядом стоянкой Зарайск А. По всей видимости, они оказались в перемещенном слое в ходе хозяйственной деятельности жителей города в Новое время. Этот слой подстилает слой темного суглинка с включением палевого и белыми камнями мощностью до 15 см, который покоится на материке – бежеватой супеси с включением красноватой супеси, прокопанной на 15 см.

Фрагмент креста-тельника с прямоугольными концами и лучами, исходящими из средокрестия, с надписью на лицевой стороне «ЦРЬ СЛА», «IC XC», на тыльной стороне – имитация пространного текста (тип 1, подтип 3 по Винокуровой; тип 11.1 А по Колпаковой) (рис. 3, 16). Аналогии

Рис. 10. Берег р. Осётр после спуска плотины (май 2023 г.). Место сбора подъемного материала. Аэрофотосъемка, вид с запада. Фото С. Ю. Льва

подобным крестам достаточно широко распространены. Можно отметить находку схожего креста в Суздале в слое XVIII–XIX вв. в раскопе, расположенном в юго-западной части кремля, около Никольской и Христорожественской церквей (Баранов, Милованов, 2018. С. 13. Рис. 7, 12). Кресты подобного типа датируются XVII–XIX вв.

Размеры фрагмента креста – $2,2 \times 2,9 \times 0,1$ мм, вес – 1,73 г.

Еще одним неожиданным поступлением нескольких нательных крестов стали сборы на берегу р. Осётр в районе бывшей мельницы. Реконструкция плотины весной 2023 г. привела к существенному обмелению реки, что, в свою очередь, обнажило остатки мельницы, существовавшей в XIX – первой четверти XX в. (рис. 10). Местные жители передали в музей ряд предметов, в основном поздние монеты и гвозди. Также при помощи металлодетектора⁹ под непосредственным руководством автора статьи осуществлен сбор подъемного материала на берегу реки, в районе бывшей мельницы. Среди коллекции индивидуальных находок отметим три креста-тельника: целый и два во фрагментах.

Целый крест относится к типу 5, варианту 2, подварианту 2 по типологии крестов В.И. Молодина (2007) и имеет крайне широкое распространение: от Азовского моря до Уральских гор, а также на Севере и в Центральной России (Горохов, 2022. С. 375, 376. Рис. 1; 2). Это листовидный литой четырехконечный крест из медного сплава. На лицевой стороне изображены Голгофский крест и Орудия Страстей, на оборотной – текст псалма «Да воскреснет Бог». Изображения и текст обрамлены растительным орнаментом барочных очертаний (рис. 3, 17). Кресты подобного типа датируются XVII – началом XX в.

Размеры креста – $4,0 \times 2,0 \times 0,1$ мм, вес – 2,35 г.

Фрагмент креста близок к типу 12.2 по Ю.В. Колпаковой (рис. 3, 18). Это литой четырехконечный, двухсторонний крест с цатой в центре. Окончания двух сохранившихся лопастей – килевидные, на них размещены круглые медальоны, в которых мы читаем сильно затертые хриistogramмы «IC» и «XC». Между лопастями идет кольцо с лучами, создающими кольцевую композицию. В средокрестии помещена цата – полумесяц. К сожалению, этот интересный образец креста не со-

⁹ Выражаю благодарность Ю.В. Ушанёвой за помощь с систематическим использованием металлодетектора при сборе подъемного материала в исследованиях 2023 г.

хранился целиком. Идентичный крест происходит из коллекции Е. А. Беговатова на месте бывшего с. Мансурово (Республика Татарстан) (Руденко, 2017. С. 416, 417. Рис. 4, 4, 4а). Размеры этого фрагмента креста – 3,9×2,2×0,1, вес – 3,73 г.

Еще один фрагмент представлен оглавием наперсного креста (рис. 3, 19). Размеры фрагмента – 3,4×2,3×0,3, вес – 8,75 г.

Таким образом, небольшую, но интересную коллекцию крестов, происходящую из Зарайска, можно датировать в рамках XVI–XIX вв. Наи-

более ранними крестами, относящимися ко времени существования Зарайска, являются крест с изображением Распятия, оглавию креста-складня из разреза 21 на Советской площади, ранее опубликованный наперсный крест и крест с сюжетом «Никита, побивающий беса», предположительно происходящий с территории некрополя Троицкой церкви. Их бытование в Зарайске можно отнести к XVI в. Остальные кресты относятся к широко распространенным и так же широко датируемым типам.

Литература

- Андреев С. И., 2018. Поселение Екатериновка 3: к вопросу о юго-восточной границе Рязанского княжества // АП. Вып. 14. М.: ИА РАН. С. 209–235.
- Баранов Н. А., Милованов С. И., 2018. Кремль, Окольный город и посадская часть города Суздаля (Владимирская область) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017. М.: ИА РАН. (МСАИ. Т. 25). С. 10–19.
- Баранов Н. А., Модин Р. Н., Попов А. А., Прошкин О. Л., Терещенко Е. И., 2019. Селище Скрипино-1: результаты археологических исследований 2013–2014 годов // АП. Вып. 15. М.: ИА РАН. С. 96–131.
- Беленькая Д. А., 1993. Медная пластика городов Московской Руси (XIII–XV вв.) // КСИА. Вып. 208. С. 11–19.
- Галкин Т. О., 2024. Наперсный крест XVI–XVII веков из раскопок Зарайска в 2021 году // АП. Вып. 20. М.: ИА РАН. С. 315–320.
- Горохов С. В., 2022. Ареалы распространения некоторых типов нательных крестов XVII–XIX веков по данным из Государственного каталога музейного фонда Российской Федерации // Stratum Plus. № 6. С. 373–386.
- Зайцева И. Е., 2002. Средневековый культурный слой Зарайска // Зарайск. Т. 1. Исторические реалии и легенды. М.: Древлехранилище. С. 7–22.
- Зарайск. Материалы для истории города XVI–XVIII столетий. По документам Московского архива Министерства юстиции. М.: Типо-литогр. И. Н. Кушнера и К°, 1883. 91 с.
- Историко-статистическое описание церквей и монастырей рязанской епархии, ныне существующих и упраздненных с списками их настоятелей за XVII, XVIII и XIX ст. с библиографическими указаниями. Т. I. Сост. Свящ. Иоанн Добролюбов. Зарайск: Тип. А. Н. Титовой, 1884. 368 с.
- Кадиева Е. К., Энгватова А. В., 2020. Чернолещные кувшины Ярославля и Троице-Сергиева монастыря XVI–XVIII вв. (Опыт сравнительной характеристики) // Археология: история и перспективы: Девятая межрегиональная конференция / Ред. А. Е. Леонтьев. Ярославль: Ярославский ГИАХМЗ. С. 94–109.
- Коваль В. Ю., Русаков П. Е., 2004. Исследование средневекового Зарайска // АО 2003 года. М.: Наука. С. 140–141.
- Колпакова Ю. В., 2017. Нательные кресты с изображением Голгофы и с «устыщами»: проблемы систематизации, датирования и происхождения // ТТЗ. Вып. 10. Тверь: ИА РАН, ТНИИР-Центр. С. 139–146.
- Колпакова Ю. В., Костючук Л. Я., 2017. Хронология псковских нательных крестов с изображением Голгофы // АИППЗ. № 32. М.; Псков: ИА РАН. С. 36–56.
- Максимова Л. И., 2002. Формирование городской территории Зарайска в XVI–XVIII веках // Зарайск. Т. 2. Проблемы и перспективы духовного и культурного развития. М.: Древлехранилище. С. 115–135.
- Молодин В. И., 2007. Кресты-тельники Илимского острога. Новосибирск: ИНФОЛИО. 248 с.
- Руденко К. А., 2017. Православные кресты XVII – начала XX века из коллекции Е. А. Беговатова: предварительный анализ // Культура русских в археологических исследованиях / Ред. Л. В. Тагаурова. Омск: Изд. дом «Наука». С. 411–419.
- Смирнов А. Н., Алексеев А. В., Двуреченский О. В., 2018. Комплекс усадьбы вотчинника из раскопок селища Игнатьево 2 в окрестностях средневекового Звенигорода // ТТЗ. Вып. 11. Тверь: ИА РАН, ТНИИР-Центр. С. 252–289.
- Стрикалов И. Ю., 2018. Поселение Симакино III (Рязанская область, Шиловский район) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017. М.: ИА РАН. (МСАИ. Т. 25). С. 370–379.
- Сыроватко А. С., 2021. Где в сельце Даровом находилась усадьба Достоевских? // Неизвестный Достоевский. Т. 8. № 4. С. 147–176.

Сыроватко А. С., Чувиляева Ю. Н., 2006. Археологические исследования на территории музея-усадьбы Достоевских «Даровое» // Летние чтения в Даровом. Матер. междунар. науч. конф. 27–29 августа 2006 г. Коломна: КГПИ. С. 146–156.

Хухарев В. В., 2015. Кресты и иконки с сюжетом из жития «Никитино мучение» // АП. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 455–466.

Чернов С. З., 2022. Власьевская, звенигородская деревня XIII–XVI веков. М. – Звенигород: ВООПИК (Моск. обл. отд.). 176 с.

Шполянская Д. В., 2008. Комплекс предметов личного благочестия XIV–XVI веков с селюшка Рождествено 1 // АП. Вып. 4. М.: ИА РАН. С. 267–272.

T. O. Galkin

**Underwear crosses from the cultural layer of Zaraysk
(based on materials from the museum collection and research in recent years)**

Summary

The article publishes a collection of underwear crosses from the 16th to the 19th centuries, originating from excavations and archaeological observations in the city of Zaraysk, a small city in the south of the

Moscow region. Most of them date back to the 17th – 18th centuries, which shows the growth of the territory and population of the city during this period, recorded in written sources.

А. А. Полюлях

Музейное объединение «Музей Москвы», г. Москва

К вопросу о местонахождении «Ценинной и табачных трубок фабрики» Гребенщиковых в Москве

В процессе становления и развития керамической промышленности России первой в стране была мануфактура, или «Ценинная и табачных трубок фабрика», московского купца Гостиной сотни Афанасия Кирилловича Гребенщикова¹. Завод открылся в Москве после издания Мануфактур-коллегией 25 мая 1724 г. специального указа. До 1757 г. им управлял А. К. Гребенщиков, в 1761–1771 гг. – сын А. К. Гребенщикова Андрей Афанасьевич, а затем, до 1779 г., К. Матвеев и С. Яковлев. На этом заводе в 1724–1779 гг. изготавливались расписные печные изразцы и плитки, курительные трубки западноевропейского типа, а также майоликовая сервизная посуда (*Салтыков*, 1952. С. 7–9, 26–27; *Лихачева*, 1972. С. 172–173).

Появление керамической мануфактуры А. К. Гребенщикова было связано с ростом в начале XVIII в., в ходе реформ Петра I, контактов с Западной Европой, что способствовало проникновению в Россию новой западноевропейской фаянсовой и фарфоровой посуды (чайных, кофейных и столовых сервизов), спрос на которую в среде аристократии был большой. Такая посуда в России до этого не производилась и привозилась из других стран. В связи с этим ввозимая в страну «посуда китайская, японская и прочая всякая фарфоровая» и «посуда глиняная муравленная и ценинная Дельфская и простая такая же», согласно таможенному тарифу 1724 г., облагалась низкой, 5%, пошлиной с суммы товара, в отличие, например, от «посуды хрустальной всякой», с которой взималось 12,5% (*Чулков*, 1785. С. 616–618).

До настоящего времени расположение завода Гребенщиковых в Москве не имеет докумен-

тально обоснованного определения и археологически не исследовалось. В литературе существует две версии его местонахождения. Согласно первой завод находился на расстоянии 1,5 км от границы города – Компанейского вала (с 1742 г. – Камер-Коллежский вал), за Таганскими воротами, по Гжельской дороге, у Калитниковского болота, где Гребенщиков купил черепичный завод у иноземца Павла Вестова (рис. 1, А, 5). По второй версии, он был в собственном дворе А. К. Гребенщикова, купленном у Д. Л. Порецкого за Таганскими воротами Земляного города на Большой Алексеевской улице (современная ул. А. Солженицына) (рис. 1, А, 1).

Первая версия опубликована еще в дореволюционный период в юбилейном, выпущенном к 160-летию Императорского фарфорового завода, издании «Императорский Фарфоровый завод. 1744–1904», вышедшем в 1906 г. под редакцией Н. Б. Вольфа, и в том же 1906 г. во «Втором прибавлении к книге: Фарфор и фаянс Российской Империи» известного ученого и коллекционера А. В. Селиванова. Оба автора дают краткое описание деятельности этого завода и приводят некоторые архивные документы. О местонахождении завода Гребенщиковых в издании Н. Б. Вольфа сообщается только, что для устройства своей «фабрики» А. Гребенщиков купил черепичный завод у иноземца Павла Вестова (открытый в начале XVIII в. другим иноземцем, Андреем Минтером, и в 1713 г. перешедший к Павлу Вестову), находящийся «в Москве, за Таганскими воротами, по Гжельской дороге, у Калитниковского болота, откуда бралась глина» (*Вольф*, 1906.

¹ А. К. Гребенщиков (1685–1757), оброчный крестьянин с. Тайнинского, родом, видимо, из Углича, поставлял в 1715 г. государству изделия из кожи («хомуты и сумы переметные»). В 1724 г. он уже являлся купцом привилегированной части московского купечества – Гостиной сотни и владельцем завода по выделке и производству изделий из кожи – «лосинной фабрикой». В 1744 г. выбран президентом Московского магистрата – административно-судебного учреждения города.

А

Б

Рис. 1. Восточная часть Москвы и Болвановская (Коломенская, Гжельская) дорога на плане Москвы 1766 г. (А) и в XIV–XV вв. (Б)
 1 – двор А.К. Гребенщикова на Большой Алексеевской ул.; 2 – Андроньев монастырь;
 3 – Покровская застава; 4 – Спасская застава; 5 – урочище Калитниково

Рис. 2. Восточная часть Москвы и Коломенская (Гжельская) дорога на плане Москвы 1838 г.
 1 – двор А.К. Гребенщикова на Большой Алексеевской ул.; 2 – Андроньев мон-рь; 3 – Покровская застава;
 4 – Спасская застава; 5 – урочище Калитниково и места старых глинокопен

С. 2–3). А.В. Селиванов уже конкретно указывает, что завод Гребенщикова находился «в г. Москве, за Таганскими воротами, у Калитинского болота» (Селиванов, 2002. С. 294).

В изданной в советское время «Истории планировки и застройки Москвы» (1950) П.В. Сытин, придерживаясь первой версии и ссылаясь на документ РГАДА², сообщает, что «завод глиняных трубок Гребенщикова находился “за Таганскими воротами по Гжельской дороге при Калитниковском болоте на отводной Императорского Величества земле” и основал его не Гребенщиков, а П. Вестов, в том же году продавший его Гребенщикову» (Сытин, 1950. С. 217. Сноска № 114).

Добыча кирпичной (красножгущейся) глины и производство кирпича в районе Калитниковского болота известно со второй половины XV в. Здесь, «за Ондроньевым монастырем, в Калитникове»

(рис. 1, А, 2; Б), как сообщает Софийская летопись, в 1475 г. итальянский архитектор Аристотель Фиораванти организовал изготовление кирпича и построил печь для его обжига в ходе строительства Успенского собора в Московском Кремле (ПСРЛ. Т. VI. С. 199–200).

Название местности – Калитниково – могло происходить как от протекавшей здесь речки Калитенки (или Калитниковского ручья), существовавшей еще в XIX в. и обозначенной на плане Москвы 1859 г. (рис. 2, 5), так и от названия какого-то села Калитниково, находившегося здесь ранее³. В духовной грамоте 1401–1402 гг. князя Серпуховского и Боровского Владимира Андреевича есть указание, но без географической привязки, на «Калиткиново село» среди своих московских сел, завещанных сыну Андрею (ДДГ. 1950. С. 46. № 17). По-видимому, в XIV–XV вв. на Болвановской

² РГАДА, XVI, кн. 556.

³ История Москвы, 1997. С. 398–399, 400 (№ 115).

(в XVIII в. – Коломенской) дороге, перед с. Холловка, было исчезнувшее в «моровое поветрие» в первой половине XV в. с. Калитниково, от которого до 1475 г. могло сохраниться название местности (Тихомиров, 1957. С. 288–289 план; Очерки... 1969. С. 250, план) (рис. 1, Б).

Кирпичные заводы близ Калитниковского болота существовали еще в первой половине XVIII в. и отмечены на неопубликованном схематическом плане Москвы 1736 г. «с показанием мясных рынков, боен, живодерен и кирпичных заводов». В экспликации к этому плану указано: «№ 11. Живодерные двory на земле Крутицкого архиерея близ Калитовского болота и близ кирпичных заводов, расстоянием от жилья и от Спасской заставы одна верста и 160 сажен, от Покровской заставы и от жилья 460 сажен» (Сытин, 1950. С. 248–249. Сноска № 47⁴). Позднее, в 1771 г., после эпидемии чумы, в этом районе, на возвышенности, открылось Калитниковское кладбище.

Остатками старых глинокопен в Калитникове, по-видимому, являются овраги на карте Москвы 1838 г. (рис. 2, 5), где московские гончары, жившие в Гончарной слободе в Заяузье, могли брать в XVI–XVII вв. красножгущую глину для изготовления посуды, игрушек и изразцов.

По-видимому, А. К. Гребенщиков на купленном у П. Вестова черепичном заводе «у Калитниковского болота» мог организовать формовку, сушку и первый обжиг печных изразцов, которые изготавливались тысячами штук. Последующее покрытие их белой эмалью, роспись и второй обжиг, видимо, производились уже на заводе на Большой Алексеевской улице. Также представляется маловероятным размещение А. К. Гребенщиковым производства белоглиняных курительных трубок и майоликовой сервизной столовой посуды за пределами Москвы в районе Калитниковского болота.

По второй версии, завод Гребенщиковых находился на собственном дворе А. К. Гребенщикова, купленном у Д. Л. Порецкого за Таганскими воротами Земляного города на Большой Алексеевской улице (современная ул. А. Солженицына).

М. А. Безбородов, рассматривая деятельность Д. И. Виноградова по разработке технологии производства фарфора в 1744–1758 гг. в Санкт-Петербурге, упоминает о «фабрике Гребенщикова в Москве», и именно в Москве, а не вблизи или за ее пределами (Безбородов, 1950. С. 122, 131). В это время Алексеевская слобода за Земляным городом,

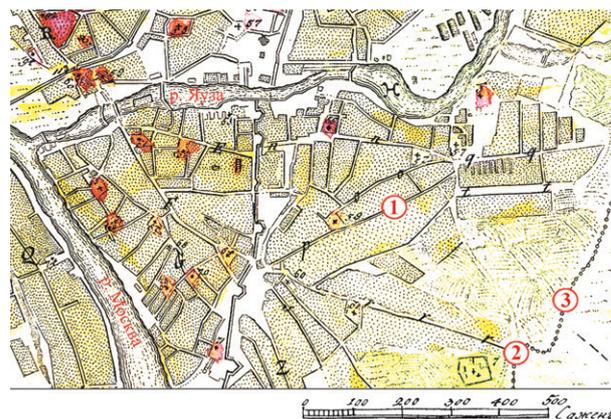

Рис. 3. Восточная часть Москвы на плане 1739 г. архитектора И. Мичурина
1 – Большая Алексеевская ул.; 2 – Покровская застава;
3 – Компанейский (Камер-Коллежский) вал

где находился двор А. К. Гребенщикова, входила в границы Москвы, что отражено на плане Москвы 1739 г. архитектора И. Мичурина (рис. 3). На этом плане город представлен в пределах Компанейского вала (с 1742 г. – Камер-Коллежский вал) – в своей административной границе.

Ко второй версии относится и точка зрения А. Б. Салтыкова, представленная в монографии «Первый русский керамический завод», где автор рассмотрел деятельность завода преимущественно по производству посуды на основе документальных источников и выявленных в музейных коллекциях изделий (Салтыков, 1952). Позднее некоторые уточнения по этой теме сделала Д. М. Лихачева (1972. С. 172–181).

А. Б. Салтыков при определении местонахождения в Москве завода Гребенщиковых в качестве источников использовал издания «Москва. Актовые книги XVIII столетия» (1893), «Указатель Москвы, показывающий по азбучному порядку имена владельцев всех домов сей столицы» (1793) и «План Москвы XVII и XVIII столетий, составленный А. Д. Колосовским» (1885) с картой 1790 г. и описанием участков. Следует отметить, что ни в этих изданиях, ни в использованных архивных документах А. Б. Салтыков не находит и не приводит конкретных точных сведений о местонахождении «Ценинной и табачных трубок фабрики» А. К. Гребенщикова в Москве.

Так, согласно изданию «Москва. Актовые книги XVIII столетия», оброчный крестьянин с. Тайнинского А. К. Гребенщиков в 1716 г. купил двор

⁴ РГАДА. Сенат. 1208/3. Л. 645.

«за Покровскими воротами в Земляном городе в приходе церкви Покрова Богородицы, что на Воронцовом поле на белой земле... за 40 рублей»⁵ (Москва... 1893. С. 140, № 1040), а в 1720 г. – «стрелецкую землю... за Яузкими воротами в приходе церкви Покрова Пресвятыя Богородицы, близ реки Яузы... за 5 рублей»⁶ (Москва, 1895. С. 63, № 859). По-видимому, это были небольшие по площади участки, пригодные для постройки дома и проживания.

В 1724 г., 25 мая, Мануфактур-коллегия выпустила указ, в котором «...разсуждая о цениной всякой посуде, которая делается из белой глины и вывозится в Россию из других государств, а в России такая белая глина находится, из которой имеется надежда, что можно делать в России всякую цениную посуду и табашные трубки, понеже, как видно, что во многих местах крестьяне от неискusstва делают из той глины простую белую посуду <...> ежели кто пожелает оного художества завести фабрики и в помянутых местах, где она белая глина имеется, делать цениную всякую посуду и табашные трубки добрым мастерством, применяясь против заморского, и оные бы явились в Мануфактур-коллегию, которым дана будет Е.И.В. привилегия и в вывозе мастеров для дела той посуды и трубок ученик вспоможение» (Салтыков, 1952. С. 6). После выхода этого указа А. К. Гребенщиков, уже купец Гостиной сотни, 10 июня подает прошение об открытии своей фабрики и в этот же день покупает у полковника Гренадерского полка Д. Л. Порецкого за 1000 рублей двор «за Яузкими воротами, за Земляным городом, в приходе церкви Мартына Исповедника, что в Алексеевской слободе на тяглой земле» (Москва, 1895. С. 356, № 509). Двор, в плане в виде трапеции, имел размеры: «длинику 58 сажень 1 аршин, поперечнику по воротам по Алексеевской улице 23 сажени, по середине 29 сажень, в заднем конце 36 сажень»; примерная площадь этого значительного участка составляла 1711 кв. сажень, или 7789 кв. м.

По мнению А. Б. Салтыкова, «Ценинная и табачных трубок фабрика» А. К. Гребенщикова, а также контора и склады его лосинного завода находились именно на территории двора, купленного у Д. Л. Порецкого. Несмотря на то что в вышеприведенном документе конкретно указано на расположение двора Д. Л. Порецкого на Большой Алексеевской улице, А. Б. Салтыков, как

и А. Д. Колосовский, автор издания «План Москвы XVII и XVIII столетий» (1885), ошибочно указывает его местонахождение на квартал южнее Большой Алексеевской улицы – в бывшем Чертовом или Дурном переулке (в настоящее время – Товарищеский переулок) (рис. 4, А, 2) (Салтыков, 1952. С. 7; Колосовский, 1885. С. 15, План, № 51). А. Д. Колосовский на плане 1790 г. двор Гребенщических обозначает под № 51 между Новой Алексеевской слободой (№ 52) и «Слободкой, называемой Чертов переулок» (№ 47с). В описании к плану он сообщает, что «фабрика и сад содержателя Андрея Афанасьева сына Гребенщикова» имеет площадь 3 десятины 374 сажени (34478 кв. м), или почти 3,5 га, и равна площади квадрата размером 187×187 м. Что это за участок, уточняет «Прожектированный план столичного города Москвы» 1818 г. Е. Челищева. На этом плане участок № 361, расположенный примерно там же, где и участок № 51, согласно экспликации является «садом бывшего вакзала» (рис. 4, Б, 3) (Прожектированный план... 1818. С. 22). «Вокзал» – это действовавшее в 1770–1780-х годах увеселительное заведение для развлечения высшего общества английского предпринимателя М. Е. Медокса, владевшего также Петровским театром в Москве. Заведение Медокса включало здание с большим зрительным залом для проведения балов и представления пьес, а также большой регулярный сад с прудом, освещавшийся вечером лампами, где играла музыка, танцевали и играли в карты до двух часов ночи; входная плата была рубль (Мартынов, 1878. С. 15; Сытин, 1954. С. 100; Москва: Энциклопедия, 1997. С. 632).

Следует отметить, что в «Описании морской язвы, бывшей в столичном городе Москве с 1770 по 1772 г.», изданном в 1775 г., конкретно указано местонахождение завода Гребенщических: «№ 111. Каменной посуды Андрея Гребенщикова в Большой Алексеевской в 10 части: число людей: мужеска 30 ...» (Шафонский, 1775. С. 619).

Также А. К. Гребенщиков после получения 23 июня 1724 г. указа Мануфактур-коллегии, разрешавшего ему открыть керамический завод, 20 августа покупает за 250 рублей вышеупомянутый черепичный завод у иноземца Павла Вестова, находящийся в Москве, за Таганскими воротами, по Гжельской дороге, у Калитниковского болота, видимо, необходимый для получения сырья – глины (Москва, 1895. С. 373, № 736).

⁵ А. К. Гребенщиков в конце 1730-х гг. был еще владельцем этого двора (Переписные... 1893. Стб. 451, № 521).

⁶ В конце 1730-х гг. А. К. Гребенщиков, видимо, уже не владел этим участком, в «Переписных книгах города Москвы. 1737–1745 гг.» он не значится (Переписные... 1893. Стб. 209–221).

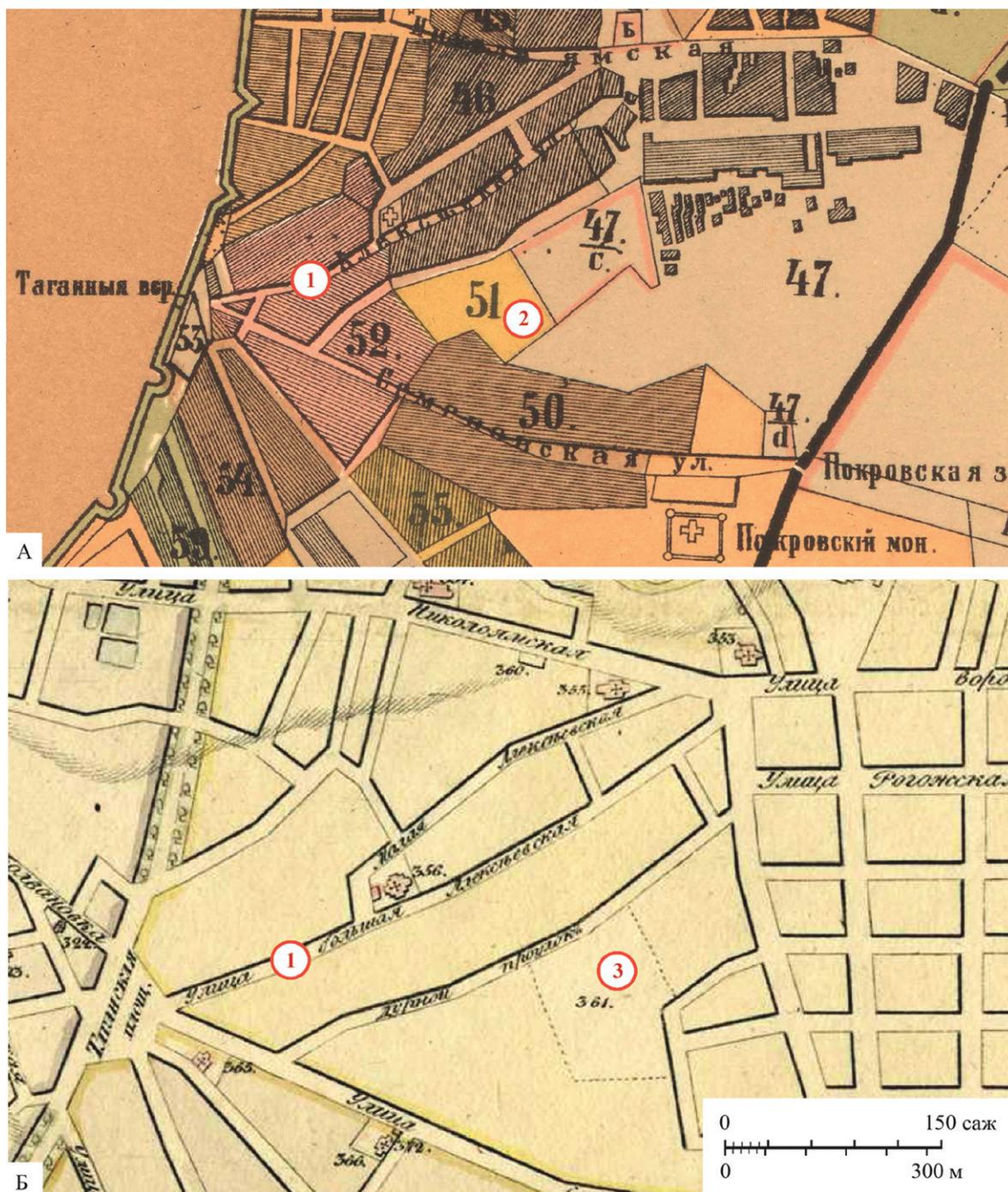

Рис. 4. Район Большой Алексееской улицы в Москве на плане 1790 г. А.Д. Колосовского (А) и на плане 1818 г. Е. Челищева (Б)
 1 – Большая Алексееская ул.; 2 – двор А.К. Гребенчикова; 3 – «сад бывшего вокзала» М.Е. Медокса

Более точные данные о местонахождении двора и, по-видимому, завода А.К. Гребенчикова приведены в 8-м томе «Переписных книг города Москвы. 1737–1745 гг.» 1893 г., к которому не обращался А.Б. Салтыков. Большая Алексееская улица в этом томе описана в двух подразделах переписи дворов 10-й команды, составление кото-

рой производилось в 1738–1739 гг. (Переписные... 1893. Стб. 421–427; Стб. 411–414).

В первом подразделе, озаглавленном «Дворы, идучи от Таганых ворот большою Алексеескою улицею к Ямской Рогожской слб., по правой стороне», т.е. с юго-запада на северо-восток (восточная сторона улицы), описано 11, в основном купече-

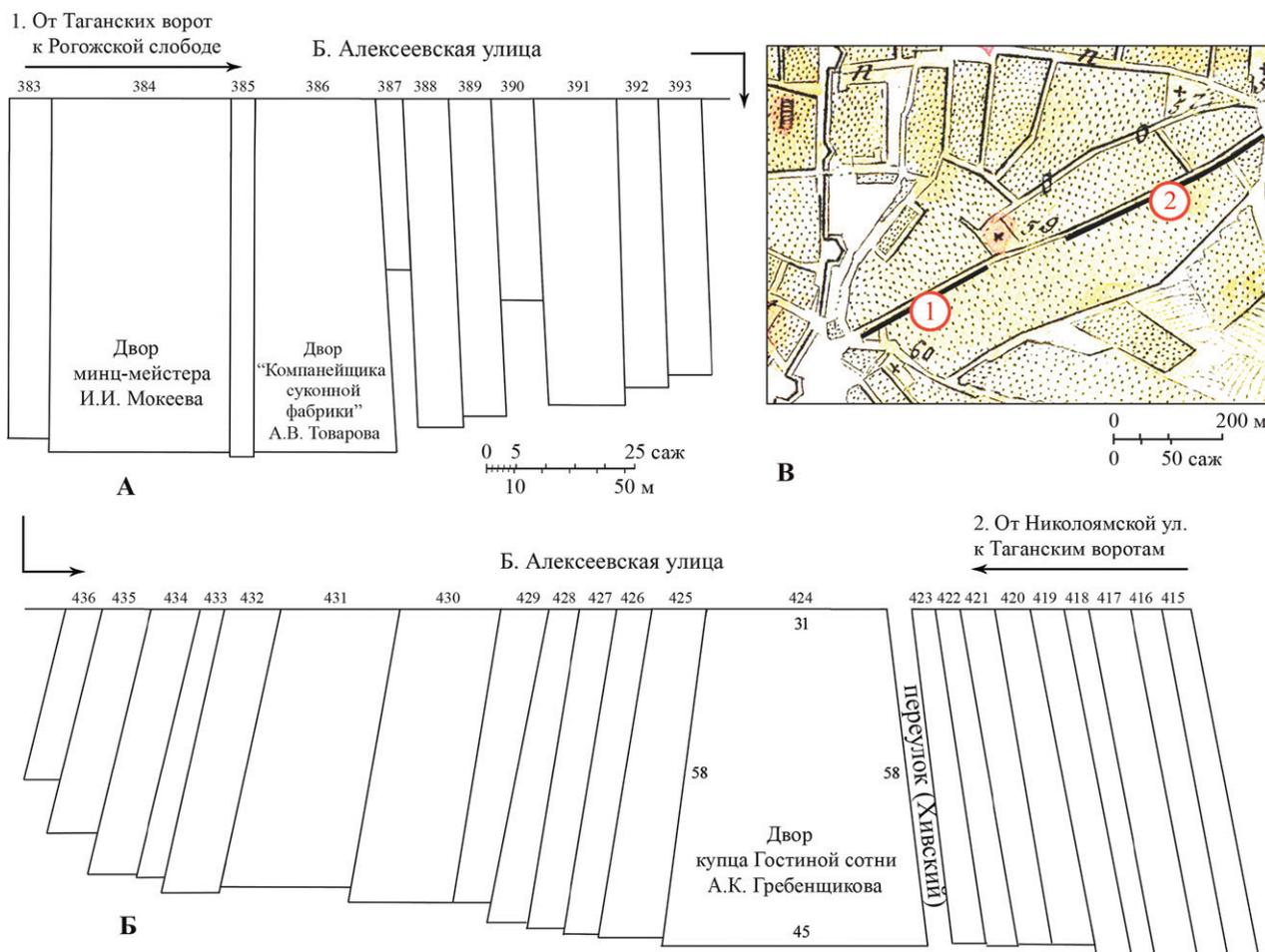

Рис. 5. Планы дворов Большой Алексеевской улицы по Переписным книгам города Москвы 1737–1745 гг. (А – по 1-му подразделу; Б – по 2-му подразделу) на плане 1739 г. И. Мичурина (В)
Размеры двора А.К. Гребенщикова даны в саженьях

ских, дворов (Переписные... 1893. Стб. 411–414; рис. 5, А; Прил.).

Во втором подразделе, озаглавленном «Идучи от Рогожской слободы к Таганским воротам по большой Алексеевской улице по левой стороне», т. е. в обратном направлении, с северо-востока на юго-запад, по восточной стороне улицы, описано 22 купеческих двора (Переписные... 1893. Стб. 421–427; рис. 5, Б; Прил.). Среди них указан двор А.К. Гребенщикова под № 424: «Двор 1-й гильдии купца и лосиной фабрики содержателя Афанасья Кирилова с. Гребенщикова; Влад. по купчей с 724 г. июля 9 дня Гренадерского полку от полковника Дмитрия Ларионова с. Порецкого, да по данной 725 г. дек. 23 д. из конторы Монетного правления на двор Алексеевской слободы купца Ивана Сидорова; мера земли: по купчей – длина 58 сажень 1 аршин (124 м), поперечник по воротам по Алексеевской ул. 23 сажени (49 м), по середине 29 сажень (62 м), в заднем конце 30 сажень (64 м); по дан-

ной – во дворе и огороде поперек по воротам 8 сажень (17 м), в заднем конце 9 сажень (19 м);

– а по нынешней мере: длина по правой стороне 58 сажень 1 аршин (124 м), по левой стороне то же число, поперечник в переднем конце по воротам 31 сажень (66 м), в заднем конце 45 сажень (96 м); квадратных 2058 сажень (9368,5 кв. м);

– а в меже: по правой стороне – подле двора купца Афанасия Лузгина, а по левой стороне – подле двора купца Ивана Лашинского...» (Переписные... 1893. Стб. 423).

В итоге в 1725 г. землевладение А.К. Гребенщикова на Большой Алексеевской улице составляло уже 2058 кв. сажень (9368,5 кв. м), увеличившись на 421 кв. сажень (1916,5 кв. м), что равнялось 0,9 га, или площади квадрата размером 96,8×96,8 м. Это был самый крупный земельный участок на Большой Алексеевской улице. Подобными значительными участками в Москве могли владеть знатные состоятельные горожане, к числу

которых, несомненно, относился и купец Гостиной сотни А. К. Гребенщиков. На этой же стороне Большой Алексеевской улицы, судя по Переписным книгам, большие дворы имели: чиновник, начальник монетного двора, минцмейстер И. И. Мокеев (0,8 га) и «компанейщик суконной фабрики» А. В. Товаров (0,6 га) (рис. 5; Прил., № 384, 386).

Учитывая факт целенаправленного приобретения А. К. Гребенщиковым такого значительного участка, допустимо предположение, что именно на нем размещалась его «Ценинная и табачных трубок фабрика».

В настоящее время бывшая Большая Алексеевская улица (ул. А. Солженицына) имеет протяженность 920 м (432 сажени). Судя по сравнительному сопоставлению планов Москвы XVIII–XIX вв., планировка улиц, расположение переулков этого района не менялись, но на них Большая Алексеевская улица имеет разную протяженность. Так, например, на первой геодезической карте Москвы 1739 г. архитектора И. Мичурина ее длина составляет 905 м (425 сажений), на Плане 1768 г. Горихвостова – 916 м (430 сажений), на Плане 1789 г. Марченкова – 788 м (370 сажений) и на Плане А. Хотева 1852–1853 гг. – 831 м (390 сажений).

Суммирование длин дворов двух подразделов Переписных книг 1737–1738 гг. по левой стороне Большой Алексеевской улицы показывает, что в их перечне допущен значительный пропуск. По какой-то причине в книге отсутствует опись дворов центральной части улицы на протяжении 172,5 м, или 81 сажени (рис. 5, В).

Для визуального представления подворной планировки правой от Таганских ворот стороны Большой Алексеевской улицы по размерным данным Переписных книг 10-й команды 1738–1739 гг. нами составлен план дворов этой стороны улицы (рис. 5, А, Б; Прил.).

Двор А. К. Гребенщикова, указанный во втором подразделе Переписных книг 1738–1739 гг. под № 424, имеет сравнительно точную привязку от начала Большой Алексеевской улицы в направлении от Николаямской улицы к Таганским воротам. При наложении прорисовки 22 дворов этого подраздела на План Москвы 1768 г. Горихвостова с обозначением частных землевладений по левой стороне Большой Алексеевской улицы видно совпадение прорисовки крупного двора А. К. Гребенщикова со схожим по размерам двором на плане Горихвостова (рис. 6, А), который разделен поперек на две неравные части. Меньшая часть, выходящая на Большую Алексеевскую улицу, разделена на четыре продольных участка (рис. 6, Б), являющихся,

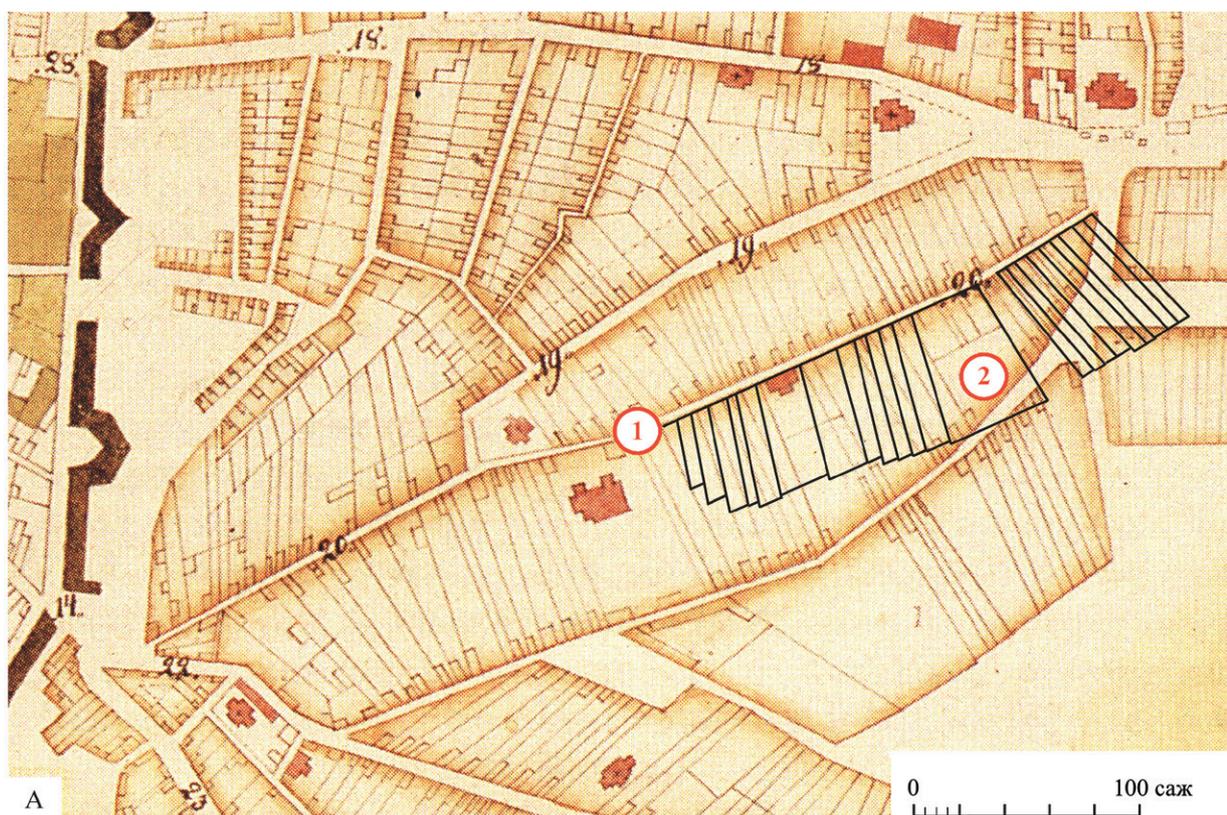
по-видимому, дворами семьи А. К. Гребенщикова, который имел трех сыновей: Петра, Андрея и Ивана (Салтыков, 1952. С. 26–27). В отличие от этой меньшей жилой части, большая, видимо, была производственной частью, где находились контора и склады его лосинного завода и «Ценинная и табачных трубок фабрика».

Необходимо отметить, что с левой стороны Большой Алексеевской улицы на расстоянии 45,5 сажени (97 м) от Николаямской улицы проходит переулок, не указанный в Переписных книгах 1738–1739 гг. Этот переулок не обозначен и на Плане 1768 г. Горихвостова, но существует на карте Москвы 1739 г. архитектора И. Мичурина и на более поздних планах, где он назывался как Хивский (с 1954 г. – Добровольческий пер.). Его ширина по указу 1742 г. должна была составлять 4 сажени (8,5 м) (Рубан, 1782. С. 54). Сопоставительные расчеты показывают, что двор А. К. Гребенщикова начинался от этого переулка.

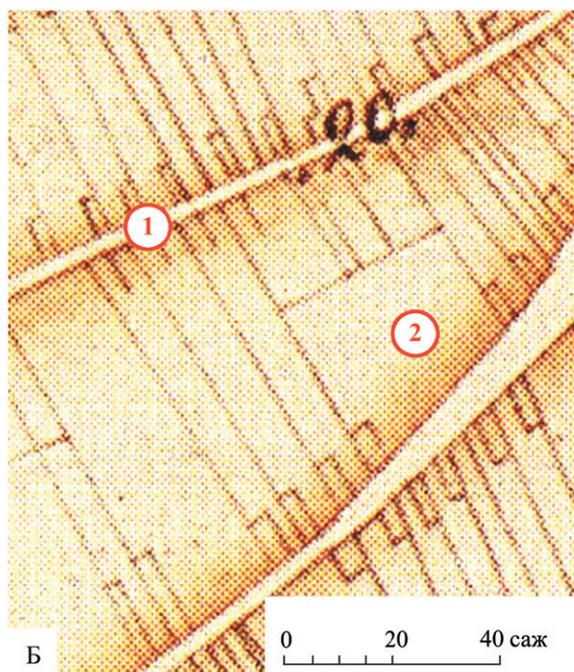
План двора А. К. Гребенщикова с расположением построек выявить в архивах до настоящего времени не удалось. Косвенно о расположении жилых построек и «фабрики» на одном участке свидетельствует приводимая А. Б. Салтыковым цитата одного из документов о пожаре в мае 1748 г.: «дом его и с ценинною фабрикою в Москве выгорел весь без остатку и кровли на каменных палатах и у нижних кладовых анбаров двери железные от великого жару стали ветхи» (Салтыков, 1952. С. 17).

«Фабрика» А. К. Гребенщикова, по сведениям, приводимым А. Б. Салтыковым из выявленных немногочисленных архивных документов, в 1724 г. состояла из двух цехов: трубочного и изразцового. Они работали самостоятельно и считались самим Гребенщиковым отдельными фабриками. Для каждого цеха в 1725 г. построили по три «светлицы» (Салтыков, 1952. С. 9, 13). Это разделение производств было обязательным при изготовлении белоглиняных курительных трубок, так как во избежание изменения белого цвета курительных трубок не допускалось случайное попадание красной изразцовой глины в белую глину. Также, как сообщал сам А. К. Гребенщиков в 1742 г. в Мануфактур-коллегию, он построил не только «пристойные строения», но и «для обжигания печи и очаги» (Салтыков, 1952. С. 13).

Отдельное помещение требовалось также для производства ценинной посуды, организованное к 1739 г. и достигшее к 1744 г. значительных размеров. Судя по значительным объемам посудного производства (в тысячах штук), оно располагалось в больших помещениях. Сырьем для него, как

А

Б

Рис. 6. Двор Гребенщиковых
на плане Москвы 1768 г. Горихвостова
1 – Большая Алексеевская ул.; 2 – двор
Гребенщиковых

и для изготовления курительных трубок, являлись белые гжельские глины. А. К. Гребенщиков знал их разновидности и дважды, в 1744 и в 1748 гг., сопровождал Д. И. Виноградова в Гжель для осмотра мест добычи глин и отбора образцов, а также занимался их поставкой в Петербург (Салтыков, 1952. С. 13, 16, 18).

В 1751 г. возобновилось после пожара 1748 г. производство изразцов и трубок во вновь построенных помещениях (Салтыков, 1952. С. 23).

В 1761 г., после смерти А. К. Гребенщикова – основателя завода, он по решению Сената перешел к его сыну – Андрею Афанасьевичу Гребенщикову (1732–1733 г.р.), который в 1782 г. числил-

ся в Гостиной сотне, но в 1795 г. был уже купцом 3-й гильдии, торговли не имел и жил в своем доме на Алексеевской улице. Об этом сообщает «Указатель Москвы, показывающий по азбучному порядку имена владельцев всех домов сей столицы» 1793 г.: «Гребенщикова, Андрея, Московского купца, в приходе Мартына Исповедника, в большой Алексеевской улице, 2 квар. № 109» (Указатель Москвы, 1793. С. 177).

Закрытие завода произошло, видимо, в 1779 г. (Лихачева, 1972. С. 172–173).

К 1801 г. землевладение Андрея Афанасьевича Гребенщикова на Большой Алексеевской улице, где были двор и завод, по-видимому, уже продано, а 69-летний А. А. Гребенщиков проживал в доме купца Беляева в Пятницкой части Москвы (Салтыков, 1952. С. 26–27).

Следует отметить, что в указанном выше издании А. Д. Колосовского «План Москвы XVII и XVIII столетий» автор приводит неполные сведения об участке Андрея Гребенщикова, из сделанного Межевым ведомством описания 1790 г. Оно включало экономические примечания, и, в частности, об участке Андрея Гребенщикова в них записано: «На суходоле фабрика, на которой делается глиняная посуда и курительные трубки» (Сытин, 1954. С. 271–287). Указание на расположение работавшего с огнем производства «на суходоле» следует, видимо, понимать как расположение его от улицы в конце участка, вдали от жилых строений владельца и его соседей. Так, если курительные трубки обжигались в небольшой печи (муфеле), находящейся внутри производственного помещения, то изразцы и посуда, как более крупные изделия, необходимо было обжигать уже в большой печи, стоявшей на улице отдельно, в удалении от каких-либо строений. Как показали наблюдения, обычно вблизи печей производился выброс бракованных изделий.

В первой половине XVIII в. территория за участком А. К. Гребенщикова, по-видимому, не была застроена, что допускало работу огнеопасного производства. В 1770–1780-х годах здесь уже располагалось вышеупомянутое увеселительное заведение – «вокзал» английского предпринимателя М. Е. Медокса. После 1812 г. эта территория застраивалась частными домами (Мартынов, 1878. С. 15).

Во время пожара 1812 г. Таганский район Москвы, в том числе Большая Алексеевская улица, выгорел полностью (Булгаков, 1813. Карта), и в последующее время, в XIX–XX вв., территория двора Гребенщиковых, видимо, меняла своих владельцев

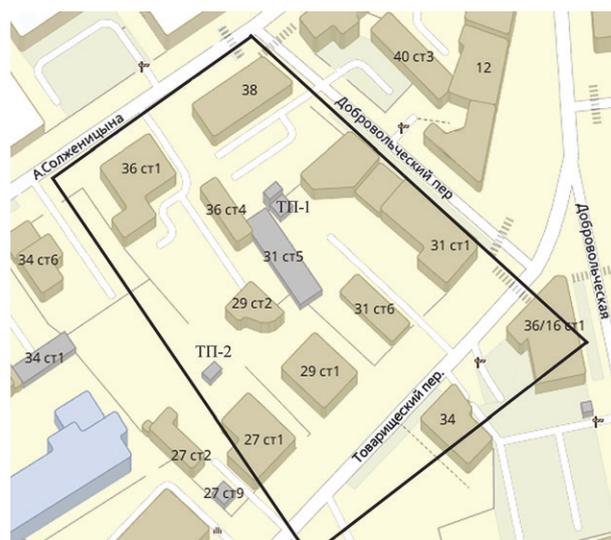

Рис. 7. Двор Гребенщиковых на современном плане Москвы

и застройку. Для определения мест возможных археологических исследований необходимо установить характер изменения планировки и застройки этой территории в указанный период.

Судя по наблюдениям по планам Москвы XIX–XX вв., до настоящего времени на бывшей территории двора Гребенщиковых в основном сохранилась историческая застройка XIX – начала XX в. Здесь расположен ряд преимущественно двухэтажных зданий, некоторые из них признаны архитектурными памятниками (рис. 7).

По ул. А. Солженицына (бывшая Большая Алексеевская улица):

- д. 36, стр. 1 – каменное 2-этажное здание, конец XVIII–XIX в., перестроенное в 1911 г.;
- д. 36, стр. 4 – каменное 2-этажное здание, 1910 г.;
- д. 38 – каменное 2-этажное здание, жилой дом А. А. Денисова, пер. пол. XIX в.

В Товарищеском переулке (бывший Дурной):

- д. 27, стр. 1 – каменное 1-этажное здание, главный дом усадьбы И. Л. Силкина, начало XIX в., перестроен в 1891 г.;
- д. 29, стр. 1 – каменное 2-этажное здание, построенное около 1910 г.;
- д. 29, стр. 2 – каменное 2-этажное здание, построено в 2001 г.;
- д. 31, стр. 1 – каменное 2-этажное здание, жилой дом купца Ф. Ф. Баулина, владевшего участком на рубеже XVIII–XIX вв., построен в 1790-х гг.;
- д. 31, стр. 5 – каменное 2-этажное здание, 1910 г.;
- д. 31, стр. 6 – каменное 1-этажное здание, флигель усадьбы купца Ф. Ф. Баулина, XIX в.;

– д. 31, стр. 15 – каменное 2-этажное здание, построено до 1917 г.

Также здесь расположены два здания трансформаторных подстанций (ТП-1 и ТП-2).

По некоторым планам Москвы конца XVIII – XX в. с прорисовкой домов можно проследить характер и процесс изменения застройки территории двора Гребенщиковых на Большой Алексеевской улице. При этом следует отметить, что на планах конца XVIII – начала XIX в. здания представлены не всегда точно либо вообще отсутствуют.

Так, на плане 1784 г. не нанесен Хивский переулок, но у его местонахождения на углу с Большой Алексеевской улицей показано каменное здание (рис. 8, 1784), по-видимому, являющееся одним из строений Гребенщиковых. В настоящее время на этом месте находится каменное здание № 38, (жилой дом А. А. Денисова), построенное в первой половине XIX в.

На плане 1838 г. показана планировка с одним каменным зданием, построенным, видимо, после пожара 1812 г. (рис. 8, 1838). В этой же части территории, судя по плану 1784 г., ранее уже находилось каменное строение. Центральную часть территории занимал сад.

Более подробным является план А. Хотева 1852–1853 гг., где показана плотная застройка жилыми каменными и деревянными хозяйственными строениями преимущественно по периметру улиц и переулков (рис. 8, 1853). Расположение каменных зданий соответствует планам XX в. и совпадает с современной застройкой (рис. 7). Согласно плану А. Хотева бывшую территорию двора Гребенщиковых разделили между четырьмя владельцами из московского купечества: Баулиным Ф. Ф. (№ 511), Прокофьевым П. (№ 512), Стародубовой М. Д. (№ 513) и Прибыловой П. Д. (№ 514) (Алфавитный указатель... 1852–1853. С. 154, 163, 165). В центральной части владений № 511 и № 513 существовали сады.

На плане Москвы 1901 г., приложенном к изданию «Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1903 год», территория бывшего двора Гребенщиковых оставалась, как и на плане А. Хотева 1853 г., разделенной в тех же размерах также между четырьмя владельцами: Баулиным Д. И. (№ 511), Розановым И. И. (№ 512), купцом Щукиным В. В. (№ 513) и Балашовым А. С. (№ 514) (Вся Москва, 1903. Стб. 6, 146).

Судя по достаточно подробному плану Москвы 1937 г., застройка рассматриваемой терри-

тории в целом осталась без изменений и соответствует плану А. Хотева 1853 г. (рис. 8, 1937). На нем обозначены те же существовавшие в середине – второй половине XIX в. каменные здания по периметру улиц и переулков и мелкие, видимо, деревянные хозяйственные постройки⁷.

На планах Москвы 1952, 1968 и 1996 гг., где представлены только каменные здания, на территории бывшего двора Гребенщиковых сохраняется прежняя застройка XIX в., отмечаются некоторые изменения в конфигурации отдельных, видимо, перестроенных строений (рис. 8, 1952, 1996).

Следует отметить, что в XVII в. Большая Алексеевская улица (ул. А. Солженицына) являлась основной улицей московской Алексеевской слободы. В 1632 г., судя по документам, она включала 65 дворов, а в 1651 г. – 166 (*Сытин*, 1950. С. 104). Культурный слой Алексеевской слободы и прилегающих к ней районов исследовался в 1952, 1955 и 1995 гг. сотрудниками археологического отдела Музея истории и реконструкции г. Москвы (с 1987 г. – Музей истории города Москвы) (рис. 9, 1, 2, 3). Мощность культурного слоя в середине ул. А. Солженицына, у д. 22, напротив церкви Мартина Исповедника, составляет в среднем 2 м (Дневник... 1955. С. 20–21). В 170 м к северу от двора Гребенщиковых, на ул. Николаямской, у д. 58, при наблюдениях Г. П. Смирнова в 1952 г. выявлен культурный слой до 1,8 м (Паспорта... 1952). В 730 м к югу, у д. 32–34 по Таганской ул., фиксировался культурный слой мощностью 1,7 м (личные наблюдения автора).

Позднее, в 2012 г., при археологических наблюдениях в Товарищеском переулке, у д. 30, в 100 м к югу от территории бывшего двора Гребенщиковых (рис. 9, 4), в профилях культурный слой имел мощность от полутора до двух метров и содержал предметы преимущественно XIX–XX вв. К находкам XVIII в. относится медная денга 1731 г. и обломки белоглиняной расписной керамики.

На самой территории бывшего двора Гребенщиковых в 2014 г. проводились археологические наблюдения при углублении подвала д. 31, стр. 1, в Товарищеском переулке (рис. 9, 5) – каменного двухэтажного бывшего жилого дома купца Ф. Ф. Баулина, построенного, судя по кирпичному клейму «ГД», в 1790-х годах. Полученный материал, отложившийся в культурном слое подвала (фрагменты печных изразцов, глиняной посуды и т. п.; всего 170 находок) относится к XIX в.

⁷ В распоряжении автора имелась нечеткая копия этой карты, и точно определить каменные и деревянные строения не представлялось возможным.

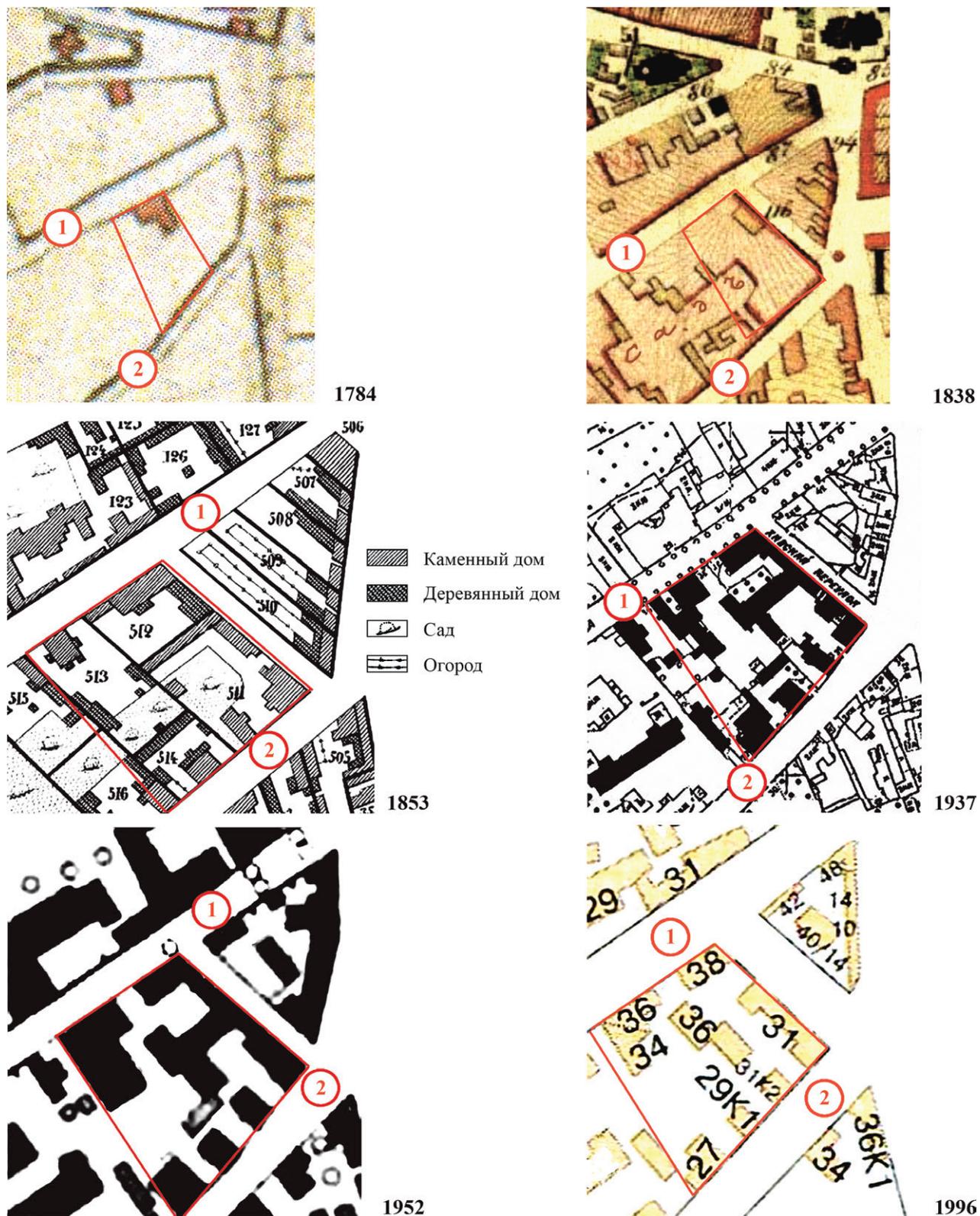

Рис. 8. Двор Гребенщиковых на планах Москвы XVIII–XX вв.
 1 – Большая Алексеевская ул. (ул. А. Солженицына); 2 – Дурной пер. (Товарищеский пер.),
 красными линиями показаны границы территории бывшего двора Гребенщиковых

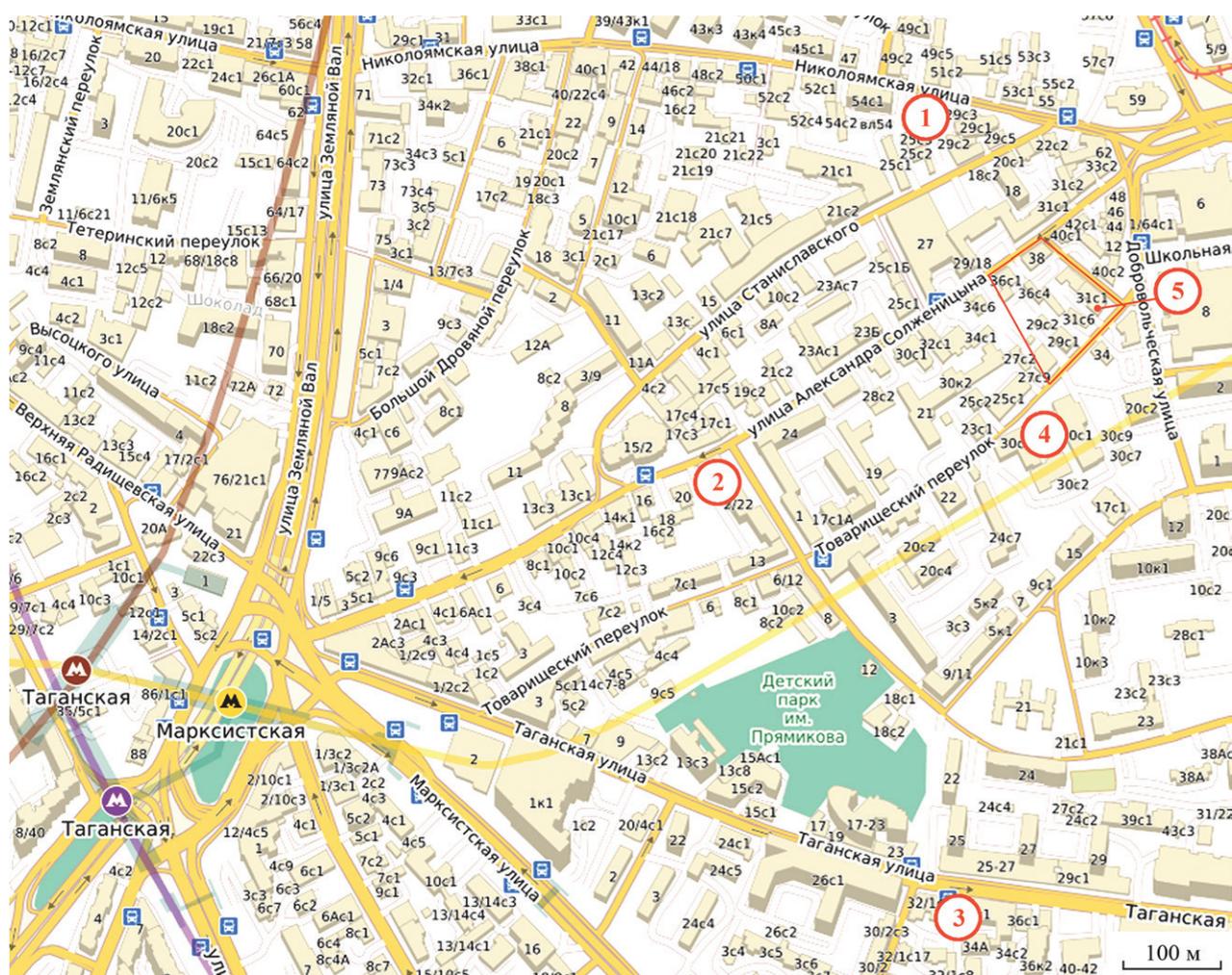

Рис. 9. Места археологических наблюдений в районе Большой Алексеевской улицы (улица А.И. Солженицына) в Москве в 1952–2014 гг.

1 – ул. Николаямская, д. 58 (1952 г.); 2 – ул. А. Солженицына, д. 22 (1955 г.); 3 – ул. Таганская, д. 32–34 (1995 г.); 4 – Товарищеский пер., д. 30 (2012 г.); 5 – Товарищеский пер., д. 31, стр. 1 (2014 г.)

Предметов, связанных с производством завода Гребенщиковых, не найдено.

При археологическом исследовании территории бывшего двора Гребенщиковых, действовавшего на протяжении 55 лет и производившего различные изделия тысячами штук, особую значимость имеет его задняя часть, выходящая к Товарищескому переулку, где должны были находиться печи для обжига. Здесь мог сбрасываться как производственный брак, образовавшийся в процессе двукратного (утильного и политого) обжига изделий (обломки белоглиняных курительных трубок, майоликовой посуды, изразцов и плиток), так и технологическая керамика (огнеупорный припас) – различные вспомогательные изделия: разноразмерные посудные подставки, обломки капсулей и крышек к ним разных размеров, печных кирпичей и т. п.

Факт того, что в процессе производства особенно посуды был брак и лом изделий, подтверждает письмо от 18 июня 1747 г. организовавшему в это время производство фарфора в России по поручению императрицы Елизаветы Петровны управляющему Кабинетом барону И.А. Черкасову от московского почт-директора В. Пестеля, который сообщал: «...пред недавним временем его (Гребенщикова. – А.П.) фабрику осматривал и той фарфоровой посуды, как готовой, так и еще неизготовленной и переломанной довольно видел» (Безбородов, 1950. С. 469).

Следует отметить, что стоящие в Товарищеском переулке каменные здания XIX – начала XX в. имеют подвальные помещения и при их строительстве ранее отложившийся культурный слой, по-видимому, не вывозился за пределы участка, а распределялся и разравнивался здесь же, что позволяет обнаружить

в переотложенном состоянии отходы производства завода Гребенщиковых на прилегающей площади.

Таким образом, на основе имеющихся сведений допустимо предположение, что «Ценинная и табачных трубок фабрика» Гребенщиковых находилась на участке застройки между современной ул. А. Солженицына, Товарищеским и Добровольческим переулками, на территории двора Гребенщиковых XVIII в. Версия о его расположении на расстоянии полтора километра от Москвы у Ка-

литниковского болота на черепичном заводе Павла Вестова не представляется вероятной.

Археологические исследования на участке бывшего двора Гребенщиковых XVIII в., вблизи которого культурный слой имеет мощность до 2 м, в дальнейшем может подтвердить предположение о нахождении здесь завода Гребенщиковых и дать новые, ранее неизвестные материалы о деятельности этой первой в России керамической мануфактуры.

Приложение

Опись владельцев и размеров дворов по восточной стороне Большой Алексеевской улицы по Переписным книгам города Москвы 1737–1745 гг. (Переписные... 1893. Стб. 411–414, 421–427)

№	Владелец двора	Размер двора, сажени			
		по улице	длина	в конце	площадь**
<i>1-й подраздел: «Дворы, идущи от Таганых ворот большою Алексеевскою улицею к Ямской Рогожской слб., по правой стороне». Длина 122 саж. (261,5 м)</i>					
383	Купец И.Е. Гвоздарев	7	58	7	439
384	Минцмейстер* И.И. Мокеев	30	60	29	1780
385	Купец М. Петров	4	61	4	269
386	«Компанейщик суконной фабрики» А.В. Товаров	20	60	24	1337
387	Купец Ф.И. Скворцов	4	29	4	125
388	Купец Я.М. Колмогоров	12	56	13	700
389	Купец Л.В. Зиновьев	7	54	8	434
390	Купец А. Дементьев	7	34	7	245
391	Купец 2-й гильдии А.С. Свешников	14	52	14	728
392	Купец А.Т. Суслов	7	49	7	345
393	Купец Ф. Матвеев	7	47	8	363
<i>2-й подраздел: «Идущи от Рогожской слободы к Таганым воротам по большой Алексеевской улице по левой стороне». Длина 187,5 саж. (400 м)</i>					
415	Купец А.Н. Свешников	5	58	6	319
416	Купец А. Алферьев	5	58	5	328
417	Купец А.Ф. Кузнецов	7	58	7	413
418	Оброчный крестьянин Синодального правления Г.М. Шаров	4	59	4	245
419	Купец Н. Сидоров	6	59	7	385,5
420	Купец Н.Ф. Шихин	6	59	7	385,5
421	Купчиха (?) К.С. Лузгина	5,5	58	6	333,5
422	Купец Е.С. Соловьев	4	58	5	275
423	Купец И.С. Лашинский	3	57	5	266
424	«1-й гильдии купец и лосиной фабрики содержатель А.К. Гребенщиков»	31	58	45	2058
425	Купец 2-й гильдии А.А. Лузгин	9	56	11	569
426	Купец 3-й гильдии И.М. Микишенков	6	55	5	319
427	Купец О.И. Грач	6	54	5	324
428	Купец И. Ильин	5	53	4	238,5
429	Купец М. Федоров	8	52	6	364
430	Купец К.И. Аверин	17	50	13	750
431	Купец Н.А. Рыбников	20	48	16	893
432	Купец М. Федоров	9	48	9	440
433	Купец Я. Антропов	4	48	4	192
434	Купец М.П. Суслов	8	49	7	367,5
435	Купчиха А. Ларионова	8	38	7	304
436	Купец А. Петров	6	29	2	116

* Чиновник, начальник монетного двора.

** Некоторые значения уточнены автором статьи.

Литература и источники

Алфавитный указатель к плану столичного города Москвы, составленному по распоряжению г. московского обер-полицмейстера генерал-майора Лужина А. Хотевым. М.: Тип. Ведомостей Моск. гор. полиции, 1852–1853. 184 с.

Безбородов М. А., 1950. Д. И. Виноградов – создатель русского фарфора. М. – Л.: АН СССР. 510 с.

[*Булгаков А. Я.*], 1813. Русские и Наполеон Бонапарт, или рассмотрение поведения нынешнего обладателя Франции с Тильзитского мира по изгнание его из древней Российской Столицы, с присовокуплением многих любопытных анекдотов и плана Москвы. Писано Московским Жителем 1813 года. М.: Тип. С. Селивановского. 128 с.

Вольф Н. В., 1906. Императорский фарфоровый завод. 1744–1904. СПб.: Упр. императорскими заводами. 422 с.

Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1903 год. М.: Моск. гор. управа, 1903. 326 с. 1543 стб.

ДДГ. М.; Л.: АН СССР, 1950. 586 с.

Дневник археологических наблюдений, 1955 / Фонд отдела «Археология» Музейного объединения «Музей Москвы»

История Москвы с древнейших времен до наших дней. М.: Изд. объединения «Мосгорархив», 1997. 432 с.

Колосовский А. Д., 1885. План Москвы XVII и XVIII столетий. М.: Русская типо-литография. 21 с.

Лихачева Д. М., 1972. К истории зарождения частных фарфоровых фабрик в России // Сб. тр. НИИХП. Вып. 6. М.: НИИХП. С. 167–184.

Мартынов А., 1878. Названия московских улиц и переулков с историческими объяснениями. М.: Тип. Т. Рис. 100 с.

Москва. Актовые книги XVIII столетия. Т. 2. М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1893. 429 с.

Москва. Актовые книги XVIII столетия. Т. 3. М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1895. 353 с.

Москва. Энциклопедия / Под ред. С. О. Шмидта. М.: БРЭ, 1997. 976 с.

Очерки русской культуры XIII–XV веков. Ч. 1. М.: МГУ, 1969. 479 с.

Паспорта объектов археологических наблюдений МИРМ 1948–1989 гг., 1952 / Фонд отдела «Археология» Музейного объединения «Музей Москвы».

Переписные книги города Москвы. Составлены в 1737–1745 гг. Т. 8. М.: Моск. гор. дума, 1893. 552 стб.

Прожектированный план столичного города Москвы. Составлен при Коммисии для строений в Москве 1818 года». Е. Челищева / Фонды Музейного объединения «Музей Москвы». № ОФ 3078.

ПСРЛ. Т. VI. Софийские летописи. СПб.: Тип. Э. Праца, 1853. 358 с.

Рубан В. Г., 1782. Описание императорского, столичного города Москвы, содержащее в себе: звание городских ворот, каменных и деревянных мостов, больших улиц и переулков, монастырей, церквей, дворцов, присутственных и других казенных мест, число обывательских дворов и покоев, рядов, рынков, фабрик, заводов, кладбищ, дорог, застав, число извозчиков и прочая. СПб.: Тип. Х. Ф. Клезна. 159 с.

Салтыков А. Б., 1952. Первый русский керамический завод. М.: ГИМ. (Тр. ГИМ. Вып. 6). 44 с.

Селиванов А. В., 2002. Фарфор и фаянс Российской империи. Описание фабрик и заводов с изображениями фабричных клейм. М.: Изд-во Ирины Касаткиной. 423 с.

Сытин П. В., 1950. История планировки и застройки Москвы. Материалы и исследования. Вып. 1. М.: Московский рабочий. 415 с.

Сытин П. В., 1954. История планировки и застройки Москвы. Материалы и исследования. Вып. 2. М.: Московский рабочий. 622 с.

Тихомиров М. Н., 1957. Средневековая Москва в XIV–XV веках. М.: МГУ. 317 с.

Указатель Москвы, показывающий по азбучному порядку имена владельцев всех домов сей столицы. Ч. 1. М.: Унив. тип., 1793. 413 с.

Экспликация к плану столичного города Москвы, изданному Егором Челищевым. М.: Тип. С. Селивановского, 1818. 27 с.

Чулков М. Д., 1785. Историческое описание российской коммерции. Т. IV. Кн. 1. М.: Унив. тип. 846 с.

Шафонский А. Ф., 1775. Описание моровой язвы, бывшей в столичном городе Москве с 1770 по 1772 г. М.: Унив. тип. 655 с. *Приложение.* Опись владельцев и размеров дворов по восточной стороне Большой Алексеевской улицы по Переписным книгам города Москвы 1737–1745 гг.

A.A. Polyulyakh

**On the location of the Grebenshchikovs’
“Tseninnoy i tabachnykh trubok fabriki” in Moscow**

Summary

There are two versions in the literature about the location of the Grebenshchikov factory. According to the first – outside of Moscow, 1.5 km along the Gzhel road, near the Kalitnikovskoye swamp, at the tile factory of Pavel Vestov. According to the second, it was in A. K. Greben-

shchikov’s own court on Bolshaya Alekseevskaya Street (modern A. Solzhenitsyn Street), the location of which was determined from published maps of the 18th century. Archaeological research on the site of the former Grebenshchikovs’ court can confirm this assumption.

А. А. Полюлях

Музейное объединение «Музей Москвы», г. Москва

Археологический отдел Музейного объединения «Музей Москвы» в 1946–2024 годах: история создания, формирования фонда коллекций и научной деятельности

В настоящее время в состав фондовых собраний каждого музея исторического профиля входят археологические коллекции¹. Археология изучает прошлое человечества преимущественно на основе вещественных исторических источников, получаемых в ходе раскопок поселений и могильников. На поселениях объектом изучения является культурный слой – исторически сложившаяся система напластований, образовавшаяся в результате деятельности человека.

Значительные археологические материалы в виде отдельных находок и коллекций из раскопок хранятся в собрании археологического отдела Музейного объединения «Музей Москвы» – одного из старейших музеев столицы, отметившего в декабре 2021 г. свой 125-летний юбилей. В связи с этим появление в музее в середине XX в. археологического отдела не случайно и связано со становлением и развитием археологического изучения Москвы. Сотрудниками отдела за 78 лет его деятельности проведена большая работа по постановке археологических коллекций на музейный учет и их научному изучению, реставрации находок, а также по исследованию памятников Московской области. Это позволяет подвести итоги работы сотрудников археологического отдела музея в 1946–2024 гг., часть которой представлена в приложениях: список исследовавшихся археологических памятников (Прил. 3), список научных публи-

каций (Прил. 4)², список сотрудников, работавших в археологическом отделе музея в рассматриваемый период (Прил. 5).

Датой основания Музейного объединения «Музей Москвы»³ принято считать декабрь 1896 г., когда в семи залах пятого этажа одной из водонапорных башен у Крестовской заставы (рис. 1) открылся Музей московского городского хозяйства. Экспозицию нового музея составили экспонаты павильона Московской городской думы, выставившиеся ранее на 16-й Всероссийской художественно-промышленной выставке в Нижнем Новгороде. Экспонаты – фотографии, макеты, печатные издания, графики – должны были отразить успехи Московского городского общественного управления (городской управы) в период 1863–1896 гг. в разных сферах деятельности: организации народного образования, медицинского обслуживания, благотворительности, городского хозяйства (водоснабжения, канализации и т. п.). Однако демонстрация достижений требует сравнения: так было раньше, а так стало теперь. Но исторический раздел в экспозиции музея отсутствовал. Правда, как отмечено в первом каталоге музея, изданном в 1907 г., в одной из витрин первой экспозиционной комнаты выставлялись и археологические находки: 26 серебряных и медных монет России конца XVII –X IX в. (рис. 2; Прил. 1), найденных «...в 1890 г. при раскопке грунта для фундамента Крестовских водо-

¹ Автор выражает благодарность А. Е. Кравцову за помощь при подготовке настоящей публикации и Е. В. Леонову за консультации и дополнения.

² В список внесены только научные (кроме научно-популярных) публикации сотрудников отдела в период их работы в музее.

³ За весь период своей истории и развития Музей неоднократно менял названия: в 1898–1922 гг. – Музей московского городского хозяйства, в 1922–1940 гг. – Московский коммунальный музей (МКМ), в 1940–1987 гг. – Музей истории и реконструкции Москвы (МИРМ), в 1987–2004 гг. – Музей истории города Москвы (МИГМ), в 2004–2008 гг. – Музей истории Москвы (МИМ) и с 2008 г. – Музейное объединение «Музей Москвы» (ММ).

Рис 1. Водонапорные башни у Крестовской заставы. Открытка (ММ ОФ 5093)

Рис 2. Комплекс монет, найденный в 1890 г. у Крестовских водонапорных башен. Реконструкция

напорных башен» (Музей... 1907. С. 14–15). Комплекс, по-видимому, состоял из двух групп монет: 1) клада из семи серебряных рублей 1738–1805 гг., правления Анны Иоанновны, Екатерины II, Александра I и 2) случайно утерянных серебряных и медных монет разных годов XVII–XIX вв.⁴ Он мог быть связан с находившейся здесь с 1742 г. Троицкой (позже Крестовской) заставой Камер-Коллежского вала, оживленного места на пути в Троице-Сергиевскую лавру, где стоял крест на месте

встречи мощей святого Филиппа в июле 1652 г. Здесь была и первая царская остановка по дороге в Троице-Сергиевскую лавру (Сытин, 1958. С. 642). В новой и расширенной экспозиции музея, размещившейся с апреля 1914 г. в трехэтажном доме № 15 в Леонтьевском пер. (с 1938 по 1994 г. – ул. Станиславского), эти находки уже не выставлялись (Каталог... 1915). И это не удивительно: в первые 50 лет существования музея прошлое Москвы в его экспозиции либо не освещалось вообще, либо

⁴ Автор выражает благодарность научному сотруднику музея С. П. Петухову за помощь в определении возможной принадлежности комплекса.

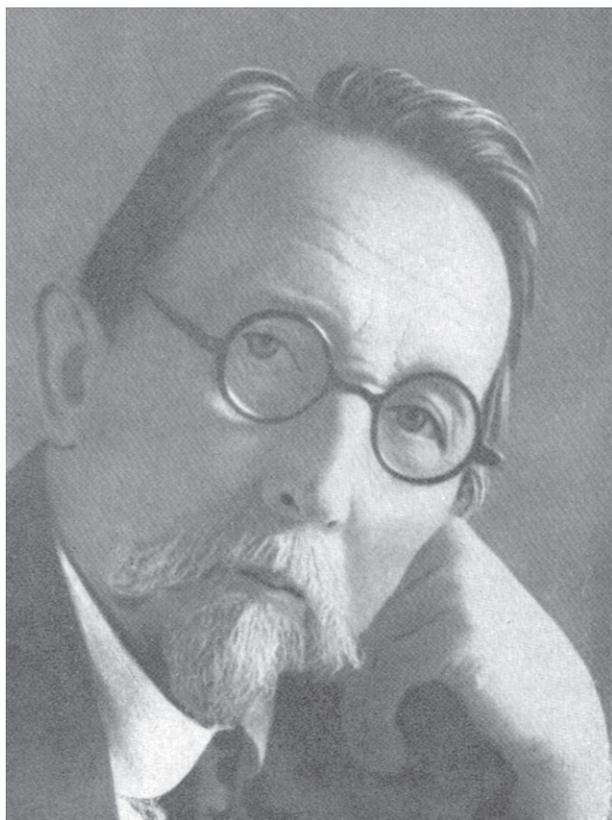

Рис 3. А. М. Васнецов (АполлиINARY Васнецов, 1957)

представлялось фрагментарно изобразительными материалами. Представления об истории Москвы и интерес к ней еще только формировались в общественной и научной среде и окончательно сложились к середине XX в., а сама археология как наука проходила в России в XIX – начале XX в. стадию становления. В окрестностях Москвы исследовались только средневековые памятники. В частности, в 1838 г. А. Д. Чертков провел раскопки славянских курганов в Звенигородском уезде Московской губернии. Это был первый опыт полевого изучения древностей славян, населявших Волго-Окское междуречье. На рубеже XIX–XX вв. большую работу в области изучения славянских древностей провел археолог А. А. Спицын. Созданное в 1864 г. и действовавшее до 1922 г. Московское археологическое общество основное внимание уделяло материальной культуре финно-угорских племен. В 1870-е годы Д. Я. Самоквасов начал изучение Дьяковского городища, позднее продолженное Г. Д. Филимоновым и В. И. Сизовым.

В те годы систематические исследования культурного слоя Москвы еще не проводились, осуществлялись лишь редкие наблюдения и фиксация отдельных находок при строительных работах

в Кремле и вблизи него. Первым сообщением об одном из таких наблюдений стала «Записка о московских достопамятностях» Н. М. Карамзина, составленная в 1817 г. для императрицы Марии Федоровны, где сообщается: «Во многих местах Кремля в земле видны остатки кирпичных сводов: это были погребки князей и бояр, имевших там свои дома» (Формозов, 2007. С. 95). В 1823–1838 гг. во время рытья котлована для строительства храма Христа Спасителя обнаружили клад арабских монет X в., надгробия XVI–XVII вв. Тогда же нашли клад восточных монет вблизи Симонова монастыря. В 1838 г. при рытье котлованов в юго-западной части Кремля историк М. С. Гастев зафиксировал следы древних ям, принятых им за ров. В 1843 г. в земле у кремлевской Константино-Еленинской церкви обнаружены два сосуда: сферококус с ртутью и медный сосуд, содержащий фрагментированные документы XIV в. В 1867 г. историк И. Е. Забелин при осмотре стенок траншей для прокладываемых по московским улицам труб газового освещения открыл средневековые деревянные мостовые (Формозов, 2007. С. 95–99).

К изучению культурного слоя древнерусских городов исследователи обратились в начале XX в. с осознанием важности археологических находок как исторического источника при рассмотрении развития ремесел, торговли, повседневной жизни горожан (Древняя Русь... 1985. С. 7–28).

Значимым этапом в развитии музея следует считать появление в 1922 г., после его переезда в Театральный проезд (д. № 3 напротив гостиницы «Метрополь»), исторического раздела экспозиции – «Планы и виды г. Москвы». В нем представлялся облик Москвы в XIV–XX вв. с использованием графических материалов: планов, акварелей и рисунков А. М. Васнецова, хронологических таблиц, карт, чертежей и фототипий. Создание исторического раздела в экспозиции музея было связано как с деятельностью его директора П. В. Сытина (1885–1968), историка и москвоведом, так и с деятельностью художника и искусствоведа А. М. Васнецова (1856–1933), руководившего с марта 1919 г. краеведческим обществом «Старая Москва» (рис. 3). Исторический раздел экспозиции сохранился в музее до 1946 г., когда музей размещался в здании Сухаревой башни в 1925–1934 гг., а затем, с 1935 г., в церкви Иоанна Богослова что под Вязом (Новая площадь, д. 12).

А. М. Васнецов организовал археологические исследования, став первым археологом Москвы, как показал в своей публикации М. Г. Рабинович (1957. С. 43–50). Переехав в 1891 г. в Москву, он почти каждый день занимался наблюдениями за городскими земляными работами. Как писал

Рис. 4. Разрез земляной выработки у Большого Каменного моста, сделанный А. М. Васнецовым в 1922 г. (Аполлинарий Васнецов, 1957. С. 49)

А. М. Васнецов о своих историко-археологических исследованиях Москвы: «Чем далее шло увлечение прошлым Москвы, тем более и более открывались несметные сокровища этого исторического города. Приходилось не только рыться в древних хранилищах, но буквально рыться в земле, отыскивая остатки древних зданий. Мною были открыты и обследованы во время канализационных работ остатки башни Берсеневских водяных ворот и отысканы следы башен у Сретенских и Яузских ворот» (Васнецов, 1957. С. 148)⁵.

А. М. Васнецов не только фиксировал, но и сопоставлял увиденное с древними планами города, анализом которых занимался на протяжении ряда лет. Это позволяло ему те или иные каменные кладки, истлевшие бревна увязывать с конкретными средневековыми сооружениями. Так, например, в 1922–1925 гг. А. М. Васнецов у Сретенских ворот и на Трубной площади обнаружил кладки стен Белого города (Прил. 2), на ул. Ленивке – остатки деревянной мостовой (рис. 4), в 1924 г. у Троицкой башни Кремля зафиксирована белокаменная облицовка плотины Неглинного пруда, при строительстве здания Центрального телеграфа на Тверской улице – пять ярусов средневековых деревянных мостовых.

Результаты исследований А. М. Васнецова находили отражение в докладах на заседаниях краеведческого общества «Старая Москва» и в живописных и графических произведениях, воссоздававших

облик Москвы XII–XIX вв. (рис. 5). В протоколах заседаний «Старой Москвы», на которых он выступил 66 раз, сохранились записи о докладах и сообщениях А. М. Васнецова по поводу археологических находок при строительных работах: «Об археологических находках у Введенских гор» (1923), «О раскопках у Боровицкого моста» (1924), «О находках при земляных работах на Тверской улице» (1927), «О земляных работах у Сретенских ворот», «Стена Белого города у Трубной площади» (3 августа 1919), «Остатки Берсеневских ворот Белого города» (21 сентября 1922), «Раскопки у Боровицких ворот» (2 октября 1924), «О Каменном мосте; остатки водяных деревянных сооружений» (17 июня 1926), «Об обнаруженных остатках Каменного моста 1687 г.» (1926), «О находках в прудах в Дворцовом саду за Яузой» (8 июля 1926), «Раскопки у Сретенских ворот Белого города» (1927), «Раскопки у Яузских ворот Белого города» (22 февраля 1928), «Раскопки на р. Неглинной вблизи Трубной площади» (5 сентября 1929) (Историко-краеведческие... 1976. С. 16–18; Москва... 1986. С. 34, 263, 264).

Следует отметить, что археологические наблюдения А. М. Васнецов проводил буквально до последних дней своей жизни, в период с декабря 1931 до февраля 1933 гг., на начальном этапе строительства метрополитена при проходке шахт и перегонных тоннелей между станциями открытым способом. Об этом сообщает его сын, Всеволод Аполлинарьевич Васнецов: «Начавшееся

⁵ Прокладка труб первой очереди канализации в 1893–1898 гг. проводилась по улицам и переулкам города в границах Садового кольца.

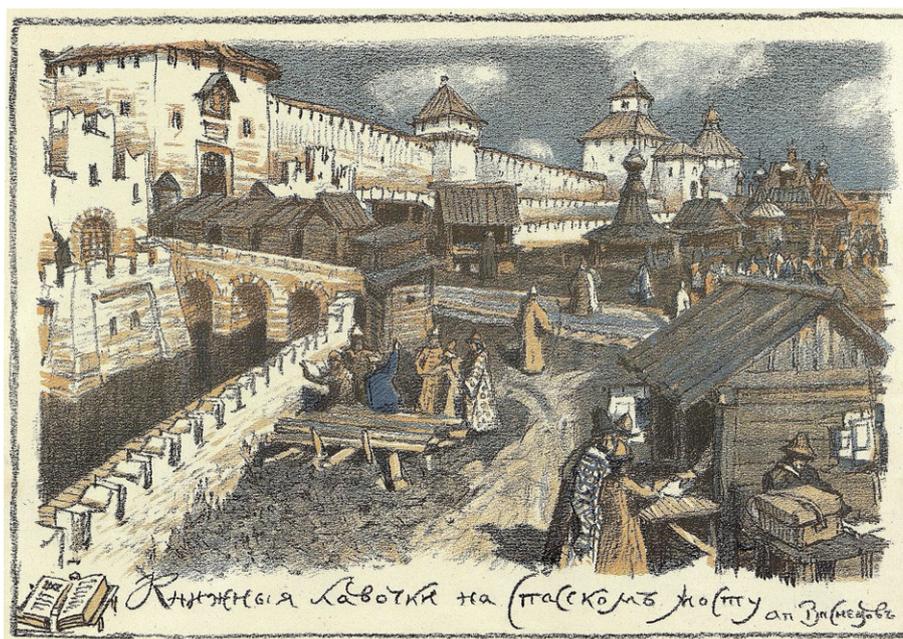

Рис. 5. А. М. Васнецов. Книжные лавочки на Спасском мосту (Васнецов, 1922)

строительство метрополитена приносило интереснейшие археологические находки, особенно при открытой проходке тоннелей, рытье котлованов для подземных станций и прочих больших земляных работах... Прибыв в туннель или какой-нибудь котлован и обнаружив там что-нибудь действительно интересное, он увлекался, делал записи, измерения, зарисовки и забывал все окружающее... Бывший член общества «Старая Москва» К. А. Верещагин рассказывал: «Он как бы сквозь землю видел, что скрывается под ее толщей, какие следы прошлого Москвы можно найти в том или ином месте. Как-то... Васнецов приглашает меня немедленно пойти с ним на строительство метрополитена. При рытье котлована в начале Тверской натолкнулись на какую-то белокаменную кладку из крупных блоков... Оказалось, что это погребенный под землей Воскресенский мост через речку Неглинную. О его местонахождении у историков не было единого мнения, и мост обнаружили там, где и предполагал Васнецов. Мост, сложенный из белого камня, хорошо сохранился. Сохранились и остатки настила... Тут же на месте в своей записной книжке Аполлинарий Михайлович сделал зарисовки и записи». В связи с широким развертыванием в те годы строительства метрополитена такие вызовы отца

при обнаружении археологических находок были довольно частыми» (Москва... 1986. С. 22, 23).

Наряду с А. М. Васнецовым археологические наблюдения за земляными работами в Москве проводил краевед П. Н. Миллер (1867–1943), с 1923 г. ставший председателем общества «Старая Москва» (рис. 6), сменив А. М. Васнецова, уделявшего много времени художественной работе. П. Н. Миллер организовал систематические археологические наблюдения в Москве. Находки, полученные в ходе этих наблюдений и раскопок, были представлены на выставке «Московский мусор» во время проведения III Краеведческой конференции РСФСР 11–14 декабря 1927 г. в Москве. В статье с аналогичным названием П. Н. Миллер указывал на необходимость систематических наблюдений за земляными работами и на ценность найденных в ходе них археологических находок и массового материала (Миллер, 1928. С. 10).

Таким образом, в 1920-е годы археологическое изучение Москвы проходило этап становления. В то же время в 1919 г. государственным научным и организационным центром археологии в стране стала созданная в Ленинграде Российская академия истории материальной культуры (РАИМК/ГАИМК)⁶ с отделением в Москве.

⁶ Позднее Российская академия истории материальной культуры (РАИМК) была переименована в Государственную академию истории материальной культуры (ГАИМК), ставшую впоследствии Институтом истории материальной культуры (ИИМК). С 1945 г. отделение ИИМК в Москве становится головным археологическим учреждением Академии наук СССР, переименованным в 1957 г. в Институт археологии (с 1991 г. – Институт археологии Российской академии наук).

Но до середины 1930-х годов при значительных археологических исследованиях в СССР Москва не являлась объектом систематического археологического изучения. «Раскопки в Москве представлялись археологам делом невозможным, поскольку земляные работы в большом городе весьма затруднительны, да и не нужны, так как сулили материал сравнительно поздний, не интересовавший в ту пору археологов» (Рабинович, 1949. С. 303).

Масштабные археологические наблюдения в Москве проводил ГАИМК под руководством А. В. Арциховского при прокладке первой и второй очередей Московского метрополитена в 1933–1936 гг. (По трассе... 1936. С. 91; Горюнова, 1947. С. 44–54). Они позволили исследовать культурный слой города на протяженных участках ее исторического центра. В результате был собран уникальный материал по истории и топографии средневековой Москвы. В этих работах принимал активное участие и П. Н. Миллер, руководивший исторической группой историко-археологической бригады. Позднее, в 1939–1941 гг., будучи ученым секретарем Комиссии истории Москвы Института истории АН СССР⁷, он возглавлял историко-археологическую бригаду, проводившую археологические наблюдения во время строительства главного здания АН СССР на Крымском Валу, жилых домов на Котельнической набережной и в Зарядье. Некоторые археологические находки из этих наблюдений (и, видимо, из наблюдений 1920–1930-х годов) представили, как и в 1927 г., на выставке археологических экспедиций в МГУ в 1941 г. (рис. 7). Собранные в 1920–1930-е годы в Москве археологические материалы, по-видимому, в те же годы поступили в ГИМ (Рабинович, 1949. С. 304–306).

В сентябре 1947 г., в ходе празднования 800-летнего юбилея Москвы, Музей истории и реконструкции Москвы оказался в центре праздничных мероприятий с особым общественным значением, став средоточием знаний о Москве. В 1947–1948 гг. в здании бывшей церкви Иоанна Богослова что под Вязом и в прилегающих строениях провели реконструкцию, ремонт и создали новую экспозицию, разместив ее на первом этаже здания церкви. На площади 625 кв. м в двух разделах – «История Москвы досоветского периода» и «Москва социалистическая» – выставили 1250 экспонатов. В первом историческом разделе впервые появился подраздел о древней Москве с археологическими экспонатами, в том числе коллекция вятических

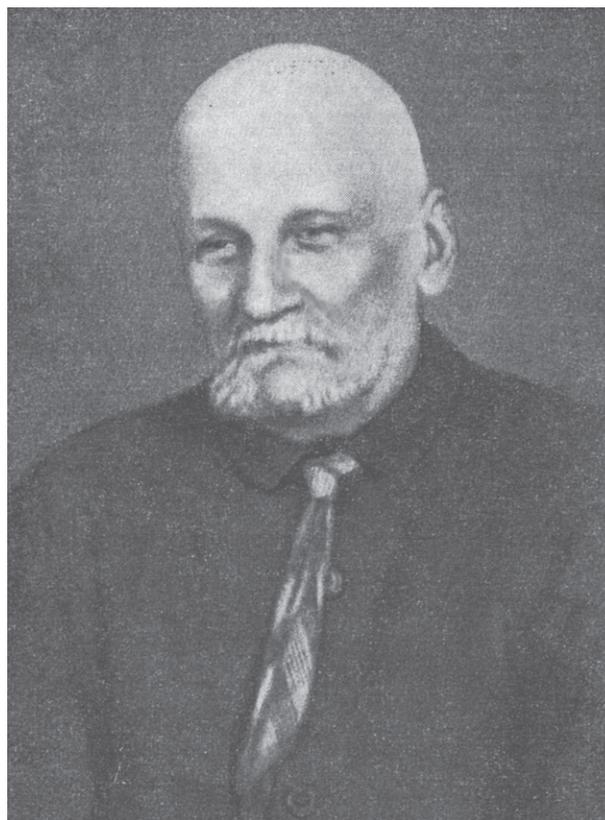

Рис 6. П. Н. Миллер – краевед, председатель секции «Старая Москва» Общества изучения Московской губернии (Московское областное бюро краеведения) в 1923–1935 гг. (Рабинович, 1949. С. 302)

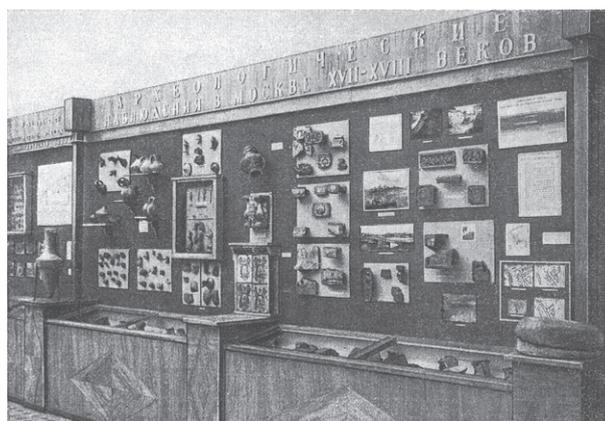

Рис 7. Раздел «Археологические наблюдения в Москве XVII–XVIII веков» на выставке археологических экспедиций в МГУ в 1941 г. (по: Рабинович, 1949. С. 305)

⁷ Одной из задач этой комиссии была подготовка издания многотомной истории Москвы, и П. Н. Миллер занимался организацией этой работы.

Рис 8. Экспозиция древней истории Москвы. 1970-е (фонд археологического отдела ММ, б/н)

бытовых предметов из собрания Музея антропологии МГУ. В историческом разделе экспонировалась коллекция исторических реконструкций Москвы А. М. Васнецова, планы и карты города XVI–XIX вв., графика XIX в., предметы быта и коллекция фарфора⁸ (рис. 8; 9). Эта экспозиция просуществовала до 1978 г.

В 1946 г. в связи с предстоящим 800-летним юбилеем Москвы в Институте истории материальной культуры (ИИМК) создали Московскую археологическую экспедицию под руководством

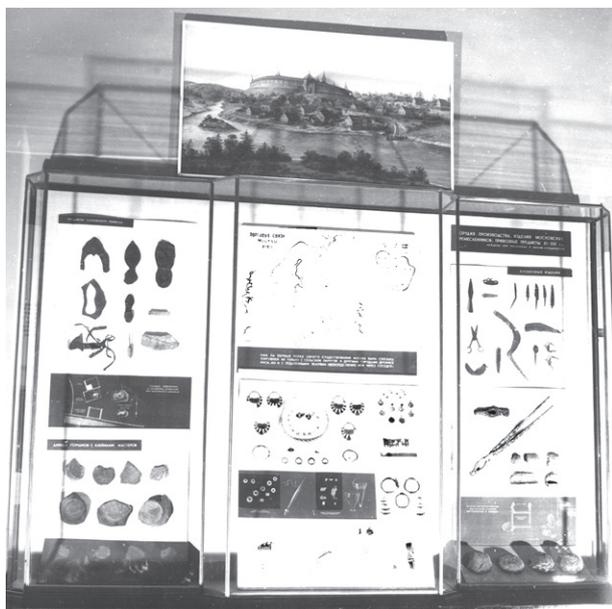

Рис 9. Витрина экспозиции древней истории Москвы. 1970-е (фонд археологического отдела ММ, б/н)

М. Г. Рабиновича для проведения исследований в Москве. Еще студентом исторического факультета МГУ М. Г. Рабинович (1916–2000) участвовал в 1939–1941 гг. под руководством П. Н. Миллера в археологических наблюдениях в Москве. Как ученик П. Н. Миллера, он в 1940–1950-е годы стал продолжателем археологического изучения Москвы.

Ранее, в 1939 г., П. Н. Миллер в статье «Создадим Музей города Москвы» в журнале «Советский музей» указывал на срочную необходимость «...теперь же приступить к организации историко-археологических исследований по трассам метро, реконструируемым площадям и улицам, берегам московских рек и другим пунктам Москвы, связанных с земляными работами...» (Миллер, 1939. С. 37). Он считал, что археологические исследования в Москве должен проводить именно Музей истории и реконструкции Москвы. Но там еще не было ни археологов, ни археологического отдела.

В 1946 г. первые археологические исследования в Москве руководитель Московской экспедиции ИИМК М. Г. Рабинович начал на Таганском холме, в устье Яузы, в Гончарной слободе (рис. 10, А). Работы проводились при поддержке Музея истории и реконструкции Москвы, куда передавались материалы раскопок для хранения и будущего представления на юбилейной экспозиции. Музей выделил помещение для обработки и принятия в фонд Музея коллекций. Для подготовки археологического раздела экспозиции в штат музея приняли М. Г. Рабиновича (по совместительству) и сотрудника экспедиции В. Б. Гиршберга (Рабинович, 2005. С. 242, 246, 275). Это послужило импульсом к организации

⁸ Коллекцию фарфора предоставил ГИМ.

Рис 10. А – начальник Московской археологической экспедиции Института истории материальной культуры (ИИМК) М.Г. Рабинович (первый справа) и член-корреспондент АН СССР С.К. Богоявленский (второй справа) у раскопа 7 на Таганском холме в устье Язузы в Гончарной слободе в 1946 г. (Археологические памятники... 2000). Б – М.Г. Рабинович. 1970-е годы (по: *Рабинович*, 2005); В – Г.П. Латышева, 1960-е годы

археологического отдела в МИРМ как центра археологического изучения города.

Археологический отдел музея официально создан в октябре 1948 г., в него вошли сотрудники-археологи, до этого находившиеся в составе отдела истории Москвы досоветского периода (Музей Москвы, 2022. С. 155). Первым заведующим археологическим отделом Музея истории и реконструкции Москвы в 1948–1953 гг. стал М.Г. Рабинович⁹. Основными задачами созданного археологического отдела музея являлось научное комплектование фондов в ходе археологических исследований

в Москве, обработка и хранение полученных коллекций и изучение на их основе различных аспектов истории города. Этой работой в музее в конце 1940-х – 1950-х годах занимались восемь сотрудников: М.Г. Рабинович, Г.П. Латышева, Г.П. Смирнова, В.И. Качанова, В.Б. Гиршберг, Э.А. Рикман, Ю.М. Золотов и А.Г. Векслер.

Помимо раскопок в Гончарной слободе в 1946–1947 гг. Московская археологическая экспедиция ИИМК, возглавляемая М.Г. Рабиновичем, совместно с археологическим отделом МИРМ в 1949–1951 гг. проводила раскопки на Великом

⁹ В 1954–1956 гг. М.Г. Рабинович (рис. 10, Б) работал заместителем директора музея по научной работе, в 1957 г. он перешел в Институт этнографии АН СССР. Заведующей археологическим отделом МИРМ в 1954 г. стала Г.П. Латышева (рис. 10, В).

Рис 11. Дневники археологических наблюдений 1950-х годов (фонд археологического отдела ММ, б/н)

посаде Москвы, в Зарядье¹⁰, на месте будущего строительства гостиницы «Россия».

Свои первые самостоятельные раскопки экспедиция МИРМ провела в 1956 г. под руководством М. Г. Рабиновича и Г. П. Латышевой: на территории Александровского сада исследовалась кремлевская башня Кутафья – предмостное укрепление Троицких ворот Кремля.

В 1950-е годы М. Г. Рабинович и сотрудники отдела систематически осуществляли наблюдения за строительными и различными земляными работами в Москве¹¹. Результаты наблюдений фиксировались в дневниках и на специальных бланках МИРМ – «Паспортах объекта археологического

наблюдения», образуя картотеку по районам, с нанесением каждого объекта наблюдения на план города (рис. 11; 12). Всего за весь период проведения сотрудниками отдела археологических наблюдений в Москве с начала 1950-х годов до 1990 г. оформлено более 500 бланков-паспортов. Сведения о полученных в результате наблюдений находках с их рисунками заносились в книги описей находок (полевые описи), первая из которых начата в июне 1948 г. (рис. 13).

В 1950-е годы наряду с наблюдениями в Москве сотрудники археологического отдела проводили раскопки в ее ближних окрестностях, а также в Московской области, где было иссле-

¹⁰ В 1951 г. в ходе кампании по борьбе с космополитизмом М. Г. Рабиновича отстранили от руководства Московской археологической экспедицией ИИМК, и археологический отдел МИРМ больше не принимал участия в исследованиях в Зарядье, но материалы раскопок продолжали поступать в МИРМ.

¹¹ Наблюдения осуществляли А. Г. Векслер, В. Б. Гиришберг, М. В. Житомирская, Ю. М. Золотов, В. И. Качанова, Г. П. Латышева, Г. П. Смирнова, Э. А. Рикман (АКР, 2020. С. 35). В последующие годы археологические наблюдения проводили А. Е. Кравцов, И. А. Бойцов, Д. О. Осипов, А. А. Полюлях и др.

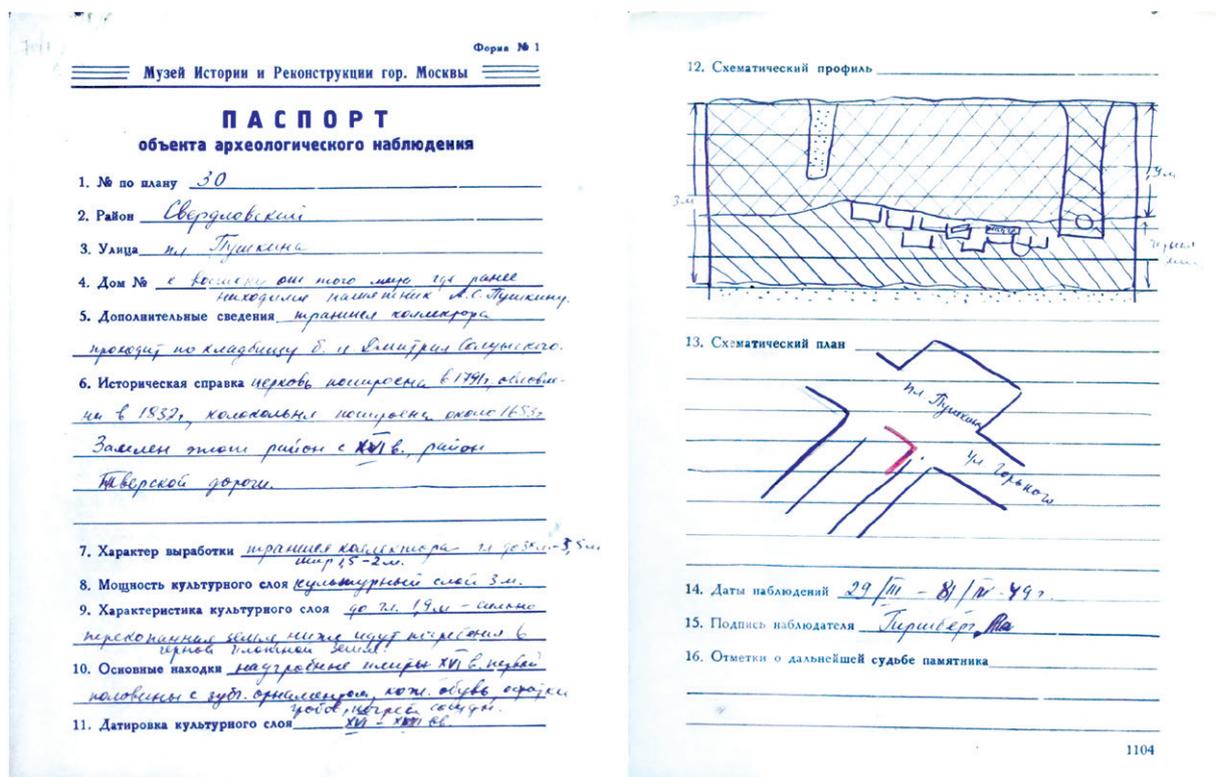

Рис 12. Бланк МИРМ «Паспорт объекта археологического наблюдения» конца 1940-х – 1980-х гг. (фонд археологического отдела ММ, б/н)

Рис 13. Книги описей находок при археологических наблюдениях конца 1948 – 1978 г. (ММ НВФ 15371/73-75)

довано 12 памятников (Прил. 3): славянские курганы XII–XIII вв. у железнодорожных станций Яуза, Матвеевская, Чертаново, у поселка Звездочка, у сел Спас-Тушино, Зюзино, Черемушки, Поваровка и Фили, Мамоново городище эпохи раннего железного века (VIII в. до н. э. – VII в. н. э.), средневековый Тушков городок (X–XV вв.) и Перемышль Московский (XII–XVII вв.).

Результаты этих работ нашли отражение в 28 публикациях М. Г. Рабиновича¹², В. И. Качановой, В. Б. Гиршберга, Э. А. Рикмана и Г. П. Латышевой (Прил. 4). В 1954 г. вышел пятый выпуск трудов музея, подготовленный сотрудниками археологического отдела.

С 1950 г. начал формироваться фонд археологических находок и коллекций музея. И если поначалу, в 1950–1951 гг., судя по первой книге поступлений музея, его формирование в основном шло хаотично, зачастую отдельными случайными находками и закушленными предметами, а также дарами, то в 1952–1955 гг. фонд комплектовался уже отдельными коллекциями памятников, исследованных сотрудниками отдела. Помимо этого в состав фонда вошли три коллекции из раскопок Московской экспедиции в Зарядье в 1949–1951 гг., а также коллекция из раскопок в Гончарной слободе в 1946 г. К 1956 г., по Книгам поступлений музея, в фонде археологического отдела хранилось 14032 предмета, составляющих 20 коллекций, и 31 отдельная находка.

В конце 1950-х и в 1960-е годы сотрудники отдела продолжали вести наблюдения за строительными работами в Москве и осуществлять исследования археологических памятников в Московской области, несмотря на то что в его состав входили всего три сотрудника: Г. П. Латышева¹³, Ю. М. Золотов и А. Г. Векслер.

В 1957 г. Г. П. Латышева провела археологические раскопки в поселке Сокол, где ранее находилось село Всехсвятское и в XVIII–XIX вв. располагалась усадьба грузинских князей. Здесь было найдено 10 майоликовых тарелок и крышка суповой миски столового гербового сервиза XVIII в., изготовленного на московском заводе Гребенщикова по заказу грузинских князей, а также 299 целых

и фрагментированных гладких расписных изразцов, украшавших печи в их дворце. В 1958 г. она исследовала славянские курганы XII–XIII вв. у с. Коньково, ныне находящиеся на территории современной Москвы, и Барвихинское городище эпохи раннего железного века (VIII в. до н. э. – VII в. н. э.) в Одинцовском районе Московской области.

В 1959–1960 гг. в связи со строительством Дворца съездов Г. П. Латышева и А. Г. Векслер проводили исследования в Кремле в составе совместной Кремлевской экспедиции ИА АН СССР и музея под руководством Н. Н. Воронина и М. Г. Рабиновича, где в результате раскопок и наблюдений найдены деревянные конструкции укреплений, остатки хозяйственных построек княжеской усадьбы, царских жилых палат и ремесленных производств. В 1960 г. находки XII–XVII вв. из раскопок в Кремле экспонировались на выставке, посвященной этим исследованиям (рис. 14). Это была, по-видимому, первая археологическая выставка, подготовленная сотрудниками отдела.

С 1958 по 1968 г. А. Г. Векслер¹⁴ (рис. 15) исследовал Кунцевское городище и курганный могильник у с. Спас-Тушино, ныне находящиеся на территории современной Москвы, и семь памятников в Московской области: Одинцовские славянские курганы XII–XIII вв. (группы 1–8), селище у д. Подушкино, курганный могильник у д. Подушкино, Жуковское селище в Одинцовском районе, курганный могильник у с. Еганово и Боровское городище в Раменском районе. В этих раскопках участвовали московские школьники Клуба юных археологов, открытого в музее в 1960 г. (рис. 16).

Несмотря на значительное количество исследованных археологических памятников, комплектование фонда коллекций в 1956–1978 гг. не производилось¹⁵.

В 1959–1968 гг. вышло всего восемь публикаций сотрудников археологического отдела, в двух из которых (Археологические открытия 1967–1968 гг.) лишь кратко представлялись результаты исследований А. Г. Векслера вышеназванных памятников (Прил. 4, № 29–36).

Изучением московских изразцов в 1968–1969 гг., работая в отделе научным сотрудником, занимался

¹² Позднее, в 1960–1980-х годах, М. Г. Рабинович (иногда совместно с Г. П. Латышевой) опубликовал несколько научных и научно-популярных работ по истории Москвы на основе археологических исследований. Список трудов М. Г. Рабиновича опубликован в журналах «Советская этнография» (1986. № 2) и «Этнографическое обозрение» (1996. № 3).

¹³ Г. П. Латышева (1922–?) – заведующая археологическим отделом МИРМ в 1954–1968 гг.

¹⁴ А. Г. Векслер (1931–2016) возглавлял археологический отдел музея в 1968–1989 гг.

¹⁵ Несмотря на то что материалы раскопок передавались на хранение в археологический отдел музея, коллекции памятников по непонятным причинам не оформлялись в книгах поступлений музея.

Уважаемый товарищ!

**Музей истории и реконструкции
города Москвы**

приглашает Вас посетить выставку

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ 1959
года

В МОСКОВСКОМ КРЕМЛЕ

На выставке экспонируются археологические находки XII-XVIII веков: части древних сооружений, строительные материалы, предметы ремесленного производства, быта и торговли, характеризующие жизнь древнего Кремля.

На выставке представлены также фотографии и другие иллюстративные материалы о раскопках в Кремле.

В залах Музея проводятся консультации научных сотрудников по археологии Кремля.

ВЫСТАВКА ОТКРЫТА
для посетителей

В ДНИ И ЧАСЫ РАБОТЫ МУЗЕЯ:
в воскресенье, четверг и субботу с 10 ч. до 18 ч.;
в среду и пятницу с 14 ч. до 21 ч.;
в понедельник с 10 ч. до 15 ч. 45 м.
Выходной день — вторник.

Справки по телефону Музея:
К 4-84-90

Адрес Музея: Новая площадь, дом 12.
Проезд: метро—станция „Дзержинская“,
автобусы: 3, 18, 24, 43, 55, 74, 89, 98,
троллейбусы: 3, 4, 5, 19, 23, 25.

Л57718 25-ИИ-60 тир. мотэк зак. 1501 тир. 3 г.

Рис 14. Афиша археологической выставки «Археологические раскопки в Московском Кремле», открытой в МИРМ в 1960 г. (ММ НВФ 9149/1)

Рис 15. А. Г. Векслер – заведующий археологическим отделом МИРМ в 1968–1989 гг. (Векслер, 2006. С. 110)

Рис 16. Московские школьники – члены Клуба юных археологов МИРМ. 1963 г. (Векслер, 2006. С. 15)

С. А. Маслих – архитектор, исследователь русских изразцов, автор труда «Русское изразцовое искусство XV–XIX веков», опубликованного в 1976 г. В ходе исследований он собрал более 500 факсимильных рисунков и фотографий изразцов и печей из фондов музеев Москвы, Ленинграда, Ярославля, Калуги, Костромы и других городов центра России. Несколько рисунков изразцов из коллекций археологического отдела музея вошли в альбом.

В период с 1969 по 1989 г., как и в предшествующие годы, исследование Москвы ограничивалось в основном наблюдениями за строительными

работами. Наиболее масштабные из них проводились в 1969–1971 гг. при строительстве станции метро «Площадь Ногина» (ныне «Китай-город»), в 1975–1976 гг. – на территории Лефортовского госпиталя, в 1976 г. – в 1-м Гончарном пер., на ул. Володарского, у Таганской пл. и в Ордынском тупике, в 1977 г. – на ул. Л. Толстого в палатах XVII в. Государева Хамовного двора.

Археологические раскопки проведены в 1974–1975 гг. и в 1977 г. в церкви Всех Святых на Кулишках, в 1977 г. у каменных палат XVII в., видимо, Овчинного двора, в Средне-Овчинниковском переулке.

В 1969 г. в Ипатьевском переулке при проведении земляных работ рабочие нашли в обугленном бочонке вещевой клад второй половины – конца XVI в.: ружейный ствол пищали, один боевой и два рабочих топора, три хозяйственных ножа, защитный цилиндроконический шлем (шишак), четыре стремена и западноевропейский бронзовый подвесной рукою. Там же, в Ипатьевском переулке, в 1971 г. при наблюдениях нашли крупный клад испанских монет XVI – 30-х годов XVII в. неподалеку от места, где ранее находился Посольский двор. В медном тазу находилось 3398 серебряных монет-реалов общим весом 74 кг (рис. 17).

В 1983–1984 гг. при раскопках на Печатном дворе на ул. Никольской в связи с реставрацией здания Правильной палаты («Теремка») обнаружены терракотовые плиты, аналогичные фризу церкви Ризположения в Кремле.

В 1983–1985 гг. сотрудники отдела под руководством А. Г. Векслера совместно с Московской археологической экспедицией ГИМ проводили раскопки на территории палат XV–XVII вв. в Зарядье – на ул. С. Разина (современная ул. Варварка), где найдены остатки кладок двух надворных летних печей-поварен XVI в.

В 1986 г. при прокладке теплотрассы к зданию МХАТ открыты белокаменные пилоны Кузнецкого моста XVIII в. через реку Неглинную, на пересечении улиц Неглинная и Кузнецкий Мост.

В 1987 г. совместно с ГМИИ им. А. С. Пушкина раскопками исследовалась прилегающая к музею территория на ул. Маркса и Энгельса (Мал. Знаменский пер., д. 8) и на территории архитектурно-го ансамбля «Дом Пашкова».

В 1976–1977 гг. В. Ю. Дукельский начал работы по выявлению и исследованию в Московской области памятников эпохи каменного (мезолит и неолит) и бронзового веков. В Мытищинском, Одинцовском, Рузском и Чеховском районах разведками обследовались стоянки Звенигородская 1, стоянка Биостанция МГУ, Григорово 1, 2, Игнатьево, Со-

Рис 17. Клад испанских монет XVI в. – 30-х годов XVII в., найденный в Ипатьевском переулке в 1971 г. Реконструкция

нино, Бережки и Крюково. В 1978–1991 гг. обследования продолжили А.Е. Кравцов и Е.В. Леонова. В Егорьевском, Орехово-Зуевском и Шатурском районах восточной части Московской области А.Е. Кравцов открыл и исследовал более 20 памятников эпохи мезолита, неолита, бронзы и Средневековья: стоянки Черная 1, Черная 2, Жабки 1–3, Тереньково 3, 4, 6, Малое Расширение 2–4, Панюшенка, Беливо 6А, 6Б, 6В, 4А, 4Б, 4В, 4Г, Лелёчи и др.

Также в 1982 г. сотрудник отдела Р.И. Леденев обследовал четыре стоянки каменного (неолит) и бронзового веков в северной части Московской области: стоянки Николо-Перевоз 1–4 в Талдомском районе.

В Раменском районе Московской области, в центральной части села Гжель в 1985 г. А.Е. Кравцов и в 1986–1988 гг. А.Г. Векслер исследовали участок крестьянской гончарной мастерской XVI–XVIII вв., изделия которой (разнообразная белоглиняная, чернолощенная и поливная посуда) поступали на московский рынок.

В период с 1979 по 1988 г. сотрудники отдела включили в фонд музея 69 новых коллекций

основного фонда, состоящих из 37555 предметов и 26 коллекций научно-вспомогательного фонда (включающих 21898 предметов), куда вошли как новые материалы, так и материалы 1950–1960-х годов, прошлых лет наблюдений и раскопок в Москве и в Московской области.

Общее число коллекций отдела к 1989 г. составило 115, включающих 73485 предметов.

За 20-летний период, 1969–1989 гг., А.Г. Векслер и А.Е. Кравцов опубликовали 62 научные работы, отражающие результаты археологических исследований в Москве и Московской области. Следует отметить, что помимо научных статей А.Г. Векслер за весь период его работы в археологическом отделе музея (1958–1989 гг.) опубликовал 121 научно-популярную работу по истории и археологии Москвы в различных отечественных и зарубежных журналах.

В декабре 1978 г. в музее вместо старой экспозиции, открытой еще в 1947 г., создается выставка «Москва сквозь века», на которой были представлены археологические находки 1950–1970-х годов (рис. 18).

В связи с масштабным строительством в Москве в 1980-е годы в Институте археологии АН

Рис 18. Афиши археологической выставки «Москва сквозь века», открытой в МИРМ в декабре 1978 г. (ММ ОФ 24443/1, ОФ 26802/1)

СССР в 1987 г. возобновили Московскую экспедицию под руководством С. З. Чернова (АКР, 2020. С. 39). Одной из значимых работ экспедиции в те годы стали раскопки в Историческом проезде Красной площади (1988–1989 гг.), где нашли первый в Москве фрагмент берестяной грамоты XV в. Одновременно с этим в 1989 г. при Управлении государственного контроля охраны и использования памятников истории и культуры (УГК ОИП)¹⁶ города Москвы создали Центр археологических исследований (ЦАИ), который возглавил А. Г. Векслер, оставивший работу в Музее Москвы.

В 1980–2010-е годы, сотрудники археологического отдела музея¹⁷ осуществляли как само-

стоятельные, так и совместные с Институтом археологии РАН и ЦАИ г. Москвы и научные исследования в Москве и Московской области. В Москве наблюдения и раскопки проводились на Монетном дворе в Историческом проезде (1989, А. А. Полюлях), на ул. Большая Молчановка, д. 34 (1990 г., А. Е. Кравцов), на месте бывшего Казанского собора на Красной площади (1990–1992 гг., В. А. Беркович, Д. Л. Толстов, А. Е. Кравцов), в Романовом переулке во дворе Московского университета (1997–1998 гг., Д. Л. Толстов), в Трубниковском пер., д. 15 (1991 г., А. Е. Кравцов, Е. В. Леонова, В. А. Беркович), на ул. Трубной, д. 2/2/3, ул. Таганской, д. 34 (1995 г., А. А. Полюлях,

¹⁶ УГК ОИП города Москвы создано в 1984 г. как преобразование Государственной инспекции охраны памятников (ГИОП). В 1998 г. управление переименовано в Главное управление охраны памятников (ГУОП) города Москвы, затем в 2005 г. преобразовано в Комитет по культурному наследию города Москвы (Москомнаследие), а в 2010 г. – в Департамент культурного наследия города Москвы.

¹⁷ В 1989–1993 гг. археологический отдел музея возглавлял А. Е. Кравцов, в 1993–2019 гг. – Т. В. Скоробогатова, с 2019 г. – М. Н. Фурсов.

Д. Л. Толстов, Т. В. Скоробогатова), на территории Провиантских магазинов на Зубовском бульваре, д. 2 (2012–2014 гг., А. А. Полюлях, Д. Л. Толстов) и на территории Скотного двора в архитектурно-парковом комплексе XVIII–XIX вв. «Кузьминки» (2015–2016 гг., А. А. Полюлях, Д. Л. Толстов).

В Московской области работы проводились на большом числе памятников. Исследовалось Балашихинское селище в Балашихинском районе и селище Меткомелино 2 в Раменском районе (1990–1998 гг., А. А. Полюлях), мезолитические стоянки Беливо 4, А, Г, В в Орехово-Зуевском районе (1990–1994 гг., Е. В. Леонова), верхнепалеолитическая стоянка-мастерская Трегубово 2 и мезолитическая стоянка Иванчиково 2 в Зарайском районе (1999–2001 г., А. В. Трусов), финальнопалеолитические стоянки Ростиславль 1 и 2 в Озерском районе (2004–2020 гг., А. В. Трусов), курганный могильник и селище у д. Хотяжи в Одинцовском районе (2001–2002 гг., А. В. Алексеев), фарфорово-фаянсовый завод XIX в. И. А. Иконникова в с. Елизаветино в Ногинском районе (2015 г., А. А. Полюлях). Также проводились археологические разведки в Одинцовском (1994 г., С. В. Шполянский; 2000 г., А. В. Алексеев), Зарайском (1998 г., А. В. Трусов) и Коломенском (1999 г., А. В. Трусов) районах.

Сотрудники отдела начиная с 1995 г. принимают участие в проводимых Институтом археологии РАН раскопках средневекового городища Ростиславль в Озерском районе¹⁸ (ныне Коломенском) и городища раннежелезного века и средневекового селища Настасьино в Коломенском районе (1999–2000 гг.) Московской области.

Новые материалы, полученные в результате раскопок в Москве и в Московской области, требовали их введения в научный оборот. В связи с этим в музее в 1994 г. сотрудники отдела организовали ежегодный научно-практический семинар «Проблемы истории и археологии Москвы и Подмосковья». В период с 1994 по 2003 г. состоялось 29 заседаний и прочитано 167 докладов по тематике семинара. По итогам его работы изданы в 1996 и 2000 гг. два сборника под названием «Археологические памятники Москвы и Подмосковья», куда вошло 39 публикаций участников семинара.

Ввиду большого числа участников семинара, как докладчиков, так и слушателей, с декабря

2003 г. семинар стал проводиться в Институте археологии РАН. Как и ранее, в его работе принимали активное участие сотрудники археологического отдела музея, подготовив 33 доклада и 29 публикаций в ежегодных выпусках сборника «Археология Подмосковья», который с 2004 г. стал издаваться Институтом археологии РАН. В изданном в 2015 г. выпуске трудов музея «Московия: материалы и исследования по истории и археологии» сотрудники отдела опубликовали пять научных работ (Прил. 4, № 142–146).

В фонд отдела с 1989 по 2024 г. вошло 245 коллекций основного фонда, состоящих из 43 291 предметов, 81 коллекция научно-вспомогательного фонда, включающая 171 937 предметов, и 37 коллекций массовых археологических предметов (МАП)¹⁹ (13 798 предметов). Это материалы 1950–1990-х и 2000-х годов из наблюдений и раскопок в Москве и Московской области. Только с 2010 г. в археологический отдел на постоянное хранение поступило более 130 000 предметов: из Института археологии РАН, Центра археологических исследований, ООО «Археологические изыскания в строительстве», «Столичного археологического бюро» и других организаций, осуществляющих археологические исследования в Москве и Московской области.

Общее число коллекций основного, научно-вспомогательного фонда и МАП отдела к 2025 г. составляет 478 и включает 302 511 предметов, это 40% от всего собрания Музея Москвы, сложившегося за его 125-летнюю историю.

Таким образом, в период 1946–2024 гг. в археологическом отделе работали 57 сотрудников (научные сотрудники, реставраторы, техники), трудом которых проведена огромная работа по научному комплектованию фондов, обработке и хранению коллекций и изучению на их основе истории Москвы и ее окружи.

Сотрудники отдела в Москве и Московской области в рассмотренный период открыли и исследовали более 70 археологических памятников.

Фонд коллекций отдела в настоящее время является крупнейшим и основным собранием археологических находок, представляющий все периоды истории Москвы. Он состоит из разнообразных, порой уникальных предметов повседневной жизни горожан XII–XIX вв. Значительно

¹⁸ В 1999 г. Ростиславльскую экспедицию организовал Музей Москвы; в 2000–2005 гг. организация осуществлялась совместно Институтом археологии РАН и Музеем Москвы.

¹⁹ С 2022 г. согласно приказу Министерства культуры РФ в учете фонда археологии вместо коллекций научно-вспомогательного фонда образован фонд МАП – массовых археологических предметов.

Рис 19. Экспозиция Музея археологии Москвы на Манежной площади 1997 г.
(Из глубины столетий... 1998. С. 4)

собрание коллекций археологических памятников Московской области 10-го тыс. до н.э. – 1-го тыс. н.э., относящихся к эпохам каменного, бронзового и раннего железного веков.

Проведенная сотрудниками на основе фонда коллекций отдела научно-исследовательская работа представлена в 175 публикациях.

Организация экспозиций и выставок входит в круг важнейшей работы сотрудников отдела. Археологические коллекции постоянно составляют основу экспозиций музея, посвященных древней истории московского региона и средневековой истории Москвы. В тяжелое для музея время, когда он оказался под угрозой упразднения, коллектив сотрудников отделов археологии и научно-экспозиционного (Истории Москвы XIV–XVII веков) создал новую экспозицию – «Возвращенное время» (1992), максимально задействовав предметы из фонда археологии. В те же годы открылась выставка, посвященная истории гжельского керами-

ческого производства (1991) и итогам только что закончившихся раскопок на месте Казанского собора (1992).

В связи с переоборудованием музейных залов предыдущую экспозицию сменила «Древняя и средневековая Москва» (1996). В новом здании музея в 2016 г. открылась экспозиция «История Москвы для детей и взрослых», затем «История Москвы» (2024). В 1997 г. впервые открылись двери Музея археологии Москвы на Манежной площади, его экспозицию также составили предметы из археологического фонда музея (рис. 19). Помимо постоянных экспозиций организуются многочисленные выставки. Их тематика очень широка: новые поступления, история отдельных категорий предметов и археологических эпох, охрана археологического наследия, посвящения известным археологам Москвы и Подмосковья. Экспозиции и выставки готовятся в соответствии с новейшими открытиями и достижениями археологической науки.

Приложение 1

**Состав монетного комплекса, найденного в 1890 г.
при строительстве Крестовских водонапорных башен**

№	Номинал	Год	Материал	Правление
1	Копейка (?)	1676–1682	Серебро	Федор Алексеевич
2	Копейка (?)	1676–1682	Серебро	Федор Алексеевич
3	Рубль	1738	Серебро	Анна Иоанновна
4	Рубль	1769	Серебро	Екатерина II
5	Рубль	1770	Серебро	Екатерина II
6	Рубль	1783	Серебро	Екатерина II
7	Рубль	1783	Серебро	Екатерина II
8	Рубль	1802	Серебро	Александр I
9	Рубль	1805	Серебро	Александр I
10	Деньга	1736	Медь	Анна Иоанновна
11	Деньга	1737	Медь	Анна Иоанновна
12	Деньга	1741	Медь	Елизавета Петровна
13	Деньга	1749	Медь	Елизавета Петровна
14	Деньга	1750	Медь	Елизавета Петровна
15	Деньга	1753	Медь	Елизавета Петровна
16	Деньга	1754	Медь	Елизавета Петровна
17	1 копейка	1789	Медь	Екатерина II
18	2 копейки	1810	Медь	Александр I
19	2 копейки	1810	Медь	Александр I
20	2 копейки	1813	Медь	Александр I
21	2 копейки	1817	Медь	Александр I
22	1 копейка	1824	Медь	Александр I
23	1 копейка	1824	Медь	Александр I
24	1 копейка	1829	Медь	Николай I
25	1 копейка	1829	Медь	Николай I
26	1 копейка	1829	Медь	Николай I

Приложение 2
ММ ОФ 34282/59

Из собрания Петра Васильевича Сытина № 41

ОСМОТР
ЧЛЕНАМИ УЧЕНОЙ КОМИССИИ ПРИ МУЗЕЕ СТАРОЙ МОСКВЫ
РАБОТ ПРОИЗВОДИВШИХСЯ В СВЯЗИ С ПЛАНИРОВКОЙ
МЕСТНОСТИ У СРЕТЕНСКИХ ВОРОТ 15 СЕНТЯБРЯ 1925 ГОДА.¹

ПРИСУТСТВОВАЛО: более 150 человек

ДОКЛАД
О РАСКОПКАХ ПРОИЗВЕДЕННЫХ У
«СРЕТЕНСКИХ ВОРОТ»

Будучи назначен Ученой Комиссией присутствовать при раскопках т. н. Сретенских ворот я в пятницу 11 числа отправился к назначенному месту.

Я увидел часть стены состоящей из смеси кирпича и белого необтесанного камня, залитых известью. Задняя часть на 3/4 была снесена рабочими. Передняя часть/к улице/была еще под землей.

Получив от Аполинария Михайловича инструкции я начал работу. Для успешности работ я велел копать с 2 сторон. Одна партия рабочих копала с улицы, другая стоя на выступе стены. Раскопки с улицы я вскоре прекратил, т. к. докопались до конца стены. Я велел тогда раскопать бока стены, до фундамента. На глубине почти 2-х метров от уровня улицы дошли до грунта. Фундамент состоит из необтесанных белого камня с кирпичем, залитых известью. На одном из этих кирпичей метка.

Выкопанная стена была вся кругом обложена белым обтесанным камнем. Ширина ее 2 метра 10 сант., длина 2 3/4 метра а вышина 1 метр 15 сант.

В культурном слое было найдено множество черепков, костей домашних животных и кованных гвоздей. Бросается в глаза на глубине 80 см. до 1 метра 20 сант. Слой углей и пепла, повторяющийся при всех других раскопках, в других местах. Наверное это следы какого-нибудь большого пожара, может быть 1737 или 12 года.

Были окопаны горизонтальные балки, лежащие параллельно тротуару. На 70 см. глубины дойдено до основания. Эти балки тоже лежат на слое бута связанных известью. Шириною они в 70 сант. Длина их не определена, так как один конец их находится под слоем земли в 1 3/4 толщиною.

При продолжении раскопок вправо были обнаружены 3 сваи 13 см. в диаметре, вбитые друг подле друга. На расстоянии 2 метр. 10 сант. вправо от стены № 1 были откопаны 3 больших сваи 35 шириною в диаметре, совершенно, как вообще и все, сгнившие. Вокруг них было много золы и там найдены изразцы, черепки, монета.

В субботу работы не производились, мешал работе дождь.

В понедельник по указанию Аполинария Михайловича откопана стена № 2, параллельно тротуару Сретенки, начиная с проезда.

Сверху по краям видны были обтесанные камни, середина же заложена большим старинным кирпичем. Раскопки производились мною с обеих сторон. При этом оказалось, что сторона стены к Сретенке до низу обложена тесанным белым камнем. Бульварная состоит из необтесанных камней. Было установлено что стена состоит из 6 рядов камней. Внизу 10 см. слой бута а под буютом сваи. Ниже свай раскопки не производились. Почва довольно сырая.

Ширина этой стены № 2 1 метр 60 сант. Сваи начинаются на глубине 2 3/4 метра. При копании найдены изразцы, слюда, черепки и гвозди.

Потом была раскопана часть стены обозначенной под № 3. Глубоко не рыто, т. к. стена и культурный слой не представляли из себя ничего интересного. Кирпичи все новые, только по краям тесанный белый камень. У этой стены в сторону бульвара маленькая арка новейшего построения.

¹ В Приложении 2 тексты приводятся с сохранением авторской орфографии и пунктуации. — Прим. ред.

Во вторник с утра начались раскопки стены помеченной за № 4.

Там оказалась совершенно другая кладка камня, чем на предыдущих стенах.

Средний старый кирпич/большого размера/обложен белым камнем, размером намного больше того, что в других местах найден. Мерянные камни оказались в 60–70 сант. длина, 40–45 сант. ширина и такой же толщины. При продолжении раскопок было замечено мною, что во внутренней кладке употреблены большие квадратные плоские кирпичи из желтой глины 32 сант. и 6 сант. толщины. Все это чрезвычайно прочно было залито известью.

Потом было обнаружено, что стена была с уступами с обеих сторон сверху стена в 1 метр 20 сант. На глубине 1 метра 1 уступ. Стена расширяется на 1/4 метра с каждой стороны. Ширина ее уже 1 метр 70 сант. На глубине 3 1/2 метра фундамент еще делает уступ, так что ширины стены уже 2 с лишним метра.

И все это обложено как верх большим, не особенно хорошо обтесанным камнем.

До начала фундамента не было возможности докопать, т. к. докопав до 4 метров в глубину неудобно было кидать землю без приспособлений.

Ломом однако я установил, что стена по крайней мере продолжается на 1 метр.

Почва кругом изобиловала черепками, старыми бутылками, банками, гвоздями.

Много было золы и пеплу. Вышеозначенный слой золы и пепла здесь образовал пласт в 65 сант. Были извлечены целые угли величиною с кулак.

По произведенным мною измерениям оказалось, что эта часть стены находится как раз на 14 саженьях от часовни. Возможно что эта стена будет одна из сторон Сретенских ворот т. к. по плану расстояние от часовни до начала арки ворот тоже 14 сажений.

Подпись: К. Тарле (?)

К. Баум (?)

Москва 17/IX-25 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ О РАСКОПКАХ

По материалу, из которого сложены остатки раскапываемого здания возможно сделать заключение, что оно было построено из материала бывшей башни Сретенских ворот и самой стены белого города примыкавшей к ней. О том говорит тяжеловесный кирпич/6 1/2–3 1/2–1 2/3 вершка/и/7 в. 3 в. 2 в./, попадающийся очень часто в кладке, квадратные кирпичи – лещадки для пола и масса белого тесанного камня большого размера. Это соображение подтверждается еще и тем, что крепостные сооружения Белого города 16-го века были разобраны еще в 18-м веке при Екатерине и весьма возможно одновременно с этим и был построен у Сретенских ворот «на немецкий манер» герберг – грандиозный для того времени ресторан, «где бы в приличной обстановке г.г. офицеры могли пить пиво и читать газеты». Архитектурный характер бывшего здания трактира Саратова очень напоминал постройки екатерининского времени; эти пилястры и плоский фронтон, широкие простенки и сравнительно небольшие окна – все говорило о 18-м веке. Не был ли бывший Саратов в 18-м веке тем самым гербергом. Что же касается остатков конгломератной кладки по плану раскопок № 1 толщиной в 3 метра и обложенной белым камнем, то они, судя по кирпичу, относятся к 19-му веку; эта стенка стоит совершенно отдельно от стен бывшего здания бывшего трактира и ее значение трудно определить. Самое интересное из раскопок, – это остатки стены основательной белокаменной кладки № 4 на глубине 4 метров, толщиной в 2 метра, до основания которой не могли докопаться. Положение этой стены не противоречит ситуационному плану местности около Сретенских ворот в 17–18 веке, находящемуся в бывш. Архиве Минист. Иностр. Дел; возможно, она принадлежит основанию воротной башни Сретенских ворот 16-го века, а именно, правому их крылу, если идти по направлению к Сухаревой башне.

Находимые изразцы 17 и 18 века, воротные крюки, слюда и др. предметы одновременны бывшему здесь зданию 18 века, или случайно попали сюда вместе с мусором, свозимым в ямы образовавшиеся при разборке бывшего Саратова.

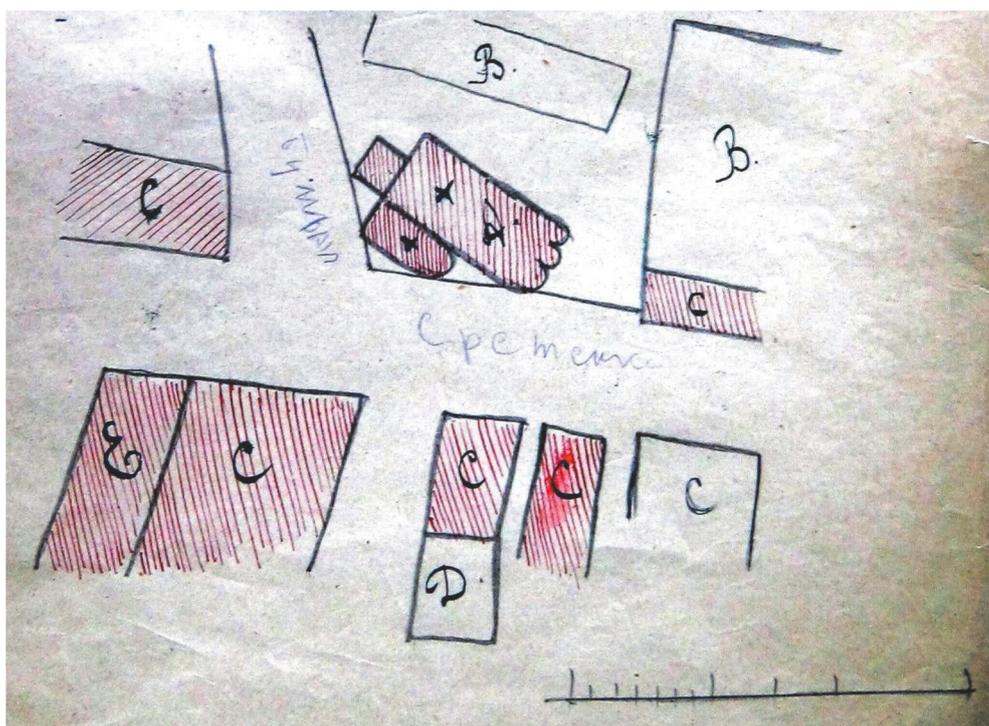
16 сент. 1925 г.

Подп. А. Васнецов.

Чертеж местоположения Сретенского сорока церквей Успения Пресвятыя Богородицы, что в Печатниках.

В приходе имеется питейная продажа в казенном доме, а под какими литерами, что стоит значит ниже сего, а именно:

- А. Церковь с погостом.
- В. Дома священно и церковно служителей.
- С. Дворы прихожан.
- Д. Питейный дом, вход в который виден из придельного алтаря церкви через проезжую улицу в переулке расстоянием 20 сажень и 6 четвертей.
- Е. Герберг с бильярдною игрою расстоянием от церкви 14 сажень.

Копия с плана, хранящегося в церкви Успения, что в Печатниках

Приложение 3

Местонахождения и археологические памятники, исследованные сотрудниками археологического отдела в Москве и Московской области в 1946–2024 гг.

1946	
1	Рабинович М.Г. Москва. Раскопки в Зарядье. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 70.</i>
2	Рабинович М.Г. Раскопки курганов у ж.-д. станции Яуза. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 70.</i>
1947	
3	Рабинович М.Г. Московская обл. Разведки в районе г. Волоколамска. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 120.</i>
4	Рабинович М.Г. Раскопки курганов у ж.-д. станции Яуза. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 121.</i>
5	Рабинович М.Г. Москва. Раскопки в Зарядье и в устье р. Яузы. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 122.</i>
1949	
6	Рабинович М.Г. Москва. Раскопки в Зарядье. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 289.</i>
7	Рабинович М.Г. Московская обл. Раскопки курганов у с. Зюзино. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 345.</i>
8	Рабинович М.Г. Московская обл. Разведки в Можайском районе. Тушков городок. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 309.</i>
1950	
9	Рабинович М.Г. Москва. Раскопки в Зарядье. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 526.</i>
10	Рабинович М.Г. Московская обл. Раскопки городища Тушков городок в Можайском районе. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 434.</i>
11	Рабинович М.Г. Московская обл. Раскопки курганов у д. Зюзино. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 564.</i>
12	Рабинович М.Г. Московская обл. Раскопки курганов у д. Черемушки. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 564.</i>
13	Гиршберг В.Б. Москва. Наблюдения в Андрониковом монастыре. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 501.</i>
1951	
14	Рабинович М.Г. Москва. Раскопки в Зарядье. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 568.</i>
15	Смирнова Г.П. Московская обл. Раскопки курганов у с. Спас. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 563.</i>
1952	
16	Рабинович М.Г. Москва. Раскопки в Георгиевском пер., д. 4 (бывш. дом Троекуровых). <i>Архив ИА РАН. P-1. № 797.</i>
17	Качанова В.И. Московская обл. Раскопки курганов у с. Фили. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 679.</i>
18	Качанова В.И. Москва. Раскопки Мамонова городища. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 734.</i>
1953	
19	Латышева Г.П. Московская обл. Раскопки курганов у станции Матвеевская Киевской ж.д. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 800.</i>
20	Латышева Г.П. Московская обл. Раскопки курганов у станции Чертаново Павелецкой ж.д. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 800.</i>
21	Качанова В.И. Москва. Раскопки Мамонова городища. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 835.</i>
1954	
22	Рабинович М.Г. Московская обл. Раскопки городища Тушков городок в Можайском районе. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 985.</i>
23	Латышева Г.П. Московская обл. Раскопки курганов у станции Матвеевская Киевской ж.д. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 960.</i>
24	Латышева Г.П. Московская обл. Раскопки курганов у станции Поваровка Октябрьской ж.д. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 960.</i>
1955	
24	Рабинович М.Г. Московская обл. Раскопки городища Перемышль Московский в Калининском районе. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 1092.</i>
25	Латышева Г.П. Московская обл. Раскопки курганов у станции Поваровка Октябрьской ж.д. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 1134.</i>
1956	
26	Рабинович М.Г. Москва. Раскопки у башни Кутафы Кремля на территории Александровского сада. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 1321.</i>
27	Рабинович М.Г. Московская обл. Раскопки курганной группы «Звездочка» в Пушкинском районе. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 1321.</i>
28	Латышева Г.П. Московская обл. Раскопки курганов у станции Чертаново Павелецкой ж.д. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 1306.</i>
29	Золотов Ю.М. Москва. Раскопки на Самотеке, на Старом городище. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 1518.</i>

1957	
30	Рабинович М.Г. Московская обл. Раскопки городища Тушков городок в Можайском районе. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 1443.</i>
31	Рабинович М.Г. Московская обл. Раскопки курганной группы «Звездочка» в Пушкинском районе. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 1748.</i>
32	Латышева Г.П. Москва. Раскопки на территории д. 10/23 в 1-м Песчаном пер. в поселке Сокол. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 1492.</i>
1958	
33	Латышева Г.П. Москва. Раскопки курганов у д. Коньково и обследование курганов в поселке Расторгуево. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 2378.</i>
34	Латышева Г.П. Московская обл. Раскопки Барвихинского городища в Одинцовском районе. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 2344.</i>
35	Векслер А.Г. Московская обл. Раскопки Одинцовских курганных могильников 1–8, селища у д. Подушкино, курганного могильника у д. Подушкино в Одинцовском районе. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 1730.</i>
1959	
36	Векслер А.Г. Московская обл. Раскопки Одинцовских курганных могильников 6–7 в Одинцовском районе. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 1996.</i>
1960	
37	Векслер А.Г. Москва. Раскопки Кунцевского городища. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 2182.</i>
38	Векслер А.Г. Московская обл. Раскопки Одинцовских курганных могильников 6–8 в Одинцовском районе, курганного могильника у с. Еганово и Боровского городища в Раменском районе. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 2182.</i>
1961	
39	Векслер А.Г. Московская обл. Раскопки Одинцовского курганного могильника 6 в Одинцовском районе, курганного могильника у с. Спас-Тушино в Красногорском районе и Боровского городища в Раменском районе. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 2342.</i>
1962	
40	Векслер А.Г. Москва. Раскопки Кунцевского городища. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 2503</i>
41	Векслер А.Г. Московская обл. Раскопки Одинцовских курганных могильников 6–7 в Одинцовском районе. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 2503.</i>
1963	
42	Векслер А.Г. Москва. Раскопки Кунцевского городища. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 2701.</i>
1964	
43	Векслер А.Г. Москва. Раскопки Кунцевского городища. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 2982.</i>
1965	
44	Векслер А.Г. Москва. Раскопки Кунцевского городища. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 3088.</i>
45	Векслер А.Г. Московская обл. Раскопки Одинцовского курганного могильника и Жуковского селища в Одинцовском районе. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 3088.</i>
1966	
46	Векслер А.Г. Московская обл. Раскопки Одинцовского курганного могильника и Жуковского селища в Одинцовском районе. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 3277.</i>
1967	
47	Векслер А.Г. Московская обл. Раскопки Одинцовского курганного могильника и Жуковского селища в Одинцовском районе. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 3552.</i>
1968	
48	Векслер А.Г. Раскопки городищ в Москве и Московской области. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 3794.</i>
1969	
49	Векслер А.Г. Московская обл. Раскопки городища Луковня в Подольском районе. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 4049.</i>
1970	
50	Векслер А.Г. Москва. Раскопки Кунцевского городища. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 4196.</i>
51	Векслер А.Г. Московская обл. Раскопки городища Луковня в Подольском районе. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 4196.</i>
1971	
52	Векслер А.Г. 1) Москва. Раскопки Кунцевского городища. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 4516.</i>
53	Векслер А.Г. Московская обл. Раскопки Одинцовского курганного могильника в Одинцовском районе. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 4516.</i>
1972	
54	Векслер А.Г. Москва. Раскопки Кунцевского городища. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 4810.</i>
1973	
55	Векслер А.Г. Москва. Раскопки Кунцевского городища. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 5089.</i>
56	Векслер А.Г. Московская обл. Раскопки городища Луковня в Подольском районе. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 5089.</i>

1974	
57	Векслер А.Г. Московская обл. Раскопки Одинцовского курганного могильника и селища Одинцово 1 в Одинцовском районе. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 5425.</i>
1975	
58	Векслер А.Г. Московская обл. Раскопки городища Луковня в Подольском районе. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 5453.</i>
59	Розенфельдт О.Р. Разведки в Московской обл. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 5957.</i>
1976	
60	Векслер А.Г. Московская обл. Раскопки городища Луковня в Подольском районе. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 6898.</i>
61	Дукельский В.Ю. Московская обл. Разведки в Мытищинском, Одинцовском и Рузском районах. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 6364.</i>
62	Розенфельдт О.Р. Разведки в Московской обл. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 6146.</i>
1977	
63	Векслер А.Г. Московская обл. Раскопки городища Луковня в Подольском районе. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 6750.</i>
64	Дукельский В.Ю. Московская обл. Разведки в Рузском и Чеховском районах. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 6684.</i>
65	Кравцов А.Е. Московская обл. Разведки в Московской обл. <i>Архив ИА РАН. № 6948.</i>
1978	
66	Кравцов А.Е. Московская обл. Разведки и раскопки в Егорьевском и Шатурском районах Московской обл. (открыты стоянки эпохи мезолита – неолита – бронзы: Черная 1, 2, Жабки 3, Малое Расширение 2, 3, 4, Лелечи) <i>Архив ИА РАН. № 6948.</i>
1979	
67	Векслер А.Г. Московская обл. Раскопки Сходненского селища в Химкинском районе. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 7441.</i>
68	Данилова О.М. Москва. Раскопки Теплостанского курганного могильника. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 8364.</i>
69	Кравцов А.Е. Московская обл. Разведки и раскопки в Егорьевском районе (открыта стоянка эпохи мезолита – неолита – РЖВ: Панюшенка). <i>Архив ИА РАН. P-1. № 7578.</i>
1980	
70	Векслер А.Г. Московская обл. Раскопки Сходненского селища в Химкинском районе. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 7839.</i>
71	Данилова О.М. Москва. Раскопки Теплостанского курганного могильника. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 8180.</i>
72	Кравцов А.Е. Московская обл. Раскопки в Егорьевском районе. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 7832.</i>
1981	
73	Кравцов А.Е. Московская обл. Разведки в Московской обл. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 8508.</i>
1982	
74	Векслер А.Г. Москва. Раскопки Теплостанского курганного могильника. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 9831.</i>
75	Векслер А.Г. Московская обл. Раскопки городища Луковня в Подольском районе. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 9831.</i>
76	Кравцов А.Е. Московская обл. Разведки и раскопки в Московской обл. (раскопки стоянок: Жабки 3, Панюшенка). <i>Архив ИА РАН. P-1. № 9360.</i>
77	Леденев Р.И. Московская обл. Разведки в Талдомском районе Московской обл. (стоянки Николо-Перевоз 1–4, неолит – бронза). <i>Архив ИА РАН. P-1. № 9097.</i>
1983	
78	Векслер А.Г. Москва. Раскопки в Зарядье. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 9902.</i>
79	Кравцов А.Е. Московская обл. Разведки в Московской обл. (раскопки стоянок: Черная 1, Панюшенка). <i>Архив ИА РАН. P-1. № 9581.</i>
1984	
80	Векслер А.Г. Москва. Раскопки в Зарядье. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 10975.</i>
81	Кравцов А.Е. Московская обл. Разведки в Московской обл. (раскопки стоянок: Черная 1, Тереньково 3, 4, 6, Беливо 4А). <i>Архив ИА РАН. P-1. № 10893.</i>
1985	
82	Векслер А.Г. Москва. Раскопки в Зарядье. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 10976.</i>
83	Векслер А.Г. Московская обл. Раскопки в Московской обл. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 10976.</i>
84	Кравцов А.Е. Московская обл. Раскопки в Московской обл. (раскопки стоянки: Беливо 4А. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 10597.</i>
1986	
85	Векслер А.Г. Московская обл. Раскопки в селе Гжель Раменского района. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 11563.</i>
86	Кравцов А.Е. Московская обл. Раскопки в Московской обл. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 11382.</i>
1987	
87	Векслер А.Г. Москва. Раскопки на территории ГМИИ им. Пушкина. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 12014.</i>
88	Векслер А.Г. Москва. Раскопки на территории архитектурного ансамбля «Дом Пашкова». <i>Архив ИА РАН. P-1. № 12089.</i>
89	Кравцов А.Е. Московская обл. Раскопки в Московской обл. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 11878.</i>

1988	
90	Кравцов А.Е. Московская обл. Раскопки в Московской обл. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 12529.</i>
1989	
91	Полюлях А.А. Московская обл. Разведки в Раменском районе. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 14691.</i>
92	Кравцов А.Е. Московская обл. Раскопки в Московской обл. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 14300.</i>
93	Леонова Е.В. Московская обл. Раскопки стоянки Беливо 4Г в Орехово-Зуевском районе. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 14425, 14426</i>
1990	
94	Полюлях А.А. Московская обл. Раскопки селища Меткомелинское 2 в Раменском районе. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 15805.</i>
95	Полюлях А.А. Московская обл. Раскопки Балашихинского селища в Балашихинском районе. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 15805.</i>
96	Кравцов А.Е. Москва. Раскопки на ул. Молчановка, д. 34. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 15868.</i>
97	Леонова Е.В. Московская обл. Раскопки стоянки Беливо 4Г в Орехово-Зуевском районе. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 15710, 15771.</i>
1991	
98	Полюлях А.А. Московская обл. Раскопки селища Меткомелинское 2 и разведки в Раменском районе. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 16993.</i>
99	Полюлях А.А. Московская обл. Разведки в Балашихинском районе. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 17337.</i>
100	Кравцов А.Е. Москва. Раскопки в Трубниковском пер., д. 15, стр. 2. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 15955.</i>
101	Леонова Е.В. Московская обл. Раскопки стоянки Беливо 4Г в Орехово-Зуевском районе. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 15979, 15980.</i>
1993	
102	Полюлях А.А. Московская обл. Раскопки селища Меткомелинское 2 в Раменском районе. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 17909.</i>
1994	
103	Леонова Е.В. Московская обл. Раскопки стоянки Беливо 4А и Беливо 6В в Орехово-Зуевском районе. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 19847, 19848.</i>
104	Шполянский С.В. Московская обл. Разведки в Одинцовском районе. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 18759.</i>
1996	
105	Полюлях А.А. Московская обл. Раскопки селища Меткомелинское 2 в Раменском районе. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 19991, 19992.</i>
1998	
106	Полюлях А.А. Московская обл. Раскопки селища Меткомелинское 2 в Раменском районе. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 21152.</i>
107	Трусов А.В. Московская обл. Разведки в Зарайском районе. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 22105.</i>
1999	
108	Трусов А.В. Московская обл. Раскопки стоянки Трегубово 2 в Зарайском районе. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 22485.</i>
109	Трусов А.В. Московская обл. Разведки в Коломенском районе. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 15909.</i>
2000	
110	Алексеев А.В. Московская обл. Разведки в Одинцовском районе. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 23883.</i>
111	Трусов А.В. Московская обл. Раскопки стоянки Трегубово 2 в Зарайском районе. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 24280.</i>
2001	
112	Алексеев А.В. Московская обл. Раскопки курганного могильника у д. Хотяжи (Мышкино) в Одинцовском районе. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 26475.</i>
113	Трусов А.В. Московская обл. Раскопки стоянки Трегубово 2 и Иванчиково 2 в Зарайском районе. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 24984.</i>
2002	
114	Алексеев А.В. Московская обл. Раскопки курганного могильника у д. Хотяжи (Мышкино) и селища Хотяжи 2 (Никифоровское) в Одинцовском районе. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 26518.</i>
115	Трусов А.В. Московская обл. Разведки в районе д. Иванчиково и с. Струпа в Зарайском районе. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 27760.</i>
2003	
116	Трусов А.В. Московская обл. Раскопки Ростиславльской стоянки в Озерском районе. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 33581.</i>
2004	
117	Трусов А.В. Московская обл. Раскопки финальнопалеолитической стоянки Ростиславль 1 в Озерском районе. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 31243.</i>
118	Трусов А.В. Московская обл. Раскопки селища «Карьер» в Рузском районе. <i>Архив ИА РАН. P-1. № 31656.</i>

2005	
119	Трусов А.В. Московская обл. Раскопки финальнопалеолитической стоянки Ростиславль 1 в Озерском районе. <i>Архив ИА РАН. Р-1. № 26919.</i>
120	Трусов А.В. Московская обл. Раскопки стоянки Альба 6 в Дмитровском районе. <i>Архив ИА РАН. Р-1. № 26920.</i>
121	Трусов А.В. Московская обл. Раскопки селища Ивановское I в Химкинском районе. <i>Архив ИА РАН. Р-1. № 26380.</i>
2006	
122	Трусов А.В. Московская обл. Разведки в окрестностях с. Хатунь в Ступинском районе. <i>Архив ИА РАН. Р-1. № 53274.</i>
2007	
123	Трусов А.В. (совместно с К.И. Панченко). Московская обл. Раскопки селища «Перевицкий Торжок-3» в Луховицком районе. <i>Архив ИА РАН. Р-1. № 48725, 48726, 48727.</i>
2008	
124	Трусов А.В. Московская обл. Раскопки стоянки Клушино 1 в Солнечногорском районе. <i>Архив ИА РАН. Р-1. № 43875.</i>
2009	
125	Трусов А.В. Московская обл. Разведки в окрестностях с. Лужки в Серпуховском районе. <i>Архив ИА РАН. Р-1. № 29127, № 29130.</i>
2012	
126	Полюлях А.А. Москва. Наблюдения на территории Провиантских магазинов. <i>ММ. Археологический отдел, фонд АПЛ (Археологической полевой документации). № 364.</i>
2013	
127	Полюлях А.А. Москва. Наблюдения на территории Провиантских магазинов. <i>ММ. Археологический отдел, фонд АПЛ (Археологической полевой документации). № 364.</i>
2014	
128	Полюлях А.А. Москва. Наблюдения на территории Провиантских магазинов. <i>ММ. Археологический отдел, фонд АПЛ (Археологической полевой документации). № 364.</i>
2015	
129	Полюлях А.А. Москва. Раскопки на территории «Скотного двора» в архитектурном комплексе «Кузьминки». <i>Архив ИА РАН. Р-1. № 50715.</i>
130	Полюлях А.А. Московская обл. Раскопки в с. Елизаветино в Ногинском районе. <i>Архив ИА РАН. Р-1.</i>
131	Трусов А.В. Московская обл. Раскопки финальнопалеолитической стоянки Ростиславль 2 в Озерском районе. <i>Архив ИА РАН. Р-1. № 49809.</i>
2016	
132	Полюлях А.А. Москва. Раскопки на территории «Скотного двора» в архитектурном комплексе «Кузьминки». <i>Архив ИА РАН. Р-1. № 53020.</i>
133	Трусов А.В. Московская обл. Раскопки финальнопалеолитической стоянки Ростиславль 2 в Озерском районе. <i>Архив ИА РАН. Р-1. № 53037.</i>
2017	
134	Трусов А.В. Московская обл. Разведки территории селища Ростиславль 3 в Озёрском районе. <i>Архив ИА РАН. Р-1. № 56891.</i>
2018	
135	Трусов А.В. Московская обл. Раскопки финальнопалеолитической стоянки Ростиславль 2 в Озерском районе. <i>Архив ИА РАН. Р-1. № 60994.</i>
2023	
136	Кузьминова Ю.В. Московская обл. Разведки в бассейне р. Осетр в Серебрянопрудском городском округе. <i>Архив ИА РАН. Р-1.</i>
2024	
137	Кузьминова Ю.В. Московская обл. Разведки в бассейне р. Оки в Коломенском городском округе. <i>Архив ИА РАН. Р-1.</i>

Приложение 4

Научные работы сотрудников археологического отдела, посвященные археологическим исследованиям в Москве и Московской области в 1946–2024 гг.

1946	
1	Рабинович М. Г. Московские гончары в XVI–XVIII вв. // КСИЭ. Вып. 1. С. 69–73.
2	Рабинович М. Г. Московская экспедиция (ИИМК в 1946 г.) // ВАН СССР. № 11–12.
1947	
3	Рабинович М. Г. Гончарная слобода в Москве XVI–XVIII вв. // МИА № 7. Т. 1. М. С. 55–76.
4	Рабинович М. Г. Археологические раскопки в Москве (1946 г.) // КСИИМК. Вып. 21. С. 148–158.
5	Рабинович М. Г. К вопросу о начале Москвы (археологические исследования в устье Яузы) // ВАН СССР. № 4. С. 60–65.
1948	
6	Рабинович М. Г. О производстве оружия в Москве и ремесленных слободах за Яузой. Погребение московского оружейника XVI в. // ИАН СССР. № 4. Серия ист. и филос. Т. 5. С. 370–375.
1949	
7	Рабинович М. Г. Раскопки 1946–1947 гг. в Москве на устье Яузы // МИА № 12. Т. 2. М. С. 5–43.
8	Рабинович М. Г. Московская керамика // МИА № 12. Т. 2. М. С. 57–105.
9	Рабинович М. Г. П. Н. Миллер и археология Москвы // МИА № 12. Т. 2. М. С. 302–307.
10	Рабинович М. Г. Работа Московской экспедиции (1947 г.) // КСИИМК. Вып. 27. С. 158–162.
1950	
11	Рабинович М. Г. Великий посад Москвы (Итоги работ Московской экспедиции) // ВАН СССР. № 9. С. 113–120.
1951	
12	Рабинович М. Г. Археологические раскопки в Москве в Китай-городе (1949 г.) // КСИИМК. Вып. 38. С. 48–53.
13	Рабинович М. Г. Основные итоги археологического изучения Москвы // КСИИМК. Вып. 41. С. 59–65.
14	Гиршберг В. Б. Надгробие 1655 г. из Богоявленского монастыря в Москве // КСИИМК. Вып. 39. С. 142–145.
15	Рабинович М. Г. Археологические исследования Московского посада // ВИ. № 5. С. 65–71.
1952	
16	Рабинович М. Г. Раскопки в Москве в 1950 г. // КСИИМК. Вып. 44. С. 116–123.
17	Рабинович М. Г. Дом и усадьба в древней Москве // СЭ. № 3. С. 50–75.
1953	
18	Григорьев М. Г. (Рабинович М. Г.) Древняя Москва // По следам древних культур. Древняя Русь. М. С. 325–344.
1954	
19	Рабинович М. Г. Материалы по истории Великого посада Москвы (Некоторые предварительные итоги археологических работ 1949–1951 гг.) // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Труды МИРМ. Вып. 5. М. С. 57–94.
20	Качанова В. И. Топография кладов Москвы и ее окрестностей // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Труды МИРМ. Вып. 5. М. С. 131–152.
21	Качанова В. И. О заселении Московского края в эпоху дьяковской культуры. Мамоново городище // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Труды МИРМ. Вып. 5. М. С. 7–38.
22	Гиршберг В. Б. Надписи из Георгиевского монастыря. По материалам наблюдений 1949 г. // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Труды МИРМ. Вып. 5. М. С. 95–130.
23	Латышева Г. П. Раскопки курганов у ст. Матвеевская в 1953 году. Материалы к изучению подмосковного села XII–XIV веков // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Труды МИРМ. Вып. 5. М. С. 39–56.
1955	
24	Рабинович М. Г. Великий посад Москвы (по раскопкам 1951 г.) // КСИИМК. Вып. 57. С. 78–82.
25	Рабинович М. Г. Из истории быта городского населения Руси в XI–XVII вв. (по материалам раскопок в Москве в 1946–1951 гг.) // СЭ. № 4. С. 33–55.
1957	
26	Рабинович М. Г. А. Е. Васнецов – археолог // Аполлинарий Васнецов. К столетию со дня рождения. Труды МИРМ. Вып. 7. М. С. 43–50.
27	Рабинович М. Г. Золотое украшение из Тушкова городка // КСИИМК. Вып. 68. С. 45–50.
1959	
28	Золотов Ю. М. Чернолощёный кувшин XVII в. с надписью // СА. № 1. С. 284–285.
1961	
29	Золотов Ю. М. Надгробия московских ремесленников // СА. № 1. С. 291–294.
30	Золотов Ю. М. Государев дьяк Данило Вылузга // СА. № 3. С. 297–298.

1962	
31	Золотов Ю. М. Два каменных надгробия XVI в. из Москвы // СА. № 2. С. 240–242.
1963	
32	Векслер А. Г. К вопросу о древнейшей дате Московского Кремля // СА. № 1. С. 110–115.
33	Золотов Ю. М. Две надписи московских немцев // СА. № 3. С. 240–242.
1967	
34	Векслер А. Г. Раскопки в Западном Подмосковье // АО 1966 г. М.: Наука. С. 42–43.
1968	
35	Векслер А. Г. Жуковское селище под Москвой // АО 1967 г. М.: Наука. С. 49–50.
1969	
36	Векслер А. Г. Исследование городищ в Москве и Подмосковье // АО 1968 г. М.: Наука. С. 55–57.
1970	
37	Векслер А. Г. Древние инженерные устройства и дорожные покрытия Москвы как памятник строительного искусства // Научно-методическая конференция по вопросам выявления, сохранения и использования памятников истории и культуры. Доклады и сообщения. Свердловск.
38	Векслер А. Г. Семиверхие курганы вятичей в Одинцове под Москвой // Древние славяне и их соседи. М.: Наука. С. 122–125.
39	Векслер А. Г. Работы в Москве и Подмосковье // АО 1969 г. М.: Наука. С. 75–76.
1971	
40	Векслер А. Г. Палаты Натальи Кирилловны в Московском Кремле (опыт реконструкции по документам и археологическим данным) // МИА. № 167. С. 193–212.
41	Векслер А. Г. Археологические находки оружия XVI–XVII вв. в Москве // Сообщения Третьей Всесоюзной конференции историков оружия. Л. С. 53.
42	Векслер А. Г. Новые находки при строительстве московского метро // АО 1970 г. М.: Наука. С. 93–94.
43	Векслер А. Г. Раскопки городищ в Москве и Подмосковье // АО 1970 г. М.: Наука. С. 90–91.
1972	
44	Векслер А. Г., Фотеев Г. В., Машек Н. Н. Раскопки Кунцевского городища в г. Москве // АО 1971. М. С. 91–92.
45	Векслер А. Г. Раскопки террас Кунцевского городища в Москве // Тезисы докладов на сессии Института археологии, посвященной итогам полевых исследований 1971 года. М.
1973	
46	Векслер А. Г., Рабинович М. Г., Шеляпина Н. С. М. М. Герасимов и история Москвы // Антропологическая реконструкция и проблема палеоэтнографии. М. С. 16–37.
47	Векслер А. Г., Мельникова А. С. Московские клады. Монография. М. 264 с.
48	Векслер А. Г., Мельникова А. С. Клады Москвы как археологический и исторический источник // Методические рекомендации по подготовке Свода памятников истории и культуры СССР. Вып. 6. М.
49	Векслер А. Г. Археологические работы в Москве // АО 1972 г. М.: Наука. С. 53–54.
1974	
50	Векслер А. Г. Кунцевское городище // Методические рекомендации по подготовке Свода памятников истории и культуры СССР. Вып. 6. М.
51	Векслер А. Г. Исследование городищ в Москве и Подмосковье // АО 1973 г. М.: Наука. С. 43.
1975	
52	Векслер А. Г., Данилова О. М., Атавин А. Г., Станюкович А. К. Исследования в Подмосковье // АО 1974 г. М.: Наука. С. 52–53.
53	Векслер А. Г. Террасы Кунцевского городища в Москве // Памятники древнейшей истории Евразии. М.: Наука. С. 259–264.
1976	
54	Векслер А. Г. Археологические исследования Музея истории и реконструкции г. Москвы (1972–1976 гг.) // Доклады и сообщения Ученого Совета Музея истории и реконструкции г. Москвы, посвященные 90-летию музея. М.
55	Векслер А. Г., Данилова О. М., Розенфельдт О. Р. Раскопки Луковнинского городища в Подмосковье // АО 1975 г. М.: Наука. С. 57.
1977	
56	Векслер А. Г., Данилова О. М., Дукельский В. Ю., Розенфельдт О. Р. Раскопки городища Луковня в Подмосковье // АО 1976 г. М.: Наука. С. 43.
57	Векслер А. Г., Шестков Б. П. Новые находки в Московской Гончарной слободе // АО 1976 г. М.: Наука. С. 43–44.
1978	
58	Векслер А. Г. Археологические исследования памятников архитектуры в г. Москве // АО 1977 г. М.: Наука. С. 50–51.
59	Векслер А. Г. Памятники археологии г. Москвы // Материалы научной конференции по памятникам археологии. М.

60	Векслер А. Г. Позднеландские находки на Жуковском селище под Москвой // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука. С. 153–158.
1979	
61	Векслер А. Г. Археологические наблюдения в г. Москве // АО 1978 г. М.: Наука. С. 51–52.
62	Кравцов А. Е., Александров И., Днепровский К. Разведки по р. Цне // АО 1978 г. М.: Наука. С. 64–65.
1980	
63	Векслер А. Г., Николаева Т. В. Иконка Дмитрия Солунского из Подмосковья // СА. № 3. С. 308–311.
64	Векслер А. Г. Охрана памятников археологии г. Москвы // Проблемы охраны памятников археологии в населенных местах. Материалы Всесоюзной конференции. Ереван.
65	Векслер А. Г., Данилова О. М. Раскопки Сходненского селища // АО 1979 г. М.: Наука. С. 47.
66	Кравцов А. Е. Работы Северо-Мещерской экспедиции // АО 1979 г. М.: Наука. С. 57–58.
1981	
67	Векслер А. Г. Раскопки в Москве и Подмосковье // АО 1980 г. М.: Наука. С. 44.
68	Кравцов А. Е. Работы на Цне // АО 1980 г. М.: Наука. С. 57.
1982	
69	Векслер А. Г. Заселение территории Москвы с древнейших времен до XIV в. Историческая карта с пояснительным текстом // Памятники архитектуры Москвы. Кремль. Китай-город. Центральные площади. М. С. 22–23, 26–27.
70	Кравцов А. Е., Цветкова И. К. Керамика неолитической стоянки Владычинская Береговая I // СА. № 2. С. 82–95.
1983	
71	Векслер А. Г., Коршунов В. Ф. Исследования зданий Всехсвятского храма «На Кулишках» в Москве // АО 1981 г. М.: Наука. С. 49.
72	Векслер А. Г. Основные проблемы археологического изучения Москвы // Новое в археологии Москвы и Подмосковья. М.
73	Векслер А. Г. Раскопки Луковнинского городища в Подмосковье // АО 1982 г. М.: Наука. С. 47–48.
74	Кравцов А. Е. Работы Северо-Мещерского отряда Музея истории и реконструкции г. Москвы // АО 1981 г. М.: Наука. С. 63.
1984	
75	Векслер А. Г., Успенская А. В. Раскопки в Зарядье // АО 1983 г. М.: Наука. С. 44.
76	Кравцов А. Е., Сорокин А. Н. Зооморфная скульптурка со стоянки Григорово 1 // КСИА. № 177. С. 71–75.
77	Кравцов А. Е. Работы на Цне и ее притоках // АО 1982 г. М.: Наука. С. 61–62.
1985	
78	Векслер А. Г., Успенская А. В. Исследования в Зарядье // АО 1984 г. М.: Наука. С. 44.
79	Кравцов А. Е. Работы в юго-восточном Подмосковье // АО 1983 г. М.: Наука. С. 61–62.
1986	
80	Векслер А. Г. А. М. Васнецов – художник-исследователь прошлого Москвы // Москва в творчестве А. М. Васнецова. М. С. 32–56.
81	Векслер А. Г., Станюкович А. К. Раннесредневековое поселение у Боровского перевоза в Подмосковье. Средневековая археология Восточной Европы // КСИА АН СССР. Вып. 183. М.: Наука. С. 76–80.
82	Векслер А. Г. Работы в Московском Зарядье // АО 1985 г. М.: Наука. С. 58–59.
83	Кравцов А. Е. Работы в западной части Мещерской низменности // АО 1984 г. М.: Наука. С. 54–55.
1987	
84	Векслер А. Г. Археологические исследования в Москве // Труды V международного конгресса славянской археологии (Киев, 18–25 октября 1985 г.). Т. 3. Киев.
85	Векслер А. Г. Археологические исследования в Московском Зарядье в 1983–1985 гг. // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. М.
86	Векслер А. Г. Новое в археологии Москвы. Культура и история средневековой Руси // Труды конференции, посвященной 85-летию А. В. Арциховского. М.
87	Векслер А. Г. Памятники археологии Москвы. Исследования и проблемы музеефикации // Проблемы музеефикации на современном этапе. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения П. В. Сытина. М.
88	Кравцов А. Е. Работы в юго-восточном Подмосковье // АО 1985 г. М.: Наука. С. 72–73.
1988	
89	Векслер А. Г. Раскопки Гжельского селища в Подмосковье // АО 1986 г. М.: Наука. С. 53.
90	Векслер А. Г., Мельникова А. С. Московские клады. Монография. Изд. 2. М. 252 с.
91	Векслер А. Г. Памятники археологии Москвы. Новые исследования и проблемы музеефикации // Труды научной конференции. Рига.
92	Кравцов А. Е. Памятники позднего мезолита и эпохи бронзы в подмосковной Мещере // СА. № 1. С. 113–129.

93	Кравцов А. Е. Новые материалы к изучению иеневской мезолитической культуры в бассейне р. Оки // Археология Рязанской земли. Тезисы докладов. Рязань. С. 17–18.
94	Кравцов А. Е. Стоянка Беливо-4Г // Памятники каменного века бассейна р. Оки. М. С. 15–21.
95	Кравцов А. Е. Спорные вопросы иеневской мезолитической культуры // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Тезисы конференции. Калуга. С. 8–10.
96	Кравцов А. Е. Памятники эпох камня и бронзы на р. Нерская // АО 1986 г. М.: Наука. С. 69.
1989	
97	Кравцов А. Е., Лозовский В. М. Мезолитическая стоянка Черная-1 в Мещере // СА. № 4. С. 143–162.
98	Леонова Е. В. К характеристике иеневской культуры в бассейне реки Оки // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Калуга. 1989. С. 10–12
1991	
98	Кравцов А. Е. К хронологии бутовской и иеневской мезолитических культур // СА. № 2. С. 21–35.
99	Кравцов А. Е., Жилин М. Г. Ранний комплекс стоянки Усть-Тудовка 1 // Археология Верхнего Поволжья. Н. Новгород. С. 3–18.
100	Кравцов А. Е., Сорокин А. Н. О хронологии бутовской и иеневской мезолитических культур в Волго-Окском междуречье (по данным радиоуглеродного и спорово-пыльцевого анализов) // Актуальные вопросы волго-окского мезолита. М. С. 38–59.
1992	
101	Кравцов А. Е., Леонова Е. В. Новые исследования стоянки Дальний Остров в Подмосковье // Археологические памятники Среднего Поочья. Сборник научных трудов. Вып. 2. Рязань. С. 3–9.
1993	
102	Kravtsov A. E. Concerning the Dating of the Yenevo Culture // Tanged Points Cultures in Europe. Read at the international archaeological symposium. Lublin, sept., 13–16, 1993. Lublin.
1994	
103	Леонова Е. В. Опыт планиграфического анализа иеневских мезолитических стоянок с тонким культурным слоем // Тверской археологический сборник. Вып. 1. Тверь. 1994. С. 30–35
104	Кравцов А. Е., Леонова Е. В., Лев С. Ю. К вопросу о месте иеневской культуры в мезолите Волго-Окского междуречья // ТАС. Вып. 1. Тверь. 1994. с. 26–30.
1996	
105	Лагутин А. Б., Векслер А. Г., Кондрашев Л. В. Древние мостовые у начала улицы Ильинки в Москве. Предварительные итоги исследования // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Тр. МИГМ. Вып. 9. М. С. 8–18.
106	Тавлинцева Е. Ю. Результаты раскопок селища Заозерье-2 1993–1995 гг. // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Тр. МИГМ. Вып. 9. М. С. 45–59.
107	Новикова Г. Л., Волков И. В. Красноглиняные «турецкие» курительные трубки в собрании Музея истории города Москвы // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Тр. МИГМ. Вып. 9. М. С. 134–152.
108	Алексеева Л. И., Калякин В. Н., Кренке Н. А. Археозоологическая коллекция из раскопок Дьякова городища в Москве // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Тр. МИГМ. Вып. 9. М. С. 24–44.
109	Таценко С. Н. «Воровская» копейка XVII в. из раскопок Казанского собора на Красной площади // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Тр. МИГМ. Вып. 9. М. С. 159–161.
110	Шокарев С. Ю. Памятник петровского барокко – надгробие Д. А. Траурнихта в собрании Музея истории города Москвы // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Тр. МИГМ. Вып. 9. М. С. 162–167.
2000	
111	Полюлях А. А. К вопросу о производстве в Гжели белоглиняной керамики // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Тр. МИГМ. Вып. 10. М. С. 107–116.
112	Полюлях А. А., Чернов С. З. Археологический комплекс Балашихинского городища XII–XVI вв. по данным исследований 1990 г. // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Тр. МИГМ. Вып. 10. М. С. 88–106.
113	Полюлях А. А. Аспекты изучения культурного слоя Москвы нового времени // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Тр. МИГМ. Вып. 10. М. С. 214–220.
114	Трусов А. В. Куково 1 – новый памятник иеневской культуры на р. Осетре в Зарайском районе Московской области // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Тр. МИГМ. Вып. 10. М. С. 7–14.
115	Трусов А. В. Поречье – памятник иеневской мезолитической культуры на р. Москве // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Тр. МИГМ. Вып. 10. М. С. 19–25.
2002	
116	Полюлях А. А. Тенденции развития Гжелского керамического района в 1920-х – начале 1930-х годов // Н. И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Сб. статей. Т. 2. Тула. С. 246–257.
117	Трусов А. В. Культурный слой Зарайской палеолитической стоянки (морфология – стратиграфический аспект) // Костенки в контексте палеолита Евразии. Исследования. Вып. 1. Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. СПб. С. 151–159.

2003	
118	Полюлях А. А. Мелкотоварное гончарное производство Гжельского керамического района в XVII – первой половине XVIII в. // Объединенный научный журнал. № 6. М. С. 43–51.
2004	
119	Полюлях А. А. Новые материалы о фаянсовом производстве завода Гулиных // Тр. ГИМ. Вып. 143. М. С. 88–98.
120	Полюлях А. А. Майоликовые фигурки гжельских заводов (из археологических коллекций Музея истории г. Москвы) // АП. Вып. 1. М.: ИА РАН. С. 329–332.
121	Трусов А. В., Энгватова А. В., Панченко К. И. Настасьино 2 и 4 – стоянки иеневской культуры на реке Северке // АП. Вып. 1. М.: ИА РАН. С. 90–97.
122	Трусов А. В. Финальнопалеолитическая стоянка Ростиславль (предварительное сообщение) // АП. Вып. 1. М.: ИА РАН. С. 42–52.
123	Трусов А. В. Трегубово 2 – палеолитическая мастерская по первичной обработке кремневого сырья // Проблемы каменного века Русской равнины. М. С. 218–230.
2005	
124	Полюлях А. А. Гончарный горн у с. Бахтево в Раменском районе Московской области // АП. Вып. 2. М.: ИА РАН. С. 246–254.
125	Трусов А. В. О возможности выделения остатков жилого сооружения на стоянке Русаниха и некоторых отличиях хозяйственного типа Русанихи и Сунгира // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. М. С. 7–17.
2006	
126	Полюлях А. А. Церковная летопись Георгиевской «на Глинках» церкви села Игнатьево // Подмосковный летописец. Историко-краеведческий альманах. Вып. 1 (7). М. С. 58–65.
2008	
127	Полюлях А. А. Фаянсовые изделия заводов Я. Т. и С. Т. Фаргальных // АП. Вып. 4. М.: ИА РАН. С. 299–312.
128	Полюлях А. А. Посуда из цветных масс завода братьев Барминых // АП. Вып. 4. М.: ИА РАН. С. 312–318.
129	Кутасов П. А. Предметы вооружения из раскопок Деснинского селища // АП. Вып. 4. М.: ИА РАН. С. 222–225.
130	Трусов А. В., Житенев В. С. Ожерелье из зубов песка Зарайской стоянки // Человек, адаптация, культура. М. С. 427–434.
2009	
131	Трусов А. В. Клушино 1 – новый палеолитический памятник в Подмосковье // РА. № 4. С. 107–112.
132	Кутасов П. А. Предметы вооружения и снаряжения воина XVI–XVII веков, полученные в ходе археологических наблюдений в Ильинском проезде города Москвы // АП. Вып. 5. М. С. 251–267.
133	Трусов А. В., Сорокин А. Н., Ошибкина С. В. На переломе эпох. М. 388 с.
2010	
134	Полюлях А. А. Предметы быта усадьбы Черная Грязь (по материалам раскопа 5 в Царицыно) // АП. Вып. 6. ИА РАН. М. С. 328–349.
135	Кутасов П. А. Вещевой клад 1969 года из Ипатьевского переуллка в Москве // АП. Вып. 6. ИА РАН. М. С. 303–321.
2011	
136	Кутасов П. А. Пулелейка из археологических раскопок на территории Зарядья в Москве // АП. Вып. 7. ИА РАН. М. С. 400–404.
137	Трусов А. В. Палеолит бассейна Оки. Монография. М.: Репроцентр. 312 с.
2012	
138	Полюлях А. А. Комплекс позднесредневековой керамики XV–XVI вв. городища Боровский курган: опыт формализованно-статистической обработки // АП. Вып. 8. ИА РАН. М. С. 333–365.
2013	
139	Полюлях А. А. К вопросу об атрибуции курительных трубок завода А. К. Гребенщикова в Москве // АП. Вып. 9. М.: ИА РАН. С. 288–301.
2014	
140	Полюлях А. А. Тарелки завода Гребенщиковых сервиза князей Грузинских из археологических раскопок на месте бывшего села Всехсвятское // АП. Вып. 10. М.: ИА РАН. С. 460–481.
141	Трусов А. В. Каменные изделия и хозяйственные объекты Зарайской стоянки 1980, 1982–83, 1989, 1990, 1994–95 гг. раскопок. Монография. М.: Репроцентр. 132 с.
2015	
142	Полюлях А. А. Факторы возникновения и характер развития мелкотоварного гончарного производства Гжели в конце XV – первой трети XX в. // Московия: материалы и исследования по истории и археологии. М. С. 8–35.
143	Фурсов М. Н. Двускатнопластинчатые гривны в собрании Музея Москвы // Московия: материалы и исследования по истории и археологии. М. С. 138–147.
144	Святицкая Е. Н. «Колокол Никона» из собрания Музея Москвы: новые данные // Московия: материалы и исследования по истории и археологии. М. С. 138–143.
145	Трусов А. В. О возможных следах тотемизма на Зарайской палеолитической стоянке // Тверской археологический сборник. Вып. 10. Т. 1. Тверь. С. 428–433.

146	Трусов А. В. Памятники эпох палеолита и мезолита в собрании Музея Москвы // <i>Московия: материалы и исследования по истории и археологии</i> . М. С. 124–137.
147	Трусов А. В. Памятники эпох неолита и бронзы в собрании Музея Москвы // <i>Московия: материалы и исследования по истории и археологии</i> . М. С. 128–137.
2016	
148	Полюлях А. А. Археологические исследования в селе Гжель: характер и особенности культурного слоя и состава керамического комплекса. Белоглиняные горшки // <i>АП. Вып. 12</i> . М.: ИА РАН. С. 476–546.
149	Полюлях А. А., Сарачева Т. Г., Малышева Н. Н. Голосники собора Покрова Пресвятой Богородицы на Рву (храма Василия Блаженного) // <i>Керамические строительные материалы в России: технология и искусство Позднего Средневековья. Материалы I и II Всероссийских научно-практических конференций</i> . Новый Иерусалим. М. С. 92–95.
150	Полюлях А. А. Строительные материалы XVIII – первой половины XIX в. Скотного двора в усадьбе «Влахернское-Кузьминки» // <i>Керамические строительные материалы в России: технология и искусство Позднего Средневековья. Материалы I и II Всероссийских научно-практических конференций</i> . Новый Иерусалим. М. С. 103–106.
2017	
151	Полюлях А. А. Археологические исследования в селе Гжель. Белоглиняная керамика: кувшины, корчаги, миски и сковороды // <i>АП. Вып. 13</i> . М.: ИА РАН. С. 346–371.
152	Полюлях А. А., Сарачева Т. Г., Малышева Н. Н. Новые сведения о голосниках собора Покрова на Рву в Москве // <i>АП. Вып. 13</i> . М.: ИА РАН. С. 372–386.
2018	
153	Полюлях А. А., Сарачева Т. Г., Малышева Н. Н. Результаты натурного исследования сосудов-голосников из церкви Трех Патриархов Константинопольских в соборе Покрова Пресвятой Богородицы на Рву // <i>АП. Вып. 14</i> . М.: ИА РАН. С. 442–450.
154	Полюлях А. А. Археологические исследования в селе Гжель: белоглиняная расписная, чернолощенная и поливная керамика // <i>АП. Вып. 14</i> . М.: ИА РАН. С. 451–468.
155	Полюлях А. А., Беркович В. А. Посуда завода Гребенчиковых из археологических наблюдений в Вознесенском переулке в Москве в 2016 году // <i>АП. Вып. 14</i> . М.: ИА РАН. С. 487–496.
156	Полюлях А. А., Холодкова Н. В. Мраморовидный декор Троицкого собора и Предтеченской церкви Троице-Сергиевой лавры середины – второй половины XVIII в. // <i>Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Материалы XI Международной научной конференции. Тезисы докладов</i> . Сергиев Посад.
157	Полюлях А. А. Produktion von Tabakpfeifen westeuropäischen Typs in Moskau (Производство курительных трубок западноевропейского типа в Москве) // <i>Nearchos 23. Keramik zwischen Werbung, Propaganda und praktischem Gebrauch. Beiträge vom 50. Internationalen Symposium für Keramikforschung in Innsbruck 2017</i> . Innsbruck. S. 217–227.
2019	
158	Полюлях А. А. Изникские блюда XVI в. декора церкви Троицы в Хорошеве // <i>АП. Вып. 15</i> . М.: ИА РАН. С. 407–420.
159	Полюлях А. А. Об одном из видов московских изразцов: изразцы с мраморовидным декором // <i>АП. Вып. 15</i> . М.: ИА РАН. С. 421–429.
160	Фурсов М. Н. Тюрьмы в Москве в конце XV – XVII в. по данным письменных источников и археологии // <i>Очерки истории уголовно-исполнительной системы</i> . Иваново: ПресСто. С. 277–288.
2020	
161	Полюлях А. А., Беркович В. А. Чайник завода Гребенчиковых из археологических наблюдений в Большом Головине переулке в Москве в 1998 г. // <i>АП. Вып. 16</i> . М.: ИА РАН. С. 368–380.
162	Полюлях А. А., Холодкова Н. В. Мраморовидный декор церквей и соборов Троице-Сергиевой лавры середины – второй половины XVIII в. // <i>Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Материалы XI Международной конференции 3–4 октября 2018 г.</i> Сергиев Посад. С. 425–436.
2021	
163	Полюлях А. А. Археологическое исследование селища Меткомелино 2: характер и особенности культурного слоя, находок и состава комплекса керамики // <i>АП. Вып. 17</i> . М.: ИА РАН. С. 306–323.
164	Тавлинцева Е. Ю., Максименко И. Л., Хохлова О. С. Исследование многокамерной жилой постройки I тысячелетия до н.э. на городище Ростиславль // <i>АП. Вып. 17</i> . М.: ИА РАН. С. 29–56.
165	Кузьминова Ю. В. Опыт планиграфического анализа стоянки Каменная Балка I // <i>Материалы международной научно-практической конференции, приуроченной к 30-летию музея-заповедника Костенки. Рогачевские чтения: труды музея-заповедника Костенки. Т. 1</i> . Воронеж: Полиграфический центр Пресс-Бургер. С. 163–173.
166	Кузьминова Ю. В. Пространственный анализ распределения микропластинок с притупленным краем на стоянке Каменная Балка I // <i>Верхний палеолит Европы: время культурных новаций</i> . СПб.: ИИМК РАН. С. 108–109.
2022	
167	Полюлях А. А. Археологическое исследование селища Меткомелино 2: белоглиняные горшки // <i>АП. Вып. 18</i> . М.: ИА РАН. С. 296–378.
168	Кузьминова Ю. В. Микропластинки с притупленным краем в каменном инвентаре верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка I // <i>Микролиты в позднем палеолите и мезолите Восточной Европы и Кавказа: типология, технология, трасология</i> . М.: Институт археологии РАН. С. 113–122.

169	Кузьминова Ю. В. Скрепки в инвентаре стоянки Каменная Балка I // Актуальная археология 6. Материалы международной научной конференции молодых ученых. Санкт-Петербург, 4–7 апреля 2022 г. СПб.: ИИМК РАН. С. 50–53.
2023	
170	Полюлях А. А. Археологическое исследование селища Меткомелино 2: белоглиняные кувшины, корчаги, плошки, миски и сковороды // АП. Вып. 19. ИА РАН. М. С. 288–343.
171	Тавлицева Е. Ю. , Кренке Н. А., Лопатин Н. В., Александровский А. Л., Савинецкий А. Б., Бегунова В. В., Волков В. А., Ганичев К. А., Ершов И. Н., Лопатина О. А., Певзнер М. М., Раева В. А., Чаукин С. Н. Городище Демидовка на Смоленщине. Стратиграфия, почвы, постройки, керамика, кости животных // РА. № 4. М. С. 126–144. Электронная публикация.
2024	
172	Полюлях А. А. Сосуд молочного стекла из раскопок М. Г. Рабиновича в 1947 г. на Таганском холме в устье Яузы в Москве // АП. Вып. 20. М.: ИА РАН. С. 343–353.
173	Тавлицева Е. Ю. , Кренке Н. А. Ранняя «славянская» инвазия на восток и позднедьяковская культура (комментарий к статье В. В. Седова «Из этнической истории населения средней полосы Восточной Европы во второй половине I тыс. н.э.») // От ранних славян до Руси. Тезисы докладов научной конференции к 100-летию со дня рождения Валентина Васильевича Седова. М.: ИА РАН. С. 40–45
174	Тавлицева Е. Ю. Литейные формы для изготовления украшений из свинцово-оловянных сплавов с позднедьяковских памятников Подмосковья // КСИА. № 276. М.: ИА РАН. С. 209–221.
175	Кузьминова Ю. В. Стоянка Ростиславль-2 (по материалам раскопок 2020 г.) // Актуальная археология 7. Материалы международной научной конференции молодых ученых. Санкт-Петербург, 1–4 апреля 2024 г. СПб.: ИИМК РАН. С. 49–52.

Состав археологического отдела в 2024 году¹

Алтынов Николай Матвеевич, *специалист по учету музейных предметов*, 2022
Деркачев Владислав Олегович, *младший научный сотрудник*, 2021
Косьякова Анастасия Геннадьевна, *старший научный сотрудник*, 2013
Кузьминова Юлия Владимировна, *научный сотрудник*, 2021
Максименко Ирина Леонидовна, *зам. начальника отдела*, 2007
Поллюлях Анатолий Александрович, *зав. сектором*, 1988–1991, 1995
Святицкая Екатерина Николаевна, *зав. сектором*, 1993
Синцера Ксения Леонидовна, *научный сотрудник*, 2021
Скоробогатова Ольга Владимировна, *специалист по учету музейных предметов*, 1995
Сысоева Александра Александровна, *специалист по учету музейных предметов*, 2023
Тавлинцева Екатерина Юрьевна, *старший научный сотрудник*, 1992–2003, 2020
Толстов Денис Львович, *реставратор*, 1990
Фурсов Максим Николаевич, *начальник отдела*, 2009

В составе археологического отдела работали в 1946–2023 годах²

Алексеев Алексей Викторович, *техник*, 2000–2002
Алексеева Людмила Ивановна, *научный сотрудник*, 1993–1995
Атавин Андрей Геннадьевич, *научный сотрудник*, 1973–1975
Балинский Иван, *научный сотрудник (?)*, 1970–1975 (?)
Беркович Владимир Адольфович, *научный сотрудник*, 1989–1993
Билькин Игорь Викторович, *техник*, 1991–1993
Бобровский Михаил Юрьевич, *техник*, 1992–1999
Бойцов Игорь Александрович, *техник*, 1984–1987
Векслер Александр Григорьевич, *научный сотрудник, зав. отделом*, 1958–1989
Вентцель Андрей Михайлович, *реставратор*, 1982–1984 (?)
Волков Иван Владимирович, *научный сотрудник*, 1999–2000
Гиршберг Владимир Борисович, *научный сотрудник*, 1946 – ?
Гончаров Серафим Анатольевич, *специалист по учету музейных предметов*, 2021–2022
Данилова Ольга Михайловна, *реставратор*, 1972–1989
Долганова Ольга Олеговна, *научный сотрудник*, 1992–1993
Дукельский Владимир Юрьевич, *научный сотрудник*, 1975–1978
Дюдюкин Сергей Николаевич, *техник*, 1988–1990
Захарова Анастасия Владимировна, *научный сотрудник*, 2018–2020
Золотов Юрий Максимович, *научный сотрудник*, 1948 (?) – 1966
Качанова Вилена Ивановна, *научный сотрудник*, 1948 (?) – 1959 (?)
Кравцов Андрей Евгеньевич, *научный сотрудник, зав. отделом*, 1978–1993
Кутасов Павел Александрович, *научный сотрудник*, 2005–2008
Лагутин Антон Борисович, *научный сотрудник*, 1995–1997
Латышева Галина Петровна, *научный сотрудник, зав. отделом*, 1948 (?) – 1967
Леденев Роман Игоревич, *техник*, ?–1982 (?)
Леонова Елена Викторовна, *научный сотрудник*, 1988–1995
Мальцева Василиса Владимировна, *специалист по учету музейных предметов*, 2018–2021
Маслих Сергей Александрович, *научный сотрудник*, 1968–1969
Михайлова Екатерина Дмитриевна, *специалист по учету музейных предметов*, 2019–2020
Мунтян Надежда, *техник*, 1981 (?) – 1984 (?)

¹ Указаны дата начала (или период) работы в отделе.

² Список не полный, к сожалению, всю информацию собрать не удалось.

- Набиркина Ольга Вячеславовна, *техник*, 1990–1995
Николаев Григорий Алексеевич, *реставратор*, 1988–1992
Новикова Галина Леонардовна, *научный сотрудник*, 1996–2010
Осипов Дмитрий Олегович, *научный сотрудник*, 1988–1989
Панина Элеонора Леонидовна, *техник*, 1997–2014
Пельве Кирилл Юрьевич, *научный сотрудник*, 2019–2022
Рабинович Михаил Григорьевич, *научный сотрудник, зав. отделом*, 1946–1957
Розенфельдт Ольга Ростиславовна, *научный сотрудник*, 1974–1989
Скоробогатова Татьяна Вячеславовна, *научный сотрудник, зав. отделом*, 1989–2021
Смирнова Галина Павловна, *научный сотрудник*, 1948 (?)–1962 (?)
Сорочкина Ирина, *техник (?)*, ?–1970
Таценко Сергей Николаевич, *научный сотрудник*, 1996–2004
Трусов Александр Васильевич, *научный сотрудник*, 1998–2020
Фотеев Геннадий Владимирович, *научный сотрудник*, 1969–1978 (?)
Шокарев Сергей Юрьевич, *научный сотрудник*, 1998–1999
Шполянский Сергей Владимирович, *научный сотрудник*, 1993–1994

Литература

- АКР. Москва. Ч. 1. М.: ИА РАН, 2020. 342 с.
- Аполлинарий Васнецов. К 100-летию со дня рождения: Сб. материалов. М., 1957. (Тр. МИРМ. Вып. 7). 168 с.
- Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М.: 2000. (Тр. МИГМ. Вып. 10). 235 с.
- Васнецов А. Древняя Москва: Автолитографии: Альбом. М.: Берендей. 1922. 10 л.
- Васнецов А.М., 1957. Как я сделался художником и как и что работал // Тр. Музея истории и реконструкции Москвы. Вып. 7. М.: Московский рабочий. 168 с.
- Векслер А.Г., 2006. Спасательная археология Москвы. М.: Вече. 320 с.
- Горюнова Е.И., 1947. Итоги работ археологического надзора на строительстве II очереди Московского метрополитена // МИА. № 7. С. 44–54.
- Древняя Русь. Город. Замок. Село, 1985. М.: Наука. (Археология СССР). 430 с.
- Из глубины столетий. М.: МИГМ, 1998.
- Историко-краеведческие материалы фонда Общества изучения Московской губернии (области) / Сост. С.Б. Филимонов. М.: ИИ СССР АН СССР, 1976. 125 с.
- Музей Московского городского хозяйства в Крестовской водонапорной башне и перечень предметов находящихся в нем. М.: Тип. Московского Горного Арнольдо-Третьяковского училища глухонемых, 1907. 52 с.
- Каталог музея Московского городского хозяйства. М.: Тип. Московского Горного Арнольдо-Третьяковского училища глухонемых, 1915. 51 с.
- Миллер П.Н., 1928. Московский мусор // Московский краевед. Вып. 3. М.
- Миллер П.Н., 1939. Создадим музей города Москвы // Советский музей. № 1. С. 35–37.
- Москва в творчестве А.М. Васнецова / Сост. Е.К. Васнецова. М.: Московский рабочий, 1986. 271 с.
- Музей Москвы. История и коллекция. 1896–2021. М.: Б. С.Г. -Пресс, 2022. 712 с.
- По трассе первой очереди Московского метрополитена имени Л.М. Кагановича. Архивно-исторические и археологические работы Академии истории материальной культуры им. Н.Я. Марра в 1934 г. М.–Л.: Соцэкгиз. Ленинградское отделение, 1936. 183 с.
- Рабинович М.Г., 1957. А.М. Васнецов – археолог // Тр. Музея истории и реконструкции Москвы. Вып. 7. М.: Московский рабочий. 168 с.
- Рабинович М.Г., 1949. П.Н. Миллер и археология Москвы // МИА. № 12. С. 302–307.
- Рабинович М.Г., 1964. О древней Москве. Очерки материальной культуры и быта горожан в XI–XVI вв. М.: Наука. 354 с.
- Рабинович М.Г., 2005. Записки советского интеллектуала. М.: Новое литературное обозрение. 392 с.
- Сытин П.В., 1958. Из истории московских улиц. М.: Московский рабочий. 844 с.
- Формозов А.А., 2007. Исследователи древностей Москвы и Подмосковья. М.: Рукописные памятники Древней Руси. 184 с.

A.A. Polyulyakh

The archaeological Department of the Museum Association “Moscow Museum” in 1946–2024: history of creation, formation of collection fund and scientific activities

Summary

The article is devoted to the emergence, work and results of the activities of the employees of the archaeological department of the Museum Association “Museum of Moscow” – one of the oldest museums in the capital, which celebrated its the 125th anniversary in December 2021. The organizational development of the archaeological department at the museum in 1946

was associated with the initial period of archaeological study of Moscow. Over the 78 years of its activity, in the period 1946–2024, the employees of the department have carried out significant work on the study of the cultural layer of Moscow and monuments of the Moscow region, on registering archaeological collections as museums, their scientific study, and restoration of finds.

Керамологические исследования

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-456-2.336-350>

А. М. Фатьков, Д. Ю. Бадеев
Институт археологии РАН, г. Москва

Керамический комплекс с территории группы объектов археологического наследия у деревни Новенькое в Тверской области

В мае – июле 2022 г. экспедиция ИА РАН проводила охранно-спасательные работы на группе объектов археологического наследия у д. Новенькое в Тверской области. В состав группы входили как ранее известные памятники – мезолитическая стоянка Новенькое/Новенькая-2, курганный могильник Новенькое 1 и синхронное ему селище Новенькое (XII – первой половины XIII в.), так и вновь выявленный в 2022 г. объект – городище раннего железного века с валом и рвом (*Бадеев и др.*, 2024). Эти памятники до начала проведения раскопок имели единую территорию, т. е. отдельные границы объектов на момент проведения работ 2022 г. установлены не были, исключение составляло городище эпохи РЖВ. Общая площадь исследований в рамках землеотвода под строительство составила 5995 кв. м.

Раскоп I занимал верхнюю площадку памятника – первую надпойменную террасу. В границах раскопа I располагались насыпи курганов № 1, 3–31, 40–42, а также визуально зафиксированные в северо-западной части площадки вал со рвом (их южная часть). Раскопками в 2022 г. здесь в межкурганном пространстве выявлены грунтовые погребения и серия заглубленных объектов (ям). На большей части раскопа непосредственно под дерном и лесной подстилкой размещалась лесная почва, представленная серым песком, под ней располагалась погребенная почва – светло-серый (белесый) песок, на которой были возведены насыпи курганов, а ниже лежала прослойка рыжего песка, содержащая материалы, относящиеся к мезолитической стоянке. Исключение составляли участки в северо-восточной части раскопа, где под слоем дерна и насыпями курганов зафиксирована прослойка темно-серого (углистого) песка с включениями углей, железного шлака и пачины – остатки культурного слоя западной периферии средневеко-

вого селища, а также в северо-западной части раскопа, где за линией вала располагался слой темно-серого песка с включениями углей и пачины, он относился к культурному слою городища.

Раскоп II занимал участок склона первой надпойменной террасы и часть участка высокой поймы р. Тверцы. Какие-либо видимые в рельефе археологические объекты отсутствовали. На значительной площади раскопа (за исключением северной части) под слоем дерна и лесной подстилки располагалась прослойка легкого серого песка, представляющего собой горизонт лесной (луговой) почвы. Эта прослойка не содержала видимых следов культурного слоя (углей, пачины) и лежала непосредственно на материке (моренный песок), поверхность которого нарушали следы распашки.

В результате раскопок собрана относительно небольшая (всего 1023 фрагмента), но показательная коллекция керамического материала, позволяющая уточнить датировки археологических памятников в составе группы объектов археологического наследия к югу от д. Новенькое.

Половина объема массового керамического материала относилась к круговой посуде, принадлежавшей к различным традициям русского гончарного производства XII–XIV вв. Остальную часть материала составляла круговая керамика XVI и XVIII–XIX вв., а также фрагменты лепной посуды от эпохи неолита до раннего железного века.

За методическую основу статистической обработки керамического комплекса с группы объектов археологического наследия у д. Новенькое была принята методика В. Ю. Ковалева, подразумевающая учет всей массы керамических обломков (за исключением мелких фрагментов, имеющих площадь поверхности менее 4 кв. см) по технологическим и морфологическим признакам, а также по виду и способу орнаментации (*Коваль,*

2014. С. 490–498, 530–539). При учете морфологических характеристик венчиков горшков использовалась типологическая таблица из сокращенной системы статистики керамики (Коваль, 2014. С. 519–521, 540–545. Рис. 34–35). В статистических таблицах фиксировалось количество всех найденных фрагментов. Кроме того, каждый фрагмент керамики (развал керамического сосуда), месторасположение которого надежно установлено, отмечался на плане раскопов, что позволило локализовать участки концентрации различных групп керамики.

При работе с керамической коллекцией ставилась задача сгруппировать присутствующие на памятнике материалы, относящиеся к различным традициям изготовления керамики. Выделено две большие группы керамики: лепная (27%) и круговая (73%).

Группа I включает в себя всю найденную на раскопах лепную керамику. Она состоит из шести подгрупп (рис. 1).

Подгруппа 1. Лепная керамика из красножгущихся глин неполного (двухслойного) окислительного обжига, с примесью шамота и дресвы с ямочно-гребенчатым орнаментом. Элементы орнамента состоят из оттисков гребенчатого штампа и округлых вдавлений. Орнаментальная композиция складывается из наклонных и вертикальных отрезков, выполненных оттисками гребенчатого штампа, нередко чередующихся с округлыми вдавлениями (рис. 2). Данную керамику можно отнести

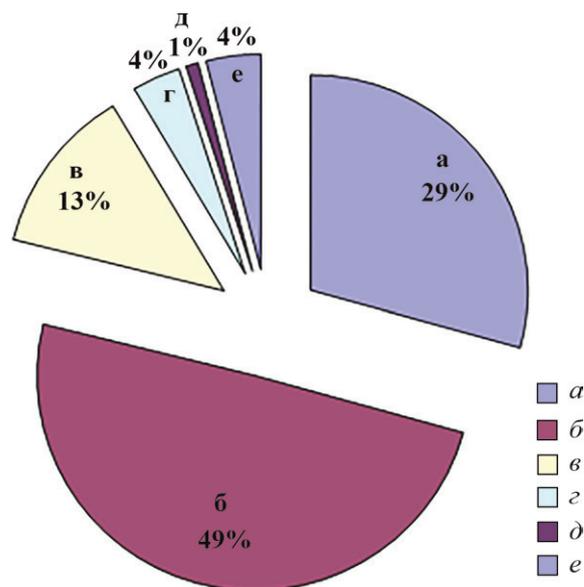

Рис. 1. Соотношение подгрупп лепной керамики с территории ОАН у д. Новенькое
 а – без орнамента; б – с рябчатым орнаментом;
 в – с рябчатым и ямочным орнаментом; г – с ямочным орнаментом, д – с рябчатым и гребенчатым орнаментом;
 е – с ямочно-гребенчатым орнаментом

к верхневолжской археологической культуре и датировать концом IV – III тыс. до н. э. Керамика этой группы происходит из прослойки темно-серого песка и лесной почвы на раскопе II в пойменной части (участки 47, 48, 56, 60) (рис. 3). Можно предположить, что вблизи от площадки исследований 2022 г. располагалась стоянка эпохи раннего неолита.

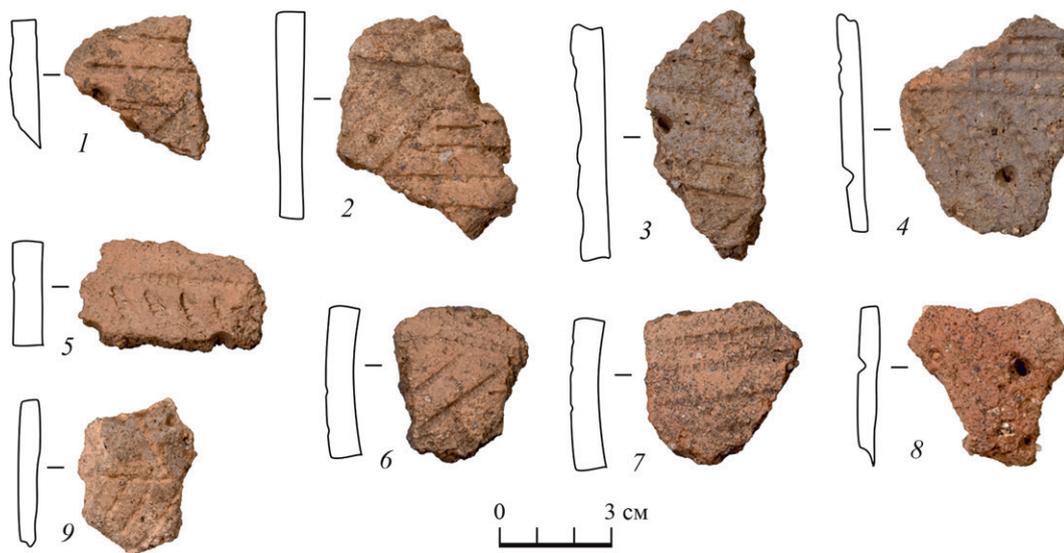

Рис. 2. Группа I. Лепная керамика с примесью шамота, дресвы и ямочно-гребенчатым орнаментом (верхневолжская археологическая культура) с территории группы ОАН у деревни Новенькое

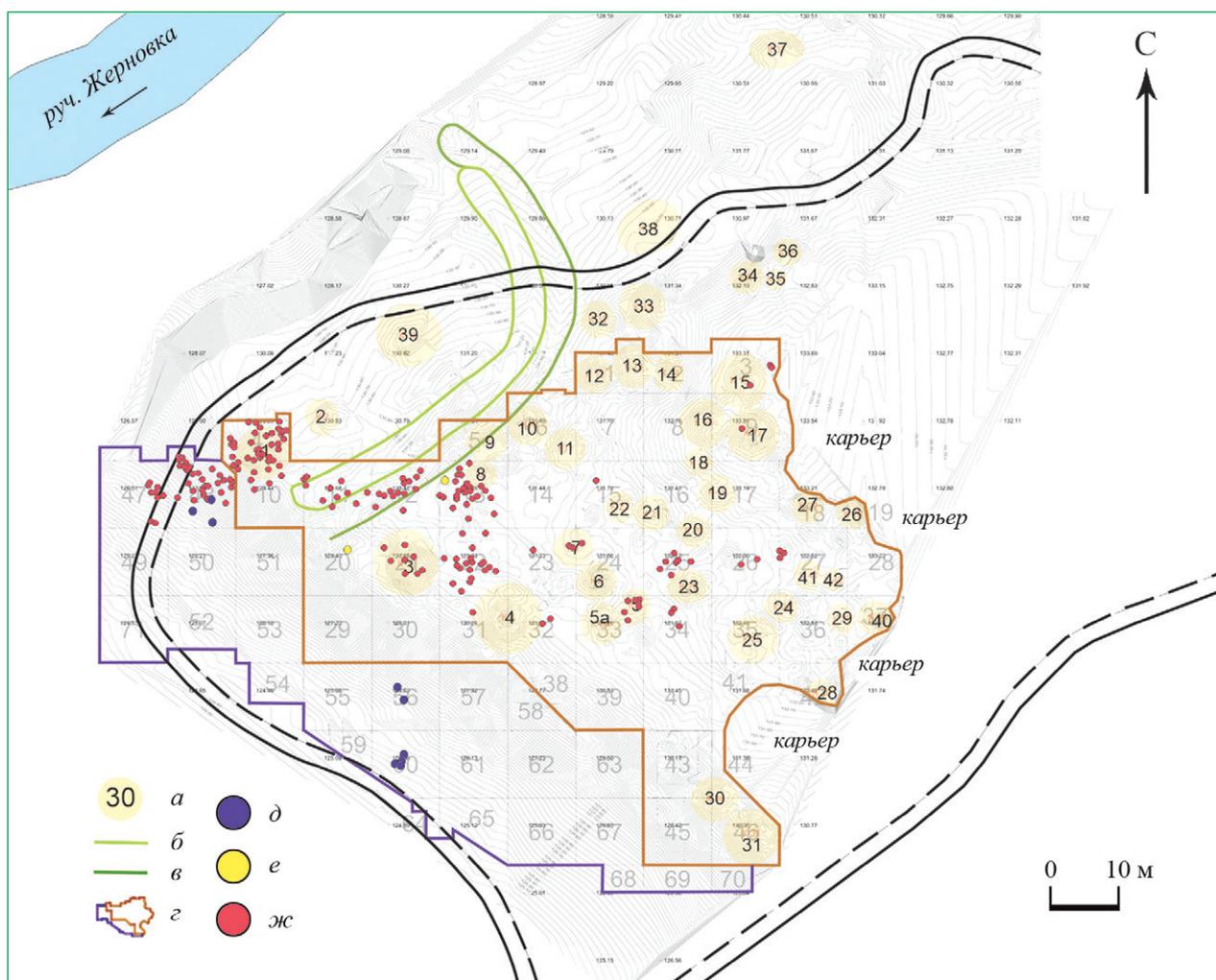

Рис. 3. План распределения лепной керамики с территории раскопов 2022 г.

a – курганы; *б* – вал городища РЖВ; *в* – ров городища РЖВ; *г* – границы раскопов 2022 г.; *д* – лепная керамика подгруппы 1; *е* – лепная керамика подгруппы 2; *ж* – лепная керамика подгрупп 3–6

Подгруппа 2. Лепная керамика из красножгущихся глин неполного (двухслойного) окислительного обжига, с частой примесью некалиброванной дресвы, с текстильными (рябчатыми) отпечатками и ямочным орнаментом (рис. 4). Данную керамику можно связать с переходным периодом от эпохи бронзы к эпохе раннего железного века (начало I тыс. до н.э.). Керамика этой группы происходит из слоя лесной почвы с площадки раскопа I (участки 13, 20, 22, 34), тяготея к краю надпойменной террасы (рис. 3), где также выявлены заготовка каменного сверленого топора-молотка и кремневый наконечник стрелы формы, характерной для фатьяновской культуры (Бадеев и др., 2024. Рис. 6, 1, 2).

Подгруппа 3. Лепная керамика из красножгущихся глин неполного (двухслойного) окислительного обжига, с частой примесью некалиброванной

дресвы с текстильными (рябчатыми) отпечатками. Венчики короткие, слабо отогнутые наружу, почти прямые (рис. 5).

Подгруппа 4. Лепная керамика из красножгущихся глин неполного (двухслойного) окислительного обжига, с частой примесью некалиброванной дресвы и заглаженной поверхностью (рис. 6).

Подгруппа 5. Лепная керамика из красножгущихся глин неполного (двухслойного) окислительного обжига, с частой примесью некалиброванной дресвы и ямочным орнаментом. Венчики вертикальные (рис. 7).

Подгруппа 6. Лепная керамика из красножгущихся глин неполного (двухслойного) окислительного обжига, с частой примесью некалиброванной дресвы, с текстильными (рябчатыми) отпечатками и гребенчатым орнаментом (рис. 8).

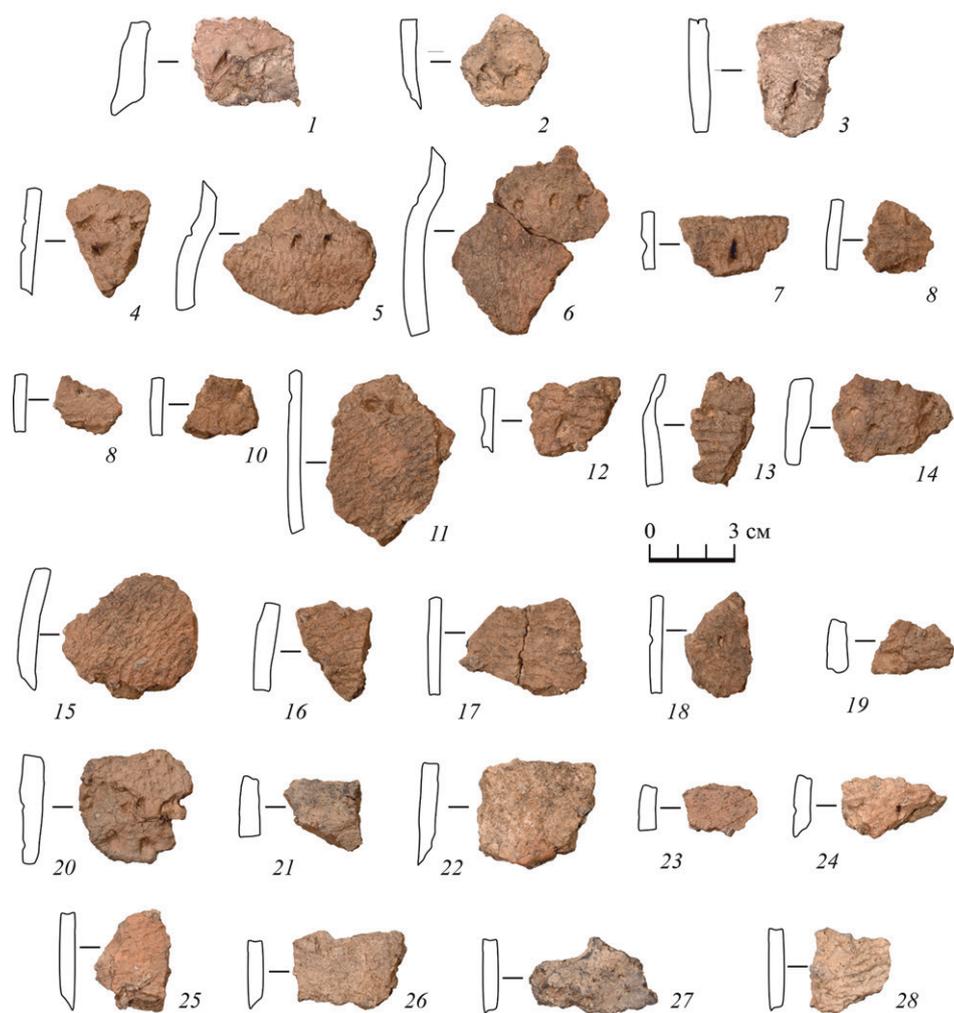

Рис. 4. Группа I. Лепная керамика с примесью дровы, рябчатый и ямочный орнамент с территории группы ОАН у деревни Новенькое

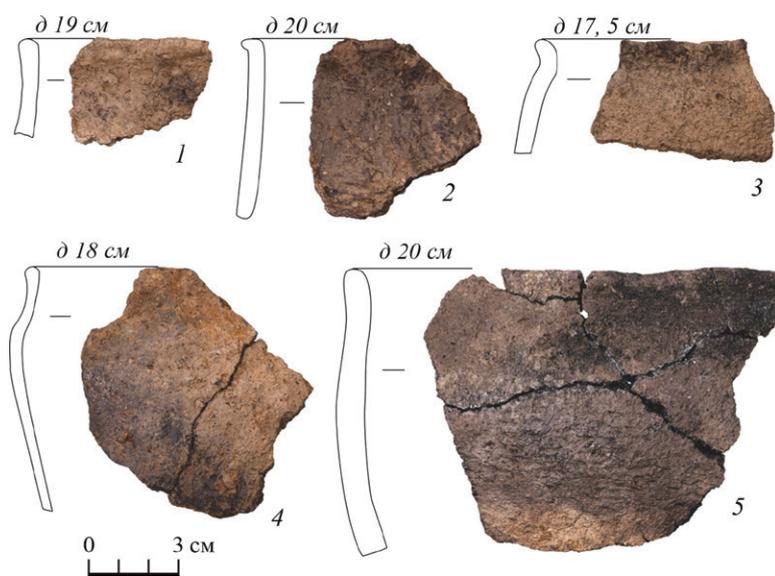

Рис. 5. Группа I. Лепная керамика с примесью дровы и рябчатым орнаментом с территории группы ОАН у деревни Новенькое

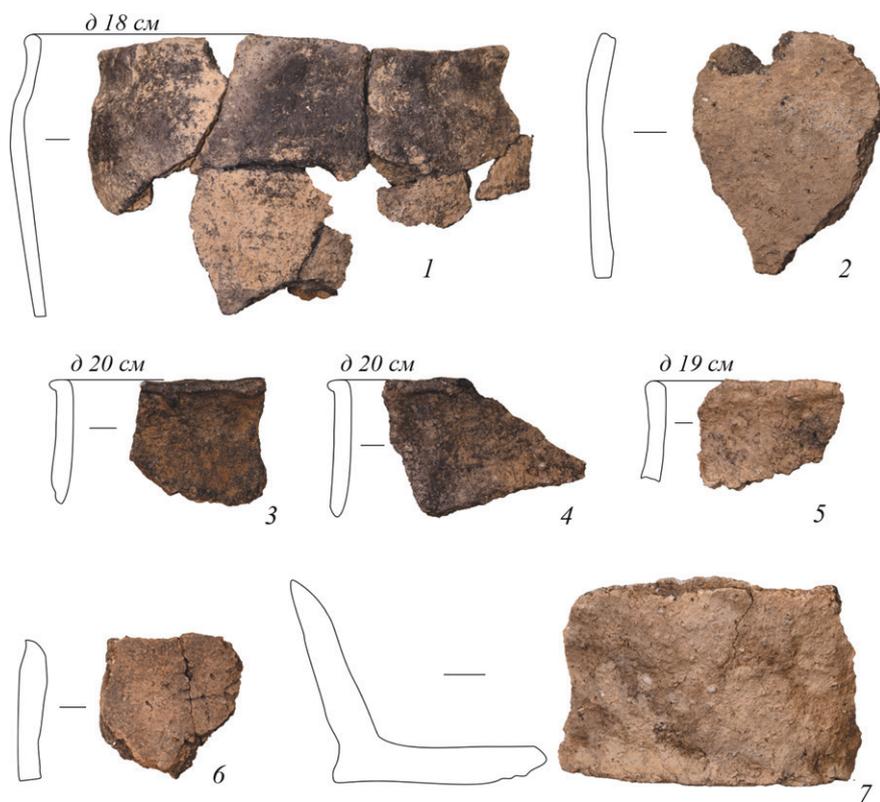

Рис. 6. Группа I. Лепная керамика с примесью дресвы без орнамента с территории группы ОАН у деревни Новенькое

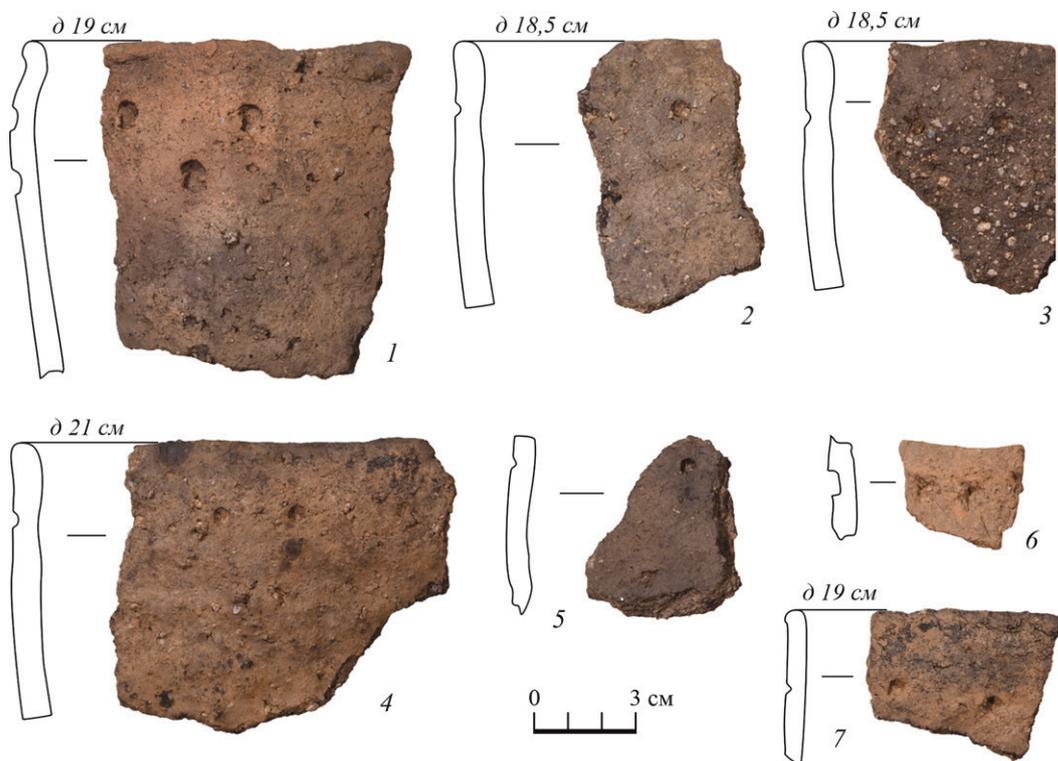

Рис. 7. Группа I. Лепная керамика с примесью дресвы и ямочным орнаментом с территории группы ОАН у деревни Новенькое

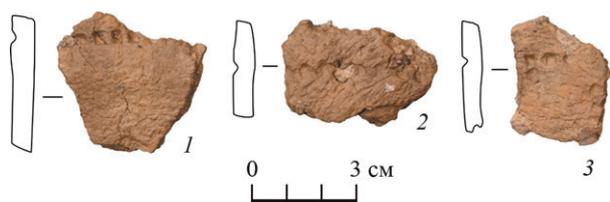

Рис. 8. Группа I. Лепная керамика с примесью дресвы, рябчатый и гребенчатый орнамент с территории группы ОАН у деревни Новенькое

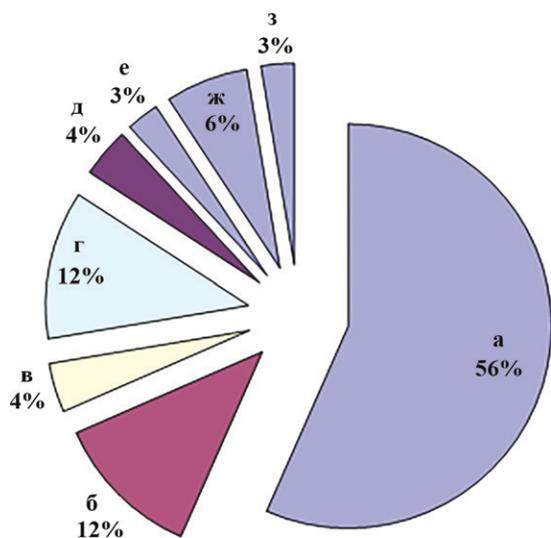

Рис. 9. Соотношение подгрупп круговой керамики с территории ОАН у деревни Новенькое

а – из красножгущихся глин с примесью дресвы; б – из красножгущихся глин с примесью песка и редкой примесью дресвы; в – из красножгущихся глин с примесью песка; г – из беложгущихся глин с примесью дресвы; д – из беложгущихся глин с примесью дресвы; е – из беложгущихся глин с примесью песка; ж – визуально неопределимая (серая поверхность) с примесью дресвы; з – поздняя поливная

Керамика подгрупп 3, 4, 5, 6 относится к раннему железному веку (дьяковской археологической культуре) и датируется I тыс. до н. э. (Кренке, 2019. С. 39–40, 50–53. Рис. 124–129). Подавляющее большинство этой керамики связано с площадкой городища, где происходит из слоя темно-серого песка и насыпи кургана 1, развалы двух сосудов происходили из придонной части заполнения рва (раскоп I, участка 4, 10–12). Кроме того, значительная часть керамики данных групп примыкала с востоко-юго-востока к площадке городища, ближе к краю надпойменной террасы (раскоп I, участки 21, 22, 27, 31–34) и с запада, на склоне террасы и у ее основания непосредственно под территорией городища (раскоп II, участки 47, 48) (рис. 3). В первом слу-

Рис. 10. Группа II. Красноглиняная керамика с примесью дресвы. Горшок, целая форма

чае керамика происходила из слоя лесной почвы и насыпей курганов, во втором – из слоя темно-серого песка (аналогичного слою на площадке городища), образование которого в пойме можно соотнести с осыпаниями и оползневыми процессами с верхней надпойменной террасы.

Группа II включает в себя всю найденную на раскопах круговую керамику (рис. 9). Она состоит из восьми подгрупп.

Подгруппа I. Круговая керамика из красножгущихся глин неполного (трехслойного) окислительного обжига с примесью дресвы (рис. 10–17). Найдены фрагменты не менее чем 43 сосудов (всего 246 обломков). Такая посуда в научной литературе, посвященной археологии Москвы и Подмосковья, именуется курганной (Чернов, 1991. С. 20–23, 27). Для нее характерны несколько типов венчиков:

– венчики вертикальной постановки, отогнутые наружу или заваленные внутрь; этот тип венчика (тип 1 по В.Ю. Ковалю) хорошо известен в керамике подмосковных курганов, датируемой XII – началом XIII в. (Коваль, 2014. С. 552–553),

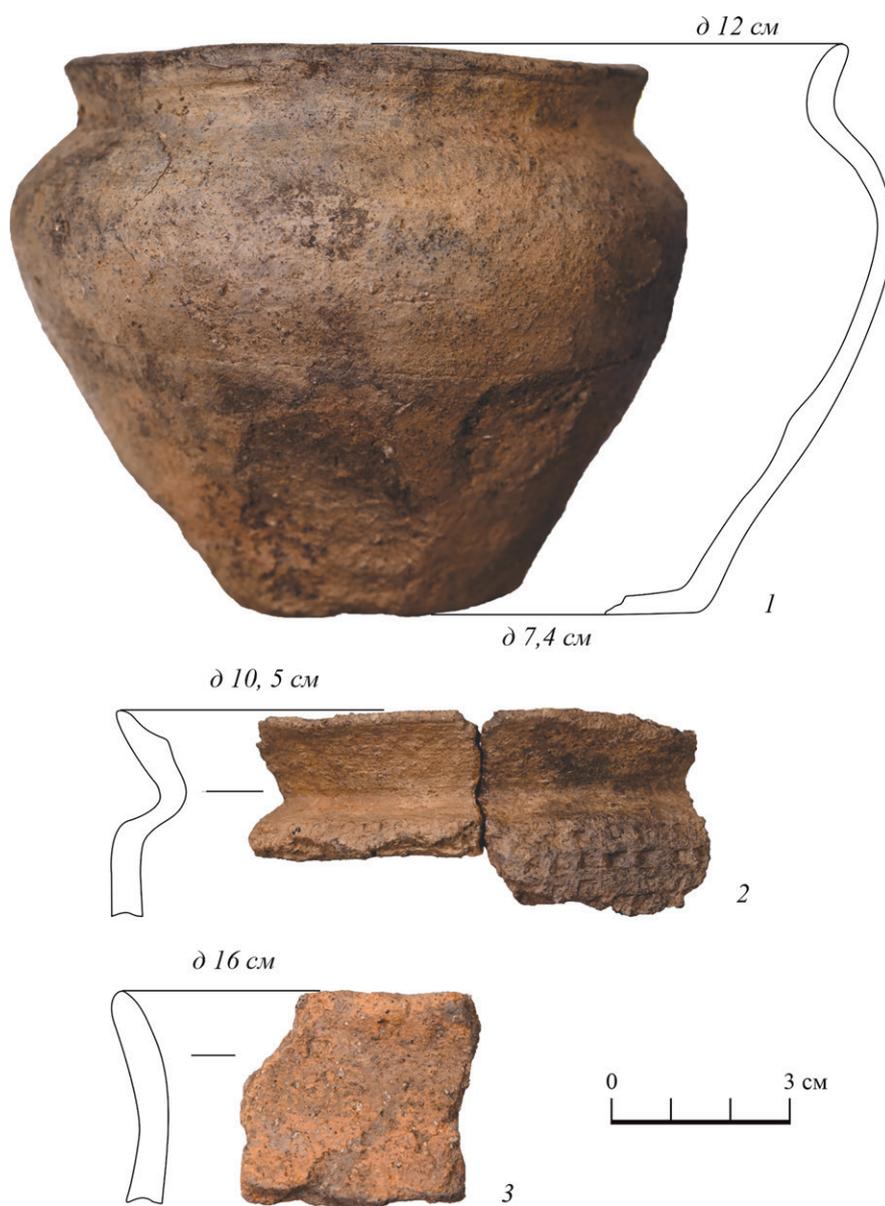

Рис. 11. Группа II. Красноглиняная керамика с примесью дресвы

и характерен для керамики Твери, датируемой серединой – второй половиной XII в. (Сафарова, Кунгурцева, 2019. Рис. 7; Хохлов, Иванова, 2016. С. 67–69. Рис. 21, 23);

– венчик, край которого скошен наружу с образованием ложбинки, с его внешней стороны заметное утолщение; этот тип венчика характерен для керамики Твери, датируемой в рамках середины – второй половины XII в. (Сафарова, Кунгурцева, 2019. С. 66–67. Рис. 7);

– венчики, изогнутые наружу, с черновым краем, завернутым внутрь и оформленным в виде валика (тип 8 по Ковалю); они широко встречаются в керамике подмосковных курганов, датируемой

XII – началом XIII в., а также характерны для керамики Твери второй половины XII – начала XIII в. (Коваль, 2014. С. 552–553; Сафарова, Кунгурцева, 2019. Рис. 7; Хохлов, Иванова, 2016. Рис. 21, 23);

– венчики, изогнутые в наружную сторону, черновой край которых заворачивался внутрь сосуда и деформировался в уплощенный валик, в результате чистовой край имел обычно подовальное сечение (тип 7 по Ковалю); они характерны для керамики Твери, датируемой второй половиной XII – началом XIII в. (Коваль, 2014. С. 552–553; Сафарова, Кунгурцева, 2019. Рис. 10);

– венчики, отогнутые наружу, край которых срезан наружу, характерны для керамики Твери,

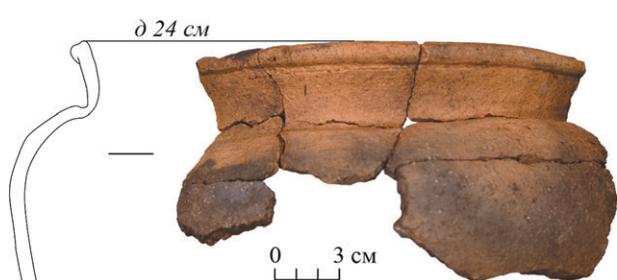

Рис. 12. Группа II. Красноглиняная керамика с примесью дресвы. Верхняя часть горшка

датируемой второй половиной XII – началом XIII в. (Сафарова, Кунгурцева, 2019. Рис. 18, 1);

– венчик, край которого скошен внутрь с образованием ложбинки, с внешней стороны отмечено заметное утолщение, характерен для керамики Твери, датируемой второй половиной XIII – XIV в. (Сафарова, Кунгурцева, 2019. Рис. 18, 3);

– венчик, черновой край которого завернут внутрь сосуда, а чистовому краю придана подтреугольная форма (тип 5 по Ковалю), типичен для керамики Твери, датируемой второй половиной XII – началом XIII в. (Сафарова, Кунгурцева, 2019. Рис. 12; Хохлов, Иванова, 2016. Рис 5, 42).

– венчик, изогнутый или отогнутый наружу без следов заворота чернового края, т.е. со скругленным, заостренным или срезанным чистовым краем, – тип 6 по В. Ю. Ковалю (2014. С. 552–553).

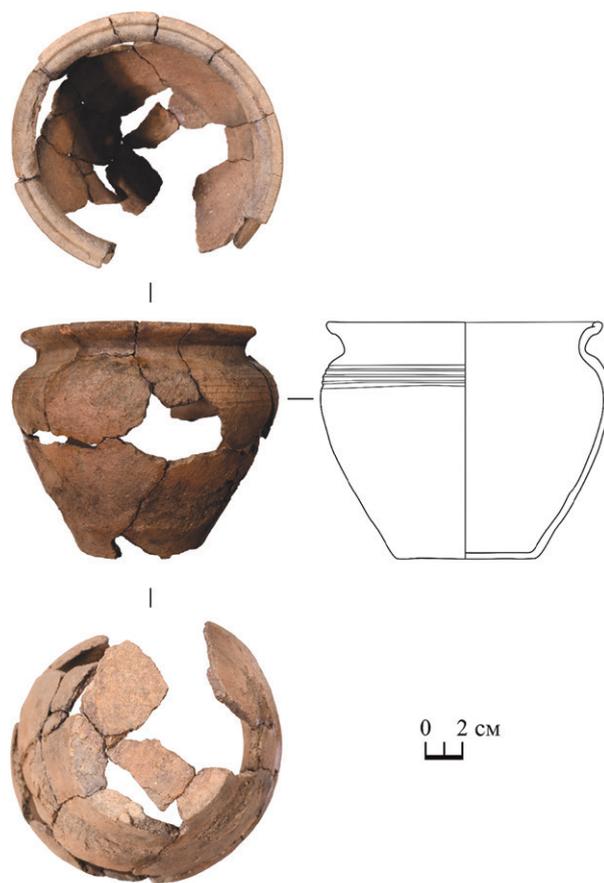

Рис. 13. Группа II. Красноглиняная керамика с примесью дресвы. Горшок, целая форма

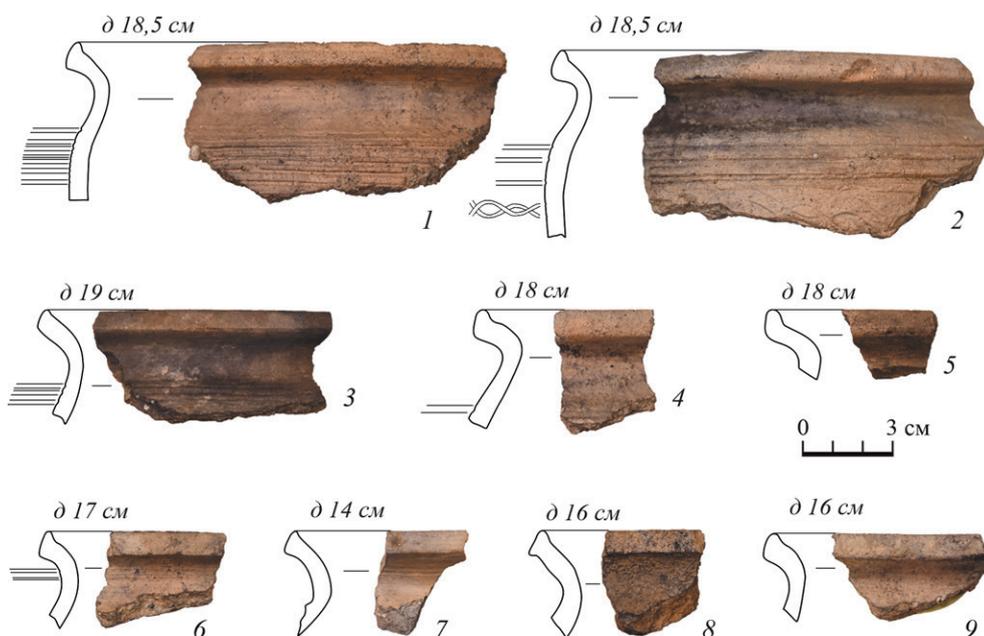

Рис. 14. Группа II. Красноглиняная керамика с примесью дресвы. Венчики горшков

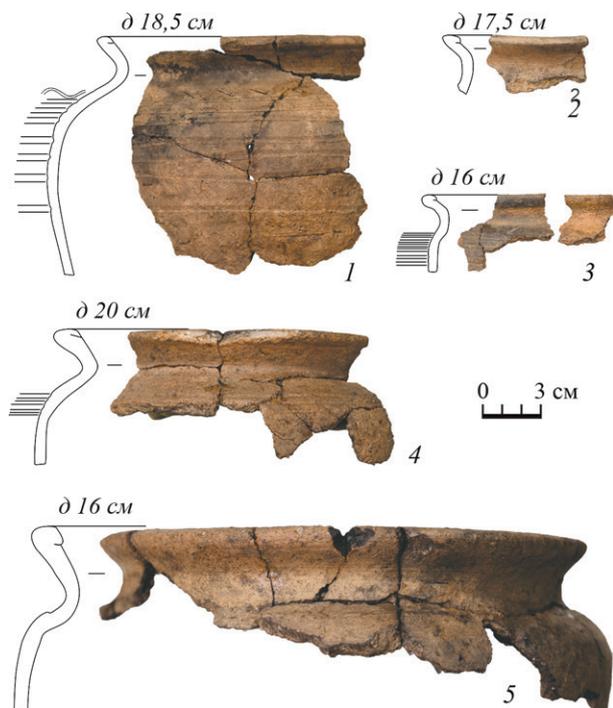

Рис. 15. Группа II. Красноглиняная керамика с примесью дресвы. Верхние части горшков

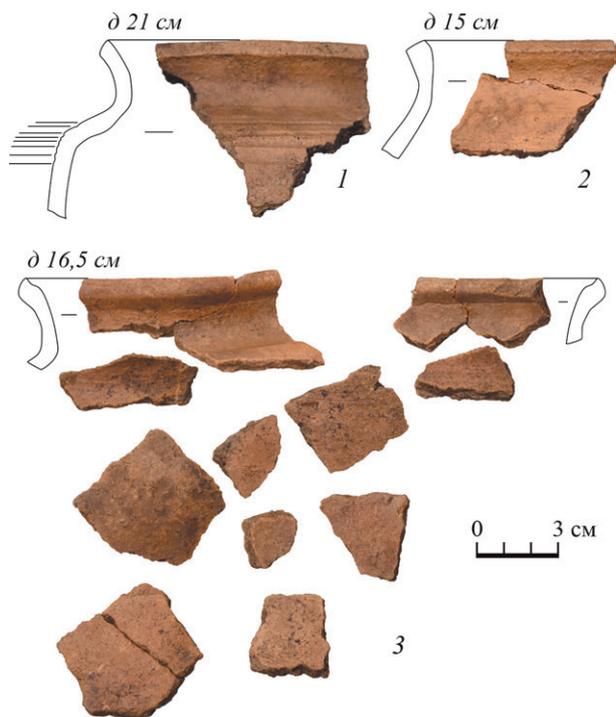

Рис. 16. Группа II. Красноглиняная керамика с примесью дресвы. Верхние части горшков

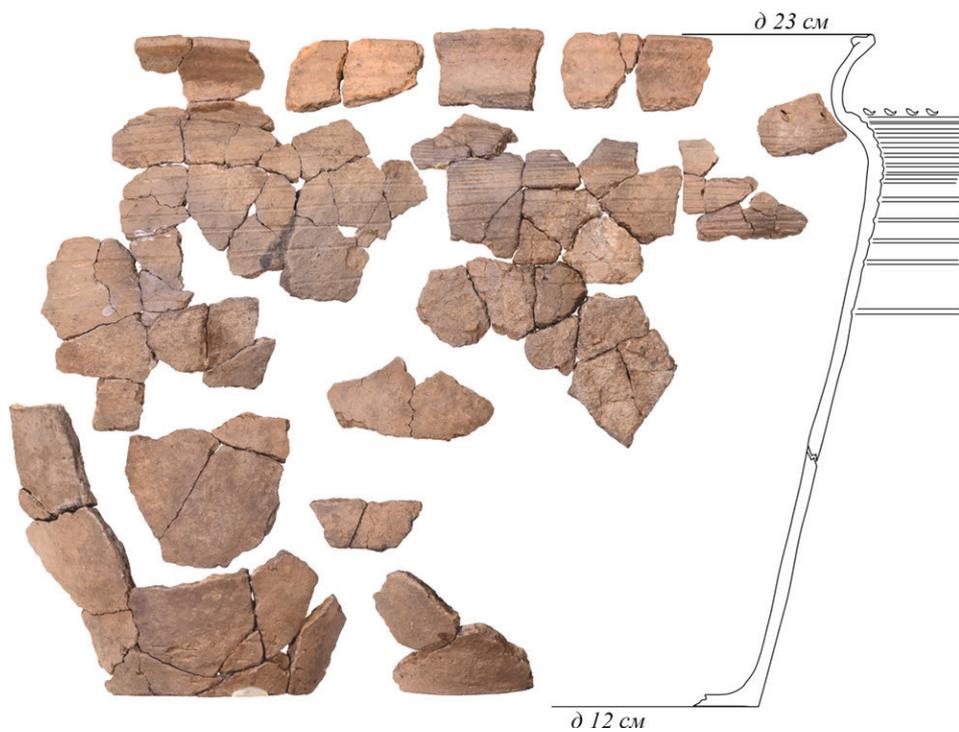

Рис. 17. Группа II. Красноглиняная керамика с примесью дресвы. Полный профиль горшка

Рис. 18. Группа II. Красноглиняная керамика с примесью песка и редкой примесью дресвы. Полный профиль горшка

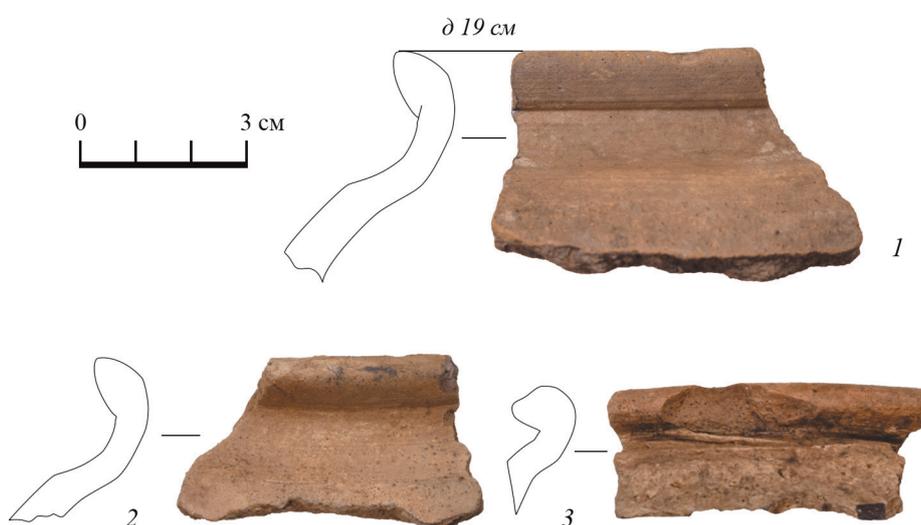

Рис. 19. Группа II. Красноглиняная керамика с примесью песка. Венчики горшков

На сосудах в основном фиксировалась разреженно-линейная и линейно-волнистая орнаментация. Керамика этой группы происходит из насыпей курганов, ровиков и засыпки некоторых могильных ям, отдельные фрагменты сосудов встречены в слое лесной почвы. Большая часть сосудов этой подгруппы (42 шт.) датируется второй половиной XII – началом XIII в., два сосуда датируются второй половиной XIII – XIV в. Общая датировка этой керамики – вторая половина XII – начало XIV в.

Подгруппа 2. Круговая керамика из красножгущихся глин неполного (трехслойного) окислительного обжига с примесью песка и дресвы. Найдены фрагменты не менее чем девяти сосудов (всего 184 обломка) (рис. 18).

Для данной группы керамики характерны венчики, слабо наклоненные внутрь сосуда, черновой

край которых заворачивался наружу и имел форму уплощенного валика – наиболее близок к типу 4 по В. Ю. Ковалю (2014. С. 552–553). Керамика этой группы имеет аналогии в материалах XVI в. из раскопов на территории г. Твери (*Дашкова (Сафарова), Иванова, Хохлов, 1996. Рис. 5, 26*). На площадке исследования эта группа керамики происходит из слоя лесной почвы и заполнения нескольких ям.

Подгруппа 3. Круговая керамика из красножгущихся глин неполного (трехслойного) окислительного обжига с примесью песка. Найдены фрагменты не менее чем трех сосудов (всего 26 обломков) (рис. 19). Представлены венчики, слабо наклоненные внутрь сосуда, устье которых оформлено в виде валика и слегка отогнуто наружу (*Коваль, 2014. С. 552–553*). В литературе, посвященной керамике Твери, представлено довольно большое

Рис. 20. Группа II. Белоглиняная керамика

1 – с примесью дресвы; горшок, полный профиль; 2–5 – с примесью песка и редкой примесью дресвы, венчики горшков

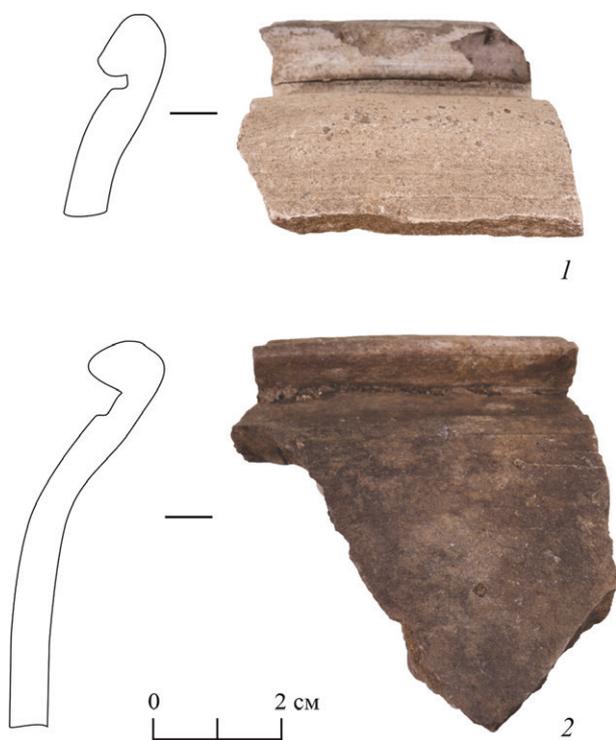

Рис. 21. Группа II. Белоглиняная керамика с примесью песка. Верхние части горшков

количество вариантов венчиков этого типа. Данный венчик – тип XIV (Латишин, 2009. С. 130–131. Рис. 198) или тип 10 по В.Ю. Ковалю (2014. С. 552–553) – характерен для керамики Твери. Там он появляется в начале XV в. и является господствующим типом в слоях XVIII в. (Латишин, 2009. С. 130–131. Рис. 198; Рыбакова, 2010. Рис. 5–26). Общая датировка этой керамики из раскопов на территории г. Твери относится ко второй половине XVI – началу XVIII в. Керамика этой группы происходит из слоя лесной почвы.

Подгруппа 4. Круговая керамика из беложгущейся глины неполного (трехслойного) окислительного обжига с примесью дресвы (плохо окатанного песка?). Найдены фрагменты не менее чем девяти сосудов (всего 30 обломков) (рис. 20, 1). Для данной группы керамики характерны изогнутые и отогнутые наружу венчики, черновой край которых завернут внутрь сосуда, а чистовому краю придана подтреугольная форма (тип 5a по В.Ю. Ковалю), что характерно для керамики Твери, датируемой второй половиной XII – началом XIII в. (Сафарова, Кунгурцева, 2019. Рис. 12; Хохлов, Иванова, 2016. Рис. 5, 42). На сосудах в основном фиксировалась линейная

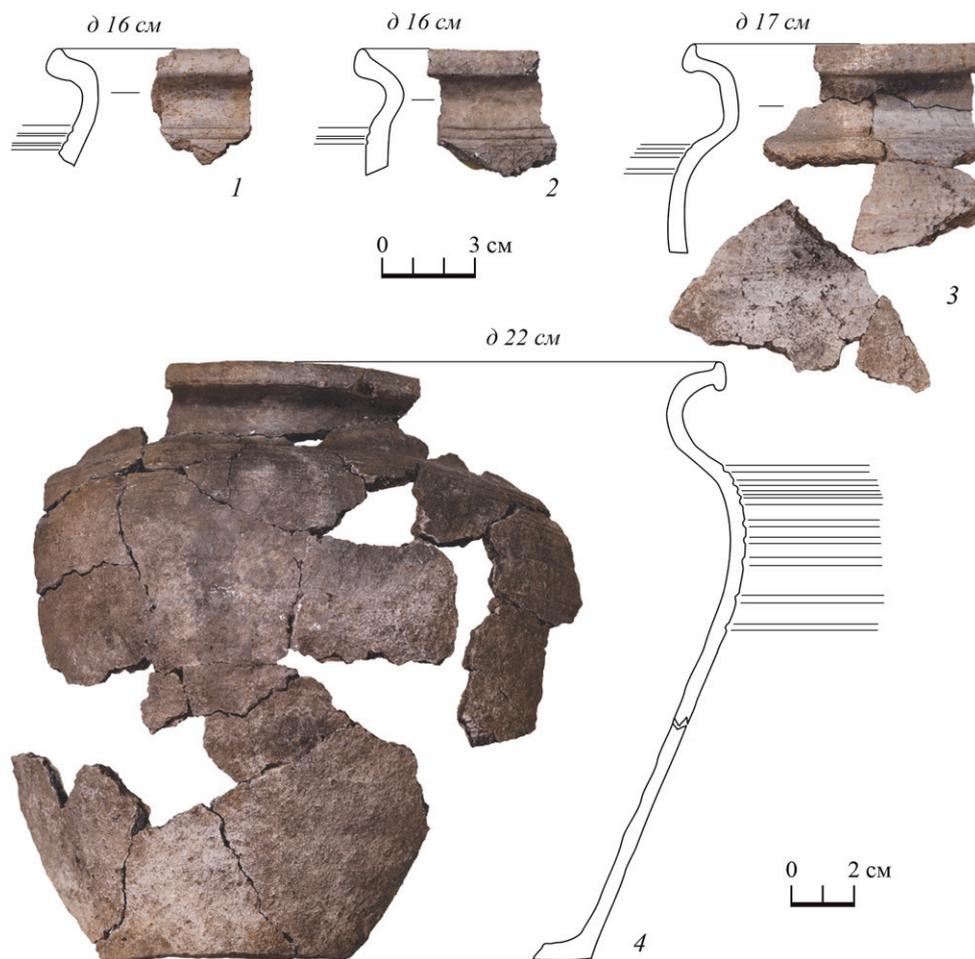

Рис. 22. Группа II. Визуально неопределимая (серая поверхность) керамика с примесью дровы

орнаментация. Керамика этой группы происходит из слоя лесной почвы, насыпей курганов и заполнения ровиков.

Подгруппа 5. Круговая керамика из беложгущейся глины неполного (трехслойного) окислительного обжига, с примесью некалиброванного песка (с наибольшим размером зерна – до 2 мм) и небольшой примесью дровы (плохо окатанного песка?). Найдены фрагменты не менее чем трех сосудов (всего 32 обломка) (рис. 20, 2–5). Для данной группы керамики характерны изогнутые и отогнутые наружу венчики, черновой край которых завернут внутрь сосуда, а чистовому краю придана подтреугольная форма (тип 5а по В.Ю. Ковалю) (12 шт.), что характерно для керамики Твери, датируемой второй половиной XII – началом XIII в. (Коваль, 2014. С. 552–553; Сафарова, Кунгурцева, 2019. Рис. 12; Хохлов, Иванова, 2016. Рис. 5, 42). На сосудах в основном фиксировалась линейная орнаментация. Керамика этой группы происходит из слоя лесной почвы, насыпей курганов и заполнения ровиков.

Керамика подгрупп 4 и 5, вероятнее всего, относится к одной керамической традиции и датируется в рамках второй половины XII – начала XIII в.

Подгруппа 6. Круговая керамика из беложгущейся глины неполного (трехслойного) окислительного обжига с примесью некалиброванного песка. Найдены фрагменты не менее чем двух сосудов (всего 5 обломков) (рис. 21). Венчики, слабо наклоненные внутрь сосуда, устье которых оформлено в виде валика и слегка отогнуто наружу (Коваль, 2014 С. 552–553). В литературе, посвященной керамике Твери, представлено довольно большое количество вариантов венчиков этого типа – тип XIV (Лапшин, 2009. С. 130–131. Рис. 198; Рыбакова, 2010. Рис. 5–26), тип 10 по В.Ю. Ковалю (2014 С. 552–553), появляется в Твери в начале XV в. и является господствующим типом в слоях XVIII в. (Лапшин, 2009. С. 130, 131. Рис. 198; Рыбакова, 2010. Рис. 5–26). Керамика данной группы происходит из слоя лесной почвы. Ее общая датировка относится ко второй половине XVI – началу XVIII в.

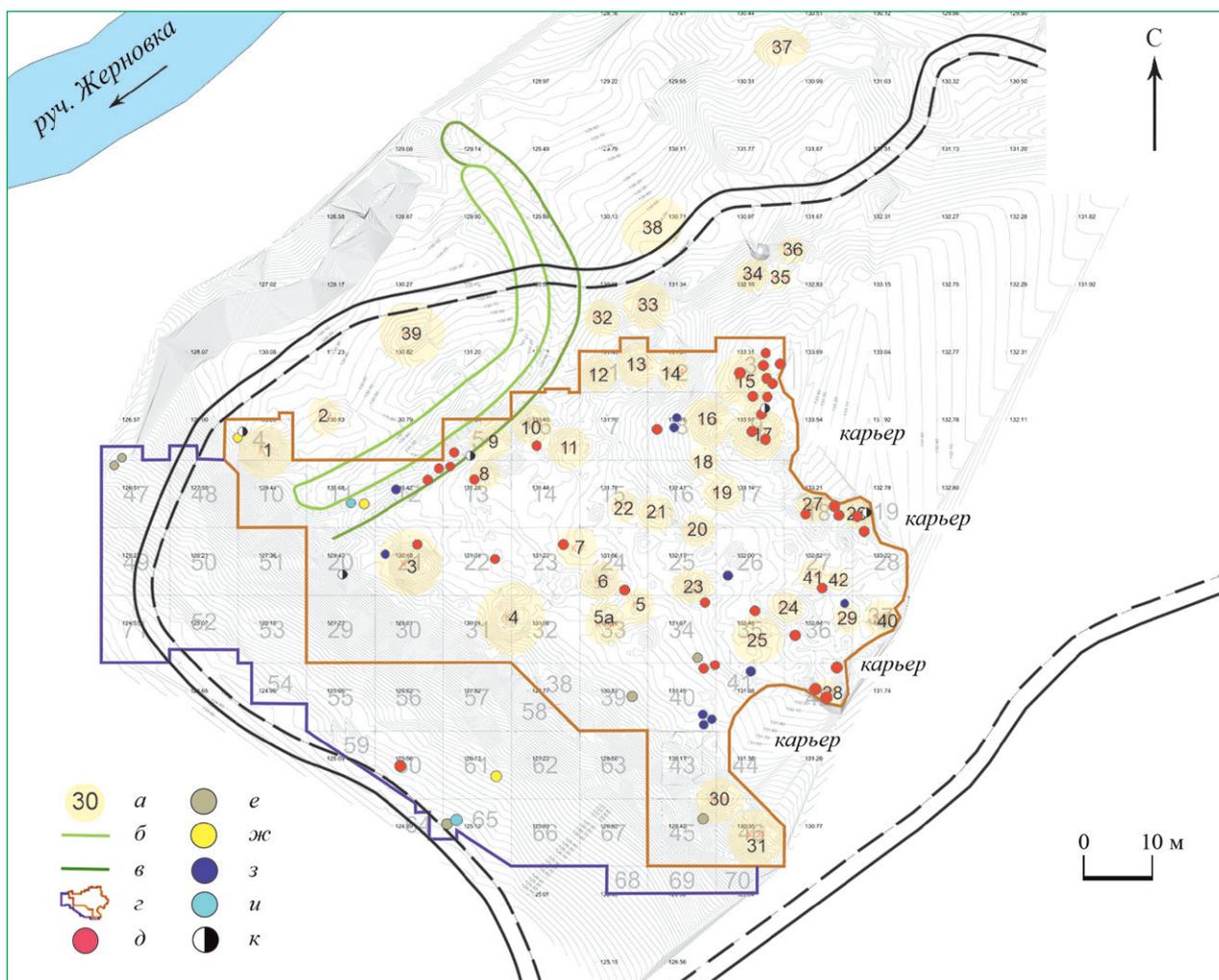

Рис. 23. Распределение круговой керамики с территории раскопов 2022 г.

a – курганы; *б* – вал эпохи РЖВ; *в* – ров эпохи РЖВ; *г* – границы раскопов 2022 г, *д* – керамика из красножгущихся глин с примесью дровы; *е* – керамика из красножгущихся глин с примесью песка и редкой примесью дровы; *ж* – керамика из красножгущихся глин и керамика с примесью песка; *з* – керамика из беложгущихся глин с примесью дровы и керамика из беложгущихся глин с примесью дровы и песка; *и* – керамика из беложгущихся глин с примесью песка; *и* – визуально неопределимая (серая поверхность) керамика с примесью дровы; *к* – поливная керамика

Подгруппа 7. Круговая керамика с поверхностью серого цвета, неполного (трехслойного) окислительного обжига с примесью дровы (с максимальным размером зерна до 2–3 мм). Найдены фрагменты не менее чем четырех сосудов (всего 85 обломков) (рис. 22). Для данной группы керамики с площадки исследования отмечены два типа венчиков:

– венчики, изогнутые в наружную сторону, с черновым краем, завернутым внутрь и оформленным в виде валика (тип 8 по В.Ю. Ковалю), хорошо известны в керамике подмосковных курганов, датируемой XII – началом XIII в. (Коваль, 2014. С. 552–553), в Твери они датируются второй половиной XII – началом XIII в. (Сафарова,

Кунгурцева, 2019. Рис. 7; Хохлов, Иванова, 2016. Рис. 21, 23);

– венчики, изогнутые в наружную сторону, так называемого секировидного сечения характерны для керамики Твери, датируемой второй половиной XII – началом XIII в. (Сафарова, Кунгурцева, 2019. Рис. 11; Хохлов, Иванова, 2016. Рис. 24).

На сосудах в основном фиксировалась линейная орнаментация. Керамика этой группы происходит из слоя лесной почвы, насыпей курганов и заполнения ровиков. Общая датировка этой керамики: вторая половина XII – начало XIII в.

Подгруппа 8 объединяет находки поливной посуды, изготовленной из ожелезненных и нежелезненных глин путем окислительного обжига

(2 сосуда). Полива прозрачная или зеленоватая, широко распространенная в XIX–XX вв.

В результате анализа керамического материала группы объектов археологического наследия у д. Новенькое в Тверской области уточнены датировки отдельных памятников, расположенных на этой территории. Керамический материал наиболее полно отражает различные этапы существования и функционирования участка исследований. Как показали находки кремневых орудий и их анализ, первые люди появляются здесь еще в эпоху мезолита (Бадеев и др., 2024. С. 57). Небольшое количество материала, в том числе керамического, относится к периодам неолита и поздней бронзы, что дает возможность предполагать кратковременное пребывание здесь людей в обозначенное время. Каких-либо объектов или слов данных эпох на исследованной территории не зафиксировано. В пределах I тыс. до н.э. возникает поселение, выделенное валом и рвом. Керамический материал позволяет соотнести его

с дьяковской культурой. К XII–XIII в. на основании керамического материала, а также индивидуальных находок можно отнести существование курганно-грунтового могильника, а в северо-восточной части площадки исследования и синхронного ему поселения. На локализацию западной периферии селища именно в этой части комплекса объектов археологического наследия указывает концентрация соответствующего керамического материала (рис. 23) и индивидуальных находок, а также наличие здесь сыродутного металлургического горна¹. Незначительное хозяйственное использование данной территории, судя по монетному материалу, обувным подковкам и фрагментам керамических сосудов, происходило и на протяжении XVI–XIX вв.

Статья подготовлена в рамках госзадания Института археологии РАН по теме «Сохранение археологического наследия: методические аспекты и материалы полевых исследований 2010–2020 гг.» (№ НИОКТР 122011200265-6).

Литература

- Бадеев Д. Ю., Гаврилов К. Н., Еськова Д. К., Фатеев А. М., Юнкин Ж. А., 2024. Охранно-спасательные работы 2022 года на комплексе объектов археологического наследия у деревни Новенькое в Тверской области // АП. Вып. 20. М.: ИА РАН. С. 51–63.
- Дашкова (Сафарова) И. А., Иванова А. Б., Хохлов А. Н., 1996. О некоторых комплексах конца XIV–XV в. из раскопа у церкви Св. Кaterины в Твери // ТТЗ. Вып. 1. С. 189–198.
- Коваль В. Ю., 2014. Первичная статистическая фиксация массового керамического материала на памятниках эпохи Средневековья (X–XVII века) и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы. Методические рекомендации // АП. Вып. 10. М.: ИА РАН. С. 489–571.
- Кренке Н. А., 2019. Древности бассейна Москвы-реки от неолита до Средневековья: этапы культурного развития, формирование производящей экономики и антропогенного ландшафта. М., Смоленск: ИА РАН. 392 с.
- Лапшин В. А., 2009. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.: СПбГУ. 533 с.
- Малыгин П. Д., 1991. Типология и хронология новоторжской керамики XI–XIV вв. // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М.: б. и. С. 198–216.
- Рыбакова О. Е., 2010. Керамический комплекс из постройки XVI в. на юго-восточной окраине Загородского посада г. Твери // ТТЗ. Вып. 6. С. 55–90.
- Сафарова И. А., Кунгурцева С. А., 2019. Стекланные изделия и керамическая посуда из комплексов второй половины XII – начала XIV в. (по материалам раскопа 22 в Тверском кремле) // ТТЗ. Вып. 12. С. 63–99.
- Хохлов А. Н., Иванова А. Б., 2016. Исследования мысовой части Тверского кремля в 2013 г. Раскоп № 23: застройка, стратиграфия, хронология // ТТЗ. Вып. 9. С. 17–86.
- Чернов С. З., 1991. К хронологии московской керамики XIII – середины XV в. // МК. М.: ИА АН СССР. С. 20–32.

¹ См. публикацию Д. Ю. Бадеева в настоящем сборнике.

A. M. Fat'kov, D. Yu. Badeev

A ceramic complex from the territory of a group of archaeological heritage sites near the village of Noven'koe in the Tver region

Summary

The analysis of pottery (1023 fragments) from the territory of the complex of archaeological sites near the village of Noven'koe (Tver region) is presented. Two groups of ceramics are distinguished: hand-made pottery and pottery made on a potter's wheel. The first group of ceramics includes a small number of potteries from the Neolithic and the Late Bronze Age. Most of the hand-made pottery is represented by fragments of

vessels of The Dyakovo culture of the Early Iron Age. These potteries are concentrated near the hillfort and the edge of the floodplain terrace. Among the group of pottery made on the potter's wheel, vessels predominate, dating back to the 12th–13th c. Its maximum concentration was recorded in the northeastern part of the excavation, at the site of the western periphery of the medieval settlement.

Г. А. Шебанин*, А. В. Шеков**

* ЦАИ «Куликово поле», г. Подольск (Московская обл.)

** Государственный музей-заповедник «Куликово поле», г. Тула

Керамические комплексы XIV–XV веков с поселения Сосенки 1 на территории современной Москвы: проблемы изучения

Селище Сосенки 1 обнаружено в 2011 г. в ходе разведочных работ по трассе проектируемой автомобильной дороги от Калужского шоссе до аэропорта Остафьево (Гоняный, 2011). Памятник находится на правом берегу р. Малой Сосенки (левый приток р. Сосенки – левый приток р. Десны – левый приток р. Пахры – правый приток р. Москвы) юго-восточнее с. Сосенки Новомосковского административного округа г. Москвы (рис. 1). Селище расположено примерно в 23 км к юго-западу от Московского Кремля.

Соседнее селище – Сосенки 2 на левом берегу р. Малой Сосенки С.З. Чернов соотнес с местом с. Соснинское, принадлежавшего к началу XVI в. московскому Симонову монастырю (АФЗиХ, 1983. № 2. С. 8; № 15. С. 22–23; Чернов, 2005. С. 35, 343, 607). Согласно акту 1519/20 г. с землей монастырского с. Соснинское граничила «численная» земля частновладельческих деревень Овсянникова и Терентевская, где проживали крестьяне-«ордынцы» и крестьяне-«числеки» (АФЗиХ, 1983. № 15. С. 22–23; Чернов, 2005. С. 35, 343). Предки первых были незнатными военно-служилыми людьми, близкими к сословию крестьян, вероятно, участвовавшими в доставке московской дани в Орду и в охране ордынских послов (Любавский, 1892. С. 355; 1915. Приложения. № 4 (по 2-й нумерации). С. 378; Черепнин, 1960. С. 351–352; Кучкин, 1998. С. 50; Чернов, 2005. С. 349; Горский, 2018). Предки последних включены в ордынскую перепись второй половины XIII в., с «числа» которых уплачивалась дань в Орду (Насонов, 2002. С. 223–226; Че-

репнин, 1960. С. 352–355; Капитанов, 1982. С. 179; Кучкин, 1998. С. 53; Чернов, 2005. С. 30, 349).

В связи с планируемым проведением на территории селища Сосенки 1 строительных работ часть памятника в 2019 г. исследована археологическими раскопками (рис. 1). Площадь раскопов 1–4 составила 23 128 кв. м. Объекты (ямы) конца XIII – первой половины XVIII в. выявлены только на участке раскопа 2 (10 228 кв. м), на остальных раскопах – более поздние, второй половины XVIII – 30-х годов XX в. (Ковалевский, 2023). Работы на раскопе 2, где изучены 856 объектов конца XIII – XIX в., велись по открытому листу и под руководством Д. Б. Соловьева¹.

Статья посвящена проблеме датировки ранних керамических комплексов – XIV–XV вв., найденных в заполнениях ям раскопа 2, как правило, не содержащих индивидуальных находок со сравнительно узкими датировками. Предметы и их фрагменты указанного времени найдены в пахотном слое раскопа и заполнениях более поздних ям. Среди находок три монеты: русское большое медное пуло плохой сохранности конца XIV – XV в. (№ 368; 0,55 г; пл. 1 об. 243); серебряная чешуйка XV в. (№ 58; 0,34 г с утратой; пахотный слой); серебряная «московка» великого князя Ивана III 1470–1480-х годов (№ 688; 0,31 г с утратой; заполнение оврага). Еще два медных пула датируются в пределах 1480–1520-х годов (№ 220, 235; 0,46 г; 0,30 г; отвал)².

К наиболее ранним находкам из раскопа 2 следует отнести ключи, целые и фрагменты, и обломки цилиндрических замков типа В (вторая полови-

¹ Авторы статьи выражают благодарность Д. Б. Соловьеву за возможность использовать материалы его научного отчета об исследованиях 2019 г.

² Авторы статьи выражают благодарность Ив. В. Волкову за определение монет. В скобках указаны номера по коллекционной описи.

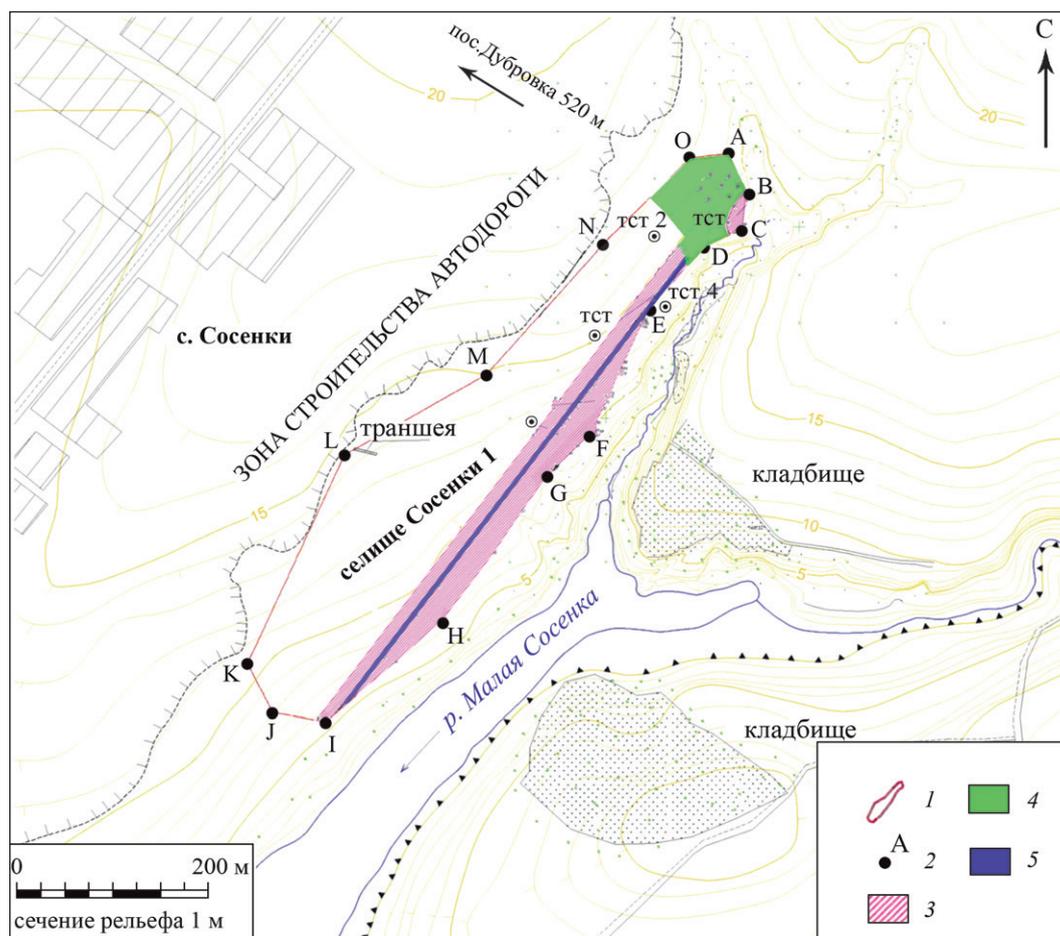

Рис. 1. Топографический план поселения Сосенки 1

1 – граница селища; 2 – поворотная точка на границе селища; 3 – участки селища, где проводились археологические исследования; 4 – участок селища с культурным слоем, уничтоженным до начала археологических исследований; 5 – культурный слой селища, сохранившийся под полотном автодороги

на XII – начало XV в.; рис. 2, 1, 2, б), фрагменты бронзовых пластинчатых браслетов (XII–XIII, XIII–XIV вв.; рис. 2, 8, 9), нательный крест из цветного металла с шаровидными концами с ушками (XII–XIII вв.; рис. 3, 4), обломок нательного креста из цветного металла с уплощенно-шаровидными концами (рис. 3, 11) XIII–XIV вв. (Древняя Русь, 1997. С. 15; Седова, 1981. С. 54, 103, 113. Рис. 16, 14; 39, 41; Персов, Сарачева, Солдатенкова, 2011. С. 158–159. Рис. 4, 7). Ряд нательных крестов из цветного металла датируются XIV–XV вв. (рис. 3, 1–3, 6–9), фрагмент креста – концом XV – первой половиной XVI в. (рис. 3, 10) (Седова, 1981. С. 55. Рис. 16, 21; Гриценко, Пуцко, 2000. С. 219–220. № 10, 19; Шполянская, 2008. С. 267, 268. Рис. 1, 2; 2014. С. 260, 261. Рис. 1, 5; 2, 3; Персов, Сарачева, Солдатенкова, 2009. С. 270). Обломки бронзовых креста с Распятием (рис. 3, 5) и энколпиона (рис. 3, 10)

могут датироваться как древнерусским, так и более поздним временем (Седова, 1981. С. 55–59. Рис. 19, 4, 5; Андреев, 2018. С. 222. Рис. 11, 2).

Также на раскопе 2 обнаружены фрагмент бронзового перстня с изображением солярного знака на круглом щитке (конец XIV – начало XV в.; рис. 3, 5), железный наконечник стрелы типа 43 (по А.Ф. Медведеву, IX – середина XIII в.; рис. 3, 7), обломки железных шпор, в том числе зубчатого колесика (рис. 3, 11, 12), XIV–XV вв. (Древняя Русь, 1997. С. 78, 217. Табл. 59, 37; 120, 6; Медведев, 1966. С. 66–67; Киртичников, 1976. С. 48–50. Табл. XX, XXI; Ульянова, 2008. С. 206; Курмановский, 2022. С. 167–168. Рис. 117, 3). В пласте 2 объекта (ямы) 289 раскопа 2 найдена бронзовая накладка на кожаное изделие (рис. 3, 4). Обломки керамики из нижних пластов – 2 и 3 (23 экз.) – объекта 289 относятся к красноглиняной посуде конца XIV – XV в. Аналогичный бронзовый предмет

Рис. 2. Индивидуальные находки. Поселение Сосенки 1. Раскоп 2

1 – № 469, отвал; 2 – № 283, отвал; 3 – № 75, отвал; 4 – № 275, объект 289, пласт 2; 5 – № 434, отвал; 6 – № 66, отвал; 7 – № 65, отвал; 8 – 84, отвал; 9 – № 57, отвал; 10 – № 62, основание пахотного слоя; 11 – № 697, овраг, слой 1; 12 – № 669, овраг, слой 1. 1, 2, 6, 7, 11, 12 – железо; 3–5, 8–10 – цветной металл

(различие – в отсутствии отверстий на ушках) найден в заполнении ямы второй половины XV – первой трети XVI в. на поселении при погосте у с. Рождественно в Подмосковье (Богомолов и др., 2012. С. 369, 371. Табл. 3. Яма 16. Рис. 1, 9). Еще одна такая накладка с утратами обнаружена на этом же поселении в яме № 3 с незначительным керамическим материалом (Богомолов и др., 2012. С. 366, 375, 380. Рис. 1, 12; 8; Богомолов и др., 2016. С. 173. Рис. 4, 9; Гоняный и др., 2018. С. 352. Рис. 2). В отвале раскопа 2 на поселении Сосенки 1 найдена еще одна такая накладка с утратами, также имевшая отверстия на ушках (рис. 2, 3).

В раскопе 2 найдены и другие предметы либо их фрагменты, очевидно, относящиеся к XIII–XV вв.: обломок перстня (?) из светло-синего стекла

(№ 809), бронзовые перстни с шестиугольным, круглыми и овальными щитками (№ 813, 839, 875, 935, 979, 1114), металлические предметы ременной гарнитуры (№ 3, 15, 52, 116, 342, 386, 428, 446, 511, 938, 1082, 1103), свинцовая товарная пломба с буквами «Т» и «Д» на обеих сторонах (№ 460). Однако анализ и публикация этих вещей не входят в задачи нашей статьи. Важно отметить, что в ходе исследования на селище Сосенки 1 не найдены женские украшения XII–XIII вв. (кроме фрагментов пластинчатых браслетов), характерные для древнерусских курганов Подмосковья (Арциховский, 1930. С. 9–88; Левашева, 1967. С. 27–37; Равдина, 1968).

Наиболее представительным и хронологически хорошо определяемым является керамический

Рис. 3. Нательные кресты из цветного металла

(здесь и далее даны номера по коллекционной описи). Поселение Сосенки 1. Раскоп 2

1 – № 334, основание пахотного слоя; 2 – № 100, объект 63; 3 – № 12, отвал; 4 – № 20, отвал; 5 – № 522, пахотный слой; 6 – № 236, отвал; 7 – № 216, отвал; 8 – № 690, овраг, слой 5; 9 – № 145, основание пахотного слоя; 10 – № 476, отвал; 11 – № 99, основание пахотного слоя

комплекс XV в. из объекта 19 раскопа 2. Этот объект – яма от погребца, которая в плане имела четырехугольную форму (4,3×4,6 м) и была заглублена в материк на 1,6 м. Заполнение ямы было сложено темно-серым гумусированным и переотложенным ярко-бурым суглинками (рис. 4). В заполнении найдены 1632 фрагмента круговой керамической посуды (табл. 1).

Приведем подробные характеристики керамики из нижнего пласта 8 этого объекта, где было собрано 1000 обломков круговой посуды, изготовленной, очевидно полностью, из ожелезненной глины. Среди них 70 фрагментов венчиков принадлежали 27 круговым красноглиняным сосудам, изготовленным из формовочных масс с присутствием в них

песка и дресвы: 7 (4)³ фрагментов – типа 3/4Г (диаметры 16, 20, 20, 23 см; рис. 5, 4; 6, 10); один – 6/1Б (рис. 6, 13); 3 (1) – 6/2 (рис. 5, 1); один – 13/1 (диаметр 15 см); 4 (2) – 13/3В (рис. 7, 2, 6); 7 (3) – 13/6 (рис. 7, 5; 8, 2; 9, 21); 3 (2) – 21/2 (рис. 5, 2; 6, 8); 5 (1) – 21/4 (рис. 5, 3); 6 (1) – 22/1Б-В (рис. 6, 9); один – 22/2 (рис. 7, 1); 9 (2) фрагментов – 23/1 (рис. 9, 2) с линейным орнаментом по почти горизонтальным плечикам, характерным для красноглиняных гладких горшков конца XV – XVI в. (Коваль, 2016а. С. 450); 2 (1) фрагмента – 23/1Б (рис. 9, 3); 12 (2) – 23/1Г (рис. 5, 1; 9, 4); один мелкий фрагмент – 23/3 (рис. 7, 3); 5 (1) – 23/4 (рис. 8, 2); один – 23/4В (диаметр 26 см, с линейным орнаментом по пологому плечу);

³ Здесь и далее в скобках указывается минимально возможное число целых сосудов, которым принадлежали эти венчики.

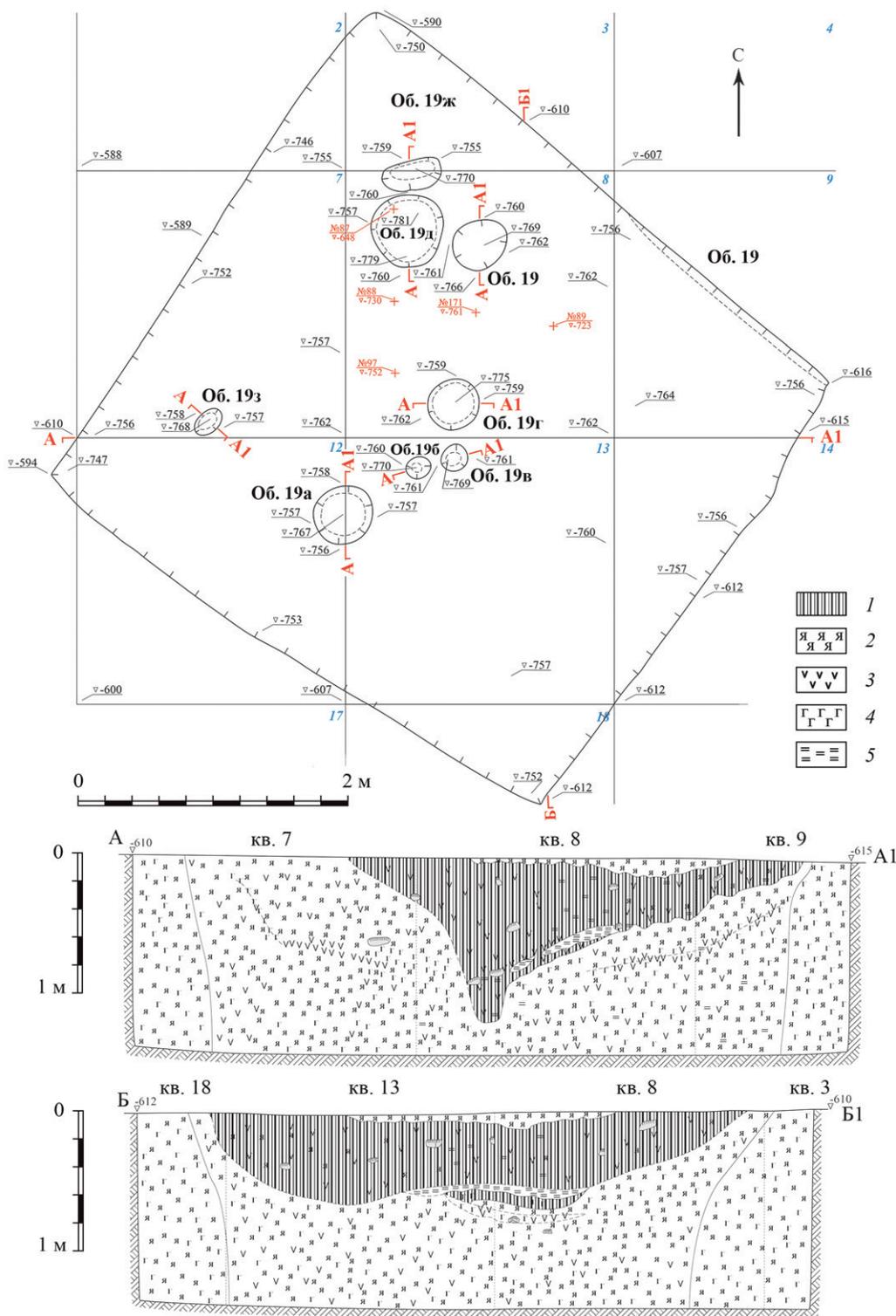

Рис. 4. Поселение Сосенки 1. Раскоп 2. Объект 19

1 – темно-серый гумусированный суглинок; 2 – ярко-бурый суглинок; 3 – древесный уголь; 4 – гумус; 5 – обожженная глина; № 87 – фр-т железного ножа; № 88 – фр-т железного изделия; № 89 – камень для растирки; № 97 – железный крюк; № 171 – фр-т ключа (?)

Таблица 1. Основные группы фрагментов посуды в заполнении ямы объекта 19.

Пласты	Красноглиняная и серо-черного цвета с песком и дресвой	Красноглиняная и серо-черного цвета с песком		Всего в пласте
		без лощения	краснолощенная	
1	11	21	8	34
2	20	43	4	65
3	34 (35%)	63 (65%)	14 (14%)	97
4	58 (39%)	91 (61%)	7 (5%)	149
5	107 (40%)	161 (60%)	7 (2,6%)	268
8	432 (43%)	568 (57%)	60 (6%)	1000
Пазухи	8	13	–	21

один – 25/2В (рис. 6, 11); один фрагмент – 28/1 (рис. 6, 12).

Возможно, к керамике курганного типа XIII в. следует отнести указанные фрагменты венчиков 6/1Б, 6/2 (Чернов, 2005. С. 111–112; Коваль, 2016б. С. 102). Однако такие типы венчиков хорошо представлены среди фрагментов горшков конца XIV – первой половины XV в. из раскопок селища Городок 1 (Андреев, 2011. С. 253. Рис. 5; 6; 8; 11, 1; 15; 24). Подобные венчики известны и среди

красноглиняной грубой посуды второй четверти XV в. селища Дунино 6 (Чернов, 2017. С. 336, 337, 342. Рис. 17Б, 18А), аналогичной посуды первой трети XV в. селища Верхние Кукарки (Чернов, 2020. С. 247. Рис. 22А).

К курганной (Д 3) либо серой (С 3) посуде XIII–XIV вв. следует отнести отмеченный фрагмент венчика типа 25/2В (Чернов, 2005. С. 111–113). Остальные названные фрагменты венчиков морфологически соответствуют московской красноглиняной грубой и гладкой посуде XV в., включая венчики с характерными для конца XV – XVI в. плечиками, поднятыми выше основания шейки (Чернов, 2005. С. 111, 115; Коваль, 2016а. С. 450, 452–453; Чернов, 2020. С. 231, 239, 243. Рис. 20, 21). Характерно, что почти все фрагменты венчиков, датируемые XV в., прежде всего с сильно профилированными плечиками, содержали редкие включения дресвы. По В.Ю. Ковалю, керамика, изготовленная из таких формовочных масс (тип 3), была максимально распространена в XV в., особенно в первой половине этого столетия (Коваль, 2016а. С. 445).

Среди 37 (16) донцев красноглиняных сосудов с песком и дресвой в формовочных массах: 31 (13) – со следами подсыпок песка и дресвы (диаметры – 6–9 см, 11 см, 14 см, углы отгиба стенок от линии дна – 117°, 122–129°); 3 (1) – со следами подсыпки песка (диаметр – 9 см, угол отгиба – 119°); 2 (1) – с закраиной, без следов подсыпки (диаметр – 8 см, угол отгиба – 126°); один с утратой поверхности (диаметр – 11 см, угол отгиба – 135°).

В пласте 8 также найдены 20 венчиков от 11 круговых красноглиняных сосудов с песком в формовочных массах. Из них 2 (1) – типа 3/3Б (диаметр – 17 см, с почти горизонтальным плечиком); 1 – 3/3Г (рис. 6, 3); 1 – 3/4В (рис. 6, 1); 1 – 3/4Г (рис. 6, 2); 3 (1) – 13/3В (рис. 6, 6); 9 (3) – 23/1 (диаметры: 19 см – с линейным орнаментом ниже ребра почти горизонтального плечика;

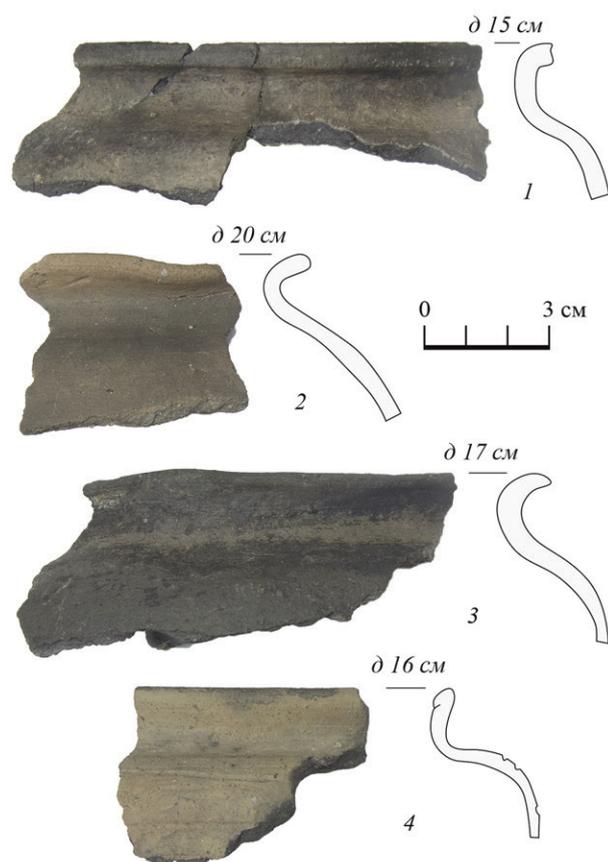

Рис. 5. Фрагменты круговой красноглиняной посуды с песком и дресвой в тесте. Поселение Сосенки 1. Раскоп 2. Объект 19, пл. 8

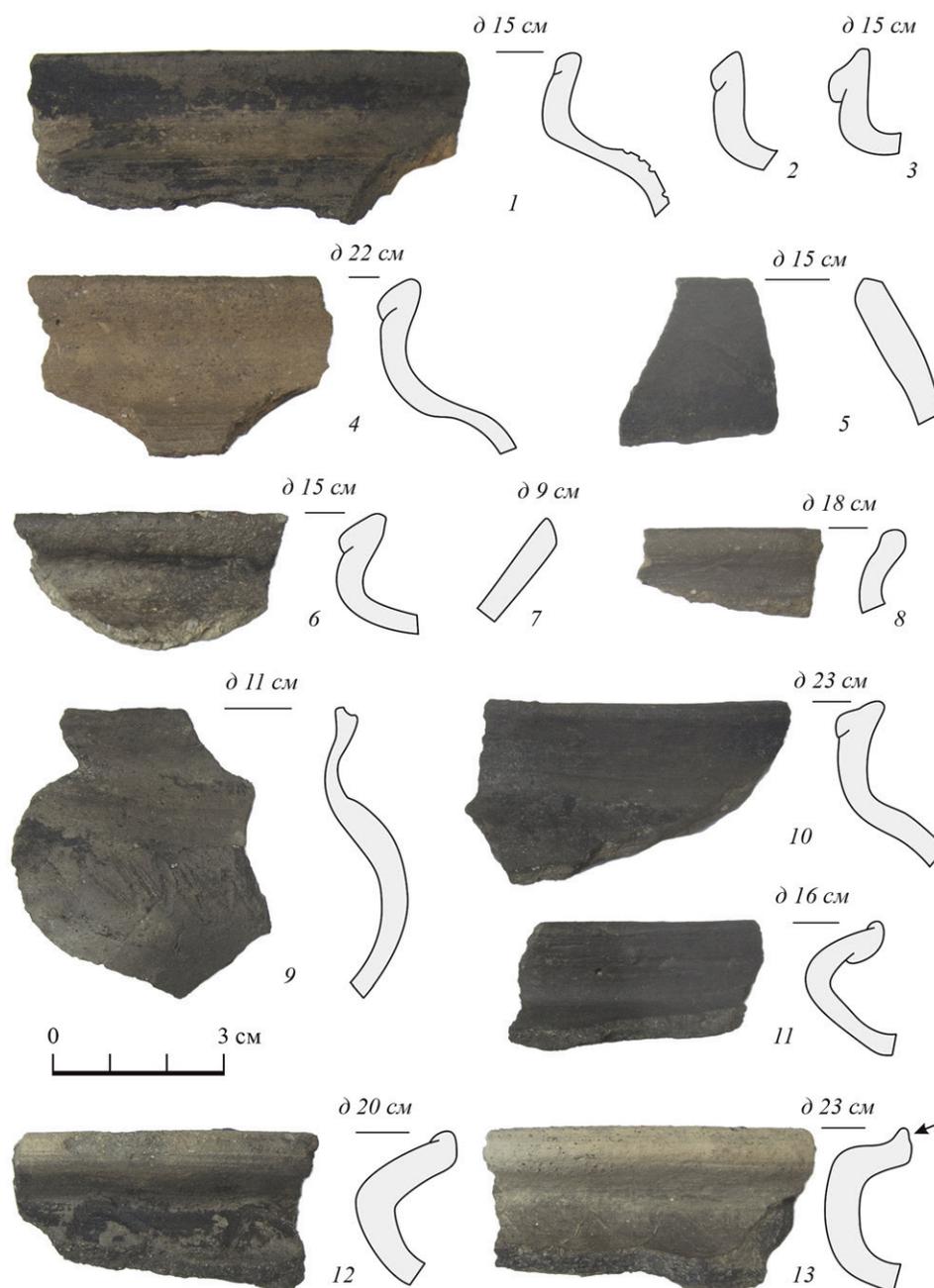

Рис. 6. Фрагменты круговой красноглиняной посуды с примесями в тесте.
Поселение Сосенки 1. Раскоп 2. Объект 19, пл. 8.
1–7 – с песком; 8–13 – с песком и дресвой

19 см – с линейным орнаментом по пологому плечу; 22 см); 1 – 28/5 (диаметр – 18 см); два фрагмента мискообразных сосудов с простыми округлыми венчиками (рис. 6, 5, 7).

Венчик типа 28/5 морфологически характерен для курганной посуды XIII в. (Чернов, 2005. С. 111–112), но горшки с такими венчиками известны и среди посуды конца XIV – первой половины XV в. с селища Городок 1 (Андреев, 2011.

С. 253. Рис. 15, 2; 20, 1; 24, 6). Остальные венчики горшков с песком в формовочных массах, очевидно, следует отнести к красноглиняной гладкой посуде второй четверти – второй половины XV в. (Бойцов, 1991. С. 36–38; Чернов, 2005. С. 111, 115; 2017. С. 336, 340–342).

Среди 24 (7) донцов от красноглиняных сосудов с песком в формовочных массах 13 (4) – со следами подсыпок песка и дресвы (диаметры – 7–9 см,

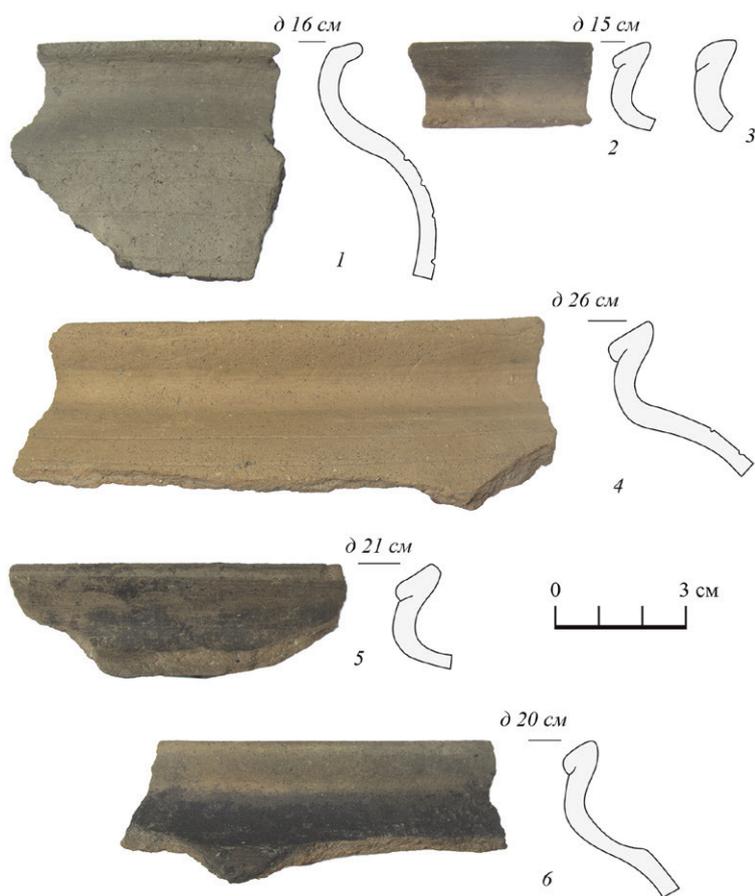

Рис. 7. Фрагменты круговой красноглиняной посуды с песком и дрезвой.
Поселение Сосенки 1. Раскоп 2. Объект 19, пл. 8

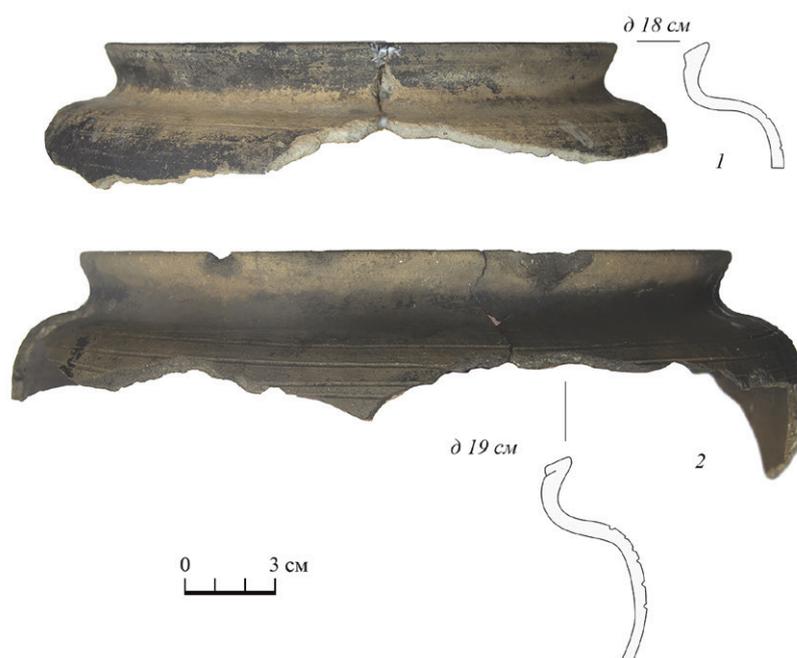

Рис. 8. Фрагменты круговой красноглиняной посуды с песком и редкими включениями дрезвы в тесте.
Поселение Сосенки 1. Раскоп 2. Объект 19, пл. 8

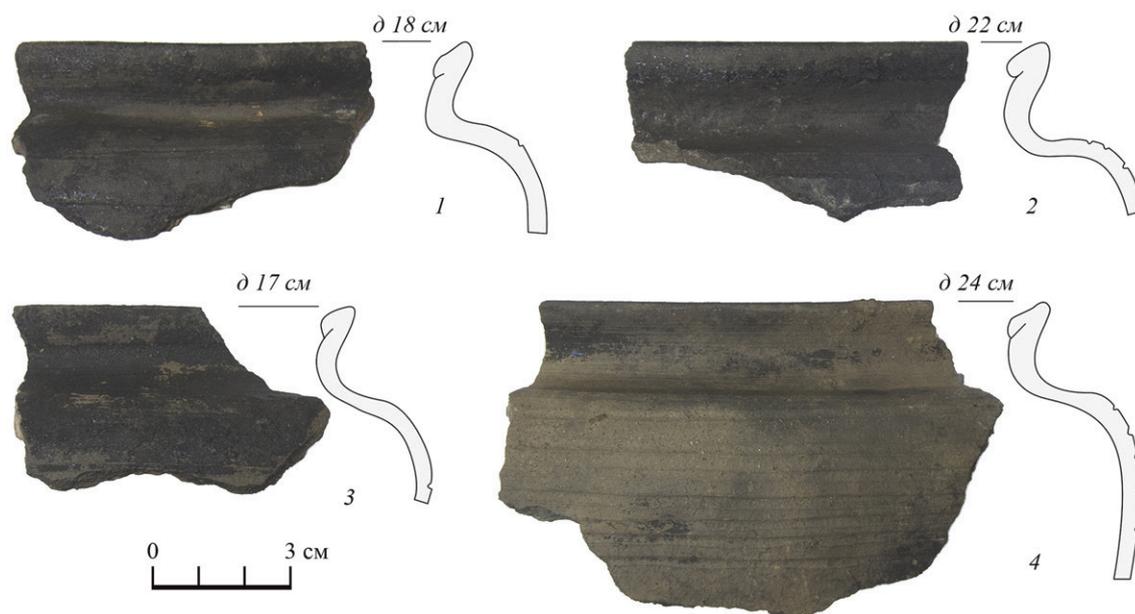

Рис. 9. Поселение Сосенки 1. Раскоп 2. Объект 19, пл. 8. Фрагменты красноглиняной круговой посуды с песком и редкими включениями дровы в тесте

углы отгиба стенок от линии днищ – 124°, 128°, 128°); 7 (2) – со следами подсыпок только песка (диаметр одного, с закраиной, – 7 см, угол отгиба – 120°); 4 (1) – с отпечатком деревянной подставки (диаметр – 8 см, угол отгиба – 127°).

К развалу красноощенного кувшина относились семь фрагментов вертикального горла с линейным орнаментом, семь – плечика с пояском орнамента, нанесенного накольчатым штампом, между горизонтальными линиями; не менее 25 стенок без орнамента; два обломка, вероятно, одной ручки и одно донце со следами подсыпки мелкого песка (диаметр – 12 см, угол отгиба стенки от линии днища – 123°).

В заполнении пазух котлована ямы объекта 19 найден 21 фрагмент круговой керамической посуды. Среди них 2 (1) венчика типа 23/3Б (диаметр – 14 см) от красноглиняного гладкого горшка с песком в формовочной массе. Горшок имел плечико с почти горизонтальным ребром и линейным орнаментом ниже ребра. Такие сосуды появились во второй четверти XV в. и бытовали до середины XVI в. (Коваль, 2016а. С. 440, 459. Рис. 9; Чернов, 2020. С. 243. Рис. 21). Из двух фрагментов красноглиняных донцев один поврежден, а второй принадлежал гладкому днищу без следов подсыпок. В пазухе также найдены восемь стенок красноглиняного сосуда с песком и дровой в формовочной массе, орнаментированных горизонтальными линиями, разнесенными между со-

бой, что было характерно для московской красноглиняной посуды XV в. (Бойцов, 1991. С. 36–38).

Из приведенной таблицы видно, что распределение выделенных групп керамики по пластам достаточно стабильно. Процентное соотношение приведено для пластов, где было найдено около 100 и более фрагментов. Керамика с песком и дровой в формовочных массах составляет 35–43%, а керамика только с песком – 57–65%. В более глубоких пластах несколько увеличивается процентное количество более архаичной керамики с песком и дровой, а количество керамики с песком уменьшается. Состав керамики из пластов 1 и 2 выглядит хронологически чуть более поздним за счет присутствия в них по два фрагмента белоглиняной посуды. Однако в целом комплекс керамики из ямы 19 представляется сравнительно единообразным и, значит, единовременным.

В комплексах из Исторического проезда и Монетного двора, финал формирования которых, по мнению С.З. Чернова, связан с пожаром 1493 г. или несколько ранее, красноглиняная гладкая посуда составляла 72–81%, а белоглиняная грубая – 15–18% (Чернов, 1991б. С. 50, 56. Табл. А). Следует помнить, что при подсчетах керамики из комплексов не учитывалась предположительно более ранняя – серая, красноглиняная грубая (Чернов, 1991б. С. 56. Прим.). По материалам из раскопок в Московском Кремле, в комплексе Т1-84 второй половины XV в. керамика с дровой

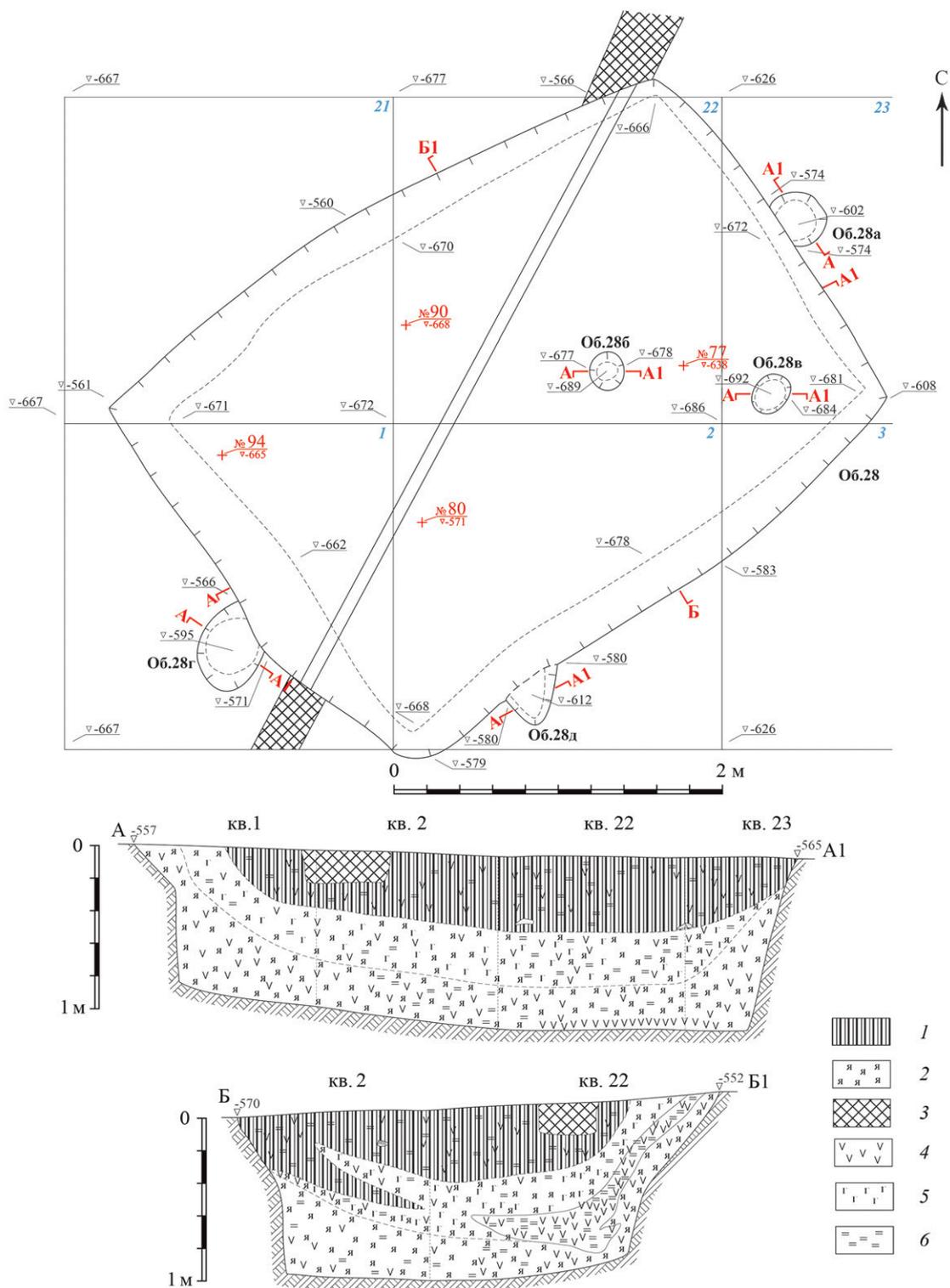

Рис. 10. Поселение Сосенки 1. Раскоп 2. Объект 28

1 – темно-серый гумусированный суглинок; 2 – ярко-бурый суглинок; 3 – перекоп; 4 – древесный уголь; 5 – гумус; 6 – обожженная глина; № 77 – фр-т каменного оселка; № 80 – железное ремненное кольцо; № 90 – железная наковаленка; № 94 – железный клин от топора (?)

Таблица 2. Основные группы фрагментов посуды в заполнении ямы объекта 28.

Пласты	Красноглиняная и серо-черного цвета с песком и дресвой	Красноглиняная и серо-черного цвета с песком		Всего в пласте
		без лощения	краснолощенная	
1	74 (58%)	50 (39,6%)	8 (6,3%)	127
2	54 (62%)	30 (34,6%)	3 (3,4%)	87
3	32	31		63
4	6	21	5	27
5	24	8	5	35

составляла 61%, а с песком – 39% (Коваль, 2016а. С. 443, 445, 450. Табл. 1). Даже учитывая большое количество более ранней переотложенной битой посуды (до 41%), красноглиняная керамика с песком в тесте составляла 21,2%, а вместе с краснолощенной – 36% (Коваль, 2016а. С. 443. Табл. 1).

В связи с этим отметим, что в наиболее представительной выборке красноглиняных венчиков (90 фрагментов) из пласта 8 объекта 19 венчики с песком и дресвой в тесте составляли 78% (70 экз.), а венчики только с песком в тесте – 22% (20 экз.), что существенно отличается от процентного соотношения для всей красноглиняной посуды из пласта 8. Предположительно большое количество фрагментов керамики только с песком в формовочных массах можно связать и с учетом нами всех мелких фрагментов, в том числе тех сосудов, где включения дресвы достаточно редки (менее одного включения на квадратный сантиметр).

Проблему датировки комплекса из объекта 19 позволяют прояснить материалы раскопок 2014–2019 гг. на месте бывшего Чудова монастыря в Московском Кремле (Коваль, 2022б. С. 205). Исследованный здесь керамический комплекс из ямы 80 (369 фрагментов), датированной по нумизматическому материалу второй четвертью – серединой XV в., содержал 27% обломков посуды с песком и дресвой в формовочных массах и 72% обломков посуды только с песком в формовочных массах (Коваль, 2022а. С. 109–111; 2022б. С. 208, 219–220. Табл. 18). В итоге В.Ю. Коваль также предложил несколько удревнить датировки ранее опубликованных керамических комплексов XV в. из раскопок в Кремле, в том числе названного выше комплекса из сооружения Т1-84 (Коваль, 2016а. С. 443. Табл. 1; 2022б. С. 220). По приведенным показателям комплексы из ямы 80 в Кремле (Чудов монастырь) и объекта 19 раскопа 2 на поселении Сосенки 1 достаточно близки. Поэтому формирование керамического комплекса из объекта 19 также следует отнести ко второй четверти – середине XV в.

Указанные характеристики керамики из сооружения Т1-84 весьма близки аналогичным показателям

для керамического комплекса из объекта 28 раскопа 2 на поселении Сосенки 1. Как и объект 19, это яма от погреба с близкими к прямоугольным очертаниям в плане (3×4 м), заглубленная в материк до 1,1 м. Заполнение ямы сложено темно-серым гумусированным и переотложенным ярко-бурым суглинком (рис. 10).

В объекте найдены 345 фрагментов круговой керамической посуды (см. табл. 2). Рассмотрим более подробно характеристики керамики из нижних пластов 3–5. В пласте 3 среди пяти венчиков от трех красноглиняных горшков с песком в формовочных массах: 4 (2) – 13/1 (рис. 11, 1, 4); 1 – 13/3В (рис. 11, 2). Венчики класса 13 следует отнести к образцам красноглиняной гладкой посуды второй четверти – второй половины XV в. (Коваль, 2016а. С. 440, 459; Чернов, 2020. С. 243). Еще один фрагмент венчика типа 22/1 (рис. 11, 3) серо-черного цвета характерен для серой посуды XIV в. (Чернов, 2005. С. 111, 113. С 6). Из трех донцев 2 (1) имели следы подсыпки песка и дресвы (угол отгиба стенки – 127°).

В пласте 4 найден венчик типа 3/4 с песком в формовочной массе, принадлежавший красноглиняному гладкому горшку (рис. 11, 5). Среди керамики пласта 5 – венчик, близкий типу 43/2 (рис. 12, 1), от белоглиняного сосуда с песком и дресвой в формовочной массе. Похожий белоглиняный венчик найден в комплексе из ямы 9, датированном монетой начала XV в., на селище Городок 1 (Андреев, 2011. С. 251, 252. Рис. 24, 7). Еще один морфологически близкий венчик от ангобированного сосуда из белой глины известен по материалам раскопок двора первой половины XV в. на селище Дунино 6 (Чернов, 2017. С. 340–343. Рис. 21, 260).

Среди пяти красноглиняных венчиков с песком и дресвой в формовочных массах: 1 – 12/2 (рис. 12, 8); 2 – 13/3 (рис. 12, 2, 7); 1 близок типу 18/1В (рис. 12, 4); 1 – 23/3 (рис. 12, 6). Еще один мелкий фрагмент серо-черного цвета принадлежал венчику с округлым, слегка обточенным краем (рис. 12, 3). Описанные венчики принадлежали серому (18/1В) и красноглиняным грубым

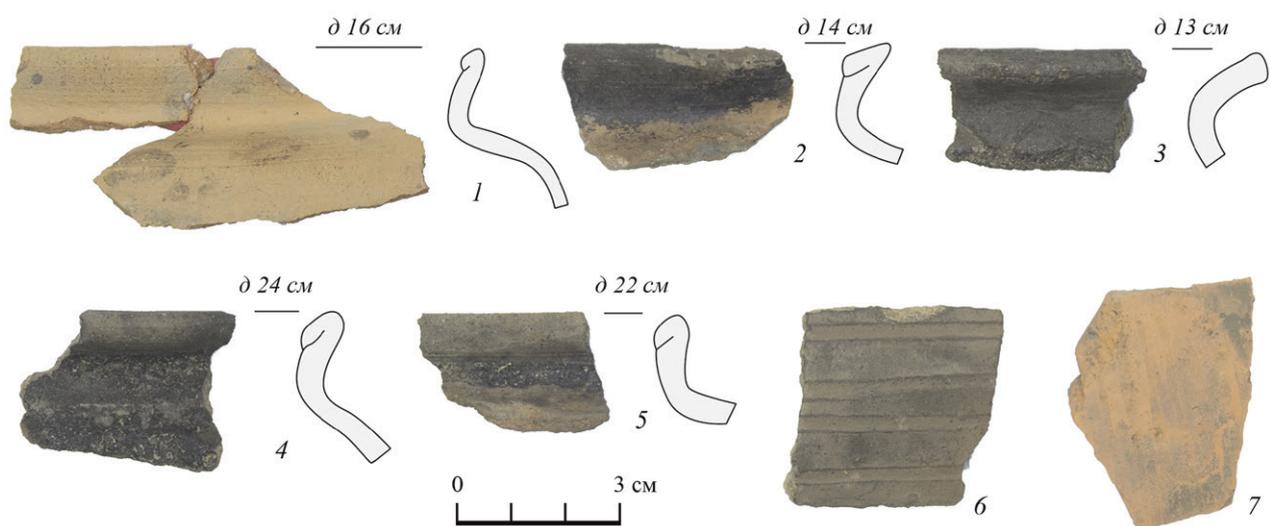

Рис. 11. Фрагменты круговой посуды. Поселение Сосенки 1. Раскоп 2. Объект 28, пл. 3 (1–4), 4 (5–7)
1, 2, 4, 5 – красноглиняная с песком; 3 – серо-черного цвета с песком; 6 – красноглиняная с песком и дресвой;
7 – краснолощевая

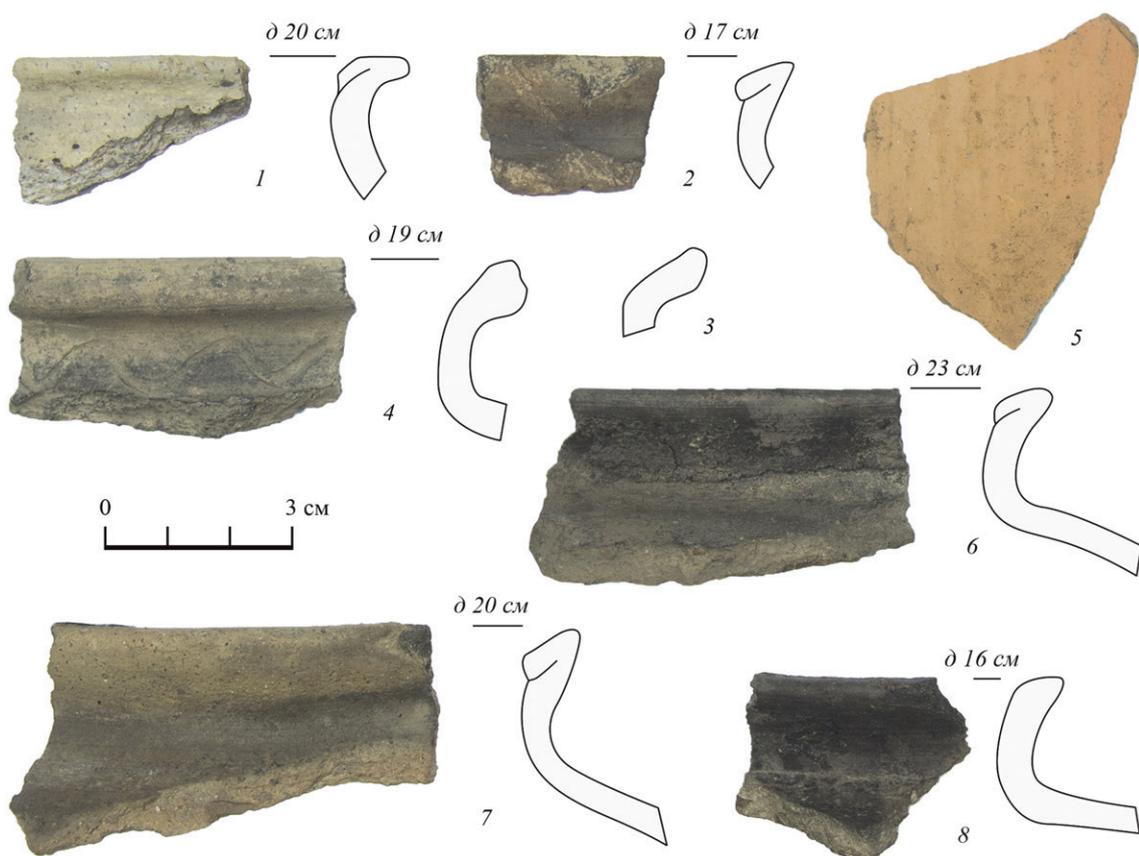

Рис. 12. Фрагменты круговой посуды. Поселение Сосенки 1. Раскоп 2. Объект 28, пл. 5
1 – белоглиняная с песком и дресвой; 2, 4, 6–8 – красноглиняная с песком и дресвой;
3 – серо-черного цвета с песком и дресвой; 5 – краснолощевая

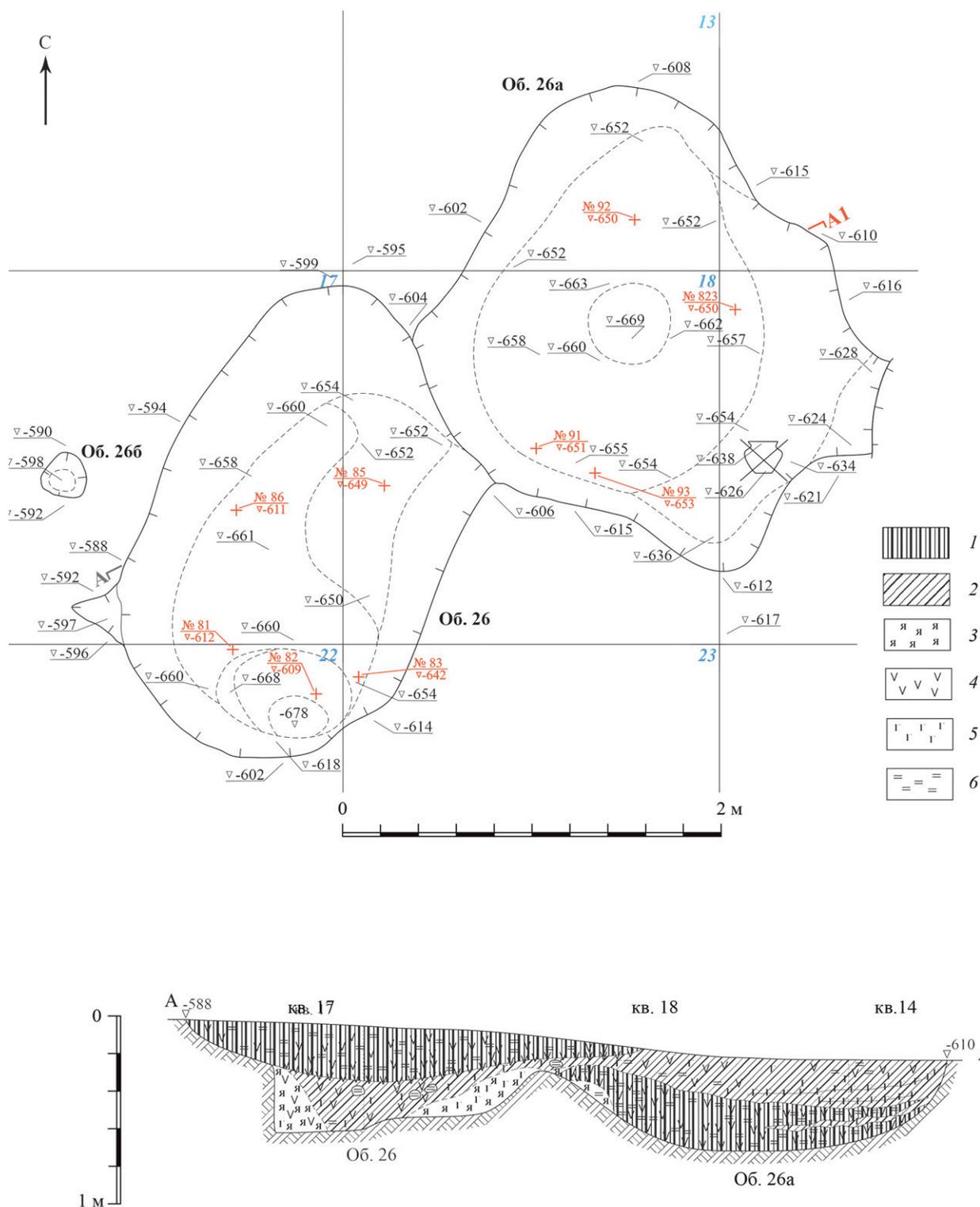

Рис. 13. Поселение Сосенки 1. Раскоп 2. Объекты 26, 26а

1 – темно-серый гумусированный суглинок; 2 – серо-бурый суглинок; 3 – ярко-бурый суглинок; 4 – древесный уголь; 5 – гумус; 6 – обожженная глина; № 81 – фр-т железного ножа; № 82 – фр-т железного шила; № 83 – фр-т железной иглы; № 85 – фр-т каменного точила; № 86 – железное ремненное кольцо; № 91 – каменный оселок; № 92, 93 – фр-ты железных игл; № 823 – фр-т каменного оселка

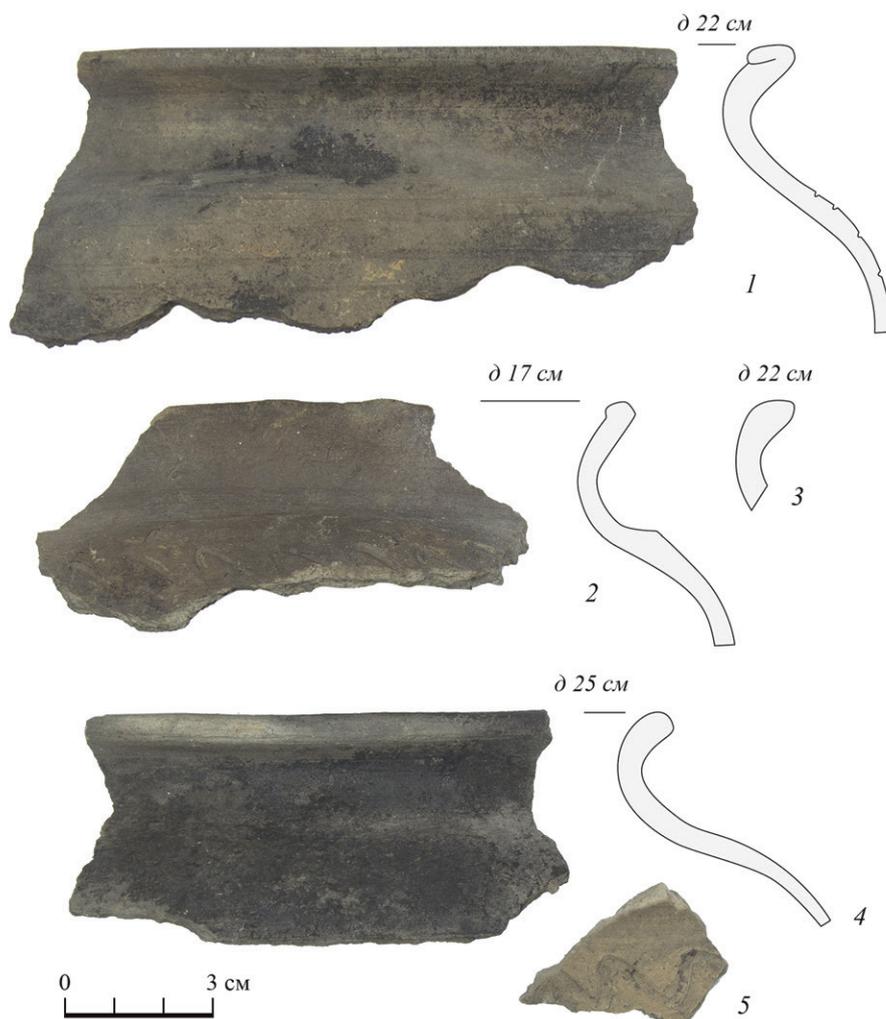

Рис. 14. Фрагменты круговой красноглиняной посуды с песком и дресвой в тесте. Поселение Сосенки 1. Раскоп 2. Объект 26, пл. 1

сосудам (Чернов, 1991а. С. 25–26. Табл. 41, 2106; 43, 2107, 2108; 47, 2276; 48, 2324; 2005. С. 111, 114. Кгр 2). Судя по сравнительно высоко поднятым плечикам, такие красноглиняные грубые горшки скорее бытовали в первой половине XV в. (Коваль, 2016а. С. 452, 459. Рис. 9; Чернов, 2020. С. 243). Венчики типа 18/1 известны среди фрагментов посуды конца XIV – первой половины XV в. с селища Городок 1 (Андреев, 2011. С. 253. Рис. 11, 1; 24, б).

Отметим находку в пласте 5 фрагмента почти горизонтального неорнаментированного плечика с песком в тесте, характерного для красноглиняных гладких горшков второй четверти XV – XVI в. (Коваль, 2016а. С. 440, 459). Кроме того, в пласте 5 найден обломок донца (диаметр около 9 см) с элементом клейма (частью окружности) от красноглиняного сосуда с песком и дресвой в тесте.

В отличие от подобных показателей керамического комплекса из объекта 19, в объекте 28 керамика с более архаичными формовочными массами – с примесями песка и дресвы – преобладает над керамикой с примесями только песка. Это обстоятельство позволяет предполагать, что комплекс керамики из объекта 28 несколько более ранний, чем комплекс керамики из объекта 19.

С одной стороны, во всех пластах ямы объекта 28 найдены фрагменты красноглиняной гладкой посуды, появление которой исследователи относят ко второй четверти либо первой трети XV в. (Коваль, 2016а. С. 440, 459; Чернов, 2020. С. 243, 247). С другой стороны, по соотношению групп керамики с песком и дресвой в формовочных массах и только с песком комплекс из объекта 28 более архаичен, чем керамический комплекс из объекта 19. Поэтому формирование керамического комплекса

из объекта 28 следует предположительно датировать первой третью XV в.

Далее обратимся к проблеме датировки группы керамических комплексов (объекты 1, 26, 26а, 37, 51, 63а) из сравнительно небольших ям, глубиной до 0,6 м, очевидно являвшихся подполами построек, где около 80% и более обломков керамики содержали в тесте песок и дресву. Здесь наряду с преобладающими фрагментами сосудов, имевших морфологию курганный либо серой посуды XIII–XIV вв., присутствовало небольшое количество фрагментов «приостренных» венчиков на слабо отогнутых шейках, характерных для московской красноглиняной посуды XV в. (Бойцов, 1991. С. 36–37. Рис. 1. В; Чернов, 2005. С. 111–114; Коваль, 20166. С. 117, 118). Такие венчики отнесены В. Ю. Ковалем к типам УТВ-2 и 5. Исследователь отметил, что они известны и среди обломков более ранней московской посуды – XIII–XIV вв., в том числе по исследованиям С. З. Чернова (Чернов, 1991а. С. 21. Табл. 31, 999, 1047, 1048; 43, 2066, 2150; 46, 2425; 2005. С. 111, 113. С 5; Коваль, 20166. С. 117, 118).

В качестве примеров таких комплексов рассмотрим керамику из объектов 26 и 26а, двух смыкающихся ям округлого плана, заполненных темно-серым гумусированным и серо-бурым суглинком (рис. 13). Судя по стратиграфии, ямы были двумя частями подпола одной постройки.

Объект 26 имел в плане размеры 1,6×2,6 м и был заглублен в материк до 0,7 м. В его заполнении найдены 168 фрагментов круговой керамической посуды. Из них в пласте 1 – 88 обломков керамики с песком и дресвой в формовочной массе. Все найденные в пласте 17 венчиков принадлежали красноглиняным сосудам с песком и дресвой в формовочных массах. Среди них 3 – типа 21/2 (рис. 14, 2, 3); 1 – 21/2Б (рис. 14, 4); 3 – 22/1 (диаметры – 14, 20 см, с одиночными волнистыми линиями по основаниям шеек; 15 см); 3 – 22/1Г (диаметры – 17 см, с волнистой линией по основанию шейки; 20, 24 см); 1 – 22/2 (диаметр – 22 см); мелкий фрагмент – 23/1; 2 – 23/1Б (диаметры – 20 и 22 см; рис. 14, 1); мелкий фрагмент – 23/4; 1 – 27/1 (диаметр – 13 см, с волнистой линией по шейке); 1 – 28/1Б (диаметр – 21 см, с волнистой линией по шейке).

Указанные венчики классов 21–23 соответствуют серой и красноглиняной грубой посуде XIV в. (Чернов, 2005. С. 111, 113, 114. С. 1–7; Кгр 1–3; 2020. С. 227–231; Коваль, Хижняков, 2005. С. 181). Хотя, по наблюдениям В. Ю. Ковалю, венчики типа 23/4 с заостренным краем характерны для посуды XV в. (Коваль, Хижняков, 2005. С. 181–182).

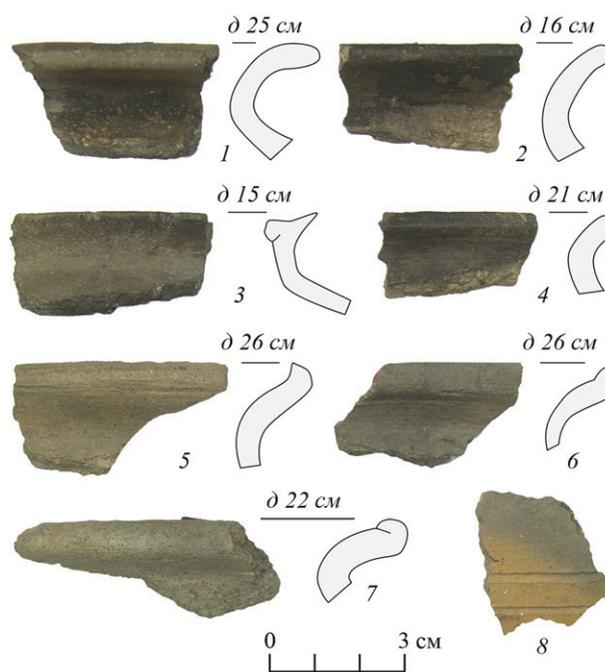

Рис. 15. Фрагменты красноглиняной круговой посуды с песком и дресвой в тесте. Поселение Сосенки 1. Раскоп 2. Объект 26, пл. 2

Венчики класса 27 имеют аналогии прежде всего среди керамики конца XIV – первой половины XV в. селища Городок 1 (Андреев, 2011. С. 253. Рис. 11, 1, 8; 15, 1; 18, 2). Известны они и по посуде XIV в. из раскопок в Московском Кремле (Коваль, 2016. С. 457. Рис. 8, 1). В целом комплекс венчиков из пласта 1 представляется наиболее близким керамике последних десятилетий XIV в. из Шавыкинского Дубенского монастыря (Чернов, 1991а. С. 29–30. Табл. 68). В пользу такой датировки свидетельствует и отсутствие в пласте 1 объекта 26 венчиков красноглиняной гладкой посуды только с песком в формовочных массах (Чернов, 2020. С. 233. Табл. 2).

В пласте 1 от числа всех найденных в нем фрагментов керамики 69% (88) составляли фрагменты красноглиняной посуды (61) с песком и дресвой в формовочных массах. Всего фрагментов керамики с песком и дресвой в формовочных массах в пласте 1 зафиксировано 77% (с учетом семи стенок серо-черного цвета).

В пласте 2 найдены 48 фрагментов круговой керамической посуды (45 – с песком и дресвой, 3 – с песком). Из них все 7 венчиков принадлежали красноглиняным сосудам с песком и дресвой в формовочных массах: 2 – типа 21/2 (рис. 15, 1, 2); 1 – 22/1 (рис. 15, 4); 1 – 23/1Е (рис. 15, 7); 2 – 23/2Б (рис. 15, 5, 6); 1 – 23/4 (рис. 15, 3). Такие венчики

Рис. 16. Фрагменты красноглиняного кругового сосуда с песком и дресвой в тесте. Поселение Сосенки 1. Раскоп 2. Объект 26, пл. 3

характерны для московской серой посуды второй половины XIII – XIV в. (Чернов, 2005. С. 111, 113). По В. Ю. Ковалю, венчик типа 23/4 с заостренным краем, возможно, следует датировать уже XV в. (Коваль, Хижняков, 2005. С. 181–182).

В пласте 3 найдены 32 фрагмента круговой красноглиняной посуды с песком и дресвой в формовочных массах (рис. 16). Из 5 венчиков 1 – типа 13/1 (диаметр – 23 см, с линейным орнаментом по пологому плечу); 4 (1) – 28/1Б (рис. 16, 1). Такие венчики известны среди серой посуды второй половины XIII – XIV в. (Чернов, 1991а. С. 26, 27. Табл. 47, 2304, 2361; 54, 4772). По мнению В. Ю. Ковалья, сосуды с венчиками типа 28/1 бытовали в Поочье «в основном в XIII в. (особенно широко – в первой по-

ловине столетия)» (Коваль, 2016б. С. 107). Однако в Подмосковье такие горшки определяются и в комплексах конца XIV – середины XV в. (Городок 1, Рождественно; Андреев, 2011. С. 253. Рис. 24, 7; Богомолов и др., 2012. С. 372–374. Табл. 9. Рис. 5, 2, 3). Среди четырех донцев один со следами подсыпки дресвы (диаметр – 10,5 см) от горшка с венчиком типа 28/1Б (рис. 16, 2).

Для определения датировки комплекса керамики из объекта 26 важны данные о керамике из горизонта В-1 и ям 34, 34а раскопов 2, 3 на месте бывшего Чудова монастыря в Московском Кремле. Этот горизонт залегал непосредственно под строительной прослойкой храма 1365 г., с горизонтом связаны названные ямы (Коваль, 2022б. С. 215–216,

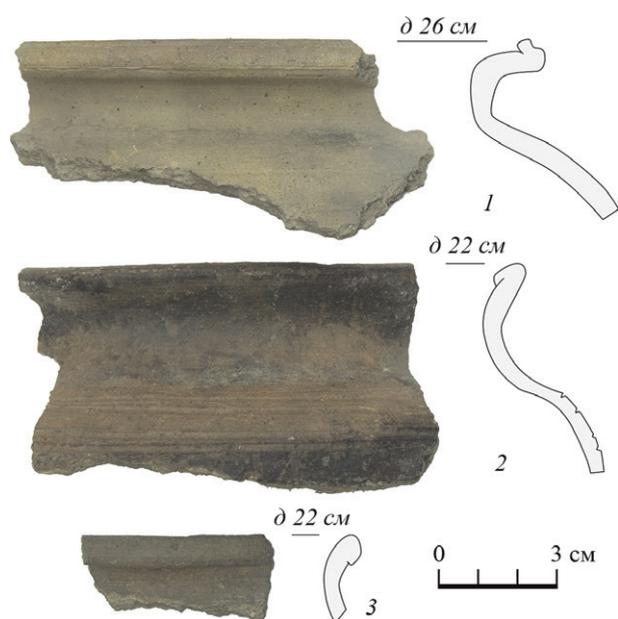

Рис. 17. Фрагменты красноглиняной круговой посуды с песком и дресвой в тесте. Поселение Сосенки 1. Раскоп 2. Объект 26а, пл. 2

217, 219). В комплексах середины XIV в. из ям 34, 34а и горизонта В-1 керамика с песком и дресвой в формовочных массах составляла 90% (ямы, раскоп 3) либо 97% (раскоп 2) (Коваль, 2022б. С. 208, 217. Табл. 18). Здесь же найдены 18 обломков венчиков типа УТВ-5 (Коваль, 2022б. С. 208. Табл. 18. Рис. 163, 7). Поэтому формирование керамического комплекса из объекта 26 также следует

отнести к XIV в., вероятно, середине – второй половине столетия.

Объект 26а имел в плане размеры 2,2×2,6 м и был заглублен в материк до 0,6 м (рис. 13). В его заполнении собрано 159 фрагментов круговой красноглиняной посуды. Обломки с песком и дресвой в формовочных массах составляли 99% (157 экз.). Среди них 10 венчиков из пласта 1 принадлежали сосудам с песком и дресвой в формовочных массах: 1 – типа 6/1 (диаметр – 17 см); 1 – 22/1 (диаметр – 23 см); 1 – 23/1 (диаметр – 21 см, с линейным орнаментом по пологому плечу); 1 – 23/1Б (диаметр – 24 см); 1 – 23/1Д (диаметр – 18 см, с горизонтальной линией по плечу); 1 – 24/1Б (диаметр – 19 см); 2 – 28/1 (диаметры – 22 см, у одного из них линейный орнамент по пологому плечу); 2 – мелкие обломки с диаметрами 22, 23 см. Такие венчики известны среди московской серой и красноглиняной грубой посуды (Чернов, 1991а. С. 21. Табл. 47, 48, 49, 55; Коваль, Хижняков, 2005. С. 181. Рис. 18, 11, 23, 24). Отсутствие среди них фрагментов курганной и красноглиняной гладкой посуды позволяет ограничить датировку комплекса XIV в. (Чернов, 2020. С. 228, 233. Табл. 2).

В пласте 2 объекта 26а были найдены 19 фрагментов венчиков от 10 сосудов с песком и дресвой в формовочных массах. Из них 1 – 18/1 (рис. 17, 1); 1 – 21/2 (рис. 18, 1); 1 – 27/1 (рис. 19, 3); 3 (2) – 23/1 (рис. 17, 2; 19, 1); 1 – 23/1Б (рис. 18, 3); 3 (1) – 23/1В (рис. 18, 4); 1 – 23/3Б (рис. 19, 2); 1 – 24/1Б (рис. 17, 3); 7 (1) – 28/1Б (рис. 19, 4).

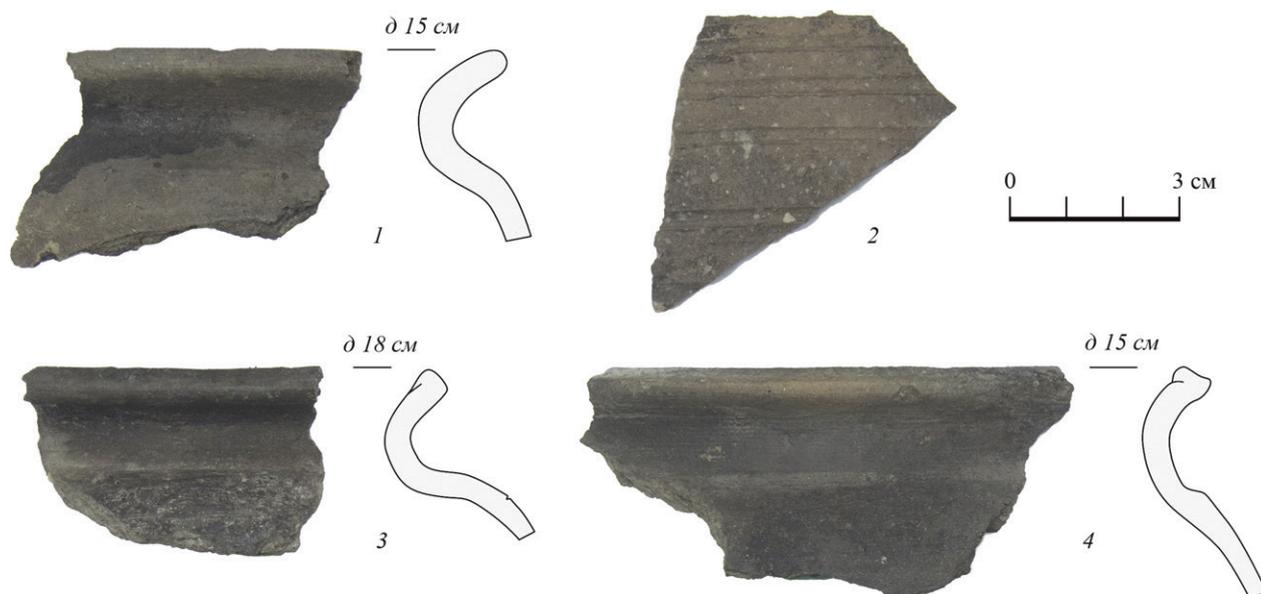

Рис. 18. Фрагменты красноглиняной круговой посуды с песком и дресвой в тесте. Поселение Сосенки 1. Раскоп 2. Объект 26а, пл. 2

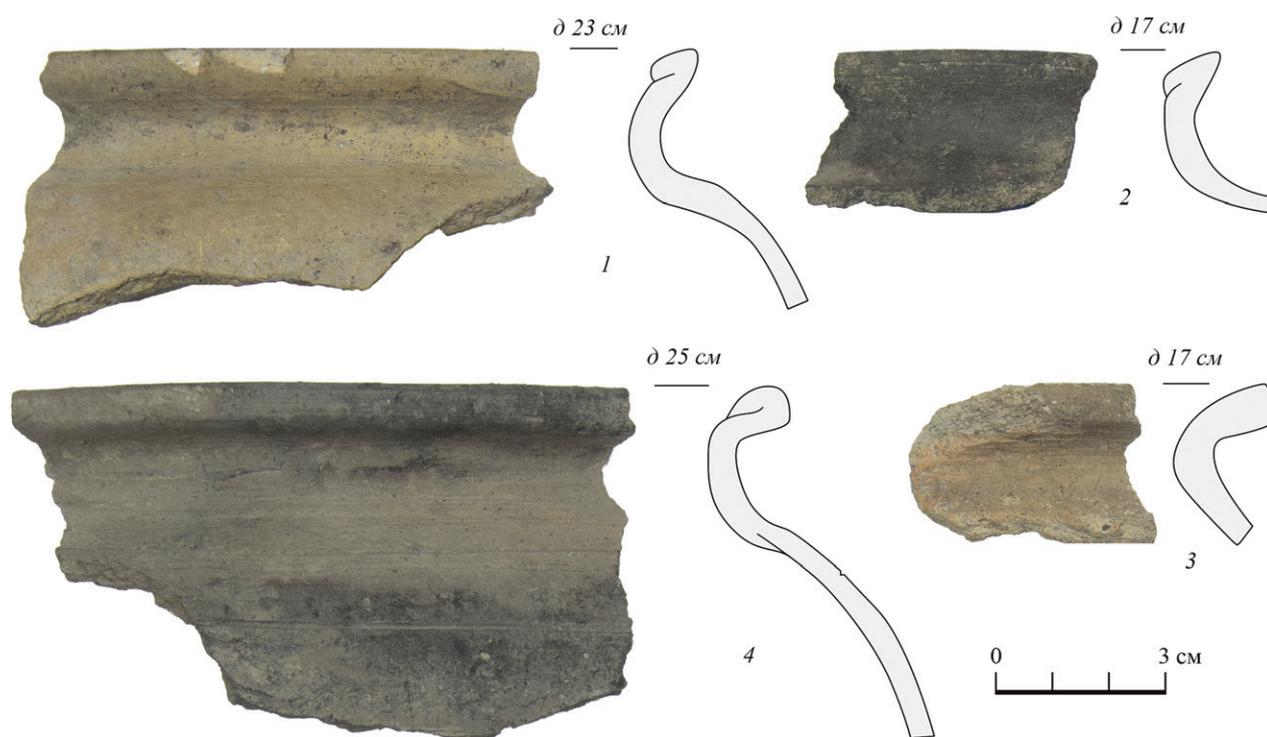

Рис. 19. Фрагменты круговой красноглиняной посуды с песком и дресвой в тесте. Поселение Сосенки 1. Раскоп 2. Объект 26а, пл. 2

Хотя венчики типов 8/1, 28/1 характерны скорее для сосудов XIII в. (Коваль, Хижняков, 2005. С. 164. Рис. 14, 2; Коваль, 2016б. С. 102, 107), они тем не менее известны и среди керамики конца XIV – первой половины XV в. подмосковного селища Городок 1 (Андреев, 2011. С. 253. Рис. 20, 1; 24, 6, 7). Отметим ребро ниже основания шейки венчика типа 23/1В, которое характерно для красноглиняной посуды не ранее последних десятилетий XIV в. (Чернов, 2005. С. 111, 114. № 66, 68, 72, 73). К горшкам XV в., согласно В. Ю. Ковалю, можно отнести венчики типов 23/1 (от двух горшков) и 23/3Б с песком и редкими включениями дресвы в тесте (Коваль, Хижняков, 2005. С. 181–182). И все же по составу керамики и стратиграфии комплекс из объекта 26а, скорее всего, синхронен комплексу из ямы 26 (XIV в., вероятно, середина – вторая половина столетия). Однако остается проблема выделения объективных кри-

териев для уточнения хронологии подобных комплексов в рамках XIV в.

В заключение добавим, что керамических комплексов XII – первой трети XIII в. (см.: Равдина, 1991) на раскопе 2 поселения Сосенки 1 не обнаружено. Однако в объектах 328, 328а, 331, 338 найдено некоторое количество обломков курганной либо серой посуды, вероятно, XIII в. К ним относились красноглиняные фрагменты стенок с многорядными волнистым и линейным орнаментами, фрагменты стенок одного сосуда (в объектах 328, 338) с зубчатым штампом и венчиком типа 26/1. Керамические комплексы из объекта 328 (13 фр.), нижней части объекта 338 (в пласте 2 – 98% (260 экз.) керамики с песком и дресвой в тесте), скорее всего, датируются концом XIII – первой половиной XIV в., как и комплексы из ямы 3 и сруба 6 в Историческом проезде Москвы (Чернов, 1991а. С. 25, 26, 58).

Литература

Андреев С. И., 2011. Исследования селища Городок 1 // АП. Вып. 7. М.: ИА РАН. С. 249–267.

Андреев С. И., 2018. Поселение Екатериновка 3: к вопросу о юго-восточной границе Рязанского княжества // АП. Вып. 14. М.: ИА РАН. С. 209–235.

Археология Романова двора. Материалы охраняемых археологических исследований. Т. 12. М.: ИА РАН, 2009. 524 с.

Арциховский А. В., 1930. Курганы вятичей. М.: РАНИОН. 223 с.

- АФЗиХ. Акты Московского Симонова монастыря (1506–1613 гг.). Л.: Наука, 1983. 352 с.
- Богомолов В. В., Брусенцов О. А., Володин Е. О., Гоняный М. И., Шебанин Г. А., Шеков А. В., 2016. Раскопки средневекового селища Боброво 2 // АП. Вып. 12. М.: ИА РАН. С. 173–205.
- Богомолов В. В., Гоняный М. И., Заидов О. Н., Шебанин Г. А., Шеков А. В., 2012. Археологические комплексы раннего этапа поселения при погосте у села Рождественно // АП. Вып. 8. М.: ИА РАН. С. 366–388.
- Бойцов И. А., 1991. Московская красноглиняная керамика XIV – начала XVI в. и возникновение Гончарной слободы в Москве // МК. М.: ИА РАН. С. 33–40.
- Гоняный М. И., 2011. Отчет о мероприятиях по выявлению объектов археологического наследия в районе проектируемой автомобильной дороги от Калужского шоссе до аэропорта Остафьево в Ленинском районе Московской области в 2011 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 29560.
- Гоняный М. И., Дедук А. В., Шебанин Г. А., Шеков А. В., 2018. К вопросу о топографии позднесредневековых погостов Подмосковья // АП. Вып. 14. М.: ИА РАН. С. 353–364.
- Горский А. А., 2018. Московские «ордынцы» и «делюи» // «Вертоград многоцветный». Сборник к 80-летию Б. Н. Флори. М.: Индрик. С. 173–178.
- Гриценко Т. А., Пуцко В. Г., 2000. Русская металллопластика с Куликова поля // Куликово поле: Вопросы историко-культурного наследия. Тула: Тульский полиграфист. С. 208–222.
- Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука, 1997. (Археология). 368 с.
- Кашианов С. М., 1982. Финансовое устройство Московского княжества в середине XIV в. по данным духовных грамот // Исследования по истории и историографии феодализма. К 100-летию со дня рождения Б. Д. Грекова. М.: Наука. С. 173–189.
- Киртичников А. Н., 1976. Военное дело на Руси XIII–XV вв. Л.: Наука, 104 с.
- Ковалевский В. Н., 2023. Овины Сосенского стана // Куликово поле: история и археология. К 70-летию со дня рождения М. И. Гоняного. Тула: Музей-заповедник «Куликово поле». С. 292–301.
- Коваль В. Ю., 2001. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. № 1. С. 98–109.
- Коваль В. Ю., 2016а. Керамика из раскопок на Подоле Московского Кремля // АП. Вып. 12. М.: ИА РАН. С. 437–475.
- Коваль В. Ю., 2016б. Первичная фиксация массового керамического материала на памятниках эпохи Средневековья и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы. М.: ИА РАН. (Методика полевых археологических исследований. Вып. 9). 126 с.
- Коваль В. Ю., 2018. Керамика из раскопок на Подоле Московского Кремля. Малосерийные группы // АП. Вып. 14. М.: ИА РАН. С. 414–441.
- Коваль В. Ю., 2022а. Сооружения, постройки, элементы усадебной организации // Древности Московского Кремля. Т. 1. Археологические исследования на месте Чудова монастыря. М.: ИА РАН. С. 90–111.
- Коваль В. Ю., 2022б. Бытовая посуда // Древности Московского Кремля. Т. 1. Археологические исследования на месте Чудова монастыря. М.: ИА РАН. С. 205–230.
- Коваль В. Ю., Хижняков О. И., 2005. Средневековые поселения в селе Аносино на Истре // АП. Вып. 2. М.: ИА РАН. С. 153–183.
- Курмановский В. С., 2022. Изделия из железа // Древности Московского Кремля. Т. 1. Археологические исследования на месте Чудова монастыря. М.: ИА РАН. С. 152–175.
- Кучкин В. А., 1998. Первая договорная грамота Дмитрия Донского с Владимиром Серпуховским // Звенигород за шесть столетий. М.: УРСС. С. 11–64.
- Любавский М. К., 1892. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута. М.: Унив. тип. 884 с.
- Любавский М. К., 1915. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. [М.]: Московская художественная печать. 404 с.
- Левашева В. П., 1967. Височные кольца // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М.: Советская Россия. (Тр. ГИМ. Вып. 43). С. 7–54.
- Медведев А. Ф., 1966. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв. М.: Наука. (САИ. Вып. Е1-36). 184 с.
- Насонов А. Н., 2002. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. Монголы и Русь: История татарской политики на Руси. СПб.: Наука. 412 с.
- Персов Н. Е., Сарачева Т. Г., Солдатенкова В. В., 2009. Средневековые ювелирные комплексы бывшего Затьмацкого посада г. Твери (по материалам раскопок 2001–2006 гг.) // АП. Вып. 5. М.: ИА РАН. С. 268–280.
- Персов Н. Е., Сарачева Т. Г., Солдатенкова В. В., 2011. Археологические свидетельства обработки цветных и драгоценных металлов на тверском Затьмачье в эпоху Средневековья // АП. Вып. 7. М.: ИА РАН. С. 155–167.

Равдина Т. В., 1968. Типология и хронология лопастных височных колец // Славяне и Русь. М.: Наука. С. 136–142.

Равдина Т. В., 1991. Керамика из датированных погребений в курганах Подмосковья // МК. М.: ИА РАН. С. 7–13.

Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука. 196 с.

Ульянова Т. Н., 2008. Вооружение средневековой Коломны (XIII–XVII веков) по материалам археологических работ 1991–2006 годов // АП. Вып. 4. М.: ИА РАН. С. 195–221.

Черепнин Л. В., 1960. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М.: Изд. социально-экономической литературы. 899 с.

Чернов С. З., 1991а. К хронологии московской керамики XIII – середины XV в. // МК. М.: ИА РАН. С. 20–32.

Чернов С. З., 1991б. К хронологии московской керамики конца XV–XVI в. // МК. М.: ИА РАН. С. 50–55.

Чернов С. З., 2005. Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты. Т. 2. Домен московских князей в городских станах, 1271–1505 годы. М.: Наука. 651 с.

Чернов С. З., 2017. Двор с монетными весами в деревне Власьевской близ Звенигорода: «другой» XV век // АП. Вып. 13. М.: ИА РАН. С. 309–345.

Чернов С. З., 2020. «Душеное с деревнями и с бортью»: феномен парных селищ по данным раскопок Верхних и Нижних Кукарок в 2009–2011 годах // АП. Вып. 16. М.: ИА РАН. С. 219–262.

Шполянская Д. В., 2008. Комплекс предметов личного благочестия с селища XIV–XVI веков Рождествоно 1 (предварительное сообщение) // АП. Вып. 4. М.: ИА РАН. С. 267–275.

Шполянская Д. В., 2014. Коллекция крестов из г. Суздаля // Славяне и иные языци... К юбилею Н. Г. Недошивиной. М.: ГИМ. (Тр. ГИМ. Вып. 198). С. 259–267.

G. A. Shebanin, A. V. Shekov

Ceramic complexes of the 14th – 15th centuries from the settlement Sosenki 1 on the territory of modern Moscow: problems of study

Summary

The article is devoted to the problem of dating ceramic complexes of the 14th – 15th centuries, identified during security excavations of the Sosenki 1 settlement, located on the southwestern outskirts of modern Moscow. The monument is located 23 km southwest of the Moscow Kremlin on the bank of the river Malaya Sosenka (Moscow River basin). The ceramic complexes did not contain individual finds with relatively narrow dates. As a result of taking into account

the morphology of the fragments of the upper parts of ceramic pots and the percentage of ceramic groups containing sand and grit or only sand in the molding masses, criteria for dating complexes of the second quarter – mid-15th century, the first third of the 15th century and the 14th century were proposed. The problem of identifying objective criteria for clarifying the chronology of such complexes within the framework of the 14th century still remains.

В. Ю. Коваль

Институт археологии РАН, г. Москва

О происхождении расписной ангобированной керамики Москвы XV–XVI веков

В XV в. в Москве внезапно началось производство столовой посуды, ранее не известной ни в этом городе, ни в других городах Руси. Это были красноглиняные сосуды полного окислительного обжига, облицованные белым ангобом, поверх которого выполнена роспись красной ангобной краской. Аналитического исследования красной росписи не проводилось, однако полное сцепление ее с белой ангобной основой (отслоений не замечено), идентичность цвета росписи и черепка сосудов, отсутствие случаев размывания красной росписи водой или заметной вариативности в цвете (за исключением образцов, обгоревших в пожаре) позволяет заключить, что состав ангобной основы и линий росписи в целом идентичен. Мнение Р.Л. Розенфельдта о том, что это была краска «типа охры», вряд ли можно поддерживать, поскольку охра относится к неводостойким красителям, а ее поведение при высокотемпературном обжиге, которому подвергалась рассматриваемая керамика, неизвестно. Тем не менее этот вопрос нельзя считать полностью ясным, он требует дополнительных исследований, в том числе лабораторных и экспериментальных. Рисунки росписи включали простые геометрические фигуры (треугольники, ромбы, зигзаги, завитки, прямые и волнистые линии, точки), и лишь в редких случаях встречаются силуэтные изображения животных (Розенфельдт, 1968. С. 25–27. Табл. 6–8).

Среди функциональных форм чаще всего встречаются обломки кувшинов-псевдокумганов¹ с трубчатыми носиками-сливами, гораздо реже – крышки от этих сосудов, рукомытники-водолеи в виде сильно стилизованной фигуры барана, горшки, миски, масляные светильники. Кроме

столовой посуды массовое распространение также получили керамические игрушки в виде фигурок лошадей (в том числе со всадниками в седле), медведей, баранов, птиц, стоящих людей, шаров. Многие из таких фигурок имели полости, хотя столь же широко производились фигурки со сплошным туловом. Игрушки с полостями подразделяются на те, в которые помещался камушек, что позволяло использовать их как погремушки, и те, которые имели специальные отверстия, позволявшие им служить свистульками (преимущественно это фигурки птичек). К сожалению, большинство таких вещей встречается в виде небольших обломков, из которых лишь в редких случаях удастся собрать целые или хотя бы имеющие полный профиль сосуды (или игрушки). В прошлом (а зачастую и в настоящее время) такие сосуды часто публиковались в виде графических рисунков или черно-белых фотографий (Розенфельдт, 1968. Табл. 6–8; Векслер, Гусаков, Патрик, 2015. Рис. 6, 11), и лишь в самые последние годы стали появляться первые публикации с цветными фотографическими изображениями как целых сосудов, так и их обломков (Фатков, Баранов, 2015. Рис. 4, 10; Векслер, Гусаков, Патрик, 2015. Рис. 7; Коваль, 2018. Рис. 9; 2022. Рис. 167; Панченко, 2022. Рис. 147, б, 7) (рис. 1). Наряду с игрушками, расписанными красной краской, очень редко встречаются такие же, но с росписью коричневой или черной краской (Розенфельдт, 1968. С. 25).

Надо заметить, что расписная ангобированная керамика появилась в Москве одновременно с белоангобированными изделиями без всякой красной росписи, которые здесь раньше также не были известны. При этом белоангобированные

¹ Обоснование для именованя таких сосудов псевдокумганами опубликовано (Коваль, 2019. С. 386).

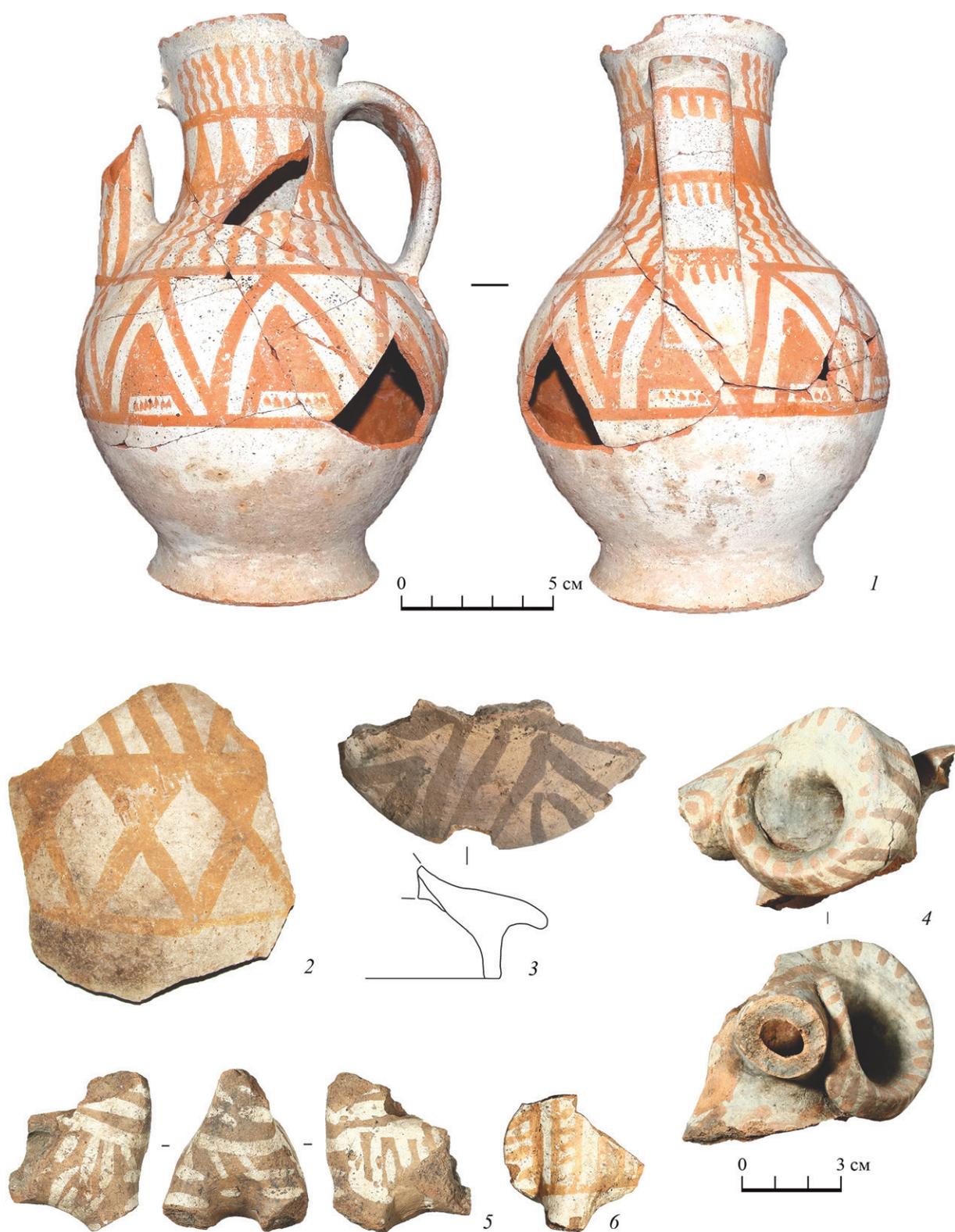

Рис. 1. Красноглиняная белоангобированная, расписанная красной ангобной краской керамика из Москвы (2–5) и Московской области (1)
 1 – псевдокумган (Фатков, Баранов, 2015. Рис. 4); 2 – стенка сосуда; 3 – обломок слива водолея в виде головы барана;
 4–5 – обломки игрушек-лошадок (Панченко, 2022. Рис. 147, 6, 7); 1, 2 – фото автора

сосуды встречаются даже реже расписных, зато белоангобированные игрушки были распространены столь же широко, как и расписные. Кроме того, параллельно производились красноглиняные сосуды и игрушки, украшенные круглыми пятнами белого ангоба по красной поверхности. Что касается формовочной массы всех перечисленных выше разновидностей посудной керамики, то она не отличалась от той, которая применялась для изготовления прочей московской керамики, в том числе кухонной. Это была хорошо очищенная от посторонних примесей масса, включавшая мелкий и мельчайший песок, которая все же в редких случаях могла включать случайные посторонние примеси минерального и органического происхождения. Формовочная масса игрушек была менее очищенной и иногда даже включала мелкую дресву (или неокатанный песок).

Формовка сосудов проводилась на ручном гончарном круге, ручки и носики псевдокумганов формовались отдельно и наклепывались на уже готовый сосуд. Для трубчатого носика-слива в верхней части тулова заранее прорезалось круглое отверстие, туда вставлялась нижняя часть трубки носика, которая затем примазывалась к тулову. Верхняя часть этой трубки прикреплялась к горловине при помощи вертикальной соединительной глиняной пластины, тщательно примазывавшейся к горлу и носику. В этой пластине обязательно проделывалось несколько круглых отверстий, как правило четыре (рис. 2, 1). Обжиг, как уже говорилось, был полным (сквозным), однако изредка встречаются сосуды и игрушки с недостаточно продолжительным обжигом, что приводило к появлению на изломе черепка черного или серого срединного слоя. Но поверхности всех изделий обжигались всегда до ярко-красного цвета (скрытого под слоем белого ангоба, но хорошо видного на изломе черепка). Такой обжиг мог достигаться только в специализированных гончарных горнах.

Находки расписной ангобированной керамики известны преимущественно в Москве, хотя отдельные ее находки происходят из ближайших окрестностей Москвы и некоторых городов Руси: реже это стенки сосудов (которые, за редчайшими исключениями, в публикации, как правило, не попадают), чаще – игрушки, публикуемые очень редко. Бывают случаи, когда обломки сосудов принимали за игрушки. Так, Н.П. Милонов обломок носика-слива от псевдокумгана, найденный в Радонеже, принял за обломок дудочки, и эта атрибуция перекочевала в современные издания (Вишневецкий, 2024. Рис. 5, 4). Несколько фигурок лошадок

с характерной красной росписью найдены в Радонеже (Вишневецкий, 2024. С. 69. Рис. 4, 1; 5, 1), как минимум одна московская расписная игрушка зафиксирована в Коломне (Черкасов, 2004. Рис. 1, 3), есть также непроверенные сведения о находках керамических игрушек разных типов в Новгороде и Суздале (Фехнер, 1949. С. 52). При этом, например, среди игрушек из Владимира и Рюрикова городища нет ни одной, которую можно было бы приписать московскому производству (Нестерова, 2002; Дорофеева, Полигаев, 2020). Характерно, что надежно датированные находки сосудов и игрушек рассматриваемого типа из всех упомянутых городов в основной своей массе связаны со слоями и объектами XVI–XVII вв. и более позднего времени. Таким образом, центр производства и потребления этой керамики с наибольшей вероятностью находился именно в Москве, а на другие поселения такие изделия попадали случайно, скорее всего, вместе с семьями приехавших на них москвичей. Судя по единичности находок за пределами Москвы, крупная торговля этой посудой вряд ли существовала, а ее производством занимались немногие мастера. Это может объясняться более высокой ценой на их продукцию, благодаря чему покупателей такой посуды было немного. В то же время определенный спрос на нее существовал на протяжении продолжительного времени, а появление московских игрушек вполне могло вызвать волну подражаний в провинции.

Что касается датировки находок рассматриваемой разновидности керамики в Москве, то в литературе XX в. она была довольно расплывчата. Р.Л. Розенфельдт появление такой керамики относил к XIV–XV вв. (он полагал, что роспись черной краской появилась раньше, в XIV в., а красная роспись – в XV в., ориентируясь на немногочисленные находки игрушек), при том что появление керамики с пятнами белого ангоба он относил к XIV – первой половине XV в., а керамики со сплошным ангобированием поверхности – к XV в. (не приводя никаких доказательств с опорой на конкретные узко датированные комплексы). Исчезновение же всей этой группы изделий датировалось им серединой XVI в. в связи с переходом Гончарной слободы Москвы на производство изразцов и чернолощеной посуды (Розенфельдт, 1968. С. 20–27). Такой переход, несомненно, имел место, но все же конкретную причину, заставившую гончаров Москвы полностью сменить свой ассортимент продукции, уважаемый исследователь не называл.

В результате работ Московской археологической экспедиции в конце 1980-х годов установлено,

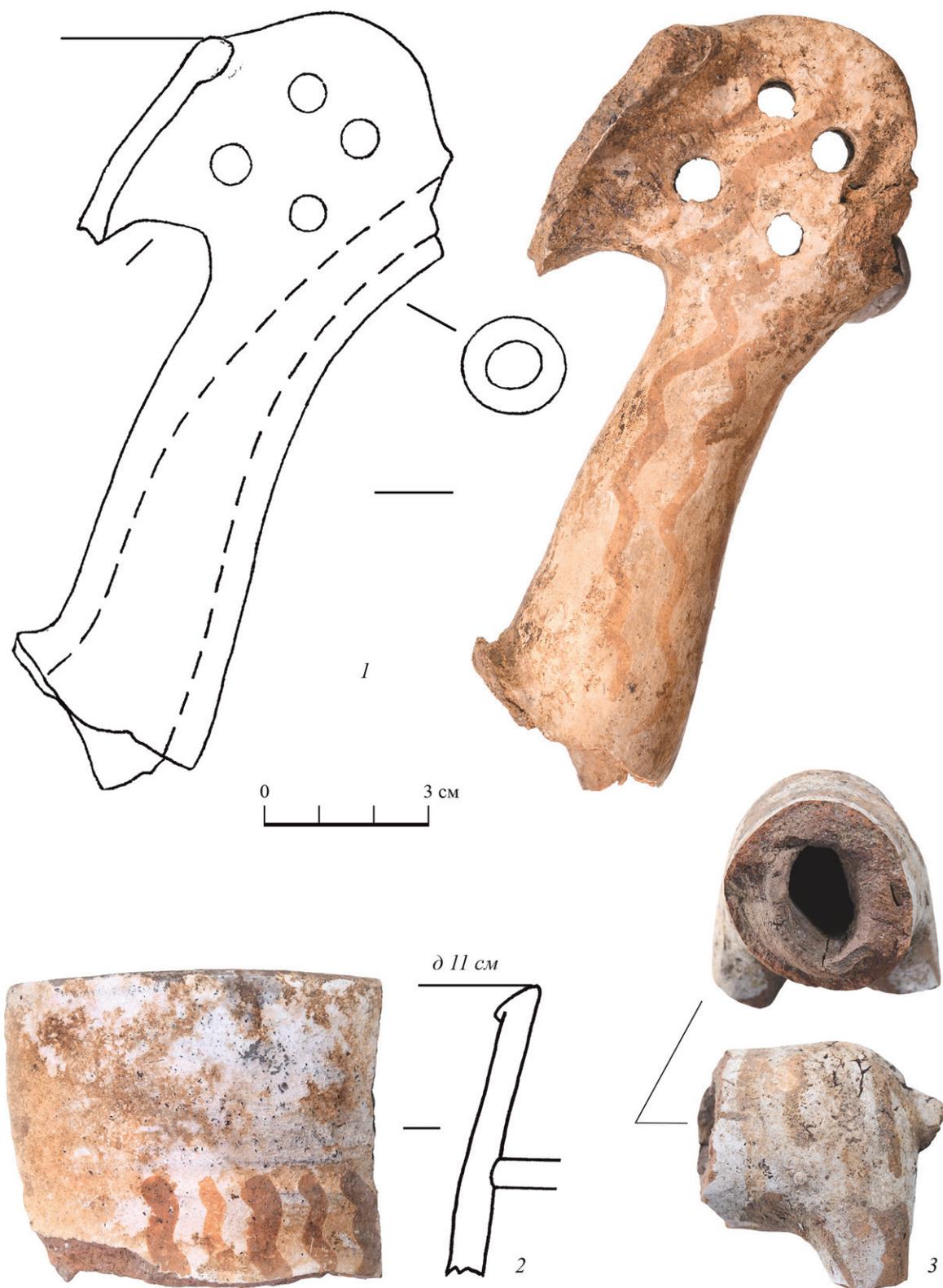

Рис. 2. Красноглиняная белоангобированная расписная керамика из слоя последней четв. XV в. раскопа в Большом сквере Московского Кремля (фото автора)
 1 – носик-слив псевдокумгана; 2 – край горла псевдокумгана; 3 – задняя часть игрушки-лошадки (хвост отбит)

что ангобированная керамика появляется в археологических комплексах центральных районов Москвы (а также в Коломенском) не ранее последней четверти XV в., но эти данные не были как-то обоснованы в научных изданиях и зафиксированы только один раз в опубликованной сводной хронологической таблице комплексов XIII–XVI вв. без всяких дополнительных пояснений (Московская керамика, 1991. Рис. 2).

При раскопках 2007 г. на Подоле Московского Кремля ангобированная керамика всех разновидностей встречена в очень небольшом числе и только в виде мелких обломков. При этом в комплексах, датированных ранее XV в., она не встретилась ни разу, а в заполнениях построек XV в. учтено лишь шесть очень мелких обломков, которые, скорее всего, попали в них из более поздних слоев по микроперекопам. Вся такая керамика встречена тут только в слоях XVI и XVII вв. По итогам раскопок сделан осторожный вывод, что появление этой керамики на Подоле Кремля можно датировать временем не ранее второй половины XV в. (Коваль, 2018. С. 420). Действительно, материал не давал оснований для более точной датировки. В том же исследовании было показано, что известные находки целых ангобированных расписных псевдокумганов в Москве связаны только с контекстами первой половины XVI в., а сообщения о находках таких сосудов в слоях XV в. недостоверны (Коваль, 2018. С. 421).

Кроме Москвы находка верхней части псевдокумгана подмосковного производства известна на селище Большое Саврасово 2, где она происходила со дна погребка (объекта 234), датированного в публикации довольно широко – в пределах XV в. (Баранов, Фатьков, 2017. С. 172). Эта датировка исходила из находок в комплексе трех монет (младшая – 1422–1425 гг.), однако, судя по наличию в заполнении верхней и средней частей погребка керамики XVI в. (Баранов, Фатьков, 2017. С. 170, 172), засыпка его произошла не ранее начала XVI в. Ясно, что на дно погребка обломки сосуда попали в качестве мусора в тот момент, когда он был заброшен, либо при первом этапе его засыпки, т. е. в конце XV или начале XVI в., а сам он действительно принадлежал изделиям XV в. Но сосуд этот вряд ли прослужил долгое время, так что его производство более вероятно во второй половине XV в. От ангобированных расписных псевдокумганов Москвы он отличался слабожелез-

ненной глиной (т. е. не имел отношения к керамике Москвы), не имел никакого ангобного покрытия и росписи, обладал не изогнутым, а прямым носиком-сливом и мембраной в горловине. На сегодняшний день это самый ранний образец псевдокумганов из московского региона.

При раскопках 2016–2018 гг. в Московском Кремле на месте Чудова монастыря расписная белоангобированная керамика встречена только в шурфах, в слоях конца XV – XVI в. (рис. 1, 3, 4), не содержащих достаточно репрезентативных наборов керамики, а потому не представляющих надежного аргумента в дискуссии о времени появления этой керамики в Москве. Раскопки 2019–2021 гг. в Большом сквере дали также относительно небольшое число образцов расписной керамики (не более 80), однако почти все они фиксировались исключительно в тех слоях и объектах, которые сформировались не ранее последней четверти XV в. Лишь шесть мелких обломков найдены в слое с широкой датой в пределах первой – третьей четвертей XV в.²

Таким образом, точная дата появления ангобированной расписной керамики в Москве до сих пор не установлена, но наиболее вероятным вариантом представляется, что это произошло не ранее последней четверти XV в. При этом никаких прототипов для нее ни по технике ангобирования, ни по набору форм, ни по декору в более ранних контекстах не обнаруживается, причем не только в Москве, но и в целом на территории Руси и вообще в Восточной Европе XIV–XV вв., в том числе в Волжской Булгарии, Нижнем Поволжье, Крыму. Не было их и в более раннее время, если, конечно, не обращаться к эпохам, отделенным от рассматриваемого периода многими столетиями, тем самым исключаящими какую-либо связь между подобными культурными явлениями.

Что касается даты прекращения производства такой керамики в Москве, то на этот счет имеются более определенные данные. Ее находки в контекстах, датированных позже XVI в., известны, однако ни одного целого сосуда или хотя бы части сосуда в них не обнаружено. Это заставляет думать, что такие находки являются материалом, переотложенным из ранних слоев. Прекращение производства ангобированной керамики (включая расписную и глиняные игрушки всех видов) в Москве совпало с завершением изготовления многих других типов посуды, и прежде всего самой массовой – красно-

² Данные приведены по материалам статистических таблиц керамики в отчетах о раскопках 2019–2021 гг. Н. А. Макарова, В. Ю. Коваля и Р. Н. Модина.

глиняных кухонных горшков. К сожалению, письменные источники, которые объясняли бы такую глобальную смену производства и потребления керамики в Москве, не сохранились. Поэтому можно только предполагать, что это событие носило катастрофический характер и было связано с физической гибелью гончаров, производивших основную массу керамической посуды в Москве. Иную причину предположить трудно, поскольку гончарные горшки являлись в то время предметами первой необходимости, без них десятки тысяч жителей Москвы не могли бы приготовить себе пищу. Наиболее вероятной причиной исчезновения производства московской керамической посуды могло стать разорение Москвы крымскими татарами в 1571 г., когда весь город был сожжен, а значительная часть его жителей убита или взята в плен. Возможно, в число погибших и плененных попали и жители Гончарной слободы (Коваль, 2001. С. 103). В дальнейшем Гончарная слобода продолжала существовать, но вместо прежней керамики в ней стали производить совсем иные типы посуды, а также печные изразцы. При этом, несмотря на смену ассортимента, некоторые разновидности прежней продукции не исчезли вовсе, а лишь резко (в десятки и сотни раз) сократились в объеме производства (например, те же кухонные горшки), тогда как другие, наоборот, получили дальнейшее распространение (чернолощенная посуда, печные изразцы). Следовательно, гибель гончаров «старой формации» не была тотальной, но среди тех, кто этой гибели не избежал, вполне могли быть именно немногочисленные производители такого ограниченного в потреблении типа, как ангобированная посуда.

В Смутное время начала XVII в., когда население Москвы сменилось почти полностью, производство кухонной керамики в Москве прекратилось окончательно, но чернолощенная посуда сохранила континуитет, не исчезло и производство печных изразцов, хотя их облик изменился весьма значительно. Таким образом, существенное сокращение числа московских гончаров и переориентация оставшихся на иные виды продукции очевидны. Для восполнения потребности в кухонной посуде наладили привоз в Москву партий керамических изделий сначала (в конце XVI в.) из Гжели, а после Смуты – из Коломны (Коваль, 2001; 2005).

Если для исчезновения московской ангобированной керамики имеется изложенная выше гипотеза, то объяснения причин начала ее изготовления долгое время не существовало. Выше уже отмечалось отсутствие такой керамики в Восточной Европе в XIV–XV вв. Нет ее или каких-то похожих

изделий и в более дальних странах Востока – Турции, Иране и Мавераннахре. Зато белоглиняная керамика с росписью красной краской изготавливалась в Германии в XI–XV вв. (Krabath, 2012. Abb. 43, 2; Oettel, 2012. Abb. 4–9; Heege, 2012. Abb. 73), Венгрии в XIV в. (Rácz, 2019. Кер. 224) и Сербии в XVI в. (Bikić, 2003. Sl. 11, 12). Но Москва не имела в XV в. никаких постоянных контактов с этими странами, поэтому пути трансляции этой керамики оттуда предполагать не приходится. Разумеется, торговые контакты с Германией и другими странами Северной Европы были у Новгорода, окончательно подчиненного Москвой как раз во второй половине XV в., но среди новгородских материалов, в том числе германских импортов, нет такой керамики. К тому же различие между бело- и красноглиняной керамикой заключается не только в цвете глины, но и во многих иных деталях технологического процесса. Поэтому пытаться искать истоки московской ангобированной керамики на севере Европы представляется бесперспективным.

Однако в Европе имелась страна, в которой на протяжении долгого времени, с IV по XIII в., производилась посуда с росписью красной краской по белоангобированной поверхности (Cantini, 2009. Fig. 7). Это Апеннинский полуостров – будущая Италия. Особенно широко в XIII–XIV вв. такая посуда была распространена в южной части полуострова (Preta, 2017. Fig. 4, 6, 7; La Serra, 2017. Tav. 2, B, E; Castaldo, Mollo, 2018. Fig. 3), где ее доля в общей массе собранной при проведении археологических исследований керамики составляла от 5 до 10% (La Serra, 2017. P. 344) (рис. 3, 1, 2). Правда, на севере полуострова (в Ломбардии) такая керамика заметного распространения не получила, хотя в Риме и городах Тосканы керамика с красной росписью в XI–XII вв. могла составлять более половины всей столовой посуды (Dada, 2011. P. 337). Между тем у Москвы во второй половине XV в. связи имелись именно с Римом и городами Северной Италии, но вовсе не с южной частью полуострова. Сам по себе этот факт еще не исключает «итальянского» следа в поисках истоков московской посуды, оставляя простор для дальнейших исследований.

Связи Москвы с городами Северной Италии стали укрепляться после женитьбы в 1472 г. великого князя Ивана III на византийской принцессе (дочери последнего деспота Морей Фомы) Софье Палеолог, жившей в Риме после падения Константинополя и столицы Морей Мистры (в 1460 г.). Благодаря связям Софьи и ее окружения великий

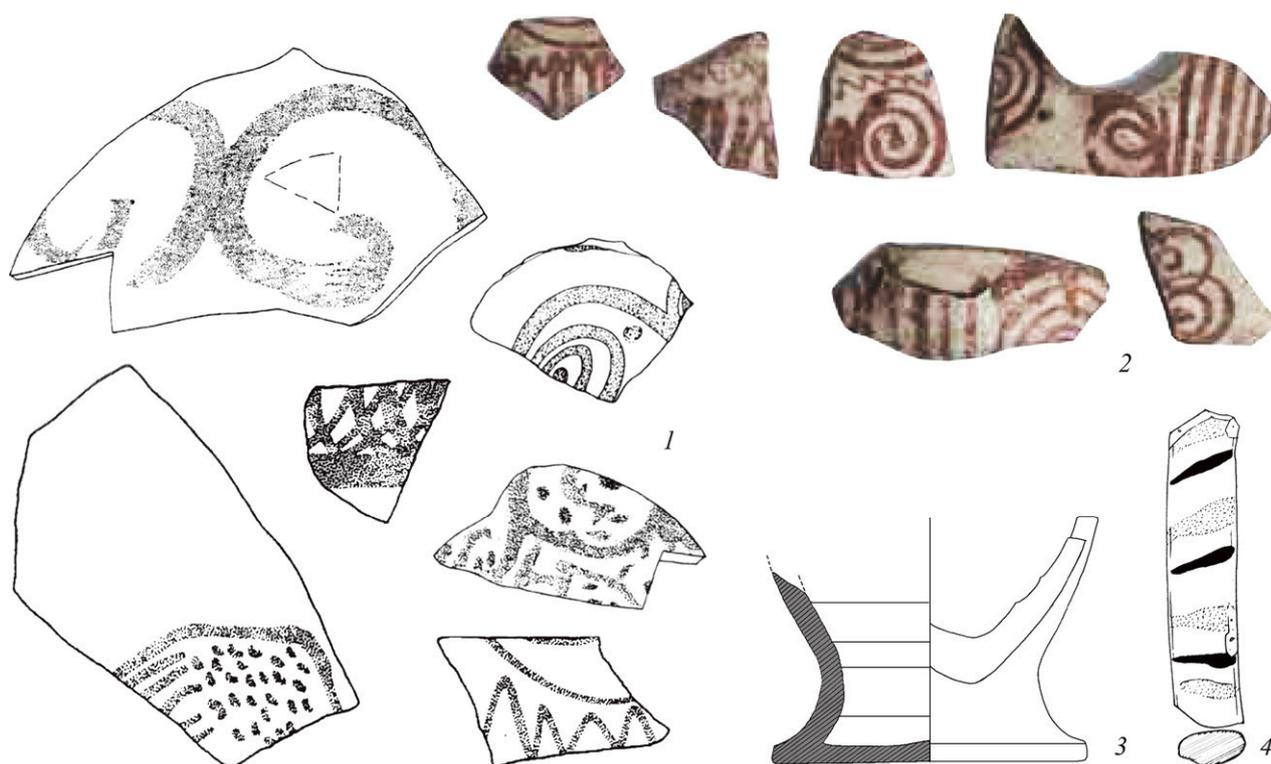

Рис. 3. Образцы итальянской керамики с красной росписью XII–XIV вв. (1, 2) и *maiolica arcaica* XIII–XIV вв. (3, 4)
 1 – обломки сосудов из Сант-Анджело-дей-Ломбарди и Торелла-дей-Ломбарди в Кампанье, XII–XIII вв. (Rotili, 2015. Fig. 2, 1–6); 2 – стенки сосудов из Вибо-Валентии в Калабрии, XIII–XIV вв. (Preta, 2017. Fig. 4, 6); 3 – дно типичного кувшина с «ложным поддоном» (Lavagna, Trucco, Benente, 1990. Tav. 3, 23125); 4 – типичный декор на ручках кувшинов (Lavagna, Trucco, Benente, 1990. Tav. 4, 23522)

князь Иван стал приглашать итальянских³ мастеров для обновления облика столицы Руси, производства артиллерии и налаживания монетной чеканки. Одним из первых и наиболее известным таким мастером стал архитектор из Болоньи Аристотель Фиораванти (*Ridolfo Aristotele Fioravanti*, ок. 1415 – ок. 1486), прибывший в Москву в 1475 г. Он организовал здесь производство кирпича по европейскому стандарту, усовершенствовал монетную чеканку, построил Успенский собор Кремля и, возможно, составил проект строительства Кремля. В дальнейшем это строительство осуществили другие итальянские мастера, продолжавшие стройку три десятилетия (1485–1516). Кроме того, итальянские инженеры занимались строительством церквей, мостов и приграничных крепостей, изготовлением пушек и, вероятно, многим другим, о чем письменные источники не донесли сведений.

Впервые мысль о том, что именно итальянцы, приехавшие в Москву в последней четверти XV в., организовали производство расписной ангобированной керамики, высказана в статье группы московских археологов в 2015 г. (Векслер, Гусаков, Патрик, 2015. С. 444–446). Действительно, появление такой керамики в Москве по времени фактически совпадает с приездом Аристотеля Фиораванти и других итальянских мастеров, и такая гипотеза вполне жизнеспособна. Но в публикации 2015 г. она не подкреплялась ничем, кроме общих рассуждений (безусловно, верных) и ссылки на публикацию этнографической керамики из современной Италии, городка Понтекорво (Векслер, Гусаков, Патрик, 2015. Рис. 13, 14; *Ceramica popolare...* 1982). Последний аргумент, конечно, неприемлем, поскольку не доказан континуитет современного керамического производства со средневековым.

³ Применение по отношению к Фиораванти и другим мастерам из городов Ломбардии термина «итальянцы», безусловно, анахронизм, поскольку Италия как государство и географическая реальность появилась только в 1861 г., однако как в России, так и в Европе существует негласное отождествление Италии и Апеннинского полуострова, что позволяет с определенной долей условности экстраполировать этноним «итальянцы» на средневековых жителей полуострова.

Как было показано выше, пока трудно проследить прямую связь между приезжавшими мастерами из городов Ломбардии и производством расписной керамики в Южной (и в меньшей степени Северной) Италии в XII–XIV вв. при отсутствии надежных данных о ее популярности в XV–XVI вв. К тому же в XIV–XV в. в Италии произошел взрывной рост производства поливной посуды (майолики), отодвинувший на задний план все разновидности неглазурованной керамики. Это касается не только средневекового быта, но, как следствие, и объема археологического материала, который в гораздо меньшей степени отражен в археологических публикациях итальянских коллег.

Авторы гипотезы об итальянском происхождении расписной ангобированной посуды считали, что в Москве ее поначалу изготавливали сами итальянцы и лишь затем это дело перешло в руки московских гончаров (*Векслер, Гусаков, Патрик, 2015. С. 446*). С таким посылом можно согласиться при условии, что в слоях конца XV в. в Москве был бы найден хоть один обломок московской керамики, изготовленной по технологическим нормам средневековой Италии – с применением метода вытягивания сосуда из комка глины на быстро вращающемся ножном гончарном круге. Но таких находок неизвестно, как не найдены пока и сами итальянские прототипы московской керамики, привезенные в столицу Руси в багаже приезжих мастеров. Все известные сегодня целые сосуды и обломки принадлежат изделиям, выполненным на ручном гончарном круге методом спирального налета, что хорошо видно по внутренней поверхности сосудов (*Векслер, Гусаков, Патрик, 2015. Рис. 11*). Довольно сложно допустить, что приехавший из Италии гончар (а другой человек и не взялся бы за такую грязную, но требующую специального умения работу) мог отказаться от привычного ему прогрессивного навыка и перенять технологически отсталый метод работы на ручном круге. Да и сам приезд итальянского гончара в Москву представляется более чем сомнительным: гончары не относились к числу высококвалифицированных специалистов, приглашаемых московским правительством, и вряд ли могли оказаться в окружении приглашенного архитектора или инженера.

Но если в Москву не привозили прототипы сосудов и не приезжал итальянский гончар, то как вообще могла произойти трансляция идеи изготовления такой керамики? Попробуем ответить на этот вопрос. Сегодня мы не знаем, как много итальянцев проживало в Москве в конце XV – первой половине XVI в. Известны лишь около 15 имен мастеров,

причем многие из них приезжали на смену другим, прибывшим ранее, а имена многих мастеров не сохранились в письменных источниках (*Медведь, Молошикова, 2023. С. 9*). Однако трудно допускать, что они приезжали в Москву поодиночке, более вероятно, что их сопровождали помощники, ученики, слуги. Следовательно, на протяжении примерно 80 лет, с 1460-х по 1540-е годы, в Москве постоянно проживали группы жителей Апеннин (причем совсем не обязательно родом только из Ломбардии), прибывших сюда в качестве высокооплачиваемых специалистов, которые на фоне остального населения города должны были выглядеть богачами. Такие люди вполне могли позволить себе налаживать свой быт по тем меркам, к которым они привыкли на родине. И первое, что они могли организовать для себя, – это изготовление домашней утвари, похожей на ту, которой они пользовались в городах Италии, а среди нее неизбежно присутствовала столовая посуда. Приготовление пищи было делом слуг из местного населения, которому горшки иноземного фасона были не нужны. А вот на столе у итальянцев должны были стоять привычные им сосуды или хотя бы отдаленно напоминавшие их. Конечно, прежде всего итальянец захотел бы иметь у себя на столе майолику – глазурованные тарелки и кувшины. Глазурованная посуда в Москве и некоторых других городах Руси производилась (*Коваль, 2008; 2021; Романова, 2009*), однако в очень небольшом количестве, и она сильно уступала полихромной итальянской майолике; российская керамика была монокромной (с зеленой глазурью). Доставить майолику из Италии, наверное, было возможно, но слишком дорого и слишком долго, во всяком случае, пока находки такой керамики в Москве неизвестны. Имелась еще восточная посуда, которая в XV в. в Москву поступала, но в очень небольшом количестве, к тому же она была чужда итальянцам и вряд ли могла полноценно заменить родную майолику. Заказать столовую посуду можно было у любого местного гончара, но раз он не мог изготовить майоликовый сосуд, оставалось найти более простую в производстве разновидность керамики, которая все же напоминала бы о родине. На роль такой посуды вполне подходила расписная неглазурованная керамика.

Тут, правда, возникала одна проблема: как при отсутствии сосуда-образца объяснить гончару, какую именно продукцию от него хотят получить? Решить эту проблему мог рисунок на бумаге или ином материале. Итальянские инженеры, не будучи художниками, нарисовать кувшин могли очень хорошо. Во второй половине XV в. в Москве уже

имелись опытные гончары, умевшие делать высококачественную красноглиняную керамику, в том числе лощеную. Изготовить белый и красный ангоб тоже вряд ли составляло проблему для гончаров высокой квалификации, хорошо знавших свойства разных глин, добывавшихся в Москве и ее окрестностях. Но изготовить сосуд, в точности повторяющий рисунок (или даже сосуд-образец), гончар не был в состоянии, у него неизбежно получался несколько иной по пропорциям и общей профилировке сосуд. Такой вывод сделал в свое время еще А. А. Бобринский, изучавший этот вопрос и проведший серию экспериментов с гончарами, предлагая им изготовить копию конкретного горшка (Бобринский, 1999. С. 53–56; 2018).

Таким образом, формы ангобированной расписной посуды, если они создавались московскими гончарами по рисункам или указаниям итальянцев, тем более не могли повторить итальянские прототипы, хотя они вполне могли быть изготовлены «по мотивам» таких прототипов (в том виде, как их помнили заказчики-итальянцы) и включать отдельные узнаваемые элементы морфологии и декора, если таковые подробно разъяснены гончару. При этом, разумеется, сплошное покрытие сосуда белым ангобом и выполнение росписи усложняли и удлинляли процесс производства сосудов, что удорожало конечную продукцию. Но при наличии спроса на эту посуду неизбежно возникало и предложение.

Видимо, именно так начиналось производство необычных для Москвы сосудов, что стали производить московские гончары в последней четверти XV в. Конечно, речь идет о весьма ограниченном по объему производстве, в котором была задействована, возможно, всего одна семья гончаров (либо несколько семей, если они производили наряду с ангобированной какую-то иную посуду).

Самой распространенной и чаще всего встречаемой формой расписной ангобированной посуды Москвы являются псевдокумганы с немного изогнутым трубчатым носиком-сливом (рис. 1, 1; 2, 1). До XV в. такие сосуды на Руси и вообще в Восточной Европе не производились, если не считать зооморфные сливы новгородских фигурных водолеев с рельефным декором (Поветкин, 2004. Табл. 3, 1) и тверские поливные псевдокумганы (Романова, 2009. Рис. 4, 1; 8, 4–6; 10, 1–2), но они были чрезвычайной редкостью в XIV–XV вв. Похожие керамические и металлические сосуды существовали в странах Востока и Западной Европы, но указать конкретный прототип московской формы пока невозможно. Тем не менее имеются признаки, по которым московские кувшины все-таки

можно связывать своим происхождением с Европой и даже более конкретно – с Италией XV в.

1. По форме тулова московские псевдокумганы с красной росписью по белому ангобу более всего напоминают майоликовые кувшины Средней и Северной Италии с высоким горлом, но без трубчатых носиков-сливов (Berti, 1997. Fig. 120, 121) (рис. 4, 1, 2).

2. Днища псевдокумганов в виде «ложного поддона» – расширения ко дну, имитирующего настоящие высокие поддоны. Такую форму имели многие кувшины итальянской майолики (Cristofani, 1971. Fig. on p. 4; Blake, 1980. Fig. 3, 4, 15; Francovich, 1982. Fig. 122, 1. Fig. on p. 125; Francovich, Gelichi, 1983. Tav. 1; Ravanelli, 2001. Fig. 3, b) (рис. 3, 3; 4, 1, 2). Правда, такую же форму имели и многие металлические кувшины, изготавливавшиеся в странах Европы, а вот они-то как раз и были снабжены изогнутыми трубчатыми носиками-сливами (например, образец с музейным номером H245 в экспозиции музея прикладного искусства города Кёльна, Германия) (рис. 4, 3). На итальянских майоликовых кувшинах носики-сливы делались в виде короткой прямой трубки, врезанной в верхнюю часть тулова и прикрепленной к горловине при помощи глиняного жгута, хотя известны и редкие формы с изогнутым трубчатым сливом (Busto, Ciminale, dell'Aquila, 2001. Fig. 14. Tav. 1, 7) (рис. 4, 4).

3. Вертикальные керамические пластины с отверстиями, соединявшие трубчатый носик-слив с краем горла сосуда (Розенфельдт, 1968. Табл. 6, 27). Такие пластины имеются на итальянских глазурованных кувшинах относительно близкого времени (XI–XII вв.) из раскопок в крипте Бальби в Риме (рис. 4, 5).

4. Манера росписи красной краской по белому (светлому) фону. При этом в Италии красная роспись наносилась преимущественно на тарную керамику (крупные горшковидные сосуды и амфоры), а не на столовую посуду. В итальянской керамике с красной росписью (*ceramica dipinta a bande rosse*) орнамент ограничивался полосами, зигзагами и спиральями в свободной манере (рис. 3, 1, 2), тогда как в Москве эта роспись состояла из геометрических фигур или растительных побегов, расположенных горизонтальными поясами на тулове сосуда и волнистых полос, проведенных по вертикали (рис. 2, 1, 2). Но наряду с этим ярким различием имеется один элемент, который не встречается на других типах московской керамики, зато известен только на итальянской майолике. Это горизонтальные полосы

Рис. 4. Итальянская керамика с чертами сходства с московской XV–XVI вв.

1, 2 – майоликовые расписные кувшины из раскопок у скалы Сан-Сильвестро к югу от Пизы (Тоскана), XIII–XIV вв. (Berti, 1997. Fig. 120, 121); 3 – латунный кувшин (Музей прикладного искусства г. Кёльн, Германия); 4 – майоликовый кувшин из раскопок в Чериньоле, пров. Фоджа, Южная Италия, XIII–XIV вв. (Busto, Ciminale, Aquila, 2001. Fig. 14.

Tav. 1, 7); 5 – глазурованный кувшин XI–XII вв. из раскопок крипты Бальби, Рим. 3, 5 – фото автора

на ручках кувшинов⁴ (рис. 1, 1; 2, 1, 2). Таким образом, московские расписные сосуды надо сравнивать не только и не столько с расписной керамикой Италии, сколько со всей итальянской посудой эпохи Предренессанса и раннего Ренессанса, включая такую разновидность, как *Maiolica Arcaica*.

Итак, московская расписная ангобированная керамика в ее посудном варианте не была простой репликой с итальянских прототипов, она существенно от них отличается, поскольку формировалась не путем слепого копирования, а в ходе осмысления московскими гончарами тех требований и пожеланий, которые высказывались им итальянскими заказчиками. Эта посуда включает несколько элементов, встречающихся в XII–XV вв. только в керамике Италии: «ложные поддоны» в нижней части тулова кувшинов, наличие носиков-сливов, способ крепления этих элементов к горлу кувшина при помощи перфорированной пластины, сама идея красной росписи по светлому фону. Знать обо всех этих элементах могли только жители Италии, и только они могли донести до русского гончара, как можно изготовить такие элементы, как они должны выглядеть. Поэтому надо говорить не о копировании того или иного конкретного типа итальянской керамики, а о восприятии общего представления о красивой столовой посуде, переданного от одного народа к другому, преодолевая языковой и культурный барьеры.

Европейским новшеством в московской расписной ангобированной посуде последней четверти XV в. стал и водолей (акваманил) в виде фигуры барана с головой, украшенной закрученными в спираль рогами (рис. 1, 4). Такие сосуды во многих странах Европы изготавливались как в роскошном варианте бронзовых фигур всадников, зверей или чудовищ, так и в более простом исполнении керамических изделий. Очевидно, что именно последние стали образцами для подражания со стороны московских гончаров. К сожалению, ни одного целого водолея такого облика в Москве до сих пор не найдено, однако известны близкие (или даже идентичные?) по форме сосуды другого типа керамики – чернолощеной, производство которой наладилось в Москве во второй четверти XVI в., а сама керамика получила тут широчайшее распространение. Анализ формы московского водолея-рукомоя позволил установить ее западноевропейские истоки (Беляев, 2008. С. 42; Коваль, 2019. С. 392, 393), однако в чернолощеную керамику

эта форма пришла не напрямую из Европы, а через посредство московской ангобированной керамики, адаптировавшей ее на полстолетия раньше начала распространения чернолощеной посуды.

Детские игрушки, распространившиеся в Москве к концу XV в., не обязательно стали прямым заимствованием из Италии. Их изготавливали в русских городах и ранее (особенно это касается фигурок медведей – животных, которые в Италии вообще не водились), а также разнообразных погремушек и свистулек. Керамические игрушки изредка встречаются в некоторых городах Руси (включая Москву) даже в слоях домонгольского времени (Рабинович, 1971. Рис. 16, б), однако до XVI в. такие находки представляют собой большую редкость. В Европе ситуация была несколько иной, и керамические игрушки там были распространены гораздо шире уже с XII в. (Slivka, 1991; Hoffmann, 1996; Gomes M. V., Gomes R. V., Casimiro, 2018; Beutmann, 2020). Следовательно, быстрое появление моды на такие игрушки в Москве к концу XV в. можно связывать с каким-то внешним импульсом. Среди московских игрушек далеко не все были покрыты белым ангобом, а среди последних не все несли роспись красками, но именно ангобированные и расписные игрушки количественно преобладали над иными разновидностями (Коваль, 2018. С. 432–436. Табл. 1, 2). И хотя искать прототипы этих игрушек в странах Европы бесперспективно, между распространением этих вещей, появлением белоангобированной керамики и приездом итальянцев в Москву прослеживается непосредственная территориально-хронологическая связь. Кстати, и прекращение производства в Москве игрушек всех разновидностей произошло синхронно с прекращением производства белоангобированной посуды, а на смену им пришли игрушки, привозившиеся из других городов Руси.

Новые для Москвы и совершенно необычные, очень яркие, красивые сосуды, вероятно, оказались востребованы у русских горожан. И если покупателями дорогостоящих псевдокумганов и водолеев для украшения своего стола кроме итальянцев могли быть только состоятельные москвичи (аристократия, купцы, чиновники), которые имели средства для украшения своего стола, то керамические детские игрушки стоили, видимо, гораздо дешевле и по этой причине стали популярны в самых широких слоях населения.

⁴ Здесь надо напомнить, что на ручке псевдокумгана из Большого Саврасова точно такие же горизонтальные линии нанесены путем прочерчивания палочкой по сырой глине (Баранов, Фатков, 2017. Рис. 8). На других кувшинах русского производства такой декор неведом.

Таким образом, есть основания предполагать, что белоангобированная посуда (включая расписную) появилась и распространилась в Москве именно в связи с приездом итальянских мастеров, и в этом случае начальным рубежом ее производства надо считать последнюю четверть XV в. Исключение, возможно, могла составлять только посуда с росписью пятнами белого ангоба. Такая керамика неизвестна в Италии, так что связывать ее с влиянием иностранцев кажется преждевременным. К тому же формы этой посуды совершенно иные: среди них нет псевдокумганов, зато имеются кувшины-кружки усеченно-конической профилировки, производившиеся в Москве уже в XIV в. Можно думать, что роспись пятнами белого ангоба – это изобретение собственно московских гончаров, но когда именно оно произошло, насколько ранее прибытия в Москву первых итальянских мастеров, пока установить сложно.

Почему же тогда после погрома 1571 г. эта керамика перестает производиться в Москве? Причин тому могло быть несколько, и самая главная из них уже названа выше.

1. Производители расписной ангобированной керамики, скорее всего, погибли при погроме Москвы и унесли с собой навыки украшения этой посуды.

2. Моду на подобную керамику ввели итальянцы и подпитывали ее до тех пор, пока они проживали в Москве. Но после 1540-х годов итальянских специалистов сменили «гости» из других стран Европы – преимущественно из Германии, где такая посуда не была в моде.

3. После погрома 1571 г. покупательная способность москвичей (даже самых богатых) резко снизилась, и столовая посуда не была у них в приоритете покупок. А после нормализации жизни более популярной стала чернолощенная посуда, производитель которой, судя по всему, избежали погрома, поскольку объем производства такой керамики в Москве не уменьшился, а только нарастал. Интересно, что эта группа гончаров была, вероятно, как-то связана с «проитальянской», поскольку переняла у них не только водолей, но и псевдокумганы с трубчатыми носиками-сливами (Коваль, 2019. С. 386).

Расписная ангобированная керамика, таким образом, является редким материальным свидетельством синтеза гончарных традиций Италии и России, осуществленного без прямого контакта гончаров, однако благодаря длительному проживанию в Москве итальянцев.

Литература

Баранов Н. А., Фатьков А. М., 2017. Кумган редкой разновидности из раскопок селища Большое Сарасово 2 // АП. Вып. 13. М.: ИА РАН. С. 169–178.

Беляев Л. А., 2008. Новое в археологии Москвы: раскопки и культурно-исторические проблемы // Вестник истории, литературы, искусствоведения. Т. V. М.: Собрание, Наука. С. 40–56.

Бобринский А. А., 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: СамГПУ. С. 5–109.

Бобринский А. А., 2018. Механизмы встраивания и адаптации новых форм сосудов // Формы глиняных сосудов как объект изучения. Историко-культурный подход. М.: ИА РАН. С. 60–62.

Векслер А. Г., Гусаков М. Г., Патрик Г. К., 2015. Московская красноглиняная (гладкая) и ангобированная керамика XV–XVI веков по материалам раскопок на Ильинке и в Старом Гостином дворе // АП. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 437–448.

Вишневецкий В. И., 2024. История раскопок Н. П. Милонова в Радонеже в 1930-е годы // АП. Вып. 20. М.: ИА РАН. С. 64–77.

Дорофеева Т. С., Полигаев В. С., 2020. Глиняные игрушки Рюрикова городища // Археологические вести. № 28. С. 124–133.

Коваль В. Ю., 2001. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // РА. № 1. С. 98–109.

Коваль В. Ю., 2005. Позднесредневековая керамика коломенского типа // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV веках. Тула: Инфра. С. 251–265.

Коваль В. Ю., 2008. Поливная керамика с рельефным декором на Руси // АП. Вып. 4. М.: ИА РАН. С. 27–32.

Коваль В. Ю., 2018. Керамика из раскопок на Подоле Московского Кремля. Малосерийные группы // АП. Вып. 14. М.: ИА РАН. С. 414–441.

Коваль В. Ю., 2019. Московская чернолощенная посуда // АП. Вып. 15. М.: ИА РАН. С. 383–400.

Коваль В. Ю., 2021. Поливной водолей с рельефными изображениями из Коломны // Мир Средневековья: познавая прошлое. К 70-летию отдела средневековой археологии. М.: ИА РАН. С. 147–172.

Коваль В. Ю., 2022. Бытовая посуда // Древности Московского Кремля. Т. 1. Археологические

исследования на месте Чудова монастыря. М.: ИА РАН. С. 205–231.

Медведь А. Н., Молошикова М. А., 2023. И на рекоша имя граду Китай. М.: Кучково поле. 192 с.

Московская керамика. Новые данные по хронологии. М.: ИА РАН, 1991. 198 с.

Нестерова Н. В., 2002. Глиняные игрушки XIV–XVIII вв. из археологических коллекций Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Каталог. Владимир: ВСМЗ. 42 с.

Панченко К. И., 2022. Изделия из камня и глины // Древности Московского Кремля. Т. 1. Археологические исследования на месте Чудова монастыря. М.: ИА РАН. С. 199–204.

Поветкин В. И., 2004. Инструментальные музыкальные древности, открытые в Великом Новгороде в 2003 г. // ННЗ. Вып. 18. Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник. С. 77–92.

Рабинович М. Г., 1971. Культурный слой центральных районов Москвы // Древности Московского Кремля. М.: АН СССР. (МИА. № 167). С. 9–116.

Розенфельд Р. Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М.: Наука. (САИ. Вып. Е1-39). 99 с.

Романова Е. А., 2009. Поливная посуда XIV–XVI вв. из раскопок в Твери // ННЗ. Вып. 23. Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник. С. 310–339.

Фатьков А. М., Баранов Н. А., 2015. Находка ангобирванного кумгана с раскопа 2 на селище Большое Саврасово 2 // АП. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 422–432.

Фехнер М. В., 1949. Глиняные игрушки московских гончаров // МИА. № 12. С. 52–56.

Черкасов В. В., 2004. Коломенская глиняная игрушка XV–XVIII веков в игровой культуре средневековой Руси (по материалам археологических раскопок в Коломне в 1990–2000 гг.) // АП. М.: ИА РАН. С. 309–332.

Berti G., 1997. Pisa. Le «Maioliche Arcaiche». Secc. XIII–XV (Museo Nazionale di San Matteo). Firenze: Edizioni All'Insegna del Giglio. 320 p.

Beutmann J., 2020. Playing or believing: small ceramic sculptures from Saxony and Czechia // Krajinnou archeologie, krajinnou skla: Studie věnované PhDr. Evě Černé. Praha, Most. Archeologický ústav AV ČR; Ústav archeologické památkové péče severozápadních Čech. P. 69–78.

Bikić V., 2003. Gradska keramika Beograda (16–17. Vek). Beograd: Arheološki Institut. 187 s.

Blake H., 1980. The archaic Maiolica of north-central Italy: Montalcino, Assisi and Tolentino // Faenza. An. LXVI. P. 91–152.

Borkowski T., 1999. Rozrywka – zabawki i drobna plastyka figuralna // Ze studiow nad zyciem codziennym w sredniowiecznym mieście. Parcele przy ul. (Wratislavia Antiqua. Vol. 1.). Wrocław. P. 187–201.

Busto A., Ciminale D., dell'Aquila C., 2001. Ceramiche da un sito dei Cavalieri Teutonici: lo scavo di Torre Alemanna in Capitanata // Albisola. Atti XXXII Convegno internazionale della ceramic 1999, Atti XXXIII Convegno internazionale della ceramic 2000. Firenze. P. 325–336.

Cantini F., 2009. Produzione, circolazione e consumi del vasellame decorato con ingobbio rosso in Toscana tra I–II e XIII secolo // La Ceramiche di Roma e del Lazio in eta Medievale e Moderna / Atti del VI Convegno di studi la ceramica dipinta in rosso. Roma. P. 59–79.

Castaldo V., Mollo G., 2018. La ceramica a bande della Campania interna: riesame delle evidenze e nuovi dati da Pago del Vallo di Lauro // XIth Congress AIECM 3 on Medieval and Modern Period Mediterranean Ceramics. Vol. 2. Ankara: Koç Üniversitesi. P. 395–399.

Ceramica popolare del Lazio. Roma: Quasar, 1982. 331 p.

Gomes M. V., Gomes R. V., Casimiro T. M., 2018. Ceramic Toys and Miniatures from the 16th–18th Century Found in Lisbon // Europa Postmediaevalis 2018: Post-medieval pottery between (its) borders. Oxford: Archaeopress Publishing Ltd. P. 261–268.

Cristofani M., 1971. Ceramiche medievali da Volterra // Faenza. An. LVII. P. 3–19.

Dada M., 2011. Populonia medievale: ceramica e pietra ollare dagli scavi dell'Acropoli // Archeologia Medievale. Vol. XXXVIII. Rome. P. 327–349.

Francovich R., 1982. La ceramica medievale a Siena e nella Toscana meridionale (secc. XIV–XV). Firenze: Edizioni All'Insegna del Giglio. 332 p.

Francovich R., Gelichi S., 1983. La ceramica medievale nelle raccolte del museo medievale e moderno di Arezzo. Firenze: Edizioni All'Insegna del Giglio. 76 p.

Heege E. R., 2012. Ofenkeramik und Kachelofen // Schweizer Beiträge zur Kulturgeschichte und Archäologie des Mittelalters. Bd. 39. Basel: Schweizerischer Burgenverein. 380 s.

Hoffmann V., 1996. Allerlay kurtzweil – Mittelalterliche und frühneuzeitliche Spielzeugfunde aus Sachse // Arbeits- und Forschungsberichte zur Sächsischen Bodendenkmalpflege. Vol. 38. P. 127–200.

Krabath S., 2012. Die Entwicklung der Keramik im Freistaat Sachsen vom späten Mittelalter bis in das 19. Jahrhundert // Keramik in Mitteldeutschland Stand der Forschung und Perspektiven. 41 Internationales

Hafnereisymposium des Arbeitskreises für Keramikforschung in Dresden, Deutschland / Veröffentlichungen des Landesamtes für Archäologie. Bd. 57. Dresden. S. 35–172.

Lavagna R., Trucco L., Benente F., 1990. I primi esempi di Maiolica Arcaica dagli scavi del Priamar // Atti XXIII Convegno Internazionale della ceramica. Albisola. P. 79–106.

Oettel G., 2012. Zur Interpretation von Keramikfunden aus Zittau und Muskau // Keramik in Mitteldeutschland Stand der Forschung und Perspektiven. 41 Internationales Hafnereisymposium des Arbeitskreises für Keramikforschung in Dresden, Deutschland / Veröffentlichungen des Landesamtes für Archäologie. Bd. 57. Dresden. S. 235–244.

Preta M., 2017. Nuovi dati sulle ceramiche provenienti dai butti Medievali di Vibo Valentia il contest di Via Lombardi // Atti XLIX Convegno Internazionale della ceramica. Savona. P. 327–334.

Rácz T. A., 2019. A pesti-síkság falvai a Magyar honfoglalástól a 14. Századig. Budapest: Archaeolingua. 513 p.

Ravanelli G. C., 2001. Maioliche Faentine del Rinascimento «Famiglia gotico-floreale a tavolozza fredda: gruppo Italo-Moresco» // Ceramiche da un sito dei Cavalieri Teutonici: lo scavo di Torre Alemanna in Capitanata // Albisola. Atti XXXII Convegno internazionale della ceramica 1999, Atti XXXIII Convegno internazionale della ceramica 2000. Firenze. P. 369–382.

Rotili M., 2015. Dalle ricerche di campo alla conoscenza delle produzioni ceramiche // Insediamenti e cultura material fra tarda antichità e medioevo (Atti del Convegno di studi Insediamenti tardoantichi e medievali lungo l'Appia e la Traiana Nuovi dati sulle produzioni ceramiche). San Vitaliano: Tavolario Edizioni. P. 9–46.

La Serra C., 2017. Tra Medioevo e Rinascimento. Circolazione ceramic in un piccolo centro Calabrese della costa Tirrenica: Rosarno (RC) // Atti XLIX Convegno Internazionale della ceramica. Savona. P. 335–349.

Slivka M., 1991. Mittelalterliche figurale Keramik in der Slowakei // Slovenská archeológia, Vol. 39. P. 331–364.

V. Yu. Koval

On the origin of red slip-painted white-coated ceramics made in Moscow in the 15th – 16th centuries

Summary

In the last quarter of the 15th century suddenly Moscow began producing tableware made from the red clay common to the city, but covered with a continuous layer of white engobe, on top of which was painted with red (engobes?) pigment. An analysis of

analogies allows us to support the hypothesis that such ceramics were made in imitation of Italian ware of the 13th – 14th centuries, thanks to the arrival in Moscow of Italian engineers in the last quarter of the 15th century, who lived here until the end of the 1530s.

С.В. Зацаринный*, И.Б. Маркина**

* Тульское музейное объединение, г. Тула

** ГВИПМЗ «Куликово поле», г. Тула

Рамочные терракотовые изразцы из раскопок на территории Тульского кремля

В результате археологических исследований, проводившихся в разные годы в кремле г. Тулы, получена представительная коллекция изразцов конца XVII – начала XX в., включающая несколько сотен предметов. Почти все они принадлежат печным наборам разных стилей, и лишь единичные экземпляры могут относиться к элементам внешнего оформления «каменного» Успенского храма XVII в. (судя по следам известкового раствора на поверхностях).

Настоящая публикация посвящена наиболее ранним изразцам – рамочным терракотовым¹, которые соотносятся с печами готического стиля (Немцова, 1989). Печи данного типа появляются в Москве во второй половине XVI столетия. В последней его четверти они уже широко распространяются как в хоромах аристократии, так и в палатах казенных учреждений (Мирясова, 2009; Баранова, 2011; Беляев, Глазунова, Смирнов, 2020. С. 119; Смирнов, 2015; Смирнов и др., 2020)². Появление первых готических печей в Туле, по-видимому, относится к концу XVI в. Как и в других городских центрах Русского государства, терракотовые печные наборы бытуют всю первую половину XVII в., постепенно замещаясь муравлеными.

Часть рамочных изразцов из раскопок в Тульском кремле уже публиковалась ранее (Варенов, 2001; Воронцова, 2008; Екимов, 2007; 2017; 2019;

Зацаринный, 2017). Однако отдельной сводной работы им посвящено до сих пор не было, что наряду с необходимостью более емкого анализа опубликованных предметов, возможностью реконструкции отдельных сюжетов и необходимостью введения в научный оборот находок, полученных в ходе раскопок последнего десятилетия, обуславливает актуальность настоящей статьи.

Выборка изразцов рассматриваемого типа включает менее двух десятков обломков без учета фрагментов румп, которые не всегда возможно однозначно атрибутировать³. Почти все они, за несколькими исключениями, происходят из разновременных слоев, по большей части не связанных с конкретными жилыми постройками. Распределение находок рамочных изразцов на плане кремля показывает, что они были встречены в его центральной и преимущественно северо-западных частях (рис. 1). Возможно, это объясняется нахождением здесь административных строений (приказная и губная избы), хором архиепископа и воеводы, дворов военно-служилой аристократии и Веневского монастыря, а также расположением здесь «теплой» Успенской церкви. Быть может, это обусловлено и лучшей археологической изученностью данной территории. Однозначно ответить на этот вопрос позволят лишь дальнейшие археологические исследования в других частях крепости.

¹ Термин «терракота» мы употребляем в широком значении этого слова, как изделия из обожженной глины без глазури, а не как керамика определенного цвета.

² Высказанное недавно мнение о появлении красных изразцов в великокняжеских резиденциях уже в первой половине XVI в. (Турова, 2023. С. 200–201) не выглядит убедительным ввиду явно недостаточной аргументации и, насколько нам известно, пока не поддержано исследователями архитектурной керамики.

³ Все рассматриваемые в работе изразцы хранятся в фондах ГУК ТО «Тульское музейное объединение». В связи с этим обращаем внимание на имевшее место ошибочное отнесение части из них к коллекции музея-заповедника «Куликово поле» (Воронцова, 2008. С. 19–20. Рис. 1).

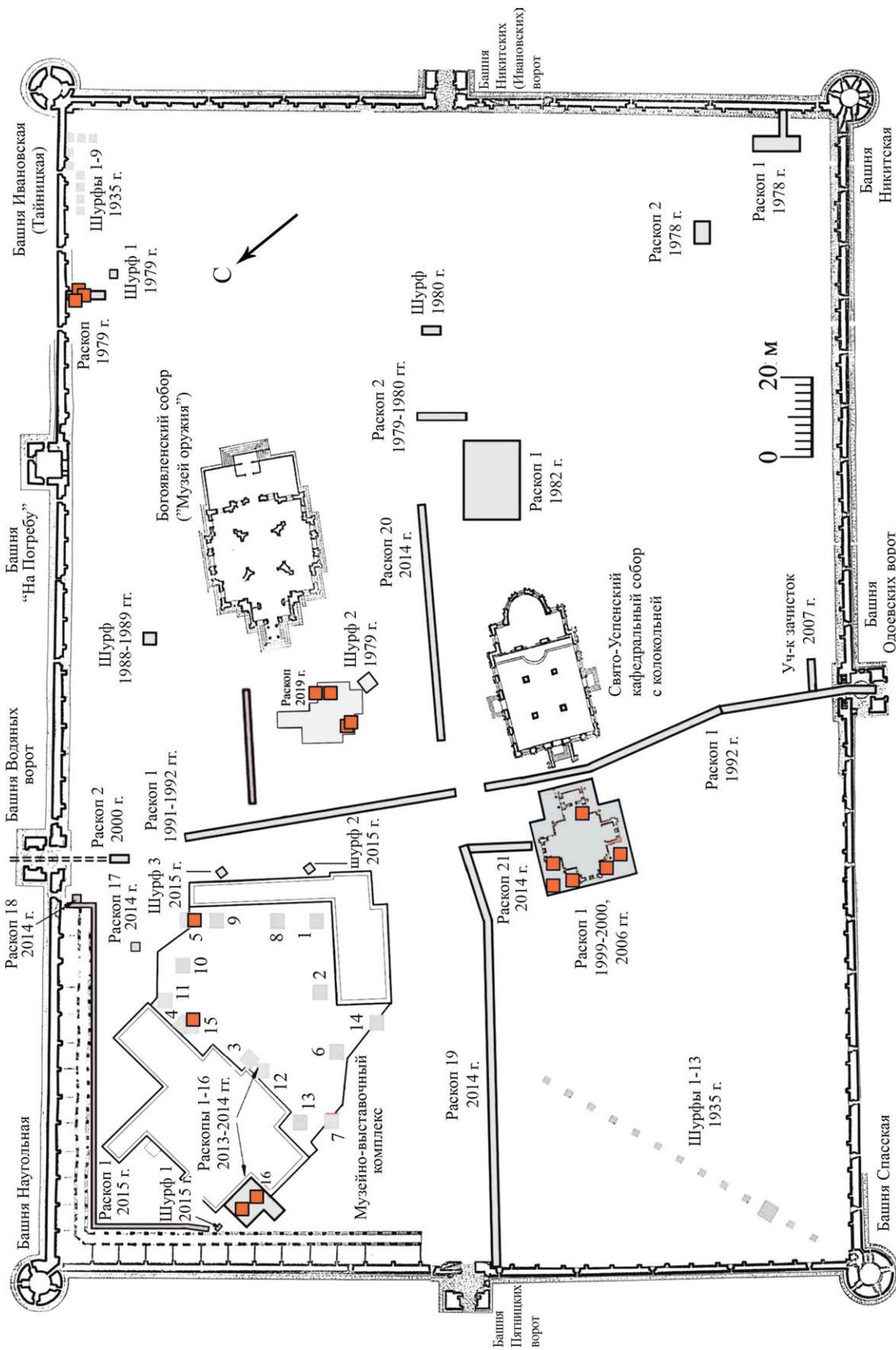

Рис. 1. Тульский кремль. Локализация находок рамочных terrакотовых изразцов на плане крепости

По цвету глины и составу формовочной массы почти все изразцы данной серии, за исключением двух обломков, сформованных из оже-лезненной глины, изготовлены из того же теста, что и тульская бытовая посуда: нежелезненная глина с естественными примесями мелкого визу-ально не фиксируемого песка и редкими ми-неральными (железистыми) включениями⁴. Сле-довательно, и цвет поверхностей выявленных изразцов варьируется преимущественно в диапа-зонах бежевого, светло-серого, бледно-желтого и бледно-розового оттенков. Эти признаки указы-вают на вероятное изготовление изразцов имен-но в Туле, тем более что применительно ко второй половине XVII – XVIII в. кирпично-кафельное производство здесь надежно локализовано на тер-ритории Гончарной слободы в Заречье и частич-но изучено археологически (Маркина, Простяков, 2022; Воронцова, Маркина, 2022).

Впервые фрагментированные рамочные из-разцы выявлены в Тульском кремле раскопками А. Б. Варенова в 1979 г. (Варенов, 1979). Материа-лы раскопок 1979–1980 гг. опубликованы автором работ в небольшой обобщающей статье (Варенов, 2001). Раскоп почти примыкал к средней части прясла городской стены между башнями На по-гребу и Ивановской. Находки изразцов автор со-отнес с заполнением жилой постройки, погиб-шей при пожаре в начале XVII в. С остатками ее конструкции связан частично исследованный по-греб длиной 3,2 м и глубиной 1,0 м, стены кото-рого укреплены «деревянными горбылями», а так-же «основание печи из двухслойной кирпичной кладки, впущенной в материк». Размер кирпи-ча – 30×15×9 см. Из заполнения постройки прои-сходят наконечники стрел, железная шпора, ключи, бронзовый равноконечный крест-тельник, костя-ной кочедык. В печном развале найдены фрагмен-ты трех изразцов, украшенных растительным ор-наментом (Варенов, 2001. С. 61).

Один из изразцов удалось реконструировать графически по имеющимся аналогиям из Мо-сквы (Мирясова, 2009. С. 416. Рис. 170, 3; Век-слер, Гусаков, Патрик, 2013. С. 164, ил. 9). Судя по размеру (18,5×18,5 см), это изразец «большой руки» (рис. 2, 1). Центральное место в его орна-ментальной композиции занимает восьмилепест-ковая розетка, состоящая из лепестков ланцетной и фигурной форм. Оконечности ланцетных ле-пестков, направленных к углам лицевой пластины,

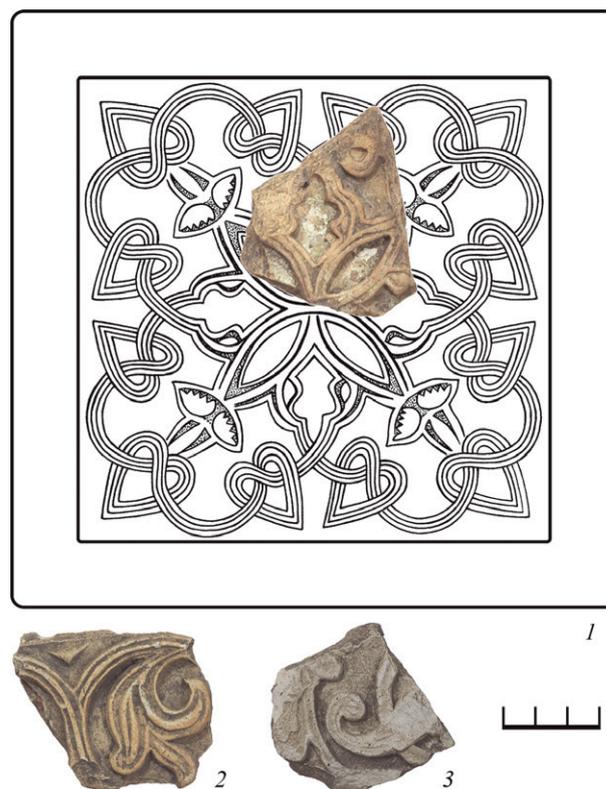

Рис. 2. Тульский кремль, 1979 г. Раскоп 1. Фрагменты изразцов с растительным орнаментом
1 – кв. 3, пл. 8; 2 – кв. 4, пл. 8; 3 – кв. 5, пл. 9

завершаются трилистниками, тогда как оконечно-сти фигурных лепестков переходят в трехжгутов-ую плетенку, плотно заполняющую поле вокруг розетки сердцевидными фигурами.

На втором обломке сохранился участок деко-ра в виде выполненного трехжгутовой плетенкой разветвляющегося стебля, на котором расположен трилистник (рис. 2, 2). Соотнести этот фрагмент с какой-то конкретной орнаментальной компози-цией пока не удалось.

На третьей плитке отчетливо фиксируется та-кой мотив растительной композиции, как зави-той трехжгутовый побег, завершающийся струч-ком – «перчиком» (рис. 2, 3). Судя по аналогиям с Романова двора, подобные мотивы применя-лись в декоре как стеновых изразцов, так и поя-совых (Мирясова, 2009. С. 415. Рис. 169). Наибо-лее ранние из них встречены в слоях конца XVI в. Обломок фриза с таким декором выявлен среди остатков печных наборов, связанных со зданиями Старых приказов в Московском Кремле (Смирнов и др., 2020. С. 271, 273. Рис. 2, 5).

⁴ В одной из недавно вышедших работ, посвященных тульским изразцам, коллеги неверно указали, что рамочные из-разцы, найденные на территории Тульского кремля, «изготовлены из красной глины» (Воронцова, Маркина, 2022. С. 182).

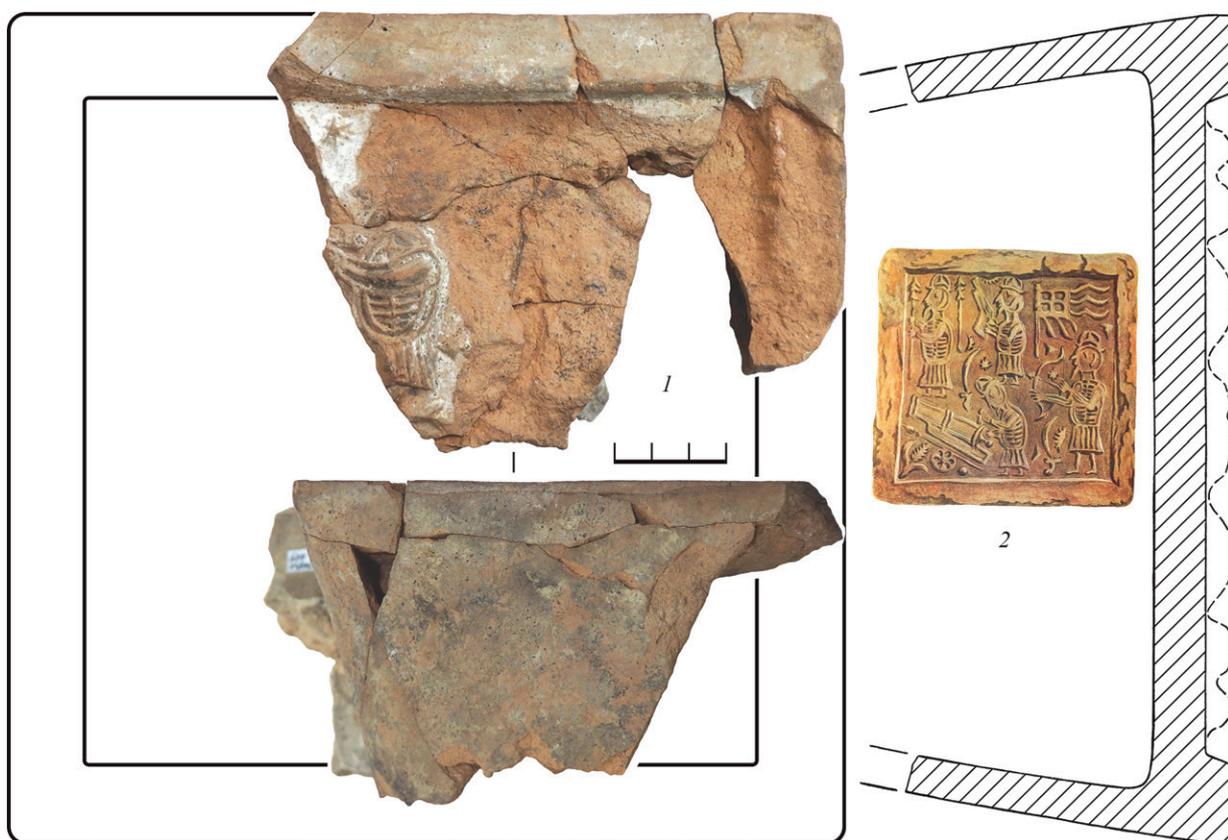

Рис. 3. Изразцы с батальными сценами

1 – фр-т лицевого изразца (Тульский кремль, 1999 г., р. 1, кв. 156, пл. 5); 2 – наиболее близкий по композиции сюжета красноглиняный изразец из раскопок в московском Зарядье (зеркальное изображение)

В статье А. Б. Варенова на иллюстрации с рамочными изразцами из постройки присутствует еще и обломок угловой части изразца (Варенов, 2001. С. 62. Рис. 2). Его визуальный анализ показал, что он не имеет отношения к рассматриваемой серии: на внутренней стороне плитки слабо сохранилось основание румпы, значительно отступающей от краев, на внешней поверхности видны следы сильно оплавленной глазури розового цвета, а декор в виде тонкого изогнутого стебля с отростками более характерен для изразцов ренессансных печей. Нахождение данного обломка в рассматриваемом комплексе очевидно свидетельствует в пользу «открытости» последнего.

Серия из шести фрагментированных изразцов получена в ходе раскопок Ю. Г. Екимова, осуществленных в 1999–2000 гг. на месте колокольни Свято-Успенского собора. Все они происходят из слоев и объектов XVII в. За исключением двух мелких обломков, эти находки неоднократно пуб-

ликовались автором работ (Екимов, 2007. С. 80, 111. Рис. 18, 1–4; 2017. С. 149, 151. Рис. 4, 1–3; 2019. С. 80–81. Рис. 13, 1–2).

Наиболее выразительный лицевой изразец этой выборки принадлежит к так называемой батальной серии, включающей пять сюжетов, иллюстрирующих один из эпизодов популярного в тот период литературного произведения «Александрия» (Розенфельдт, 1968. С. 60–61). Изразец представлен обломком правого верхнего угла (рис. 3, 1). На его лицевой пластине воспроизведен сюжет «Воины и пушкарь с пушкой в бою». С учетом наиболее близких (но не тождественных) аналогий удалось восстановить примерные размеры плитки – 22×22 см. Рамка изразца имеет ширину 2,0 см, ее рельеф аналогичен рельефу изображения – 0,7 см. Толщина самой плитки без учета рельефа составляет 1,4 см. Изделие сформовано из ожелезненной глины с естественной (?) примесью мелкозернистого песка⁵. На его внешних

⁵ При реставрации этого фрагмента в 1999 г. С.В. Зацаринный зафиксировал продольное расслаивание лицевой поверхности пластины, явившееся следствием вторичного воздействия высоких температур (пожара?).

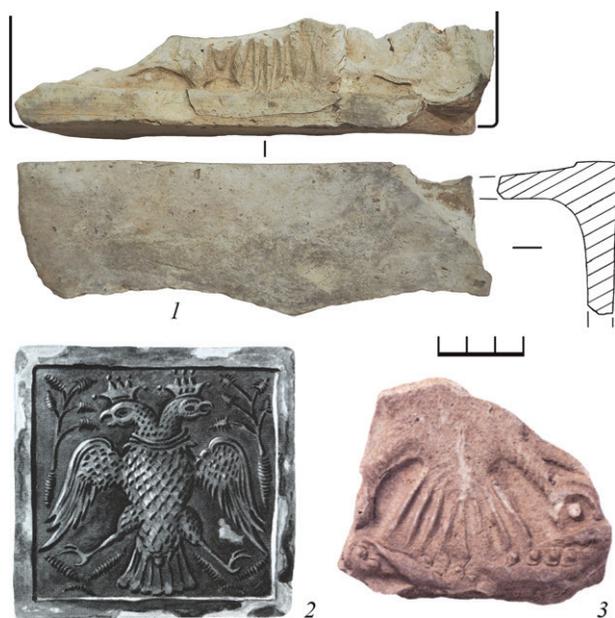

Рис. 4. Изразцы с геральдическими сюжетами
 1 – фр-т лицевого изразца с изображением двуглавого орла (Тульский кремль, 2000 г., р. 1, кв. 153, пл. 7);
 2–3 – изразцы из Мурома и Тулы

поверхностях, включая румпу, частично сохранился тонкий слой ангоба бежевого цвета, а на лицевой еще и следы побелки. Внутренняя поверхность изразца покрыта копотью.

В полном виде сюжет нашего изразца воспроизводит эпизод атаки (штурм крепости?), художественно переданный через изображение пехоты и пушкаря с пушкой (рис. 3, 2). В верхней части пластины размещены изображения воина с копьем, воина с пищалью и знаменем, в нижней – пушкаря с пушкой и ядрами, а также стреляющего лучника⁶. На обломке почти полностью сохранилось изображение второго воина, вооруженного поднятым вверх мушкетом (излом прошел по линии ствола). Перед его головой расположена декоративная звезда – характерная деталь московских красноглиняных изразцов. Сзади, пониже спины, виден треугольный наконечник стрелы, принадлежащей стоящему под развевающимся стягом лучнику (эти изображения утрачены). Контур верхней стороны стяга прослеживается по волнообразному излому вдоль внутреннего края рамки. Одной из наиболее близких аналогий рассматриваемому фрагменту является изразец, обнаруженный в московском Зарядье в 1949 г. (рис. 3, 2). От тульского изразца

он отличается разворотом сюжета в правую сторону и рядом мелких деталей (Маслих, 1976. № 28).

Другой лицевой изразец представлен обломком нижней части пластины размером 17,0×17,0 см (рис. 4, 1). Ее толщина – сантиметр без учета рельефа изображения глубиной до 0,5 см. Ширина рамки изразца варьируется в пределах 1,2–1,5 см. Собственно само изображение сохранилось весьма фрагментарно: это нижняя часть хвостового оперения двуглавого орла в виде восьми-девяти почти параллельных вертикальных валиков. От основания хвоста в сторону углов пластины отходят декоративные дуги.

Среди тульских рамочных изразцов известны экземпляры с геральдическим сюжетом (Воронцова, Маркина, 2022. С. 187. Рис. 3, 5). Однако орел на них имеет иную форму хвоста, расширяющегося к основанию, а его изображение заключено в круглый медальон, обрамленный венком из перевитых лент и бус (рис. 4, 3). Изразец с орлом, аналогичным нашему, мы пока находим только среди рамочных муравленых (рис. 4, 2). Они сохранились в наружном декоре храмов Мурома, возведенных в 1640-е годы (Маслих, 1976. № 63).

Два мелких обломка с элементами растительного декора, вероятно, также принадлежат лицевым изразцам (рис. 5, 1, 2). На их внешней стороне ча-

Рис. 5. Изразцы с птицами и деревом жизни
 1–3 – фр-ты лицевых изразцов из Тульского кремля, 1999 г., р. 1 (1 – кв. 122, пл. 5; 2 – кв. 136, пл. 3; 3 – кв. 119, пл. 3);
 4–5 – изображения птиц на московских лицевых изразцах с деревом жизни

⁶ Как известно, данный сюжет представлен значительным количеством вариантов, среди которых даже стилистически близкие изображения различаются расположением лучника и стяга.

Рис. 6. Тульский кремль, 2000 г., раскоп 1, кв. 42, столбовая яма.
Фрагмент фриз с графической реконструкцией орнаментальной композиции

стично уцелел слой побелки с примесью толченой слюды. Узор обеих пластин выполнен в трехжгутовой манере. На первом из них сохранился участок стебля с расположенными по одной стороне листочками каплевидной формы. Подобным образом оформлялись витые ветви стилизованного дерева на красных московских изразцах конца XVI – первой половины XVII в. (Маслих, 1976. № 25). Такие изразцы найдены вблизи Старых приказов в Московском Кремле и на территории Тушинского лагеря (Султанов, 1895. С. 13. Рис. 38; Двуреченский, 2018. С. 164. Рис. 74, 313).

Обломок пластины, на которой изображена птица с приподнятыми крыльями, является частью лицевого изразца с сюжетом «Барсы и птицы у древа жизни» (рис. 5, 3). Данная композиция имеет много вариаций среди московских рамочных изразцов (рис. 5, 4, 5). Как правило, на древе или над ним изображались три (реже две) птицы (Глазунова, 2022. С. 456. Рис. 4, 2–4). На рассматриваемом фрагменте туловище птицы украшено рядами мелких рельефных треугольников. Р.Л. Розенфельдт считал такой изобразительный прием поздним признаком, характерным для середины XVII в. (Розенфельдт, 1962. С. 256). Однако, как заметил А.Н. Смирнов (2015. С. 534), аналогичным образом передано оперение сирен на из-

разце из Тушинского лагеря (Баранова, 2011. С. 81), что позволяет допустить близкую датировку и для нашего фрагмента. Среди опубликованных изразцов с таким сюжетом идентичного изображения птицы пока не встретилось.

В серии находок 1999–2000 гг. присутствует и фризовой изразец (рис. 6). Он представлен обломком нижней части пластины, имеющей толщину около 1,0 см. Глубина рельефа изображения незначительна, около 0,3–0,5 см. По характерным элементам рисунка и аналогиям удалось графически реконструировать декоративную композицию и размер изразца: 25,4×11,5 см. Выше нижней рамки проходит мелкозубчатый кант. Над ним частично сохранилось основание центрального элемента симметричной растительной композиции. Она состоит из нескольких чередующихся между собой стилизованных растений с трилистными побегами. Меньшие из них обрамлены с двух сторон S-видными растительными элементами. Ниже верхней рамки проходит рельефный валик, украшенный косыми насечками.

Аналогичный красноглиняный поясок почти полной сохранности⁷ опубликован С.А. Маслихом (1976. № 36). Сравнительно недавно похожий фризовой изразец выявили при охранных исследованиях усадьбы вотчинника на селище

⁷ Хранится в ГИМ.

Рис. 7. Изразцы с барсами

1 – фр-т лицевого изразца с изображением барса и его графическая реконструкция (Тульский кремль, 2014 г., р. 16, х/яма 3, пл. 3); 2 – аналогичный изразец из Москвы

Игнатъево-2 под Звенигородом (Смирнов, Алексеев, 2019а. С. 326–327. Рис. 5, 1; 2019б. С. 205–206. Рис. 13, 1). Однако в хронологическом отношении более важен обломок близкого красноглиняного фриза из раскопок на Романовом дворе, который происходит из комплекса конца XVI в. (Мирясова, 2009. С. 417. Рис. 171, 1). Анализируя декор этого пояса, А. А. Мирясова справедливо отнесла его к «нехарактерным “московским изразцам”», в которых «чувствуется влияние итальянского Возрождения» (Мирясова, 2009. С. 127). Фризы с валиком в виде витого жгута, расположенного вдоль верхнего края пластины, известны в изразцовой коллекции из раскопок дворцового комплекса Б. Ф. Годунова в селе Вяземы, которая датируется концом XVI в. (Смирнов, 2015. С. 530).

В ходе раскопок 2013–2014 гг., проводившихся под руководством одного из авторов (Зацаринный, 2017), выявлено четыре обломка изразцов рассматриваемой серии. Все они происходят из раскопок в северной части крепости. Два из них обнаружены в раскопе 16 в отложениях XVII в. Их залегание на расстоянии около 2 м друг от друга может косвенно указывать на принадлежность к одному печному набору.

Один изразец представлен фрагментом нижней части лицевой пластины (рис. 7). Он залегал в средней части заполнения погребца XVII в. (хозяйственная яма 3). У края рамки (ширина – 1,0 см)

отчетливо видны нижние части трех когтистых лап барса (рельеф – 0,4–0,6 см), изображение которого на изразцах выделяет по меткому определению Е. А. Туровой «специфическая “птичья” прорисовка лап, когтящих круглые опоры» (Турова, 2023. С. 190). Примечательно, что реконструкция изображения по аналогиям с учетом известной ширины рамки дает размер плитки 11,2×11,2 см. То есть даже с учетом возможных допусков ширины поля за пределами изображения размеры плитки явно не превышают 12×12 см. Для сравнения: изразец с аналогичным сюжетом из Ипатьевского переуллка в Москве имеет лицевую пластину большего размера – 13,9×13,9 см (Маслих, 1976. № 29). Следов побелки на предмете не зафиксировано.

Второй изразец тоже является обломком нижней части лицевой пластины (рис. 8, 1). На нем также фрагментарно сохранилось изображение барса, но в ином сюжете – «Барсы под деревом», который представлен целым рядом вариаций. Как известно, проработка деталей на мелких зооморфных и антропоморфных изображениях всегда более условная и схематичная. Именно поэтому изображенный на нашем изразце барс имеет фактически «птичью» голову и надежно идентифицируется по совокупности других элементов: стоячих ушей, вытянутого языка, кончика хвоста и части передней лапы, а также ветки дерева жизни над головой. Эта схематичность обусловила

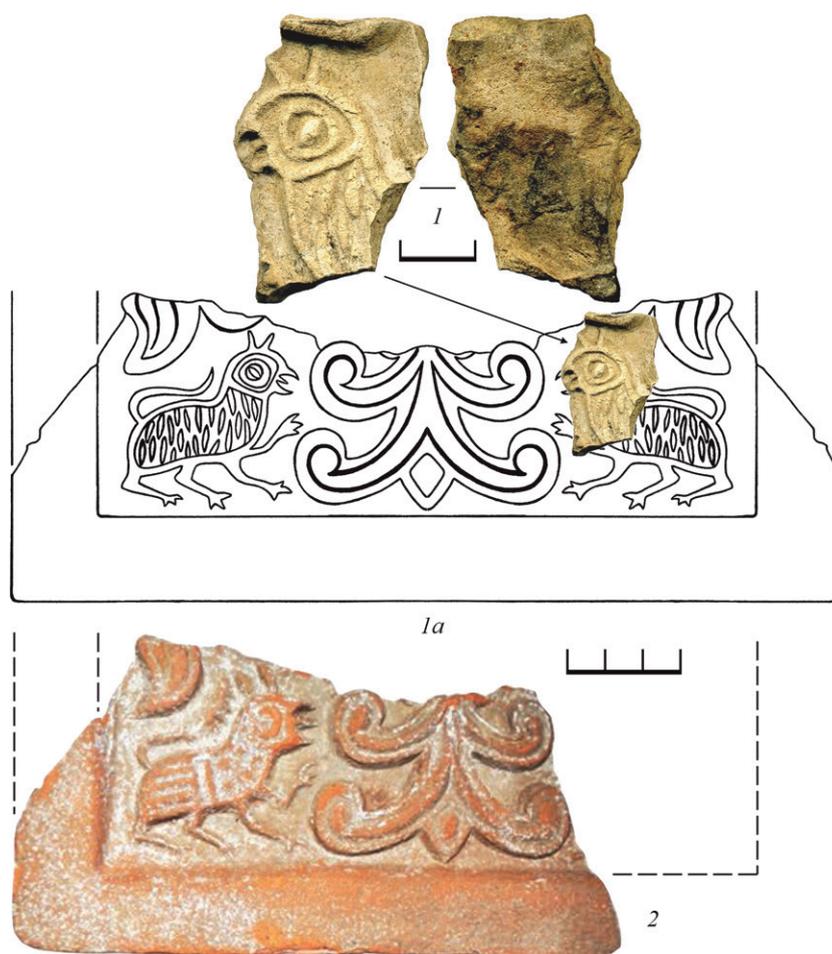

Рис. 8. Изразцы с сюжетом «Барсы под деревом»

1, 1а – фр-т лицевого изразца (Тульский кремль, 2014 г., р. 16, кв. 15, пл. 5) и графическая реконструкция изображений в нижней части пластины; 2 – фр-т близкого изразца из Москвы

и вариативность в определении исследователями видов животных под деревом, в которых кроме барсов признают как львов, так и собак (Турова, 2023. С. 195, 198. Рис. 13, 15). Р.Л. Розенфельдт более корректно указывал, что это «два зверя кошачьей породы» (Розенфельдт, 1968. С. 61). Полностью идентичного изразца среди опубликованных выявить пока не удалось, но на основе максимально близкого московского аналога, приведенного в статье Е. А. Туровой (2023. С. 195. Рис. 13, 2), мы попытались реконструировать нижнюю часть плитки (рис. 8, 1а). Абрис барса и ветки дерева совпали с удивительной точностью, что позволило восстановить общую ширину изразца – 21,5 см. Конечно, сложно сказать, как была оформлена задняя часть туловища животного, но шерсть в передней части передана короткими линзовидными штрихами, что в совокупности с иными мелкими деталями (заостренность ушей, положение головы, гладкий кончик хвоста) свидетельствует об изготовле-

нии изразца в другой форме, возможно, тульской. По изображению шерсти барса и форме его ушей тульский изразец сближается с более крупным широкорабочным изразцом того же сюжета из раскопок в Ново-Иерусалимском монастыре, где он датируется третьей четвертью XVII в., но не ранее 1654 г. – даты основания монастыря (Глазунова, 2019. С. 401, 404. Рис. 3, 4).

В раскопе 15, которым исследовались культурные отложения соседней усадьбы, выявлен крупный обломок фризового изразца с частью румпы (рис. 9). Он изготовлен из слабожелезненной глины. Толщина его пластины – сантиметр, глубина румпы – 5,7 см, рельеф декора не превышает 0,5 см. Орнаментальную композицию, равно как и размер самого изразца, удалось полностью восстановить по идентичному фризу лучшей сохранности из раскопок в посадской части города на территории бывшего Успенского женского монастыря (Воронцова, Маркина, 2022. С. 187. Рис. 3, 4). Судя

по реконструкции, изразец имел длину около 27 см при ширине 11,5 см. В центре его поля расположен крупный крин, аналогичные «переходящие» его половинки занимают края узких сторон лицевой пластины. Между ними по центральной горизонтальной оси расположены идентичные крины меньшего размера, заключенные в каплевидные рамки. Эти рамки образованы трехжгутовыми переплетенными стеблями, связывающими все бутоны в единый пояс. Оконечности жгутов завершаются лепестками, которые присутствуют и на самих стеблях. Крины и нижние лепестки стеблей оформлены так называемыми ежиками. Пояса с таким же декором в других городах Московской нам неизвестны. Возможно, они воспроизводят местную орнаментальную композицию, что косвенно подтверждается их обнаружением сразу в нескольких раскопах на посаде.

Из горизонта, где залегал изразец, происходит серия находок, отложившихся, согласно стратиграфическим данным, в первой четверти XVII в., вероятно, в период Смуты. Это серия врезных и комбинированных сапожных подков, ружейный винт, свинцовые снаряды для ручного огнестрельного оружия и обломок наконечника копья (пики), имеющий шиловидное перо четырехгранного сечения, переходящее во втулку через яблоко (тип 1, вариант 1в по О.В. Двуреченскому). Основание пера украшено кривой насечкой. Аналогичный наконечник пики с близким декором известен в коллекции В.А. Политковского, собранной с территории Тушинского лагеря (Двуреченский, 2018. С. 7–8, 92. Рис. 1, 174).

В раскопе 5 встречен небольшой обломок краевой части узкорамочного изразца (рис. 10, 3). Эта находка примечательна тем, что в отличие от всех остальных изразцов, не связанных с конкретными отопительными сооружениями, она была встречена *in situ* в остатках кирпичного боя печи. В данном раскопе в основании 4-го пласта расчищена центральная (?) часть крупной срубной постройки, выходящей за его пределы (рис. 10, 1). Строительные остатки сооружения представлены частично сохранившимся деревянным полом из досок шириной 0,2–0,3 м, настеленных на лаги из расколотых пополам бревен диаметром около 0,25 м. Лаги были уложены с интервалом 1,5 м на площадку из снивелированного выброса глубинного зеленовато-желтого суглинка. Участок пола одной стороной упирался в основание полностью разобранной печи, представлявшее собой плотный слой обожженной глиняной крошки с древесными угольками мощностью до 0,18 м. Этот слой

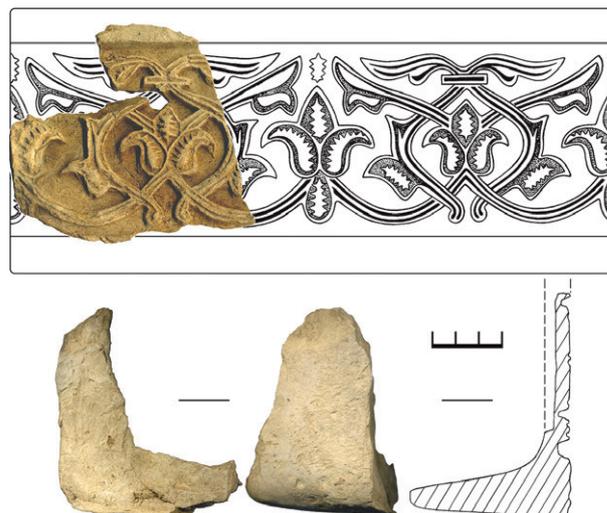

Рис. 9. Тульский кремль, 2014 г., раскоп 15, кв. 3, пл. 6. Фрагмент фриза с графической реконструкцией орнаментальной композиции

в пределах раскопа образовывал пятно прямоугольной в плане формы площадью около 5 кв. м. Конструктивных элементов деревянного опечка выявлено не было. Скопление обломков кирпичей фактически примыкало к площадке основания печи (рис. 10, 2). Исследованная раскопом часть скопления имела полукруглую в плане форму, что позволяет говорить о его округлой конфигурации диаметром около 1,1 м при высоте горки 0,44 м. Груда состояла из хаотично сваленных обломков брусковых кирпичей и была образована фрагментами менее половины их целых форм, заведомо непригодных для вторичного использования в печной кладке. В изученной части скопления складировано около полусотни обломков и еще около десятка встречено разбросанными на дощатом полу поблизости. Определяемые ширина и толщина кирпичей варьировались в пределах 12–13 и 5,5–7,0 см соответственно. Таким образом, характер залегания строительных остатков и их сохранность свидетельствуют о тщательном демонтаже как изразцового декора печи, так и ее кирпичной кладки. При этом, судя по характеру оставленного кирпичного боя, для вторичного использования были вывезены не только целые кирпичи, но и их половинки. К сожалению, находки с уровня пола (обломок ножа, пробой, цилиндрический замок типа Е) не дают узкой даты. Единственным действительно индивидуальным артефактом с пола постройки является обломок наконечника копья с инкрустацией в технике тауширования граненой втулки и пера (Зацаринный, 2015). Как и многие образцы элитарного оружия,

Рис. 10. Тульский кремль, 2013 г., раскоп 5

1 – расчищенные остатки участка срубной постройки 1-й пол. XVII в.: а – основание демонтированной изразцовой печи; б – груда обломков кирпичей, где найден фр-т изразца; 2 – фр-т лицевого узкорамочного изразца

он имел длительный период бытования, типологически тяготея к предшествующему столетию. Эта находка косвенно подтверждает незаурядный статус исследованного строения. В слое, перекрывающем его строительные остатки, встречены фрагменты уже муравленных изразцов.

Выявленный в кирпичном бое обломок рамочного изразца представляет собой край его пластины с участком румпы. Профилировка румпы демонстрирует намечающееся отступление от края пластины. Ширина рамки изразца не превышает сантиметра. С внутренней стороны к ней примыкает узкий декоративный кант аналогичной ширины, заполненный короткими прямоугольниками в плане валиками, расположенными с равным интервалом, не превышающим их ширины. Изображение атрибутировать пока не удалось. Изразец сформован из слабожелезненной глины с визуально фиксируемой обильной примесью мелкозернистого песка, очевидно свидетельствующего о его привозном характере. Изразцов с такой же декоративной окантовкой по внутренней стороне рамки нам не известно. Однако похожее оформление

присутствует на некоторых широкорамочных изразцах (Султанов, 1895. С. 12. Рис. 36).

Серия из четырех терракотовых изразцов выявлена О.Л. Прошкиным в 2019 г. в раскопе на Соборной площади, к северо-востоку от существующего Свято-Успенского храма (Прошкин, 2019)⁸. Все они залегали в отложениях XVIII–XIX вв.: два фрагмента происходят из объекта 60-х годов XVIII в. (яма 1).

Наиболее яркий обломок представляет собой центральную часть лицевой пластины изразца с изображением всадника, едущего вправо (рис. 11, 2). Ее толщина – 1,2 см. На фрагменте видны центральная часть туловища животного, его круп и ноги всадника. Выразительно показаны попона, имеющая сетчатую фактуру, потник и часть седла. Характерные детали рисунка позволяют определить его как изображение «воина с саблей на коне» (нам, безусловно, знакомы изображения и других «одиноких» всадников: «Охотник с соколом», «Соловей-разбойник» и «Александр Македонский»). Однако, в отличие от последних, единичные находки изразцов с изображением конного

⁸ Благодарим О.Л. Прошкина за любезно предоставленную возможность использовать неопубликованные материалы его исследований в настоящей работе.

воина с саблей, известные в том числе и в Москве, пока не опубликованы. Как справедливо заметила в отношении этого сюжета О. Н. Глазунова, его «происхождение и значение толком не выяснено» (Глазунова, 2022. С. 458). Хотя всадника с саблей, вероятно, можно причислить к геральдическим сюжетам, учитывая его изображение на отечественных монетах того времени – денгах и «сабельных» копейках.

На другом обломке лицевого или поясового изразца сохранился лишь крохотный участок трехгугтового плетеного декора (рис. 11, 1).

Третьим обломком является перемычка (рис. 11, 3). Ее валик имеет полуовальное сечение, пластинчатый гребень утрачен. Лицевая поверхность тяги украшена растительным декором в виде крина на стебле со стрельчатыми листьями. Орнамент образован несколькими побегами, произрастающими один из другого. Точно такие же перемычки известны по раскопкам на посадке (Воронцова, Маркина, 2022. С. 187. Рис. 3, 7). Исполнение кринов полностью совпадает с цветками на фрагменте фризового изразца из раскопа 15 2014 г. По-видимому, подобные перемычки и пояски являлись деталями одного печного набора.

Еще один крупный обломок предположительно является частью киотного изразца (рис. 12). Такие изразцы известны в готических наборах (Баранова, 2011. С. 74). Нередко киот состоял из двух половинок – верхней и нижней. Предполагаем, что рассматриваемый обломок является боковой частью румпы нижнего изразца. Сохранившиеся участки его внешней поверхности гладкие, образованный стенками угол аккуратно заглажен, как и на всех изразцах. В румпе на расстоянии 2,9 см от ребра расположено сквозное отверстие прямоугольной формы (1,1×0,9 см), продавленное в сырой глине и служившее для крепления изразца. Единственной особенностью данного обломка, вызывающей сомнения в предложенной атрибуции, является его значительная толщина, достигающая 4,2 см. Квадратные отверстия в ряде случаев присутствуют на румпах ранних красных рамочных изразцов (Беляев и др., 2020. С. 117).

Как нам представляется, выявленные в раскопе 2019 г. обломки рамочных изразцов, вероятно, имеют отношение к печи «теплой» Успенской церкви, упоминаемой в Писцовой книге 1587–1589 гг.

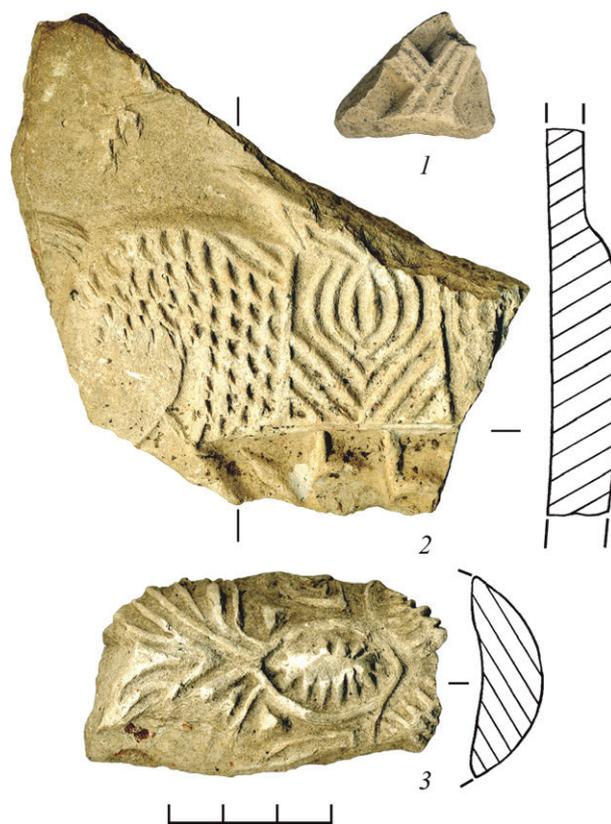

Рис. 11. Тульский кремль, 2019 г.
Раскоп на Соборной площади

1 – фр-т изразца с растительным орнаментом (кв. 5, пл. 6, яма 1); 2 – фр-т лицевого изразца с изображением всадника (кв. 54, пл. 1); 3 – фр-т изразца-перемычки (кв. 56, пл. 4)

(Писцовая книга... 1884) и предшествовавшей одноименному каменному храму середины 40-х годов XVII в. (Енишерлов, Потанов, 2000).

Таким образом, немногочисленные находки фрагментированных рамочных изразцов в Тульском кремле, безусловно, свидетельствуют о присутствии в ряде строений печей готического типа. Нахождение отдельных изразцов в слоях первой четверти XVII в. позволяет предполагать появление в Туле первых «образцовых» печей, очевидно, уже в конце XVI в.⁹ Этому не противоречит и декор некоторых изразцов, имеющих аналогии в московских комплексах этого времени (с. Вяземы, Тушинский лагерь, Романов двор и др.).

Тульские рамочные изразцы, являясь дериватом московских красноглиняных, имеют аналогичные

⁹ Касательно хронологии ряда опубликованных находок следует отметить, что в дальнейшем их датировки по слою можно уточнить с учетом результатов углубленного изучения массового керамического материала с опорой на закрытые комплексы, статистическая фиксация которого с 1999 г. осуществлялась по достаточно дробной типологии (Зацаринный, Екимов, Шеков, 2007). Эта работа в настоящее время продолжается.

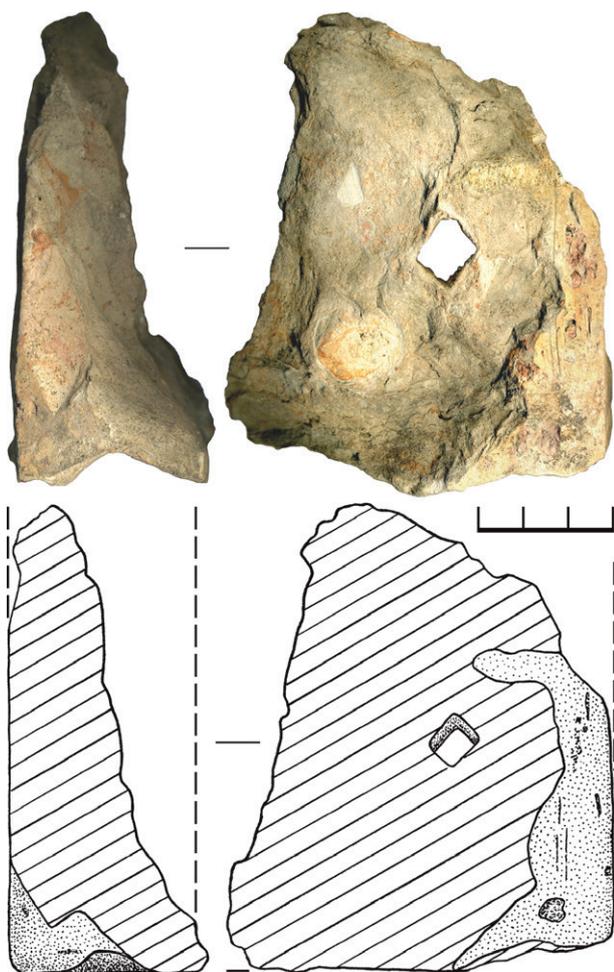

Рис. 12. Тульский кремль, 2019 г. Раскоп на Соборной площади. Фрагмент нижней части кривоного (?) изразца (кв. 5, пл. 6, яма 1)

размеры и воспроизводят характерный для столичных наборов типовой декор. Среди лицевых (стенных) изразцов встречены изделия как большой, так и малой руки. Их поверхности белились, в том числе с использованием дробленой слюды.

Безусловно актуальным остается вопрос о причинах чрезвычайной малочисленности изразцов этого типа в культурном слое крепости: в цифровом выражении это один фрагмент на 150 кв. м исследованной раскопками площади. Пытаясь на него ответить, напомним, что в первой половине XVII в. Тульский кремль являлся действующей крепостью на южной границе Русского государства. Расположенные на его территории осадные клетки и дворы служилых людей эксплуатировались главным образом в периоды осады и военных сборов, в мирное время помещики проживали в своих загородных усадьбах. Следовательно, в принадлежащих им осадных строениях печи в большинстве своем, очевидно, не имели какого-либо декора. Изразцо-

вые печи могли находиться в казенных учреждениях, в покоях служителей местной церкви и в самом храме, т. е. в строениях, которые эксплуатировались круглогодично. Связывать находки «готических» изразцов с конкретными усадьбами, как это предложил А.Б. Варенов (2001. С. 61), не совсем корректно ввиду того, что необходимые сведения о них содержит только писцовая книга 1685/86 г. А в конце XVI – первой половине XVII в. владельцы усадеб, равно как и их границы, могли быть иными.

Единичные находки фрагментированных изразцов не позволяют нам локализовать сами печи, за исключением печи в раскопе 5 2013 г. и, возможно, печи в раскопе 1 1979 г. Представляется, что надежным критерием для локализации именно готической печи должно быть обнаружение какой-то компактной серии ее элементов в комплексе с кирпичами. При этом массовыми должны быть находки перемычек. А единственная на сегодняшний день перемычка происходит только из раскопа на Соборной площади, рядом с тем местом, где во второй половине XVI – первой половине XVII в. стояла деревянная Успенская церковь. Изразцовый набор ее печи вполне могли использовать вторично: свидетельства разборки изразцовой печи с отбором кирпича и изразцов, зафиксированные в 2014 г. в раскопе 5, являются тому подтверждением. Следовательно, мы допускаем, что отдельные находки стеновых или поясовых изразцов происходят уже из переложённых печей с «усеченными» наборами. В связи с этим нельзя не упомянуть неоднократно обсуждавшуюся коллекцию изразцов из Тушинского лагеря, в которой почти полное отсутствие городков и перемычек можно объяснить в том числе вторичным использованием печного декора, перевезенного в ставку Лжедмитрия из хором царя Бориса Годунова в Вяземах или Борисовом городке (Янишевский, 2012; Смирнов, 2015. С. 528; Беляев, Глазунова, Смирнов, 2020. С. 115). В пользу неоднократной археологизации подавляющей части кремлевских изразцов может свидетельствовать отсутствие на них побелки.

Так как белоглиняные рамочные изразцы встречаются не только в Тульском кремле, но и на территории городского посада (Воронцова, 2008; Екимов, Зацаринный, 2011. С. 207–210, 220. Рис. 13, 5–7; Воронцова, Маркина, 2022), именно изучение посадской коллекции позволит в дальнейшем сформировать общее представление о генезисе местного изразцового производства, связях с московским гончарством, сюжетным и орнаментальным разнообразии изразцовых наборов и их хронологии. Настоящая публикация является лишь одним из шагов в этом направлении.

Литература

- Баранова С. И., 2011. Русский изразец. Записки музейного хранителя. М.: МГОМЗ. 432 с.
- Беляев Л. А., Глазунова О. Н., Смирнов А. Н., 2020. Изразцы конца XVI – первой половины XVII в. по материалам раскопок 2019 г. в Московском кремле // РА. № 3. С. 114–124.
- Варенов А. Б., 1979. Отчет об исследованиях Тульского кремля в 1979 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 7833.
- Варенов А. Б., 2001. К вопросу о первоначальной застройке и благоустройстве Тульского кремля (по материалам раскопок 1979–1980 гг.) // Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. IV. М.: Стройиздат. С. 61–65.
- Векслер А. Г., Гусаков М. Г., Патрик Г. К., 2013. Гончарство Москвы по материалам археологических раскопок на Ильинке и в старом Гостином дворе // Кадашевские чтения. Сб. докл. конф. Вып. 12. М.: Изд. ОРПК «Кадашевская слобода». С. 147–168.
- Воронцова А., 2008. Кафля узорчатая, лучшей самой работы (к характеристике тульских изразцов из коллекции музея-заповедника «Куликово поле») // Тульский краеведческий альманах. Вып. 6. Тула: Инфра. С. 19–24.
- Воронцова М. А., Маркина И. Б., 2022. «Для жизни, удобства и роскоши». Тульские изразцы // Археология Окско-Донского водораздела. Кн. 2. Средневековье и раннее Новое время. Тула: ГМЗ «Куликово поле». С. 175–221.
- Глазунова О. Н., 2019. Красные широкорамочные изразцы Ново-Иерусалимского монастыря // АП. Вып. 15. М.: ИА РАН. С. 401–406.
- Глазунова О. Н., 2022. «Заменяли телевизор и кино, и книгу» – некоторые сюжетные линии московских печных изразцов XVII века // Наследие и современность. Т. 5. № 4. С. 448–460.
- Двуреченский О. В., 2018. Тушинский лагерь (Публикация коллекции В. А. Политковского из собрания ГИМ). М.: ИА РАН. 196 с.
- Екимов Ю. Г., 2007. Археологические исследования на территории Тульского кремля в 1999–2000 гг. (раскоп 1) // Позднесредневековый город: археология и история: Сб. статей в 2 частях. Ч. 1. Изучение позднесредневековой Тулы. Тула: ГМЗ «Куликово поле». С. 66–131.
- Екимов Ю. Г., 2017. За частоколами осадных дворов (археологические исследования на месте колокольни Успенского собора в Тульском кремле) // Тульский кремль: сб. статей. Тула: Борус-Принт. С. 176–194.
- Екимов Ю. Г., 2019. Археология Тульского кремля // 500 лет. Тульский кремль. Белгород: Константа. С. 73–105.
- Екимов Ю. Г., Зацаринный С. В., 2011. Культурный слой раскопа на улице Спортивная в исторической части Тулы: стратиграфия и хронология // Позднесредневековый город III: археология и история. Матер. III Всерос. семинара. Тула: ГМЗ «Куликово поле». С. 204–226.
- Енишерлов М. В., Потапов Л. А., 2000. Счастлив тот город, где сохранился кремль // Мир и музей. Вестник ассоциации музеев России. Вып. 1–2 (5). Тула: Изд. дом «Ясная Поляна». С. 30–37.
- Зацаринный С. В., 2015. Инкрустированный наконечник позднесредневекового копья из раскопок 2013 г. в Тульском кремле // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Матер. XVI Всерос. науч. конф. Калуга: ГБУК КО «Калужский областной краеведческий музей». С. 37–41.
- Зацаринный С. В., 2017. Охранные археологические раскопки на территории Тульского кремля в 2013–2014 гг. (предварительные результаты исследований) // Тульский кремль: сб. статей. Тула: Борус-Принт. С. 176–194.
- Зацаринный С. В., Екимов Ю. Г., Шеков А. В., 2007. Круговая посуда XVI–XVII вв. из культурного слоя Тульского кремля (по материалам раскопок 1999–2000 гг.) // Позднесредневековый город: археология и история. Сб. статей в 2 частях. Ч. 1. Тула: ГМЗ «Куликово поле». С. 132–206.
- Маркина И. Б., Простяков И. С., 2022. Керамическое производство в тульской Гончарной слободе XVI–XVIII веков // Археология Окско-Донского водораздела. Кн. 2. Средневековье и раннее Новое время. Тула: ГМЗ «Куликово поле». С. 141–174.
- Маслих С. А., 1976. Русское изразцовое искусство XV–XIX веков. Альбом. М.: Изобразительное искусство. 208 с.
- Мирясова А. А., 2009. Красноглиняные изразцы Романова двора // Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках / Автор-сост. Н. А. Кренке. М.: ИА РАН. (МОАИ. Т. 12). С. 120–129.
- Немцова Н. И., 1989. Исследование и реставрация русских изразцовых печей XVII–XVIII веков. Методические рекомендации. М.: Объединение «Реставрация». 33 с.
- Писцовая книга 1587–89 гг. // Тула. Материалы для истории города XVI–XVIII столетий. М.: Тип. М. Н. Лаврова и К°, 1884.

Прошкин О.Л., 2019. Отчет об археологических раскопках на территории объекта культурного наследия федерального значения «Ансамбль Тульского кремля» на участке расположения фундамента Успенского собора 1640-х гг. в 2019 г. / Архив ИА РАН. Р-1.

Розенфельдт Р.Л., 1962. Изразцовый фриз церкви Троицы в Костроме // СА. № 3. С. 252–259.

Розенфельдт Р.Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М: Наука. (САИ Е1-39). 124 с.

Смирнов, 2015. Печные изразцы из раскопок дворцового комплекса Б.Ф. Годунова в селе Вяземы // АП. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 526–535.

Смирнов А.Н., Алексеев А.В., 2019а. Селище Игнатьево-2. Опыт исследования культурных отложений, приуроченных к локальным понижениям рельефа // ТТЗ. Вып. 12. Тверь: ИА РАН. С. 315–333.

Смирнов А.Н., Алексеев А.В., 2019б. Стратиграфия и хронология селища Игнатьево 2 по материа-

лам охранных раскопок 2015 года // АП. Вып. 15. М.: ИА РАН. С. 189–213.

Смирнов А.Н., Коваль В.Ю., Глазунова О.Н., Панченко К.И., 2020. Красные печные изразцы из раскопок в Большом сквере Московского Кремля // КСИА. Вып. 261. С. 269–281.

Султанов Н.В., 1895. Древнерусские красные изразцы. М.: Т-во тип. А.И. Мамонова. 22 с. (Оттиск из «Археологических известий и заметок». 1894 г., № 12).

Турова Е.А., 2023. О происхождении, датировке и бытовании некоторых сюжетов в изразцовом декоре Московского царства в контексте находок начала XVI века на территории Александровской слободы. К постановке вопроса // АВСЗ. Вып. 13. М.: ИА РАН. С. 175–204.

Янишевский Б.Е., 2012. Раскопки на Борисовом Городке в 2009 году // АП. Вып. 8. М.: ИА РАН. С. 229–245.

S. V. Zatsarinny, I. B. Markina

Frame terracotta tiles from excavations on the territory of the Tula Kremlin

Summary

The article examines a series of frame terracotta tiles from the end of the 16th – first half of the 17th century from excavations in the Tula Kremlin. These findings document the presence of Gothic type furnaces in some buildings: houses of the military aris-

tracy, administrative buildings, and a temple. The molding compound of the tiles indicates their local production. The decor and themes of the Tula tiles have numerous analogies among the red clay frame tiles of Moscow.

П. С. Киреев, И. Н. Брысин

Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник, г. Рязань

Круговая керамика Нижнего посада Переяславля Рязанского

Переяславль Рязанский (современный г. Рязань) расположен на холме при слиянии рек Трубежа и Лыбеди, примерно в 2 км от места впадения Трубежа в Оку. За р. Лыбедью, ограничивающей территорию Рязанского кремля с севера и востока, находился Нижний посад. В источниках XVI–XVII вв. он именуется Черной посадской слободой или просто посадом (Писцовая книга... 1884. С. 7). Как известно, в состав посадов под общим названием «...объединялись районы и слободы, различные по времени возникновения, функциональному назначению, социальному составу и профессиональной специализации жителей» (Кусова, Филиппов, 2011. С. 23). На территории Нижнего посада известны Рыбацкая, Выползова, Затинная, Горшечная, Скомоорошинская и др. слободы. Названия некоторых из них сохранились до наших дней в наименованиях улиц. В рамках данной работы исследован керамический комплекс, полученный в результате охранных археологических раскопок в 2006 г. на участке одной из таких исторических улиц Рязани – Скомоорошинской, д. 5 (Вячин, 2007).

Общий объем круговой керамики из раскопа составил 29 699 фрагментов (Вячин, 2006. С. 79). При этом в отчете приводится лишь ее общая характеристика с делением на три большие группы: 1) без дополнительной обработки поверхности, XIII–XV вв.; 2) без дополнительной обработки поверхности, XVI–XVII вв.; 3) чернolощеная (Вячин, 2006. С. 84. Табл. 1).

Такой подход к описанию керамического материала в то время уже исчерпал себя и нуждался в серьезном пересмотре. Еще в 80-е годы XX в. В.В. Судаков предложил керамическую шкалу горшков Переяславля Рязанского (Судаков, 1988;

1990), затем активно используемую в работах других исследователей, в том числе и на материалах Нижнего посада (Буланкин, 1992; Челяпов, Иванов, 2006). В дальнейшем данная типология была уточнена и дополнена на материалах хорошо стратифицированного Житного раскопа в кремле, а также значительно расширена, в том числе и автором данной статьи, за счет систематизации большей части керамического материала из раскопок на всей территории города (Судаков, 2019а)¹.

Одной из целей настоящей работы является получение данных для сравнения керамического комплекса Нижнего посада с керамикой других районов Переяславля Рязанского: кремля, острога, Верхнего посада. В качестве источниковой базы исследования привлечены 758 наиболее представительных крупных фрагментов и полных форм круговых сосудов, хранящихся в Рязанском историко-архитектурном музее-заповеднике. Отбор этого материала из условно-закрытых комплексов (ям) проводился в свое время А.А. Вячиным специально для составления альбома иллюстраций к его отчету. Сам характер керамического материала (целые формы сосудов и крупные фрагменты) позволяет думать, что это не переотложенный более ранний материал, а попавший в комплексы в результате одновременного сброса, что делает обоснованным применение в работе метода перекрестного датирования. За основу для датировки керамики из ям взято хронологическое распределение материала по стратиграфическим горизонтам эталонного Житного раскопа в кремле Переяславля Рязанского (Завьялов, 2019. С. 20; Судаков, 2019а). С этой же целью применялась методика первичной фиксации массового керамического материала, предложенная В.Ю. Ковалем (2014).

¹ Материалы расширенной типологии керамики Переяславля Рязанского в настоящее время готовятся к публикации.

Рис. 1. Профили горшков типа VII из заполнения ямы 3

Общая характеристика керамического комплекса. Рассматриваемая выборка керамики происходит из заполнения шести ям. Среди данного материала практически полностью отсутствуют поздние горшки типа IA, датируемые в Переяславле Рязанском XVIII–XIX вв., и ранняя керамика XII–XIII вв. (тип IX и X). При этом стоит отметить, что подавляющая часть поздней керамики типа IA в Переяславле Рязанском зафиксирована именно во время раско-

пок на Нижнем посаде (Вячин, 2009. С. 111. Рис. 4, 2, 4–7; Челяпов, 2009. С. 82. Рис. 2, 1, 2, 5; 3, 2, 5, 7, 8; 4, 1–8; Челяпов, Иванов, 2006. С. 156. Рис. 2, 38–43; 3, 2; Киреев, Судаков, 2022. С. 92). Также крайне незначительна и доля горшков типа V, что характерно для Переяславля Рязанского в целом (табл. 1)².

Далее представлена характеристика керамического материала из ям, хронологически упорядоченных по выявленным временным границам их бытования.

² В таблице после указания типа горшков по типологии В. В. Судакова в скобках через дробь даны класс и тип (а иногда и вариант) по классификации венчиков В. Ю. Коваля.

Таблица 1. Распределение керамики по комплексам.

Комплекс	Тип, %							
	IБ (3/4Г)	II (3/3)	III (1/2, 2/2в, 2/3, 21/2, 22/1)	IV (1/1, 3/3, 6/1, 38/2)	V (1, 21/2, 22/1)	VI (13/1)	VII (4/1)	VIII (3/1; 8/1)
Яма 3	–	–	–	13,5	1,9	20,1	51,3	13,2
Яма 19	–	–	0,1	28,3	5,4	6,3	48,9	11,0
Яма 7	2,0	5,1	17,5	65,1	4,3	2,1	2,2	1,7
Яма 13	1,2	47,8	40,4	9,6	0,4	0,2	0,4	–
Яма 5	1,9	63,4	26,5	4,8	1,1	0,2	2,1	–
Яма 11	26,2	36,9	33,4	2,5	0,8	0,1	0,1	–

Яма 3. Данный керамический комплекс является наиболее ранним из рассматриваемой выборки. Среди сосудов преобладают горшки типа VII (51,3%), датируемые концом XIV – первой половиной XV в. (табл. 1; рис. 1; 2, 1). Фрагменты керамики XIII в. (тип VIII) и XV в. (тип IV) сравнительно немногочисленны, их доля составляет

13,2 и 13,5% соответственно. При этом достаточно весомый процент приходится на горшки XIV в., относящиеся к типу VI (20,1%). Как показывают материалы Житного раскопа, такое хронологическое распределение керамики характерно для второй половины – конца XIV в., когда были распространены горшки типа VII, при том что доля

Рис. 2. Керамика из заполнения ямы 3
1 – профиль горшка типа VII; 2 – профиль светильника

Рис. 3. Керамика из заполнения ямы 19

1 – профиль горшка типа IV; 2 – венчик горшка типа VII;
3 – фр-т нижней части корчагоподобного сосуда

Рис. 4. Профили горшков типа VIII
из заполнения ямы 19

типа VI была еще не столь велика (Судаков, 2019а. С. 82). В пределах этого времени можно определить и датировку ямы 3³.

В данном комплексе интересен профиль светильника, изготовленного из слабожелезненной глины с примесью мелкого песка (рис. 2, 2) – форма, которая редко встречается на территории Переяславля Рязанского.

Яма 19. В керамическом комплексе также преобладают горшки типа VII (рис. 3, 2). При этом доля типа IV, являющегося основным хроноиндикатором XV в. в Переяславле Рязанском, составляет 28,3% (рис. 3, 1). Встречаются горшки типа VIII (табл. 1; рис. 4). Такое распределение керамики позволяет датировать яму 19 концом XIV в. Также в керамическом комплексе обнаружен небольшой фрагмент нижней части корчагоподобного сосуда (рис. 3, 3). Сделан он из хорошо очищенной красножгущейся глины с редкими примесями крупного песка в тесте.

Яма 7. Подавляющую часть (65,1%) керамического комплекса составляют горшки типа IV (табл. 1; рис. 5, 2–4). Доля типа III (рис. 5, 1), бытовавшего в Переяславле Рязанском со второй половины XV в. по первую половину XVII в. (наиболее распространен в XVI в.), сравнительно небольшая (17,6%). Также в керамическом комплексе обнаружен профиль миски типа II (XV–XVI вв.), изготовленной из слабожелезненной глины без видимых примесей (рис. 5, 5) (Судаков, 2019а. С. 91, 92. Рис. 13, 4). Остальные формы керамических сосудов единичны. По материалам Житного раскопа хронологическое распределение керамики, когда в культурном слое в подавляющем большинстве преобладают горшки типа IV, при том что доля типа III сравнительно небольшая, соответствует второй половине XV в. Яму 7 также можно датировать в пределах этого времени.

Яма 13. В керамическом комплексе преобладают горшки типа II (рис. 6, 1), датируемые

³ Здесь и далее при датировке комплексов за эталон берется хронологическое распределение керамики хорошо стратифицированного Житного раскопа в кремле Переяславля Рязанского.

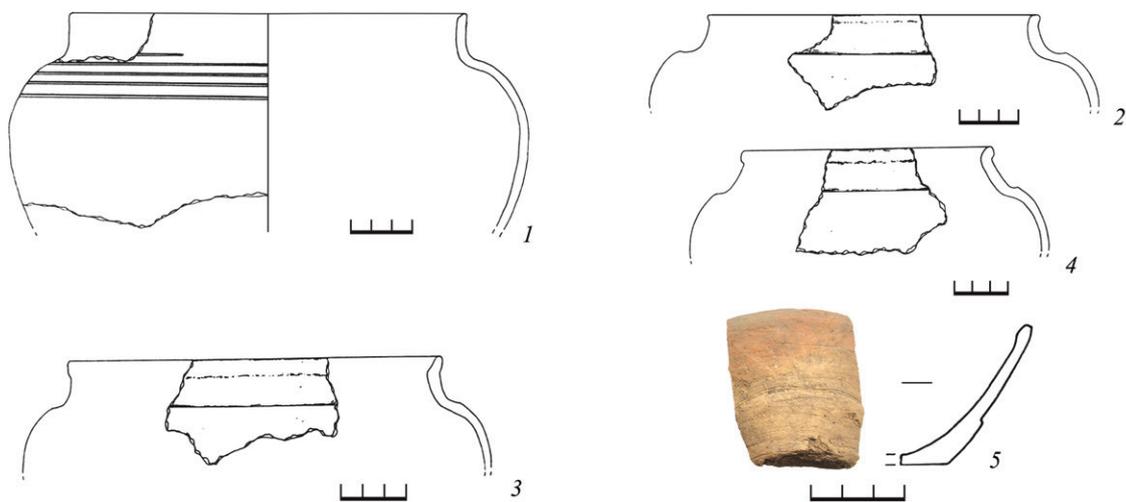

Рис. 5. Керамика из заполнения ямы 7
 1 – профиль горшка типа III; 2–4 – венчики горшков типа IV; 3 – профиль миски типа II

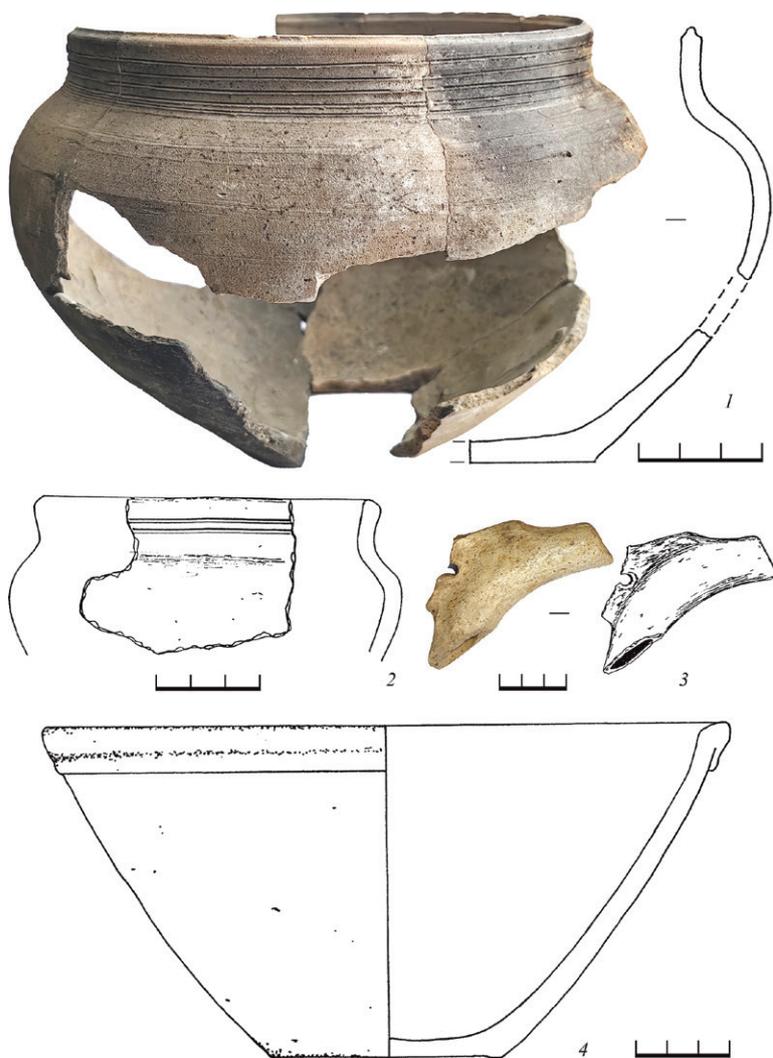

Рис. 6. Керамика из заполнения ямы 13
 1 – профиль горшка типа II; 2– венчик горшка типа III; 3 – носик кумгана; 4 – профиль миски типа II

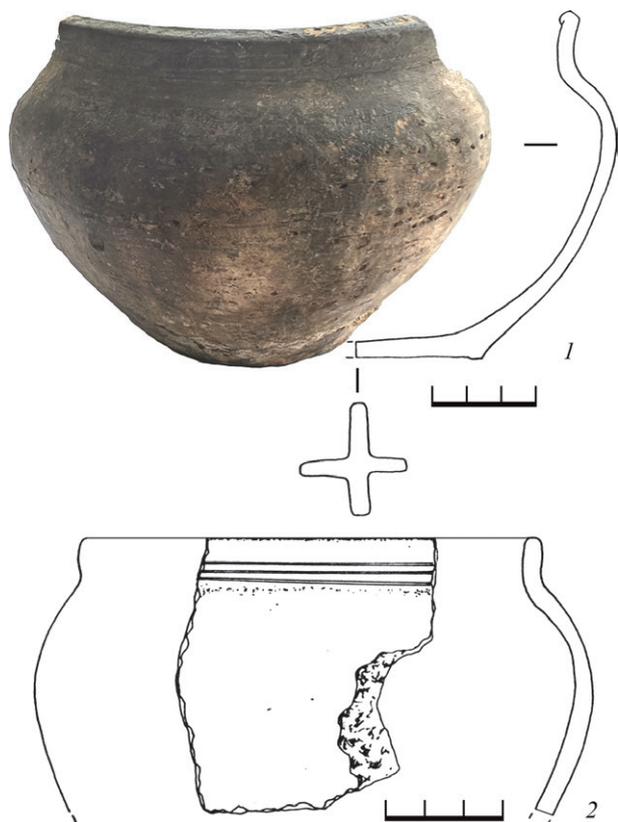

Рис. 7. Керамика из заполнения ямы 5
1 – профиль горшка типа II (с клеймом);
2 – профиль горшка типа III

концом XV – первой половиной XVII в., и III (рис. 6, 2; табл. 1). Другие типы малочисленны или не встречены вовсе. Из ямы 13 также происходят фрагмент носика кумгана, изготовленного из слабожелезненной глины и покрытого белым ангобом (рис 6, 3), и профиль миски типа II из такой же глины (рис 6, 4). Важными хроноиндикаторами, позволяющими уточнить датировку комплекса, являются 11 монет: две серебряные московские монеты – денга в весе копейки 1535–1538 гг. и денга 1535–1547 гг. Ивана IV, а также девять маленьких медных пул с крылатой сиреной 1480–1530-х годов, найденных практически на той же глубине (Вячин, 2006. С. 75; Гомзин, 2019. С. 363, 364). Период их совместного бытования – 30-е годы XVI в. Этим временем можно датировать и саму яму. Материалы из ямы 13 позволили уточнить время бытования горшков типа II в Переяславле Рязанском (Судаков, 2019а. С. 74).

Яма 5. Среди керамики преобладают горшки типов II (рис. 7, 1) и III (рис 7, 2; табл. 1). Другие типы не встречены вовсе либо их количе-

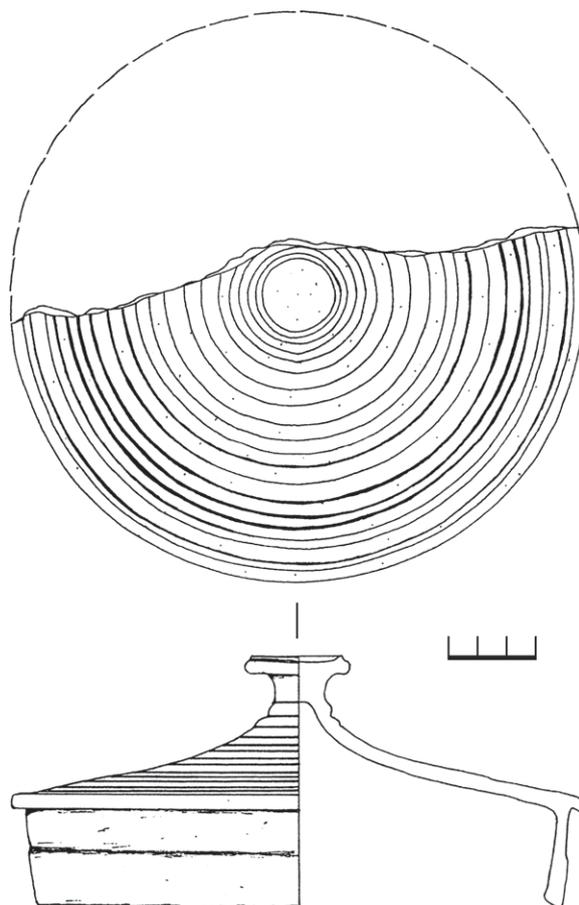

Рис. 8. Крышка из заполнения ямы 5

ство незначительно. Такое распределение керамики характерно для Переяславля Рязанского второй половины XVI – начала XVII в. Среди керамического комплекса зафиксирован профиль крышки (рис. 8), пик распространения которых в Переяславле Рязанском также приходится на вторую половину XVI – начало XVII в., что позволяет датировать данный комплекс в пределах этого времени (Судаков, 2019а. С. 91).

На донце горшка типа II из ямы 5 (рис. 7, 1) зафиксировано клеймо (типа IV.1 по В.В. Судакову) в виде креста (Судаков, 2019б). На Житном раскопе два таких отиска найдены в слоях первой половины XVI в. (Судаков, 2019б. С. 111). На территории Руси подобные клейма были распространены с X по XX в. (Кобозева, 2014. С. 381). Помимо данного отиска среди исследованной керамики обнаружено еще пять фрагментов донцев с клеймами, не упомянутых А.А. Вячиным в отчете (рис. 9). К сожалению, из-за фрагментарности и слабо выраженной рельефности не представляется возможным достоверно их классифицировать.

Рис. 9. Гончарные клейма

Однако наличие клейм в материалах данной ямы свидетельствует о сохранении традиции клеймения на территории Переяславля Рязанского вплоть до начала XVII в., что подтверждается материалами других раскопов (Судаков, 2019б. С. 118–121, табл. 1)

Яма 11. В керамическом комплексе преобладают горшки типов IB, датируемые в Переяславле Рязанском XVII–XVIII вв., II и III (рис. 10, 1–3; табл. 1). Другие типы не встречены либо их доля незначительна. Период, когда были распространены горшки типов IB, II и III, в Переяславле Рязанском – первая половина XVII в. В пределах этого времени можно датировать и яму 11.

Характерные особенности технологии изготовления керамики. Подавляющая часть керамики из исследованной выборки полного окислительного обжига изготовлена из слабожелезненной гли-

ны без видимых примесей, реже с примесью мелкого песка, что качественно отличает гончарство Переяславля Рязанского от других близлежащих городов (Старой Рязани, Ростиславля Рязанского, Коломны, Москвы и др.). Исключение составляет белоглиняная «коломенская» посуда, доля которой среди керамики XVI–XVII вв. составила не более 20%. Красноглиняные сосуды единичны и приходятся в основном на горшки типов VI и VIII. Крупнозернистые примеси (крупный песок, дресва, шамот) встречены в незначительном количестве (менее 3% изученной керамики), по большей части в составе керамики XIII–XIV вв.

Таким образом, анализ керамического комплекса из раскопа на ул. Скоморошинской позволил выявить соответствие круговой посуды Нижнего посада общим тенденциям развития гончарства Переяславля Рязанского в морфологи-

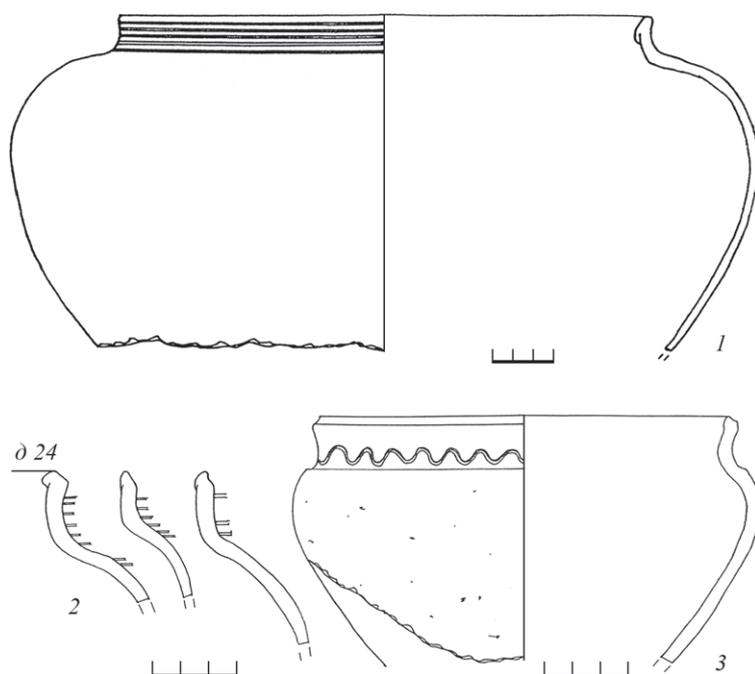

Рис. 10. Керамика из заполнения ямы 11

1 – профиль горшка типа I; 2 – венчики горшков типа II; 3 – профиль горшка типа III; 4 – профиль миски типа II

ческом и технологическом аспектах, прослеженным на материалах раскопок в кремле и в других частях города. Полученные данные еще раз подтвердили временные границы бытования некоторых типов рязанской керамики, установленные по материалам раскопок в кремле Переяславля.

Кроме того, материалы Нижнего посада показали, что традиция клеймения гончарной посуды на территории Переяславля Рязанского сохраняется и в позднее время – как минимум до начала XVII в., причем клейменная посуда была распространена на всей территории города.

Литература

Буланкин В. М., 1992. Отчет о раскопках в исторической части Рязани в 1992 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 22578–22581.

Вячин А. А., 2006. Отчет охранных археологических раскопках на Нижнем посаде Переяславля-Рязанского (г. Рязань), ул. Скоморошинская, д. 5 в 2006 г. / Научный архив Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника. № 3911.

Вячин А. А., 2009. Раскопки в Гончарной слободе г. Рязани // Битва на Воже и средневековая Русь: Материалы межрегиональной научной конференции. Рязань: ГУК «Центр сохранения объектов культурного наследия», С. 102–112.

Гомзин А. А., 2019. Нумизматические материалы на территории Переяславля Рязанского // МАПР. Вып. 3. М.: ИА РАН. С. 345–414.

Завьялов В. И., 2019. Житный раскоп в Кремле Переяславля Рязанского // МАПР. Вып. 3. М.: ИА РАН. С. 5–66.

Киреев П. С., Судаков В. В., 2022. «Заорленная» мера в составе керамического комплекса второй половины XVIII в. как материальное свидетельство питейного дела Переяславля Рязанского // Вестник гуманитарного образования. Киров: ВятГУ. С. 91–97.

Кобозева Е. И., 2014. Тверские гончарные клейма из раскопок 2007–2011 годов на Затямацком и Загородском посадах // АП. Вып. 10. М.: ИА РАН. С. 370–392.

Коваль В. Ю., 2014. Первичная статистическая фиксация массового керамического материала на памятниках эпохи Средневековья (X–XVII вв.) и раннего железного века лесной полосы Восточной Европы. Методические рекомендации // АП. Вып. 10. М.: ИА РАН. С. 490–571.

Кусова И. Г., Филиппов Д. Ю., 2011. Переяславль Рязанский XVII–XVIII вв.: планировочная структура, застройка, социальная топография // МАПР. Вып. 1. Рязань: РИАМЗ. С. 14–52.

Писцовая книга 1626 г. М.: Тип. М. В. Волчанинова, 1884. (Рязань. Материалы для истории города XVI–XVIII вв.). 158 с.

Судаков В. В., 1986. Отчет об охранных археологических раскопках на территории Кремля г. Переяславля Рязанского (современная Рязань) в 1986 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 12119.

Судаков В. В., 1988. Керамика Переяславля Рязанского // Научные чтения. Археология Рязанской земли. Рязань: б. и. С. 32–33.

Судаков В. В., 1988. Отчет об археологических раскопках в Кремле г. Рязани в 1988 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 14169.

Судаков В. В., 1990. Отчет об охранных археологических раскопках на территории Кремля и Верхнего посада г. Переяславля Рязанского (современная Рязань) в 1990 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 17660–17662.

Судаков В. В., 2019а. Керамика Житного раскопа // МАПР. Вып. 3. М.: ИА РАН. С. 67–100.

Судаков В. В., 2019б. Гончарные клейма Житного раскопа в Переяславле Рязанском // МАПР. Вып. 3. М.: ИА РАН. С. 101–140.

Челяпов В. П., 2009. Исследования на Нижнем посаде г. Переяславля Рязанского (современный г. Рязань) в 2007 году // Битва на Воже и средневековая Русь: Материалы межрегиональной научной конференции. Рязань: ГУК «Центр сохранения объектов культурного наследия». С. 81–101.

Челяпов В. П., Иванов Д. А., 2006. Охранные раскопки на территории Гончарной слободы Переяславля Рязанского // Битва на Воже и Куликовское сражение (история и культура средневековой Руси): Материалы Всероссийской научной конференции. Рязань: Политех. С. 155–167.

P. S. Kireev, I. N. Brysin

Wheel-made pottery of Nizhny Posad of Pereyaslavl Ryazan

Summary

A statistical and typological analysis of ceramics from the Posad of Ryazan made it possible to establish its correspondence to the general trends in the development of pottery of Pereyaslavl of Ryazan in the

morphological and technological aspects – the predominance of locally produced ceramics made from slightly ferruginous clay.

В. В. Артюхович

Институт археологии РАН, г. Москва

Керамические сосуды из Кондряево и «калянки» российских стекольных заводов XVIII–XIX веков: археология и письменные источники

В 2022 г. Волжская экспедиция Института археологии РАН исследовала остатки стекольного завода второй половины XVIII – третьей четверти XIX в. у д. Кондряево Судогодского р-на Владимирской обл. Работы носили спасательный характер, обусловленный строительством скоростной трассы М-12. В раскопе площадью 8545 кв. м, располагавшемся на периферийной части бывшего завода, собрано более 15 000 находок¹. Краткие итоги этих раскопок опубликованы (Артюхович, Батанина, 2024).

Настоящая статья посвящена керамическим изделиям неизвестного назначения, найденным в 2022 г. Предпринята попытка выяснить их предназначение и способ использования. Находки уже были кратко описаны, показан вариант реконструкции одного сосуда (Артюхович, Батанина, 2024. С. 364–365. Рис. 6, 1).

Характеристика кондряевских сосудов

Обнаруженные фрагменты сосудов изготовлены из нежелезненной глины с примесью песка. На внешней поверхности обломков хорошо видны неубранные потеки теста, а на внутренней – плохо заглаженные следы от соединения формовочных лент (рис. 1, 1). В тесте фрагментов наблюдалось множество пустот от выгоревшей органики. Керамика изготавливалась с помощью ручной лепки, гончарный круг использовался лишь для заглаживания внешней поверхности, часто даже не сплошного².

Толщина фрагментов составляла 0,8–1,0 см. Вблизи краев толщина уменьшалась до 0,7 см.

Края сосудов загнуты внутрь (рис. 2). Черновой край бывает завернут внутрь сосуда, наружу, оставлен без загиба или срезан. Диаметр краев – от 21 до 34 см. Сосуды украшались волнистым орнаментом в верхней части сосуда (рис. 3, 1–5, 7), а также широкими горизонтальными линиями на тулове (рис. 3, 6). Донца плоские со следами песчаной подсыпки. Толщина донцев достигала 1,5 см, диаметр составлял 22–28 см. На донцах часто встречались процарапанные после обжига линии (рис. 4). По двум экземплярам можно судить о характере рисунков, составленных из линий. На первом из них изображена крестообразная композиция (рис. 5, 1). На втором – сетка из перпендикулярных линий (рис. 5, 2). У одного горшка в центре донца имелось отверстие, проделанное до обжига (рис. 5, 2).

Собрано 558 фрагментов этих горшков, что составляло 39,6% от всей керамики (без учета тиглей, кирпичей и другой технической керамики). Они представляли собой сосуды с цилиндрическими (рис. 5, 2; 6) или с расширяющимися кверху туловами. Для последнего типа удалось реконструировать полную форму одного горшка. Его высота составляла 41 см, диаметр донца – 25 см и диаметр верхнего края – 30 см (рис. 5, 1).

Поиски аналогий таким формам среди бытовой посуды XVIII–XIX вв. не принесли успеха. Против принадлежности к бытовой керамике свидетельствовало и отсутствие следов пищевого нагара. Нельзя также признать данные изделия стекловаренными тиглями. Они отличались от последних формой краев, которые у всех обнаруженных

¹ Автор благодарит руководителей раскопок А. Н. Свиридова за возможность использования материалов для публикации и П. Е. Русакова за помощь и поддержку в проведении исследования.

² Технологический анализ керамических фрагментов проведен канд. истор. наук О. А. Лопатиной, за что автор выражает ей свою благодарность.

Рис. 1. Фрагменты сосудов неизвестного назначения. Кондряевский стекольный завод
 1 – вид внешней и внутренней поверхностей; 2, 3 – обломки с остеклованной внешней поверхностью
 (1 – уч. 10; 2, 3 – об. 61)

на заводе тиглей прямые. Поверхности тиглей обработаны значительно качественнее. Если на внутренних поверхностях тиглей можно наблюдать места соединений лент, то внешние поверхности всегда тщательно заглажены. В составе теста тиглей не фиксировалась примесь песка или органики.

Технологический анализ показал, что для изготовления тиглей производился более тщательный отбор сырья и подготовка формовочной массы. Не такие жесткие требования к сырью предъявлялись для сосудов неизвестного назначения, для их изготовления то же сырье смешивалось с песком. Помимо этого для данных сосудов характерно использование формовочной массы из менее качественного сырья, но также с добавлением песка.

Характерные признаки стекловаренных тиглей, бывших в использовании, – полное остекловывание поверхности, остатки застывшей стекломассы на внутренней поверхности донцев, наплывы и потеки стекла на стенках – совершенно отсутствуют в комплексе обломков данных сосудов. Имеются только небольшие области локального остекловывания на внешней поверхности двух фрагментов (рис. 1, 2, 3). И, разумеется, вышеупомянутое отверстие в донце говорит о невозможности использования сосуда в качестве тигля.

Отверстие в донце наводило на мысль о цветочных горшках. Тем более что известно о размещении в 1760-х годах на территории завода двух помещичьих усадеб с плодовым садом. Одна усадьба продолжала существовать и после закрытия фабрики (Артюхович, Батанина, 2024. С. 354–356). В связи с этим можно было предполагать выращивание здесь каких-то растений в цветочных горшках. Форма тулова кондряевских сосудов соответствует цветочным горшкам, известным по раскопкам усадебных комплексов XVIII–XIX вв. Но края цветочных горшков всегда вертикальны, а их черновые края завернуты наружу. Неизвестно на цветочных горшках и волнистого орнамента. (Археология парка... 2008. Рис. 108, 1, 4; Рис. 132, 1–4, 6; Археология Романова... 2009. С. 93; Рис. 250–252).

Все выше сказанное позволяет предполагать, что мы имеем дело не с бытовой, а со специальной технической керамикой. Ее большая концентрация на территории завода, а также неизвестность подобных форм сосудов в иных, непромышленных комплексах могут объясняться предназначением данных сосудов именно для нужд стекольного производства.

В качестве возможных аналогий кондряевским сосудам можно привести сведения о раскопках 1928 г. под руководством П. М. Миллера сте-

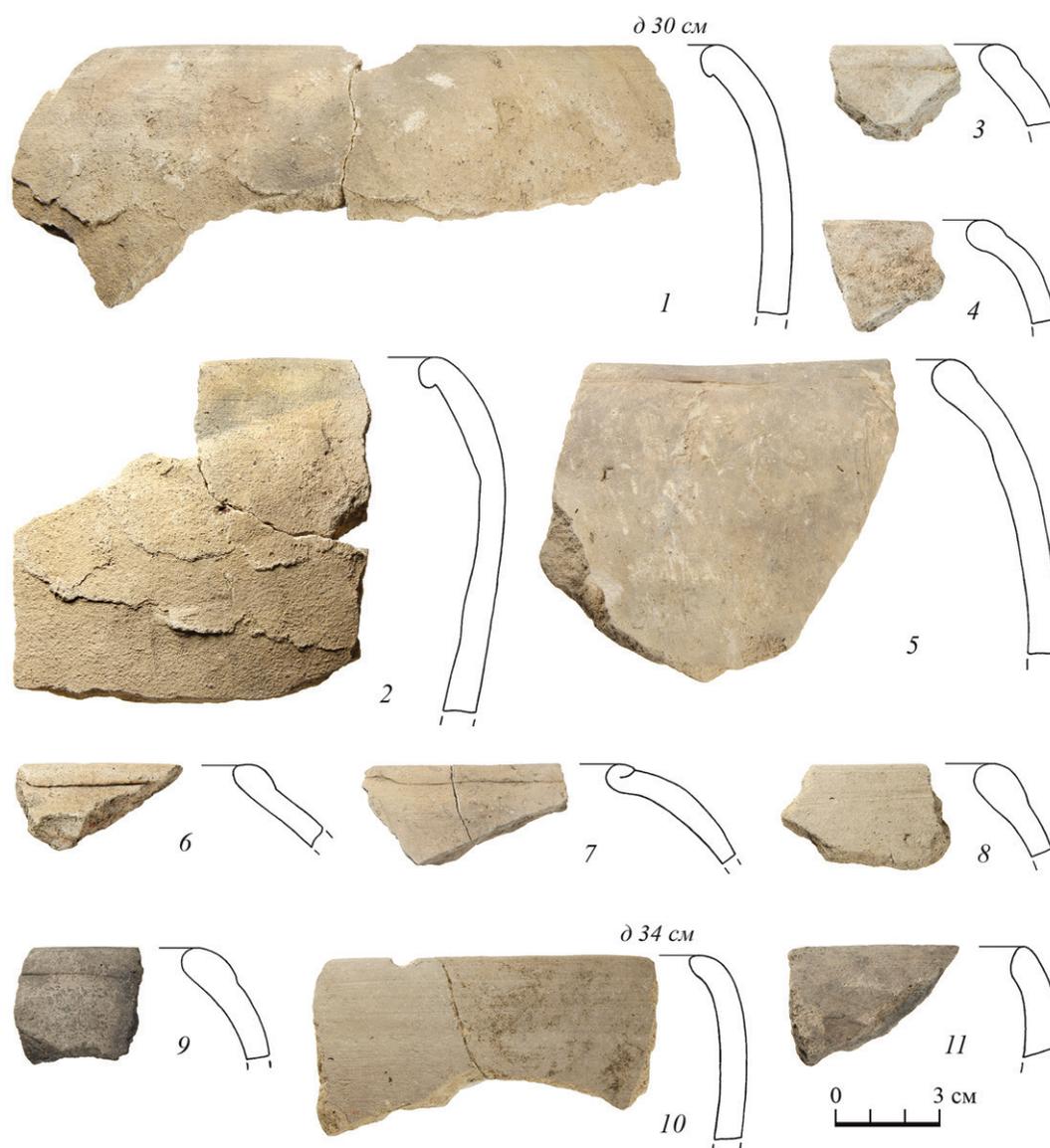

Рис. 2. Края сосудов. Кондряевский стекольный завод
 1, 9 – уч. 9; 2, 6 – уч. 10; 3 – об. 71; 4, 7 – об. 58; 5 – об. 61; 8 – об. 18; 10 – об. 108; 11 – уч. 17

кольного завода в с. Ямкино в Подмоскowie. Автор работ остатки завода идентифицировал как место Черноголовского завода XVII в. Но Н. А. Ашарина документально показала существование в Ямкино отдельного завода, основанного только в 1724 г. (Ашарина, 1986. С. 9). При исследованиях 1928 г. здесь найдены «черепки крупной глиняной посуды», которые вызвали у автора сомнения в их бытовом предназначении и были предположительно атрибутированы как обломки «заводского припаса», т. е. как фрагменты технических сосудов (Мил-

лер, 1928б. С. 5). К сожалению, подробная характеристика данных находок в публикации отсутствует, что не дает возможности их сравнения с кондряевскими горшками. Можно только высказать осторожное предположение об их тождественности.

Находки в Западной Европе

Находки фрагментов крупных керамических сосудов известны в культурных слоях стекольных заводов эпохи Средневековья и Нового времени в странах Западной Европы³. В частности,

³ Автор благодарит Ю. Н. Поротникову за помощь в переводе немецкоязычных публикаций.

Рис. 3. Орнаменты на фрагментах сосудов. Кондряевский стекольный завод
1 – уч. 5; 2–5 – об. 58; 6 – об. 59; 7 – об. 61

такая керамика обнаружена в Австрии, Германии, Польше, Чехии и Швейцарии. Наиболее ранние находки, относящиеся к концу XIV – XV в., происходят из Чехии (Černá, 2016. S. 180) и Германии (Gelnar, 2005. S. 66; Frey, 2015. S. 150).

На заводе Молдава I, существовавшем на рубеже XIV–XV вв. в северо-западной Чехии, фрагменты горшков были изготовлены из сильнооже-лезненной глины (имели кирпично-красный цвет). Они представляли собой высокие горшковидные сосуды высотой 30–35 см, диаметром венчиков 19–27 см и донцев 15–20 см (рис. 7, 1; Černá, 2016. S. 179).

Кроме того, подобные находки зафиксированы при исследованиях ряда других стекольных заводов Чехии, действовавших в разное время с XV по XIX в. Они отличались более крупными размерами по сравнению с бытовой керамикой. Как правило, фрагменты имели кирпично-красный

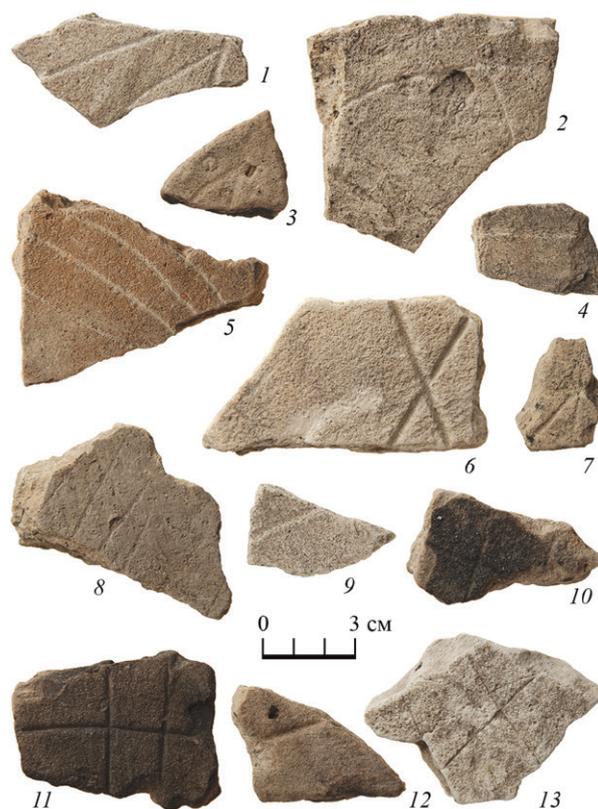

Рис. 4. Фрагменты донцев с процарапанными линиями. Кондряевский стекольный завод
1, 2 – уч. 8; 3–5 – уч. 9; 6–9 – об. 58; 10–12 – об. 61;
13 – об. 100

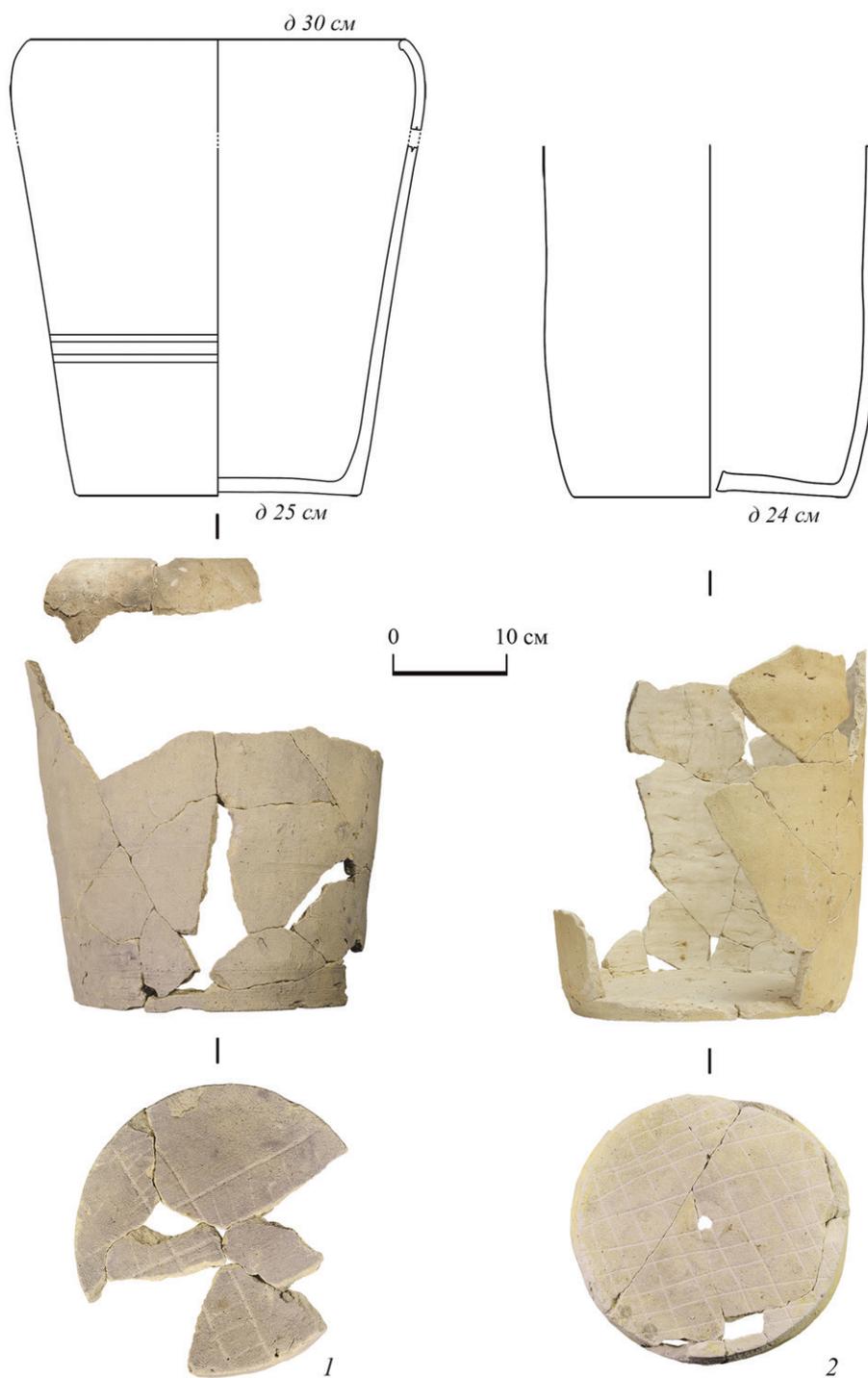

Рис. 5. Сосуды неизвестного назначения. Кондряевский стекольный завод
1 – уч. 9, 10; 2 – об. 61

цвет, но в некоторых местах встречены осколки светло-серого, светло-охристого и кремового цвета. В тесте присутствовали примеси слюды и песка (Gel'nar, 2005. S. 65). Горшки украшались волной, линейным орнаментом или горизонтальной линией вместе с косыми линиями, иногда штампованным орнаментом. Формы венчиков

сосудов нередко соответствовали профилям утилитарной керамики (Gel'nar, 2012. S. 59). Диаметры венчиков варьировались от 26 до 36 см, диаметры донцев – от 23 до 32 см (Gel'nar, 2005. S. 66).

В Германии на заводе XV в. Глазвазен фрагменты имели бежевый цвет, диаметр венчиков составлял около 30 см (Frey, 2015. S. 150). Реконструкция

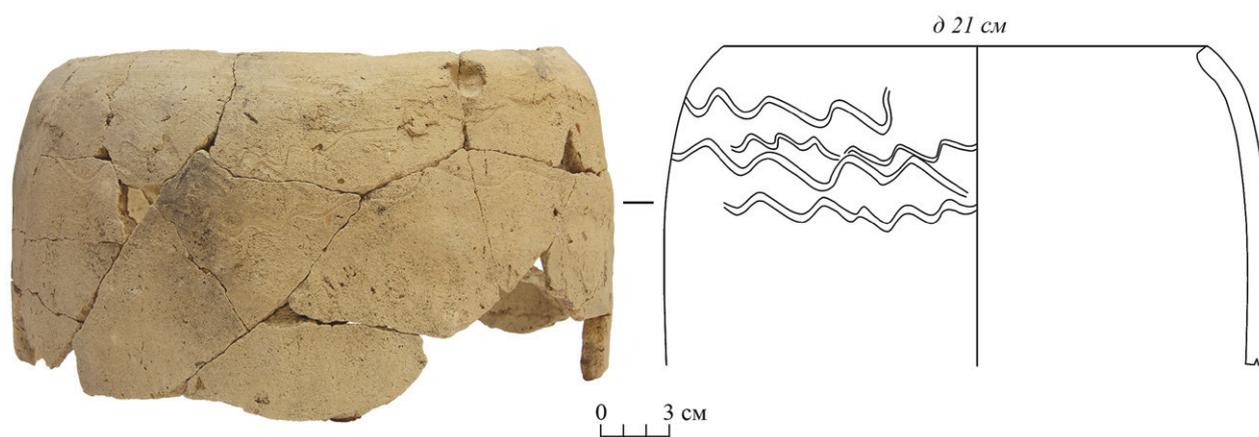

Рис. 6. Сосуд неизвестного назначения. Кондряевский стекольный завод. Об. 61

полных профилей сосудов оказалась невозможна из-за малочисленности материала (Frey, 2011. S. 208).

В комплексе находок стекольного завода Райхенау II (Австрия, 1601–1686 гг.) подобные обломки сосудов также выделялись своими размерами и большими диаметрами венчиков. Последние по формам заметно отличались от венчиков бытовой керамики (Tarcsay, 2009. S. 236). Диаметры венчиков составляли 20–35 см, донцев – 17–30 см (Tarcsay, 2009. S. 236–238).

В Польше такие сосуды известны по исследованным заводам XVII–XVIII вв. в области Великая Польша. Фрагменты данных горшков указывались в перечне находок, маркирующих места стекольного производства (Mucha, 1987. S. 107). Они представляли собой большие горшки из керамики, содержащей огнеупорные компоненты (Mucha, 2004. S. 320).

При раскопках стекольного завода в местности Патураж де л'Энверс (Швейцария, 1699–1714 гг.) собрано более 24 000 фрагментов таких крупно-размерных сосудов, что составляло 65% от всей найденной керамической посуды (Frey, 2015. S. 33. Abb. 4). В большинстве случаев они имели неяркий кирпично-красный цвет, реже бежевый, оранжевый или темно-красный. При их изготовлении использовался окислительный обжиг (Frey, 2015. S. 102). По форме они разделялись на открытые (цилиндрические) и закрытые (с плечом и сужающимся к донцу туловом) сосуды (Frey, 2015. S. 57–58). Более половины найденных донцев имели следы среза с подставки, остальные были заглаженными (Frey, 2015. S. 101–102). На внешней поверхности горшков встречались места с локальным остекловыванием. Сосуды украшались волной между прямыми линиями, а также отдельными

горизонтальными линиями (рис. 7, 2–5; Frey, 2015. S. 92). Высота сосудов варьировалась от 27 до 51 см. Цилиндрические сосуды имели диаметры от 26 до 45 см (Frey, 2015. S. 57–58). У закрытых форм диаметры венчиков составляли 14–24 см (Frey, 2015. S. 58). Отдельные типы венчиков данных сосудов схожи с венчиками бытовой керамики и краями цветочных горшков (Frey, 2015. S. 119).

На заводе Зюдель (Швейцария, 1723 – ок. 1760 гг.) подобные горшки изготовлены из кирпично-красной глины, имели диаметры венчиков 14–30 см (Frey, 2011. S. 208).

Многие из приведенных выше описаний очень кратки и не содержат всесторонних характеристик находок. Это обусловлено недоступностью некоторых зарубежных публикаций. Но все же перечисленные материалы дают возможность составить общее впечатление о них, позволяющее обозначить некоторые отличия и увидеть сходные черты с находками с Кондряевского завода.

Видно, что европейские находки отличаются от наших использованием в основном ожеженного сырья, наличием следов среза сосуда с подставки вместо песчаной подсыпки. Также нет упоминаний потеков теста на поверхности и следов соединения формовочных лент, что создает впечатление более качественно изготовленной керамики.

Вместе с тем сосуды с европейских заводов имеют сопоставимые с нашими размеры (более крупные по сравнению с бытовой керамикой), изготовлены с помощью окислительного обжига, имеют орнаменты. А главное, что среди найденных сосудов отсутствуют фрагменты с полностью остеклованной поверхностью. Встречены только локальные пятна остекловывания. Также неизвестны экземпляры с остатком застывшего стекла или его потеками. Все это дает возможность гово-

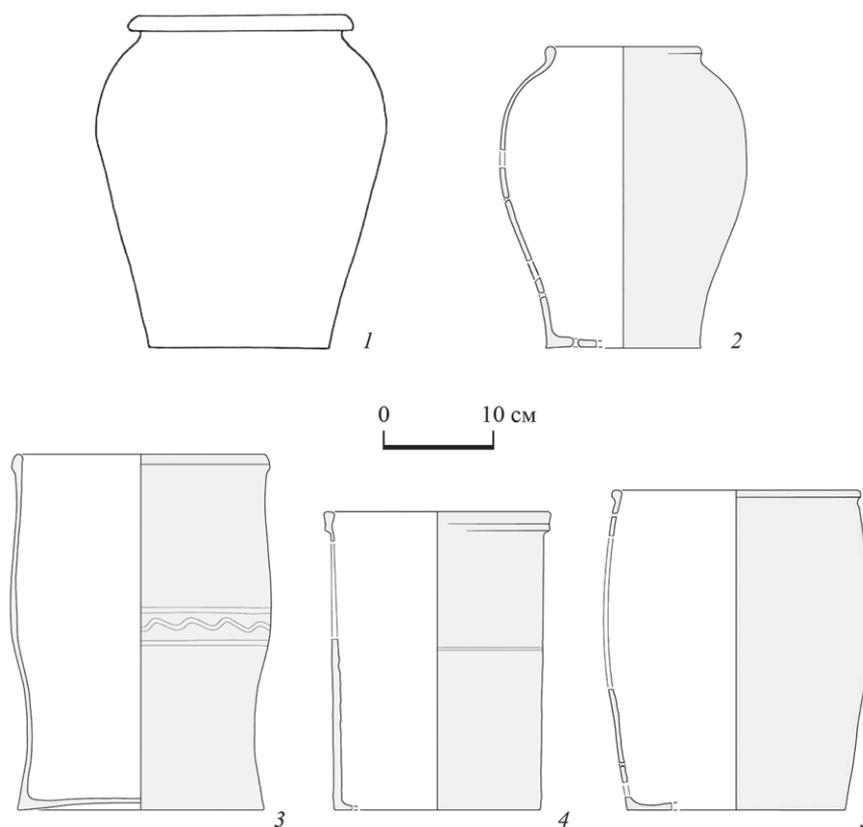

Рис. 7. Формы сосудов для отжига в Западной Европе

1 – реконструкция сосуда с завода Молдава I в Чехии (по: Černá E., 2016. Obr. 114, V);
2–5 – основные формы сосудов для отжига завода Патураж де л'Энверс в Швейцарии
(по: Frey J., 2017. Abb. 1, a–d)

речь о едином предназначении сосудов, найденных в Кондряеве и на европейских памятниках.

Европейские исследователи считают данные горшки специальными техническими сосудами, применявшимися на стекольных заводах в качестве контейнеров, в которые помещались готовые изделия при отжиге (Mucha, 1987. S. 107; Gelnar, 2005. S. 65; Tarcsay, 2009. S. 236; Frey, 2011. S. 205; Černá, 2016. S. 179–180). Под отжигом в стеклоделии понимается термообработка с целью ослабления остаточных и временных напряжений в изделиях после формования последних (Ланцетти, Нестеренко, 1987. С. 297). Процесс отжига состоит из четырех последовательных стадий: нагревание изделия до необходимой температуры, выдерживание при этой температуре, медленное охлаждение и ускоренное охлаждение затвердевшего стекла. Важность данного процесса обуславливается тем, что при недостаточно медленном остывании стеклянное изделие получается хрупким, а при резкой перемене температуры может растрескаться (Ланцетти, Нестеренко, 1987. С. 74–76). В XIX в. отжиг стекла именовался

закаливанием или закалкой (Чугунов, 1856. С. 237; Менделеев, 1952. С. 253; Петухов, 1898. С. 257; Писарев, 1855. С. 135). В настоящее время закалкой называют процесс преднамеренного образования в стекле механических напряжений. Он заключается в быстром охлаждении стекла холодным воздухом с целью его упрочнения (Ланцетти, Нестеренко, 1987. С. 76, 296).

Европейские источники

Помимо археологических находок существование горшков, служивших сосудами для отжига, подтверждается многочисленными письменными и изобразительными источниками. Наиболее полное сведения о данных сосудах разобраны в работе швейцарского исследователя Д. Фрая (Frey, 2015. S. 119–150). Но, несмотря на довольно обширный временной и территориальный охват, приведенный автором комплекс источников нельзя назвать исчерпывающим. Так, например, за пределами внимания Д. Фрая остались некоторые опубликованные ранее в Чехии данные (Gelnar, 2005), а также совсем не приведены польские источники.

Анализ письменных сообщений, а также иллюстративных материалов позволил Д. Фраю выделить три типа процесса отжига стекла, существовавших в Европе и постепенно сменявших друг друга с XI по XIX в. При описании типов процесс отжига автор подразделяет на два этапа: поддержание тепла и охлаждение (Frey, 2015. S. 148–150).

Наиболее ранние сведения, еще без упоминания горшков для отжига, отнесены автором к типу 1. Они описывают отжиг изделий либо в отдельной стоящей отжигательной печи, либо в специальной камере, устроенной над плавильным ярусом стекловаренной печи. В первом случае стекло охлаждалось за счет постепенного снижения температуры в печи. Второй вариант предполагал помещение изделий вглубь отжигательной камеры, а затем постепенное перемещение их к краю (Frey, 2015. S. 149).

Сведения, содержащие упоминания специальных сосудов для отжига, объединены автором в отдельный тип, разделенный на четыре варианта. Самый ранний из них (тип 2А) известен с начала XV в. Изделия вначале проходили отжиг свободно размещенными в камере печи, а затем вынимались и складывались в большие сосуды, в которых постепенно полностью остывали (Frey, 2015. S. 149).

К середине XVI в. относится описание технологии (тип 2В), при которой глиняные горшки использовались на обоих этапах отжига. Сразу после изготовления стеклянные вещи помещались в горизонтально лежащие горшки, заранее помещенные в более горячую камеру отжигательной печи. Спустя определенное время горшки вместе с изделиями перемещались в более холодную камеру печи (Frey, 2015. S. 149).

Для XVII в. характерно использование горшков только на второй фазе отжига, когда изделия первоначально помещались в печь без горшков, а затем вкладывались в горшки, прикрытые крышками (тип 2С). В это же время появляются первые сведения о печах туннельной планировки, в которых изделия в железных емкостях перемещались из более горячей зоны в более холодную (тип 3; Frey, 2015. S. 149).

С XVIII в. фиксируется процесс отжига типа 2D. При нем посуда проходила оба этапа отжига в горшках, которые сразу размещались в печи, затем доставались из нее и еще некоторое время постепенно остывали. Наряду с глиняными в это время появляются упоминания о металлических горшках (Frey, 2015. S. 150).

Для перемещения сосудов со стеклом на заводах имелись специальные двузубые железные вилки (Frey, 2015. S. 142). Отжиг с применением горшков использовался в Европе до середины XIX в., а в отдельных регионах сохранялся и позднее. Так, например, использование железных горшков зафиксировано в области Вальдфиртель в Нижней Австрии еще в начале XX в. (Frey, 2015. S. 150).

Распространение горшков, по мнению Д. Фрая, было обусловлено рядом преимуществ перед отжигом изделий по отдельности. Во-первых, использование сосудов только на втором этапе отжига позволяло освободить пространство в отжигательной печи для новой партии изделий. Во-вторых, печь теперь не нужно было полностью остужать, что давало возможность сэкономить дрова (Frey, 2015. S. 126–127). В-третьих, горшки защищали стеклянные изделия от чрезмерного нагрева и кружащего в печи пепла. Четвертое преимущество заключалось в упрощении перемещения множества мелких вещей и возможности сразу отделять партии изделий, произведенные разными мастерами (Frey, 2015. S. 128).

Автор замечает, что все известные источники (археологические, письменные и иллюстративные) о керамике для отжига происходят из области к северу от Альп, где был распространен тип стекловаренной печи с размещенной по соседству печью для отжига, обогревавшейся жаром от основной печи через специальный канал. Упоминание в источниках горшков обычно связано с такими печами. Как правило, эти сосуды использовались при работе с бесцветным, называемым часто хрустальным⁴, стеклом. Изделия из обычного зеленого стекла отжигались без помощи горшков (Frey, 2015. S. 150).

Д. Фрай предполагает, что использование горшков для отжига стекла могло зародиться в районе Рудных гор на границе юго-восточной Германии и Богемии. На это указывает кроме распространения здесь характерного типа печей и то, что первые авторы, описавшие такие горшки, жили как раз у северных склонов этих гор (Frey, 2015. S. 149).

На основе данных письменных, изобразительных источников и материалов археологического изучения упомянутого выше завода в местности Патураж де л'Энверс в Швейцарии создана реконструкция существовавших там печей (Gerber et al., 2012. P. 230–235), дающая возможность наглядно представить использование горшков (рис. 8).

⁴ Хрустальное стекло – бесцветное стекло высокой степени прозрачности и белизны (Ланцетти, Нестеренко, 1987. С. 300).

Рис. 8. Реконструкция плавильной печи с прикрепленными печами для отжига с находящимися в них горшками. Стекольный завод Патураж де л'Энверс в Швейцарии (по: Gerber С. и др., 2012. Fig. 198)

Из-за отсутствия в работе Д. Фрая данных из польских источников представляется важным более подробно остановиться на них, ценных ввиду территориальной близости к России. Еще в 1968 г. известный польский историк А. Выробиш в книге, посвященной истории стекла на польских землях в XIV–XVII вв., отмечал, что стекло, предназначенное для отжига, обычно помещалось в большой глиняный сосуд, который ставился в печь (*Wyrobisz*, 1968. S. 98). В подтверждение своих слов исследователь приводил цитату из агрономического трактата Я. Гаура «*Ziemiańska generalna oekonomika*», опубликованного в 1679 г., где есть небольшой раздел о стеклоделии. Среди прочего в нем сказано, что стеклянные изделия нужно отжигать (*hartuia*) вблизи огня в больших горшках (*garcach wielkich*), в противном случае они потрескаются (*Haur*, 1679. S. 178L).

Более подробные сведения о сосудах содержащих

званием «*Rozmowa o sztukach robienia szkła*». Его автор приобрел многолетний опыт работы в стекольном деле, находясь на службе у магнатов, владевших землями на территории Волынского и Киевского воеводств, в частности, был управляющим стекольного завода в г. Чуднов (сейчас Житомирская обл., Украина; *Lichota, Michalski*, 1997. P. 83).

Среди необходимых на стекольном заводе помещений Й. Тожевский называет чулан (*komorkę*), в который мастера прямо из печи должны выставлять горячие горшки со стеклом (*garki gorące z szkłem*). Здесь они должны были остывать (*wychładzać się*) под замком (*Torzewski*, 1785. S. 16). В горшки мастера складывали только что выработанные изделия (*swiżą robotę swoją*) и для медленного охлаждения (*ochłodzenia zwolna*) ставили их в печь (*Torzewski*, 1785. S. 31). Для перемещения горшков с изготовленным стеклом (*garki z szkłem zrobionym*) в чулан использовались железные вилы (*widły*), укрепленные

на дровяке (*Torzewski*, 1785. S. 37). Горшки должны быть накрыты «макутерками» (*makuterkami*; *Torzewski*, 1785. S. 157) тотчас же по извлечении из печи (*Torzewski*, 1785. S. 160). Недостаточно хорошо закрытые сосуды могли привести к непрочности стекла (*Torzewski J.*, 1785. S. 157).

Нельзя, пишет автор, чтобы в этих горшках остывали (*w garkach były studzone*) черные (*czarne*) бутылки. Поскольку горшок быстро наполняется несколькими бутылками, то невозможно запастись достаточным их количеством. В связи с нехваткой горшков мастера вынуждены вынимать их раньше времени, из-за чего изделия трескаются (*Torzewski*, 1785. S. 200). Под черными, вероятнее всего, имелись в виду изделия из простого зеленого стекла. Ведь белым (*białym*) или хрустальным (*krzystalowym*), указывает Й. Тожевский, называлось поташное стекло (*Torzewski*, 1785. S. 219–220). Это подтверждается и тем, что горшки употреблялись только на приличных (*porządnych*; *Torzewski*, 1785. S. 31) или «белых» (*białych*; *Torzewski*, 1785. S. 35) заводах. Следовательно, сосуды в Речи Посполитой так же, как и в других европейских странах, использовались для отжига некрупных вещей из бесцветного стекла.

Устройство печи для отжига, называвшейся ошов (*oszow*; *Torzewski*, 1785. S. 35), соответствует печам других европейских заводов, где при отжиге изделий употреблялись горшки. Отжигательная печь связывалась с плавильной печью посредством специального отверстия, через которое получала тепло от последней (*Torzewski*, 1785. S. 37).

Как видим, для территории Польши, а учитывая регион работы Й. Тожевского, можно говорить также о территории Правобережной Украины, как и для других стран Европы, характерен был метод работы с горшками, соответствующий типу 2D по Д. Фраю. Находят аналогии и ряд других черт: подобное устройство печей, использование для перемещения горшков специальных вилок, закрывание устьев сосудов, применение горшков для отжига бесцветного стекла.

Российские историография и источники

В современной российской литературе, посвященной стеклодельному производству, никаких упоминаний про горшки для отжига отыскать не удалось. Да и в советский период данному аспекту почти не уделялось внимания. Сведения о сосудах присутствуют всего в двух публикациях более чем полувековой давности, притом основанных на одном источнике.

Первая из них – это книга алтайского краеведа Н. Я. Савельева о Барнаульском стекольном заводе. В ней помещена относящаяся к 1755 г. «Записка, содержащая унтер шихтмейстером Ползуновым» (*Савельев*, 1958. С. 50–55), найденная автором в архиве. В документе подробно описывается процесс изготовления стекла на заводе и среди прочего говорится о горшках, в которые помещались изделия при отжиге (*Савельев*, 1958. С. 54–55). В тексте книги Н. Я. Савельев кратко упомянул об этом, но, видимо, не имея представления о подобных сосудах, ошибочно назвал их «формами» (*Савельев*, 1958. С. 19).

Основываясь на «Записке», известный историк техники В. В. Данилевский в книге, посвященной Усть-Рудицкому заводу М. В. Ломоносова, кратко коснулся технологии работы с горшками на Барнаульском заводе. Он применил к ним термин «муфели» (*Данилевский*, 1964. С. 67), что кажется вполне допустимым, так как соответствует одной из их функций, заключающейся в защите стеклянных изделий от перегрева и пепла.

Тема бытования сосудов для отжига в России на данный момент остается малоизвестной и, за исключением двух вышеуказанных публикаций, совершенно не освещенной в научной литературе. Такая крайне слабая степень изученности данного аспекта стекольного производства не позволяла уверенно говорить о найденных в Кондряево сосудах как горшках для отжига. Поэтому автор настоящей статьи предпринял собственную попытку поиска и анализа источников, в результате чего только лишь на страницах печатных изданий XIX – начала XX в. удалось отыскать сведения, дающие возможность осветить ряд вопросов бытования горшков для отжига на территории России.

Выявленные источники можно условно разделить на две группы: косвенные и прямые. Публикации, входящие в первую группу, дают только общую информацию об использовании горшков, без подтвержденной связи с конкретными заводами. Вторая группа включает источники, сведения которых непосредственно относятся к российским стекольным заводам.

Косвенные источники

В 1803 г. в России была издана книга И. Я. Голтвинского «Наставления, основанные на опытах и долговременных наблюдениях, делать лучшим и выгоднейшим образом всякого рода стекло и хрусталь, так же поташ», представляющая собой практическое руководство по стеклоделию. Об авторе ее известно лишь, что до 1789 г. он около четырех

лет работал главным надзирателем на заводе князя Г. А. Потемкина под Санкт-Петербургом, а позже строил новые стекольные заводы (*Снегирев*, 1838. С. 326). Уже на первых страницах «Наставлений» при описании процесса постройки отжигательной печи обращают на себя внимание слова автора о том, что хрусталь оставляется в ней «для лучшей оного в горшках закалки» (*Голтвинский*, 1803. С. 21). Более подробно применение упомянутых горшков раскрывается в главах, посвященных изготовлению золоченой и посеребренной посуды, золотого рубина и листового стекла.

Процесс отжига посуды, расписанной золотом или серебром, заключался в следующем. После обжига (необходимого для закрепления росписи) в специальных «четвероугольных» горшках посуда помещалась в другие, «круглые» горшки. Последние стояли в печи около получаса. Потом они закрывались крышками, доставались специальными вилами и помещались «у стены» до полного остывания находящихся внутри изделий (*Голтвинский*, 1803. С. 52). Как видим, изделия проходили обе фазы отжига в специальных сосудах, на первой из которых внутри печи, на второй – вне ее, что точно соответствует типу 2D по Д. Фраю.

При описании изготовления «золотого рубина» указаны два способа использования горшков. Первый заключался в том, что выдутое изделие после обжига в стекловаренной печи (для достижения требуемого цветового оттенка) скалывалось с трубки прямо в находящийся в «каленице» горшок (*Голтвинский*, 1803. С. 38). Дальнейшие действия с горшком остаются нераскрытыми. Но можно предположить по аналогии с процессом отжига расписной посуды, что после некоторого времени нахождения в печи сосуд закрывали крышкой, доставали вилами из печи и дожидались остывания находящихся внутри изделий.

Второй способ получения рубинового стекла, при котором стекло вырабатывалось в виде брусков прямоугольной формы, предполагал помещение изделий в «нагретые горшки с песком». В печь рядом с этими сосудами закладывались дрова, и производился обжиг изделий для получения нужного цвета. Затем эти же горшки закрывались крышками, доставались при помощи железных вилок и оставлялись остывать у печи (*Голтвинский*, 1803. С. 39). Хотя и не указана форма данных горшков, применение крышек и вилок говорит о том, что речь может идти, вероятнее всего, о «круглых» горшках.

В вышеприведенных описаниях остается неизвестным материал, из которого изготавливали эти горшки. Только в разделе, посвященном

производству листового бесцветного («поташного») стекла, уделено этому внимание. Здесь говорится, что «круглые» горшки могли делать либо из листового железа, либо из глины. Длина сосудов составляла около трех четвертей (примерно 54–58 см). Выдуваемые мастером стеклянные цилиндры («муштраны»), из которых изготавливалось листовое стекло, вкладывались в предварительно помещенные в отжигательную печь горшки на 2/3 своей длины. По прошествии «полчетверти» часа горшки вынимались из печи вместе с цилиндрами. Последние доставались из горшков только после того, «как скоро простынут» (*Голтвинский*, 1803. С. 82–83). Описанный процесс отжига листового стекла в целом соответствует типу 2D по Д. Фраю.

Печь для отжига, называемая И. Я. Голтвинским «ошвенной» печью или «ошвою», а также «каленишной» печью или «каленицей» (*Голтвинский*, 1803. С. 20–21, 31–32), была «приделана» к плавильной печи (*Голтвинский*, 1803. С. 32) и связана с последней посредством «рукава» (*Голтвинский*, 1803. С. 11). Именно такое, совмещенное, устройство печей, как отмечалось выше, характерно для европейских заводов, где зафиксировано бытование сосудов для отжига. Среди предметов, что охлаждали в этой печи, называются «стекло или хрусталь» (*Голтвинский*, 1803. С. 21), а также «халявы» (стеклянные цилиндры) и посуда (*Голтвинский*, 1803. С. 31). Другой тип описываемых И. Я. Голтвинским «каленишных» печей, отдельно располагавшихся у стен завода, предназначался для отжига литых стекол (*Голтвинский*, 1803. С. 154–156).

В подзаголовке «Наставления» указывается, что книга написана «по примеру знатнейших, в России существующих» заводов. Это может быть аргументом в пользу доказательства применения горшков для отжига на российских заводах. Но химик-технолог А. К. Чугунов считал книгу И. Я. Голтвинского «почти переводом» немецкого трактата по стеклоделию, вышедшего за год до публикации «Наставления» (*Чугунов*, 1856. С. 29). В немецком оригинале прямого соответствия способам применения сосудов, описанным И. Я. Голтвинским, найти не удалось. Здесь, в отличие от книги российского автора, упоминания горшков не встречаются в описаниях способов изготовления конкретных изделий. Характеристика и способ применения горшков приводятся в отдельном месте (*Versuch... 1802. S. 143*). Но так как информации об авторе очень мало, нельзя исключать вероятность использования И. Я. Голтвинским

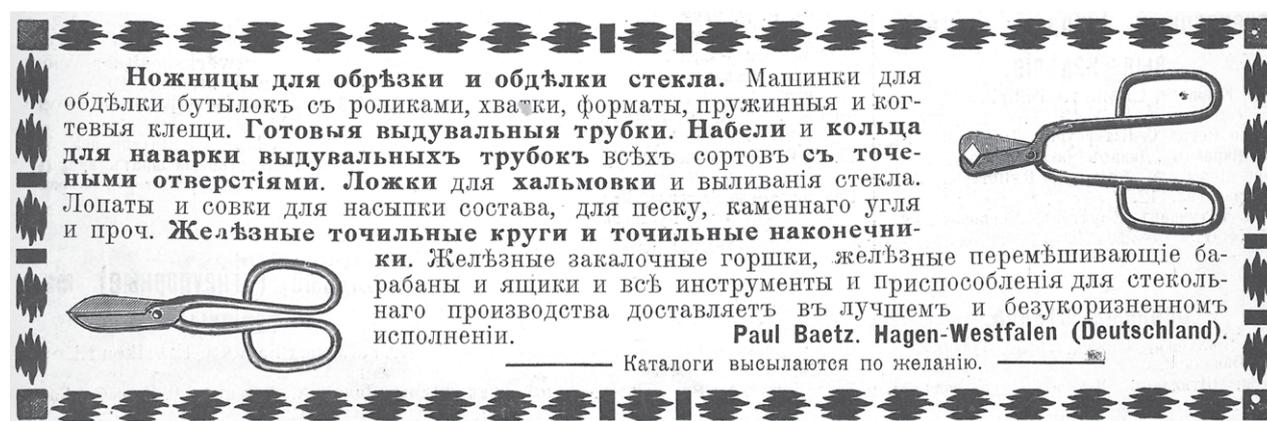

Рис. 9. Рекламное объявление с упоминанием горшков для отжига (по: Стеклозаводчик... 1910. С. 16)

иностранный литературы или опыта работы зарубежных заводов. Поэтому данный источник отнесен к группе косвенных.

В классическом труде Д. И. Менделеева «Стеклозаводчик», вышедшем из печати в 1864 г., также находим сведения о «калильных горшках», предназначенных для отжига «дутого стекла» (Менделеев, 1952. С. 253) и мелких вещей (Менделеев, 1952. С. 263). Эти горшки имели цилиндрическую форму и делались преимущественно из глины, реже из жести. Применялись сосуды следующим образом. Горшки накалялись во вспомогательной печи и ставились рядом с плавильной печью. Выдутые изделия прямо с трубки помещались в них. Когда сосуды наполнялись, их накрывали жестяными или глиняными крышками (Менделеев, 1952. С. 253–254). Таким образом, здесь приведен вариант процесса без фазы отжига изделий внутри печи, заключающийся в предварительном нагревании горшков и накрывании их крышками после помещения внутрь изделий.

В книге описаны три типа отжигательных печей. Первый – пристроенная к плавильной и обогреваемая теплом от нее, но иногда имеющая собственную топку печь. Второй – отдельно стоящая печь с собственной топкой. Упомянута и рельсовая печь. С какой из печей использовались горшки, не уточняется (Менделеев, 1952. С. 254–255).

Описание сосудов для отжига происходит из второй, практической части «Стеклозаводчика», которая является переводом книги по технологии стекла немецкого автора В. Штайна с замечаниями, касающимися состояния стеклоделия в России (Менделеев, 1952. С. 10). Фрагмент о «калильных горшках» у Д. И. Менделеева дословно повторяет текст В. Штайна (Stein, 1862.

С. 131) и поэтому также не может служить доказательством использования таких горшков в России.

Следующие сведения относятся уже к началу XX в. На страницах журнала «Стеклозаводчик» за 1910 г. можно встретить рекламное объявление немецкой компании *Paul Baetz*, в котором наряду с другими инструментами для стеклоделия российским заводчикам предлагались «железные закалочные горшки» (рис. 9; Стеклозаводчик... 1910. С. 16). Но, так как подтверждения спроса на данное предложение в России отсутствуют, оставляем этот источник среди косвенных.

В 1911 г. в том же «Стеклозаводчике» опубликован перевод с немецкого языка статьи под названием «О закальных печах» авторства Г. Конблайха, сведений о котором найти не удалось. Здесь помимо характеристики отжигательных печей, представляющих собой отдельные, не связанные с плавильными печами сооружения, описывалось использование неких бочек. Утверждалось, что при отжиге изделий без бочек для «вынимания их (изделий. – В. А.) надо каждый раз печь охлаждать», т. е. требовалось снижать температуру самой печи. Но если вещи помещать в бочки, в таком случае печь можно топить непрерывно. После извлечения из печи бочки с находящимися в них изделиями следовало ставить в защищенном от ветра месте для предохранения от слишком быстрого остывания. Также сказано, что эти бочки годились для отжига только небольших тонких предметов (Конблайх, 1911. С. 4). Описанный способ работы с бочками точно соответствует типу отжига 2D по Д. Фрау. Совпадает с наблюдениями Д. Фрая и их предназначение для мелких вещей. Нехарактерным для работы с горшками является описанное в статье устройство печей. Но возможность непрерывной

топки печи, достигаемая благодаря бочкам, аналогична функции горшков для отжига, позволяющей экономить дрова.

Как видим, сведения данной группы источников находят много общего с европейскими материалами. Они содержат описания глиняных либо железных сосудов, накрываемых крышками и перемещаемых с помощью железных вилок. В этих горшках могли отжигать бесцветное, рубиновое и расписное стекло, цилиндры листового стекла и всякие мелкие предметы. В большинстве случаев описанный процесс работы с горшками соответствует типу 2D по Д. Фраю. Сосуды для отжига в источниках именуется просто горшками, круглыми горшками, калильными или закалочными горшками, а также бочками. Кратко все сообщения представлены в таблице 1.

Для приведенных свидетельств нет подтверждения их применения в России, и поэтому они не могут являться доказательством бытования здесь горшков для отжига. Но они позволяют констатировать, что о существовании таких сосудов знали отечественные специалисты и читатели специализированной литературы. Более того, у российских заводчиков имелась возможность приобретения данных предметов из-за границы.

Прямые источники

Самое раннее достоверное свидетельство бытования горшков для отжига в России – упомянутая ранее «Записка, содержащая унтер шихтмейстером Ползуновым» (Савельев, 1958. С. 50–55). Автором документа являлся знаменитый изобретатель, создатель паросиловой установки И. И. Ползунов. В 1755 г. его направили на Барнаульский завод для наблюдения за опытной варкой с целью выяснения причины появления пороков в стекле (Савельев, 1958. С. 10).

Из «Записки» следует, что отжиг изделий осуществлялся здесь в двух различных по своему устройству печах. Для крупной посуды предназначалась отдельно стоящая «большая каленица» (Савельев, 1958. С. 54), мелкие вещи отжигались в другой печи (она названа просто «каленица»), пристроенной сбоку к плавильной и обогревавшейся жаром от последней. В эту печь «нарочно положены были глиняные горшки на бок», в которые вкладывались изделия. Отжиг продолжался до пяти часов. По прошествии этого времени глиняные горшки вместе с посудой внутри вынима-

лись на «вольный воздух». Устья сосудов закрывались железными листами, «дабы не вдруг остыло». И только после полного остывания стеклянные изделия извлекались из горшков (Савельев, 1958. С. 54). Как видим, процесс работы с горшками здесь был аналогичен работе на европейских заводах, обозначенный Д. Фраем как тип 2D.

В горшках отжигалась посуда «как простая, так и хрустальная» (Савельев, 1958. С. 54). При этом, как показывают приведенные автором рецепты шихт⁵, под хрусталем имелось в виду свинцовое стекло (Савельев, 1958. С. 53), а «простая материя» готовилась на основе поташа и других составляющих, характерных для бесцветного стекла (Савельев, 1958. С. 52). Состав для варки дешевого зеленого стекла в документе называется «зольной материей» (Савельев, 1958. С. 52).

Для отжига листового стекла на Барнаульском заводе имелись «холодные» горшки, которые «поставлены были при печке, на вольном воздухе». Стекло в виде «тафлей» (выдутых цилиндров. – В. А.) помещалось в них сразу после изготовления, без предварительной фазы отжига в печи (Савельев, 1958. С. 54). К сожалению, не указано, были ли горшки для листового стекла также сделаны из глины. Неясным остался и вопрос о том, из какой именно «материи» изготовлены цилиндры, требовавшие охлаждения в горшках.

Следующее свидетельство об использовании сосудов относится к 1826 г. В нем описывался завод, скрытый под сокращением «Русская фабрика Г. О.». По утверждению автора сообщения, не раскрывающего своего имени, данное предприятие являлось одним из «значительнейших» частных заводов России (*Отставной инженер*, 1826а. С. 111). Возможно, здесь описан Милятинский завод в Калужской губернии, принадлежавший генерал-майору М. Ф. Орлову (Список... 1833. С. 233), чье имя могло скрываться под «Г. О.». Достоинства хрустальных изделий данного завода были отмечены на Первой выставке российских мануфактурных изделий 1829 г. (Описание... 1829. С. 216).

Для отжига изделий из бесцветного стекла на «фабрике Г. О.» существовало два типа печей. Первый, представляющий собой отдельно стоящую печь, предназначался только для крупных вещей. Мелкие изделия отжигались в «ошеве, или большой печи, приделанной к плавильной печи, из коей она и нагревается», при этом вещи помещались в «глиняные горшки, которые после всякой

⁵ Шихта – смесь сухих измельченных материалов, взятых в необходимом для варки стекла соотношении (*Ланцетти, Нестеренко*, 1987. С. 21).

Таблица 1. Письменные источники об отжиге стекла с использованием специальных сосудов в России XVIII–XIX вв.

Косвенные источники						
Дата, год	Источник	Фаза поддержания тепла	Фаза охлаждения	Тип по Д. Фраю	Тип печи	Вид изделий
1803	«Наставление» И.Я. Голтвинского	В сосудах внутри отжигательной печи	?	?	Плавильная печь с прикрепленной сбоку отжигательной печью	Изделия из бесцветного стекла
		В сосудах внутри отжигательной печи	В сосудах вне отжигательной печи	2D	Плавильная печь с прикрепленной сбоку отжигательной печью	Золотой рубин
		В сосудах внутри отжигательной печи	В сосудах вне отжигательной печи	2D	Плавильная печь с прикрепленной сбоку отжигательной печью	Золоченая и серебряная посуда
		В сосудах внутри отжигательной печи	В сосудах вне отжигательной печи	2D	Плавильная печь с прикрепленной сбоку отжигательной печью	Цилиндры из листового бесцветного стекла
1864	«Стекольное производство» Д.И. Менделеева	В сосудах вне отжигательной печи	В сосудах вне отжигательной печи	-	?	Мелкие изделия
1910	Реклама компании «Paul Baetz»	?	?	?	?	?
1911	Статья Г. Конблейха	В сосудах внутри отжигательной печи	В сосудах вне отжигательной печи	2D	Отдельно стоящая отжигательная печь	Мелкие изделия
Прямые источники						
Дата, год	Источник	Фаза поддержания тепла	Фаза охлаждения	Тип по Д. Фраю	Тип печи	Вид изделий
1755	«Записка» И.И. Ползунова	В сосудах внутри отжигательной печи	В сосудах вне отжигательной печи	2D	Плавильная печь с прикрепленной сбоку отжигательной печью	Мелкие изделия из бесцветного стекла
1826	Статья «отставного инженера»	В сосудах внутри отжигательной печи	В сосудах вне отжигательной печи	2D	Плавильная печь с прикрепленной сбоку отжигательной печью	Мелкие изделия из бесцветного стекла
1857	«Руководство» В.В. Писарева	В сосудах внутри отжигательной печи	В сосудах вне отжигательной печи, затем без сосудов	2D	Плавильная печь с прикрепленной сбоку отжигательной печью	Цилиндры из листового бесцветного стекла
Не ранее 1868	Произведения Е.Е. Нечаева	В сосудах внутри отжигательной печи	?	?	Плавильная печь с прикрепленной сбоку отжигательной печью (?)	Мелкие изделия из бесцветного стекла
Ранее 1885	«Заметки» А.К. Крупского	?	?	?	?	Мелкие изделия из бесцветного стекла

смены выносятся мастерами в особый чулан, где и остывают постепенно вместе с хрустальными вещами» (*Отставной инженер*, 1826бб. С. 9–10). Изделия из обычного зеленого стекла отжигались без применения горшков в особых печах, «в коих и остывали» (*Отставной инженер*, 1826бб. С. 16).

Автор отмечает удобство применения сосудов для разделения партий изделий разных мастеров. Каждый мастер имел отдельный горшок, при заполнении которого брал новый. Благодаря этому при «выборке остывшей посуды нет никакого замешательства» (*Отставной инженер*, 1826бб. С. 11).

Делались горшки из гжельской глины, по замечанию автора, тратившейся довольно много, так как горшки «не долго держатся» (*Отставной инженер*, 1826б. С. 10). Таким образом, на данном заводе также использовался отжиг по типу 2D, при этом именно для мелких хрустальных изделий. Для этого применялась печь, обогреваемая жаром плавильной печи. Важной также является информация об использовании для производства горшков из гжельской, то есть нежелезненной глины, что соответствует кондряевским находкам.

Описание неких «футляров», служивших «для охлаждения халяв» и специальных вилок «для отнота футляров», находим в книге инженера-технолога В. В. Писарева, посвященной производству «богемского» (бесцветного листового) стекла в России (*Писарев*, 1857. С. 110). Эти «футляры» представляли собой цилиндры «с одним только дном», изготовленные из листового железа. Их диаметр составлял от 4 до 12 вершков (от 17 до 53 см). Длина – от одного до полутора аршин (от 71 до 107 см). Вилка, также сделанная из железа, имела две «ноги» и деревянную ручку (*Писарев*, 1857. С. 111–112). Процесс отжига заключался в следующем. Выдутый стеклянный цилиндр («вальц» или «халява») на несколько минут помещался в лежащий в печи футляр. Затем последний вместе с «халявой» доставался при помощи вышеописанной вилки и ставился на «стол». На место вынутого в печь вставлялся новый пустой футляр. После того как стеклянный цилиндр остывал настолько, что его можно было брать руками, его вынимали из футляра и помещали на тот же «стол». В таком виде цилиндр остывал окончательно (*Писарев*, 1857. С. 119). Данный способ работы аналогичен описанию в «Наставлении» И. Я. Голтвинского отжига листового стекла в «круглых» горшках: и там и там цилиндры вкладывались в лежащие в печи горшки на очень короткое время, затем остывали вне печи. Хотя «футляры» у В. В. Писарева несколько большей длины, процесс отжига полностью совпадает.

На заводах «богемского» стекла печи для отжига цилиндров, «офены», не имели собственных топков (*Писарев*, 1857. С. 45), а располагались с двух сторон от плавильной печи, получая жар от последней (*Писарев*, 1857. С. 118).

С горшками для отжига имел непосредственное дело Е. Е. Нечаев – рабочий-стекольщик, вместе с тем поэт и писатель, в произведениях которого описываются тяготы труда рабочих стекольных заводов. Автор родился в семье мастера-стеклодува в с. Харитоново Корчевского уезда Тверской губер-

нии (*Пономарев*, 1941. С. 77) и сам начал работать на стекольном заводе в 1868 г. в возрасте девяти лет (*Нечаев*, 1928а. С. 300). Этот момент своей жизни Е. Е. Нечаев описал в кратком мемуарном очерке под заголовком «Как я начал свою карьеру». В нем находим упоминание описываемых сосудов при перечислении обязанностей «гутовского хлопца». Последний «должен прийти на работу за час раньше, натаскать к ошовику сухих дров, – непременно сухих, в любой дождь! Растопить ошовик. Собрать закальные горшки с самыми разнообразными пометками – и не перепутать!» (*Нечаев*, 1928а. С. 299).

Упоминание горшков есть также в повести автора «Мученики гуты». В ней находим упоминание о том, что хлопек должен «вставлять закальные горшки и смотреть за ошивком» (*Нечаев*, 1928б. С. 159). Очевидно, под вставкой здесь имеется в виду помещение горшков внутрь отжигательной печи. Дальнейшие действия с горшками и материал, из которого они были сделаны, остались нераскрытыми. Но можно предположить, что по аналогии с работой на вышеописанных Барнаульском заводе и заводе «Г. О.» изделия в горшках после нахождения в печи проходили второй этап отжига вне ее. Что снова может свидетельствовать о соответствии европейской традиции отжига типа 2D по Д. Фраю.

Е. Е. Нечаев упоминает два типа отжигательных печей: «большие опечки для закалки крупной посуды» и «маленькие закальные ошовики» (*Нечаев*, 1928а. С. 298). Эти «ошовики», очевидно предназначенные для отжига мелких вещей, имели собственные отопительные камеры, что следует из необходимости растапливать их. Были ли при этом данные печи связаны с плавильными печами, остается неясным.

В воспоминаниях Е. Е. Нечаева рабочие завода именуется «хрустальными» (*Нечаев*, 1928а. С. 298), так автор характеризует производство бесцветного стекла. На данный момент не удалось точно установить, на каком заводе поэт начал трудовой путь. Но наиболее вероятным кажется, что произошло это в с. Чириково Корчевского уезда (сейчас пос. 1-е Мая Конаковского муниципального округа Тверской обл.). Есть данные, что Е. Е. Нечаев работал здесь долгое время, но без уточнения, в какие именно годы (Земля... 1980. С. 12). Чириковский завод, действовавший с 1862 г. (*Орлов*, 1887. С. 319), возник вследствие переноса на новое место харитоновского завода (*Счетчиков*, 1997. С. 13), при котором жила семья Нечаевых в год рождения автора. Среди всех заводов, существующих в интересующее нас

время, в Корчевском уезде только Чириковский относился к хрустальным (*Покровский*, 1879. С. 188; *Орлов*, 1887. С. 319).

Отдельно стоит рассмотреть «пометки», упоминаемые Е.Е. Нечаевым. Кажется, это может пролить свет на предназначение фигур, прочерченных на донцах кондряевских горшков. Из очень краткого сообщения Е.Е. Нечаева можно понять, что, во-первых, существовало широкое разнообразие видов этих изображений, а во-вторых, они имели большое значение, так как при обращении с помеченными горшками ошибок допускать не позволялось (*Нечаев*, 1928а. С. 299). Если принять во внимание информацию «отставного инженера» о том, что каждый мастер складывал свои изделия в «особый» горшок (*Отставной инженер*, 1826б. С. 11), можно предположить, что с помощью таких «пометок» стеклодувы различали горшки с изготовленными ими партиями изделий. Это объясняет присутствие рисунков на донцах уже обожженных сосудов Кондряевского завода, наносившихся, вероятно, собственноручно мастерами на принадлежащие им горшки.

В 1885 г. химик-технолог А.К. Крупский в статье «Заметки о некоторых русских заводах» среди прочих описал Дятьковский завод – один из самых известных хрустальных заводов России. После характеристики существующих на заводе отжигательных печей автор замечает, что раньше для отжига посуды здесь использовались «калянки, т.е. горшки или глиняные переносные ящики, в которые складывается, для медленного остывания, посуда, выработанная у печи». Причина отказа от них заключалась в том, что они «обходятся дорого» (*Крупский*, 1885. С. 18). Можно предположить, что их дороговизна обуславливалась использованием ценной огнеупорной глины, о чем, как уже было отмечено ранее, более полувека назад писал «отставной инженер».

Как и на описанных выше хрустальных заводах, крупные и мелкие изделия на Дятьковском заводе отжигались в разных печах. «Крупнина» помещалась в отдельно стоящую печь, называемую опечком («опецком»). Для отжига мелкой посуды здесь использовались «круги» – печи с вращающимся круглым диском, представлявшие собой вариант рельсовой печи (*Крупский*, 1885. С. 17–18). Как выглядели печи для отжига на Дятьковском заводе в более раннее время, когда могли еще применяться «калянки», на данный момент выяснить не удалось.

Особенности бытования

Перечисленными выше пятью свидетельствами пока ограничивается число достоверных сообщений о применении при отжиге стекла специальных

сосудов на российских заводах. Данные из них суммированы в таблице 1. В трех свидетельствах процесс отжига происходил поэтапно сначала в глиняных горшках (или железных футлярах) внутри печи, затем в горшках (или футлярах) снаружи ее. В одном из источников осталась нераскрытой вторая фаза отжига, в еще одном случае вообще не сообщается о способе обращения с сосудами, но можно предполагать соответствие двух последних примеров первым трем. Описанный в них порядок отжига полностью совпадает с выделенным Д. Фраем по данным европейских источников типом 2D. Примечательно, что самое раннее свидетельство о применении данного типа в России (1755 г.) появилось всего на два года позже первого зафиксированного Д. Фраем в европейских источниках. Последнее датируется 1753–1754 гг. и касается завода Биофон в Швейцарии (*Frey*, 2015. S. 146).

Сосуды для отжига называются в источниках как просто горшки, закальные горшки, холодные горшки, калянки и футляры. Они представляли собой глиняные сосуды, предназначавшиеся для отжига мелких изделий из бесцветного стекла. Кроме того, существовали и железные емкости для отжига листового стекла. Видимо, они также применялись только лишь для бесцветного стекла. Это подтверждается описанием процесса отжига зеленого листового стекла, из которого следует, что никакие «футляры» при этом не использовались, стеклянные цилиндры укладывались просто на посыпанный золой под печи (*Писарев*, 1855. С. 135–136).

Кроме тесной связи горшков с производством качественного бесцветного стекла наблюдается их корреляция с печью для отжига, прикрепленной к плавильной печи. В трех из пяти разобранных примерах использования горшков в России про это прямо сказано в тексте, в четвертом случае это можно предполагать по именованию отжигательной печи «ошовиком». Только в одном источнике нет никакой информации о печи, используемой при работе с горшками.

Наличие прикрепленной сбоку отжигательной печи, по утверждению В.В. Чугунова, являлось характерной чертой русской стекловаренной печи еще в середине XIX в. Сравнение ее с рисунками немецких печей XVII в. наводило автора на мысль о том, «как не далеко ушло устройство наших печей: такая же печь, тот же единственный ошев при ней» (*Чугунов*, 1856. С. 84–85). В отношении же применения на российских заводах рельсовых печей ученый отмечал, что оно «составляет пока редкие исключения» (*Чугунов*, 1859. С. 168). По данным С.П. Петухова, относящимся к концу XIX в., заводчики уже

предпочитали отказываться от «ашефов», которыми ранее «снабжались все печи старого устройства» (Петухов, 1898. С. 67). На преобладание печей с пристроенными камерами для отжига в XVII – начале XIX в. указывал М. А. Безбородов (1952. С. 25). Подтверждает письменные сообщения открытие остатков подобной печи при исследованиях Ильинской гуты (1740-е годы – начало XIX в.) на территории Белоруссии, которая, по мнению автора раскопок, состояла из плавильного объема и камеры отжига (Курлович, 2022. С. 368).

Важно отметить, что «ошов» не всегда служил для отжига изделий. Тот же В. В. Чугунов писал, что на российских посудных заводах он использовался для «обжигания состава», которое заключалось в высыпании шихты на под «ошева» (Чугунов, 1856. С. 196–197), а для отжига изделий на данных заводах существовали отдельно располагавшиеся печки (Чугунов, 1856. С. 237). Данное «обжигание», называемое также «прожариванием сырого состава» или «фриттованием» (Петухов, 1898. С. 67), представляло собой особый процесс варки стекла, имеющий целью предварительное спекание⁶ шихты (Безбородов, 1969. С. 94).

Слова В. В. Чугунова подтверждает «отставной инженер»: «состав как для оконных стекол, так и для бутылок и прочей стеклянной посуды фриттуется и у нас в печах, приделанных к плавильным печам» (Отставной инженер, 1826б. С. 16). Вместе с тем этот же автор отмечает, что для хрустали оно является излишним, поэтому на хрустальных заводах, в частности Санкт-Петербургском, «фриттование» не производилось (Отставной инженер, 1826а. С. 134–135).

В разобранных выше источниках, описывающих изготовление бесцветного стекла на заводах, которые использовали в своей работе «калянки», предварительное спекание шихты также не упоминается. Следовательно, можно констатировать, что «обжигание» было характерно только для шихт, предназначавшихся для изготовления простой зеленой посуды. Для этого на заводах использовался «ошев», а для отжига стекол существовали отдельно стоящие печи. Бесцветные же стекла не требовали «фриттования», и для их отжига использовались как «ошев» (для мелких вещей в горшках), так и отдельно располагавшиеся печи (для крупных изделий, без горшков).

Аналогичную закономерность можно заметить в изготовлении листового стекла. Кроме приведен-

ного выше упоминания «фриттования» для состава «оконного» стекла «отставным инженером», этот процесс описан в работах В. В. Писарева. Предварительное спекание шихты в «аш-офенах» производилось только на заводах зеленого листового стекла (Писарев, 1855. С. 115–117), где для отжига стеклянных цилиндров использовалась отдельная печь (Писарев, 1855. С. 89–90). Но на заводах по производству «белого» стекла – среднего по качеству между зеленым и «богемским» (Писарев, 1857. С. 2), не существовало «аш-офенов», так как шихта предварительно не «обжигалась» (Писарев, 1857. С. 44), а отжиг проходил, как и в случае зеленого листового стекла, в отдельно стоящих печах (Писарев, 1857. С. 95). И только при изготовлении «богемского» листового стекла пристроенные к плавильному объему «офены» использовались для отжига стеклянных цилиндров в специальных «футлярах» (Писарев, 1857. С. 118), при этом «фриттование» в процессе стекловарения не применялось (Писарев, 1857. С. 97).

Материалы археологического изучения стекольных заводов

Попробуем теперь соотнести данные об исследованных в России стекольных заводах с вышеописанными особенностями использования горшков. Наиболее полно изученным в России является завод в Усть-Рудице под Санкт-Петербургом, исследованный В. В. Данилевским в 1949–1953 гг. Осколков горшков для отжига здесь не отмечено. Известно, что эта фабрика, построенная М. В. Ломоносовым, специализировалась на выпуске мозаичной смальты, изготавливала также стеклярус, бисер, бижутерию и отчасти посуду (Данилевский, 1964. С. 315–431). Сведений о производстве хрустали на данном заводе нет. Соответственно, и плавильная печь, остатки которой открыты при раскопках, не имела пристроенной отжигательной камеры (Данилевский, 1964. С. 241–255).

Первый в России Духанинский стекольный завод выпускал в основном оконное стекло, аптекарскую посуду и бутылки. Только с 1730-х годов на заводе началось производство «хрустальной чистой посуды». Но резчики стекла долго не задерживались на заводе, что, как считала Н. А. Ашарина, могло быть показателем непригодности изготавливаемого там хрустали для гравирования или небольших объемов его выпуска. Так, из произведенной в 1745 г. продукции общей стоимостью

⁶ Спекание шихты – первый этап варки стекла, в настоящее время называется силикатообразованием (Ланцетти, Нестеренко, 1987. С. 23).

920 рублей на «хрустальную посуду» приходилось всего 150 рублей (Ашарина, 1986. С. 4). Фрагменты стекла, найденные при раскопках завода под руководством П. Н. Миллера в 1927 г. (Миллер, 1928а. С. 7–8), имели зеленоватый и желтовато-зеленый цвет (Бакланова, 1928. С. 130). В документах обнаруженного недавно архива А. В. Филиппова есть упоминание и о «белом» стекле (Баранова, Беляев, 2023. С. 79), но химические анализы показали, что все стекло, включая осколки «белого», являлось обычным зольным (Баранова, Беляев, 2023. С. 81). Как и стоило ожидать, осколков «закальной» керамики здесь также не найдено.

В отличие от первых двух, в отношении Ямкинско-го завода, исследованного П. Н. Миллером в 1928 г. (Миллер, 1928б. С. 3–5), с первых лет его работы известно о производстве «хрустальной белой чистой посуды» (Ашарина, 1986. С. 9). А. В. Филиппов обращал внимание на присутствие в комплексе находок этого завода, в отличие от Духанинского, бесцветного стекла (Миллер, 1928б. С. 5). Н. А. Ашарина отмечала среди материалов раскопок помимо осколков оконного стекла и фрагментов изделий зеленого цвета наличие бесцветного стекла, включая вещи, украшенные шлифовкой и гравировкой (Ашарина, 1986. С. 9). И, видимо, не случайно как раз здесь обнаружены фрагменты «крупной глиняной посуды», не похожие на бытовые и отнесенные к технической керамике (Миллер, 1928б. С. 5).

На Кондряевском заводе уже в 1760-х годах изготавливалась хрустальная посуда, для шлифования которой построили мельницу (Ашарина, 1986. С. 11). Производство хрусталя продолжалось здесь как минимум до 1780-х годов (Топографическое... 1906. С. 89). С данным заводом связывается происхождение нескольких кубков и стопы, украшенных гравировкой (Долгих, 2002. С. 72–77). При раскопках 2022 г. фиксировались фрагменты бесцветной стекломассы, а также осколки изделий из бесцветного стекла. Найден также целый миниатюрный сосудик из бесцветного стекла (Артюхович, Батанина, 2024. С. 367. Рис. 10, 2). Обнаружение керамики для отжига здесь теперь представляется закономерным.

Затруднительно на данный момент объяснить отсутствие находок горшков на Ильинской «гуте» в Белоруссии. О производстве бесцветного стекла здесь свидетельствует упоминание рисовальщика и шлифовщика (Курлович, 2022. С. 368), с чем

хорошо согласуется двухчастная печь, открытая при раскопках. Среди производственных отходов и фрагментов изделий зафиксированы экземпляры из бесцветного стекла, включая единичные осколки с гравировкой. Помимо этого обнаружены целые стаканы из бесцветного стекла, в том числе один декорированный гравировкой (Курлович, 2022. С. 371). Последние находки как раз являются характерными некрупными вещами, которые при отжиге помещали в горшки. Возможно, производство бесцветного стекла в Илье продолжалось не очень долгое время. На это указывает то, что вскоре после времени упоминания рисовальщика и шлифовщика завод был перенесен в другое место (Курлович, 2022. С. 368). Кратковременность применения горшков не способствовала накоплению значительного количества осколков, а целые горшки были унесены мастерами на новый завод. Не исключено, что при целенаправленном анализе коллекции керамической посуды завода удастся определить фрагменты подобных технических сосудов.

Как видим, связь «калильных» горшков с высококачественным бесцветным стеклом почти во всех случаях подтверждается археологически. Бытование керамических сосудов только на тех заводах, где изготавливали бесцветное стекло, может объяснять их отсутствие на некоторых археологически исследованных заводах. Данных примеров пока еще слишком мало, чтобы можно было утверждать это безоговорочно, но тенденция все же прослеживается. Будущие археологические исследования стекольных заводов позволят подкрепить или опровергнуть эти выводы.

Таким образом, письменные источники убедительно свидетельствуют об использовании в стекольном производстве Нового времени на территории России специальных горшков для отжига изделий. Способ их применения находит аналогии в Западной Европе, где эта технология известна с эпохи позднего Средневековья. С учетом особенностей бытования горшков, известных по письменным источникам и отчасти подтверждаемым археологически, атрибуция сосудов с Кондряевского завода в качестве горшков для отжига представляется наиболее обоснованной.

Статья подготовлена в рамках Госзадания ИА РАН «Сохранение археологического наследия: методические аспекты и материалы полевых исследований» (№ НИОКТР 122011200265-6).

Источники и литература

Артюхович В. В., Батанина М. С., 2024. Предварительные результаты исследования Кондряевского стекольного завода // АП. Вып. 20. М.: ИА РАН. С. 354–370.

Археология парка Царицыно: По материалам исследований экспедиции Института археологии РАН 2002–2008. М.: ИА РАН, 2008. 364 с.

Археология Романова двора: Предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках. М.: ИА РАН, 2009. (МОАИ. Т. 12). 524 с.

Ашарина Н. А., 1986. Русские заводы художественного стекла XVII–XVIII вв. // Из истории русской керамики и стекла XVII–XIX вв. М.: Внешторгиздат. (Тр. ГИМ. Вып. 62). С. 3–16.

Бакланова Н. А., 1928. Стекланные заводы в Московском государстве XVII века // Очерки по истории торговли и промышленности в России в 17 и в начале 18 столетия. М.: Тип. Нижполиграф. (Тр. ГИМ. Вып. 4). С. 119–141.

Баранова С. И., Беляев Л. А., 2023. Начало стеклоделания в России XVII века: новые источники // Исторические записки. № 22 (140). С. 70–100.

Безбородов М. А., 1952. Очерки по истории русского стеклоделия. М.: Гос. изд. литературы по строительным материалам. 168 с.

Безбородов М. А., 1969. Химия и технология древних и средневековых стекол. Минск: Наука и техника. 276 с.

Голтвинский И., 1803. Наставления, основанные на опытах и долговременных наблюдениях, делать лучшим и выгоднейшим образом всякого рода стекло и хрусталь, так же поташ. М.: Университетская тип. 180 с.

Данилевский В. В., 1964. Ломоносов и художественное стекло. М. – Л.: Наука. 442 с.

Долгих Е., 2002. Стекло Фомы Мальцова // Антиквариат: Предметы искусства и коллекционирования. № 3. Сентябрь – октябрь. С. 72–77.

Земля Конаковская: В помощь туристу и любителю Верхневолжского края. Конаково: Конаковская тип., 1980. 14 с.

Конблайх Г., 1911. О закальных печах // Стеклозаводчик: Орган съездов стеклозаводчиков. № 79. М.: Тип. Моск. тов-ва Н. Л. Казецкого. С. 1–4.

Крупский А. К., 1885. Заметки о некоторых русских заводах // Вестник промышленности: Ежемесячный иллюстрированный технический журнал заводско-фабричной промышленности, кустарного промысла и ремесла. Май. М.: Тип. А. А. Карцева. С. 1–26.

Курлович П. С., 2022. Находки производственного характера из раскопок стекольной мануфак-

туры середины XVIII – начала XIX века в местечке Илья // Поиск длиною в жизнь: К 90-летию Юлии Леонидовны Шаповой. М.: ИНФРА-М. (Тр. исторического фак-та МГУ. Вып. 214. Сер. II: Исторические исследования. 145). С. 367–375.

Ланцетти А. Г., Нестеренко М. Л., 1987. Изготовление художественного стекла. М.: Высшая школа. 303 с.

Менделеев Д. И., 1952. Стекланное производство // Сочинения. Т. XVII. Л. – М.: Изд. АН СССР. С. 47–402.

Миллер П., 1928а. Первый в России стекольный завод XVII века // Московский краевед. Вып. 4. М.: Общ-во изучения Моск. губ. С. 7–8.

Миллер П., 1928б. Черноголовский стекольный завод XVII века // Московский краевед. Вып. 6. М.: Общ-во изучения Моск. губ. С. 3–5.

Нечаев Е. Е., 1928а. Как я начал свою карьеру (Из черновых рукописей) // Гута: Полное собрание сочинений в одном томе. М. – Л.: Земля и фабрика. С. 298–300.

Нечаев Е. Е., 1928б. Мученики гуты // Гута: Полное собрание сочинений в одном томе. М. – Л.: Земля и фабрика. С. 121–217.

Описание Первой публичной выставки российских мануфактурных изделий, бывшей в С. Петербурге 1829 года. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1829. 323 с.

Орлов П. А., 1887. Указатель фабрик и заводов Европейской России и Царства Польского: Материалы для фабрично-заводской статистики. СПб.: Тип. Р. Голике. 824 с.

Отставной инженер, 1826а. О стеклянном производстве на некоторых российских заводах // Журнал мануфактур и торговли. № 1. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления государственных бумаг. С. 106–138.

Отставной инженер, 1826б. О стеклянном производстве на некоторых российских заводах // Журнал мануфактур и торговли. № 2. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления государственных бумаг. С. 3–17.

Петухов С. П., 1898. Стеклоделие: Руководство для производств. СПб.: Типо-лит. Шредера. 316 с.

Писарев В. В., 1855. Производство листового зеленого стекла в России // Журнал мануфактур и торговли. Часть 1. № 1–2. СПб.: Тип. Департамента внешней торговли. С. 17–164.

Писарев В. В., 1857. Руководство к производству листового белого, богемского, ординарного, цесарского, лагерного и других стекол, приготовляемых на бемских заводах. СПб.: Тип. Департамента внешней торговли. 144 с.

- Покровский В., 1879. Историко-статистическое описание Тверской губернии. Т. 1. Исторический очерк губернии, ее территория и народонаселение. Тверь: Типо-лит. Ф. С. Муравьева. 781 с.
- Пономарев П., 1941. Страницы к биографии Г. Е. Нечаева // Писатели в Тверской губернии. Калинин: Калининское областное книгоизд. С. 77–81.
- Савельев Н., 1958. Алтайские мастера хрустального дела: Очерк истории Барнаульского стекольного завода. Барнаул: Алтайское книжное изд. 56 с.
- Снегирев И. М., 1838. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России, служащий дополнением к словарю писателей духовного чина, составленному митрополитом Евгением. Т. 1. М.: Унив. тип. 367 с.
- Список фабрикантам и заводчикам Российской империи 1832 года. Ч. 1. СПб.: Тип. Департамента внешней торговли, 1833. 294 с.
- Стеклозаводчик: Орган съездов стеклозаводчиков. № 47. М.: Тип. Моск. тов-ва Н. Л. Казецкого, 1910. 16 с.
- Счетчиков К. И., 1997. Корчевская старина. Вып. 3. М. 56 с.
- Топографическое описание Владимирской губернии, составленное в 1784 году. Владимир: Типолитограф. губ. правления, 1906. (Тр. Владимирской ученой архивной комиссии. Кн. VII). 128 с.
- Чугунов А., 1856. Исследование стекловаренного производства и современного состояния его в России. Казань: Тип. Губ. правления. 249 с.
- Чугунов А. К., 1859. Отчет по обозрению фабрик и заводов Самарской, Московской и Санкт-Петербургской губернии, произведенному в летние месяцы в 1858 году // Ученые записки, издаваемые Императорским Казанским университетом. Кн. IV. Казань: Унив. тип. С. 158–198.
- Černá E., 2016. Středověké sklárny v severozápadních Čechách: Přínos archeologie k dějinám českého sklárství. Most: Ústav archeologické památkové péče SZ Čech. 227 s.
- Frey J., 2011. Die Kühlkeramik der Glashütte Court, Pâturage de l'Envers (1699–1714) // Keramik und Technik. Wien: Österreichische Gesellschaft für Mittelalterarchäologie. (Beiträge zur Mittelalterarchäologie in Österreich. Band 27). S. 205–215.
- Frey J., 2015. Die Kühl- und Haushaltskeramik. Bern: Archäologischer Dienst des Kantons Bern. (Court, Pâturage de l'Envers: Une verrerie forestière jurassienne du début du 18e siècle. Band 3). 504 s.
- Frey J., 2017. Der Kühlprozess der Glashütte von Court, Pâturage de l'Envers (1699–1714) im Berner Jura (Schweiz) // Annales du 20e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre. Romont: Verlag Marie Leidorf. S. 567–574.
- Gelnar M., 2005. Technická sklářská keramika – chladicí hrnce // Archeologia technica 16: Zkoumání výrobních objektů a technologií archeologickými metodami. Brno: Technické muzeum. S. 65–71.
- Gelnar M., 2012. Typologie relikvů sklářských hutí a průvodních hmotných pramenů určujících správnost jejich interpretace // Archeologia technica 23: Zkoumání výrobních objektů a technologií archeologickými metodami. Brno: Technické muzeum. S. 51–70.
- Gerber C., Gerber Y., Stern W., Kaiser L., Eramo G., 2012. Court, Pâturage de l'Envers: Une verrerie forestière jurassienne du début du 18e siècle. Vol. 2: Des matières premières aux productions. Approches historiques, techniques et archéométriques. Berne: Service archéologique du canton de Berne. 301 p.
- Haur J., 1679. Ziemiańska generalna oekonomika. Cracoviae: Typis Vniversitatis. 233 s.
- Lichota L., Michalski M., 1997. Technological aspects of Polish colored glass tableware manufacturing in the second half of the 18th century // Journal of glass studies. Vol. 39. Corning: Corning museum of glass. P. 83–91.
- Mucha M., 1987. Badania archeologiczne jako metoda rozpoznania nowożytnego hutnictwa szkła w Wielkopolsce // Acta Universitatis Nicolai Copernici. Nauki Humanistyczno-Spoleczne. Zeszyt 177: Archeologia XII. Archeologia szkła 2. Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika. S. 97–110.
- Mucha M., 2004. Hutnictwo szkła we wschodniej Wielkopolsce od XVII do początku XIX wieku // Folia Praehistorica Posnaniensia. T. XII. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza. S. 317–322.
- Stein W., 1862. Die Glasfabrication. Braunfchweig: Friedrich Vieweg und Sohn. 230 s.
- Tarcsay K., 2009. Frühneuzeitliche Glasproduktion in der Herrschaft Reichenau am Freiwald. Horn: Verlag Ferdinand Berger & Söhne. (Niederösterreich. Fundberichte aus Österreich, Materialhefte. Reihe A. Band 19). 312 s.
- Torzewski J., 1785. Rozmowa o sztukach robienia szkła, palenia potaszow i topienia zelaza: stosująca się do materyałow, lasow, rud i zwyczaioiw krajowych i ich dobrego zarządzenia. Cz. 1. Berdyczów: Forteca N. M. P. za przywilejem J. K. M. 326 s.
- Versuch einer ausführlichen Anleitung zur Glasmacherkunst. Frankfurt: Andreäischen Buchhandlung, 1802. 274 s.
- Wyrobisz A., 1968. Szkło w Polsce od XIV do XVIII wieku. Wrocław – Warszawa – Kraków: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk. 223 s.

V. V. Artyukhovich

**Ceramic vessels from Kondryaev and “kalyanki” of Russian glass factories
of the 18th – 19th centuries: archeology and written sources**

Summary

The article is devoted to ceramic vessels of unknown purpose found during research at the Kondryaevsky glass factory in 2022. Based on known anal-

ogies in Western Europe and an analysis of domestic written sources, their purpose and method of use are suggested.

Список сокращений

АВСЗ	– Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара
АИППЗ	– Археология и история Пскова и Псковской земли
АКР	– Археологическая карта России
АН СССР	– Академия наук СССР
АО	– Археологические открытия
АФЗиХ	– Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков
АЭМК	– Археология и этнография Марийского края
БЛДР	– Библиотека литературы Древней Руси
БРЭ	– Большая Российская энциклопедия
ВАН СССР	– Вестник Академии наук СССР
ВООПИК	– Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ВСМЗ	– Владимиро-Суздальский музей-заповедник
ГВИПМЗ	– Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник
ГИАХМЗ	– Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
ГИМ	– Государственный исторический музей
ГК	– Государственный музейный каталог
ГМЗ	– Государственный музей-заповедник
ДДГ	– Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей
ИА РАН	– Институт археологии РАН
ИВИ РАН	– Институт всеобщей истории РАН
ИИ АН РТ	– Институт истории Академии наук Республики Татарстан
ИИ СССР АН СССР	– Институт истории АН СССР
ИИМК	– Институт истории материальной культуры РАН
КВФ	– Книга вспомогательного фонда
КГПИ	– Коломенский государственный педагогический институт
КОМЗ	– Калужский объединенный музей-заповедник
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ	– Краткие сообщения Института этнографии
ЛЗАК	– Летопись занятий Археографической комиссии
ЛОИА АН СССР	– Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
ЛОИИ АН СССР	– Ленинградское отделение Института истории АН СССР
МАПР	– Материалы по археологии Переяславля Рязанского
МарНИИЯЛИ	– Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева
МГДПиО	– Московский городской дом пионеров и октябрят
МГДПиШ	– Московский городской дом пионеров и школьников
МГОМЗ	– Московский государственный объединенный музей-заповедник
МГУ	– Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
МИГМ	– Музей истории города Москвы
МИРМ	– Музей истории и реконструкции Москвы
МК	– Московская керамика: новые данные по хронологии
ММ	– Музей Москвы
МОАИ	– Материалы охранных археологических исследований
МОИП	– Московское общество испытателей природы
МСАИ	– Материалы спасательных археологических исследований
НАЭ	– Новгородская археологическая экспедиция

НИИ ХП	– НИИ художественной промышленности
ННЗ	– Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции
ОР РГБ	– Отдел рукописей РГБ
ПСТГУ	– Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
ПЭ	– Православная энциклопедия
РА	– Российская археология
РАН	– Российская академия наук
РГБ	– Российская государственная библиотека
РГИА	– Российский государственный исторический архив
РГО	– Русское географическое общество
РГПУ	– Российский государственный педагогический университет
РИАМЗ	– Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник
РО НА ИИМК РАН	– Рукописный отдел ИИМК РАН
СА	– Советская археология
САИ	– Свод археологических источников
СамГПУ	– Самарский государственный педагогический университет
СГЭ	– Сообщения Государственного Эрмитажа
СлРЯ	– Словарь русского языка
ТАС	– Тверской археологический сборник
ТГОМ	– Тверской государственный объединенный музей
ТТЗ	– Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья
УдмГУ	– Удмуртский государственный университет
ФОН МГУ	– Факультет общественных наук МГУ имени М. В. Ломоносова
ЦАИ	– Центр археологических исследований
ЦГА	– Центральный государственный архив
ЯСК	– Языки славянских культур
CIR	– Corpus Inscriptionum Rossicarum
NARA	– National Archives and Records Administration

Научное издание

Археология Подмосковья. Выпуск 21

Материалы научного семинара

Перевод: А. Н. Берлизов и авторы статей
Корректор: Е. В. Буйда
Верстка: В. Б. Степанов
Художник: А. В. Голикова

Подписано в печать 17.02.2025
Формат 60×84/8. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 50,2. Уч.-изд. л. 53,9.
Тираж 300 экз. Заказ № 13.

Институт археологии РАН
117292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Аквариус»
300062, г. Тула, ул. Октябрьская, 81а.
Тел.: (4872) 49-76-96
E-mail: grif-tula@mail.ru, <http://www.grif-tula.ru>

ISBN 978-5-94375-456-2

9 785943 754562